

Варвара Корсарова

Ассистентка антиквара и

город механических диговин

Annotation

Аннет не по душе работа в скучной антикварной фирме, и последней каплей стал конфликт с новым боссом по прозвищу "Людоед". Она решает уволиться и пойти навстречу своей мечте — стать актрисой! Однако босс требует выполнить последнее задание: отправиться с ним в необычный городок, чтобы провести экспертизу старинного автоматона. Аннет предполагала, что поездка с неприятным спутником окажется серьезным испытанием, но даже не думала, что ее ждут приключения, загадки и жутковатые изделия чокнутого гения. Самое сложное: не давать спуску своему саркастичному боссу, который проявляет к ней недвусмысленный интерес.

- [Барвара Корсарова](#)
 - [Глава 1 Раритеты Молинаро](#)
-

Варвара Корсарова

**Ассистентка антиквара и город
механических диговин**

Глава 1 Раритеты Молинаро

Обращение автора

Уважаемые читатели!

Большое спасибо, что открыли мою книгу.

Пояснение по тегу "клоппанк". Клоппанк — разновидность стимпанка. Антураж, где технологии основаны на действии сложных механизмов (например различных пружинных, часовых механизмов). Это эстетика "городка в табакерке", книг Гауфа, Гофмана, игры "Сибирь", фильма "Хранитель времени". В этой книге тоже будут механические куклы-автоматы, а также причудливые, забавные и жуткие механизмы.

"Ассистентка" будет легкомысленной и жизнерадостной книгой. Антураж: начало 20-го века, псевдо-Франция/Швейцария. Будет много приключений, детективная и любовная линии, сверхспособности.

Иллюстрации к книге в основном взяты из зарубежных журналов 1920-х годов. Некоторые рисунки авторские, те, где черно-белая графика.

Приятного чтения! Буду очень рада вашим комментариям!

С утра в конторе антикварного и аукционного дома «Раритеты Молинаро» на Лилак-страда кипел переполох. Пишущие машинки грохотали, как канонада. Стрекотал телеграф. Конторщики лихорадочно шелестели бумагами. Рассыльные вываливали на столы кипы каталогов, выбивая облака пыли. Помощница управляющего разнервничалась и в беседе с почтенным экспертом по бронзе позволила себе повысить голос. Эксперт разобиделся, ушел в архив и там затеял перебранку с реставратором.

Аннет сортировала письма и наблюдала за суматохой с веселым изумлением. В конторе она служила два года, и впервые на ее памяти в этом сонном болоте разразилось подобие жиденького урагана.

Для переполоха были все основания — ждали прибытия нового управляющего. Месяц назад прежний управляющий конторой, доктор исторических наук и королевский хронолог Антуан Вальвазор,

совершил странную выходку. Обычно осмотрительному, и даже трусоватому доктору захотелось приключений. Во время поездки по делам фирмы он взял проводника и отправился на прогулку в горы, где и сгинул во время обвала. Контора на Лилак-страда осиротела, и дела ее пошли еще хуже, чем обычно.

Владелец аукционного дома выразил соболезнования и спешно послал своего племянника, Максимилиана Молинаро, чтобы тот, наконец, навел порядок.

О племяннике ходили разные слухи, один другого причудливее.

Последние годы он пропадал за границей и славился тем, что заставлял самые убыточные отделения приносить прибыль. Методы использовал жесткие. Например, организовал частное сыскное агентство, которое помогло аукционному дому распутать немало мудреных махинаций.

В юности племянничек служил в армии, а затем мотался по южным континентам – сопровождал экспедиции археологов и скупал изделия и раритеты у полудиких племен. Поговаривали, не гнушался пускать в ход угрозы и оружие, когда дикари не соглашались на неравноценный обмен. Словом, полностью заслужил кличку Тигр-людоед, которой его наделили конкуренты в мире антикварной торговли.

Неудивительно, что назначение такой неординарной личности переполошило контору на Лилак-страда, привыкшую к спокойной жизни и снисходительному начальству.

Когда запыхавшийся посыльный доложил о прибытии босса, все ринулись к окнам. Внизу черный автомобиль последней марки рыкнул мотором и с грацией королевского линкора пришвартовался возле крыльца. Служащие кинулись на места: босс явился и начал обход владений.

Первым делом он посетил хранилище, затем проинспектировал типографию. Наконец, поднялся на второй этаж. Немногочисленные дамы разволновались, мужчины приняли вид важный и раболепный.

Аннет сдержнула пенсне, в котором, по ее мнению, она походила на учительницу начальных классов. Ванесса, помощница управляющего, стыдливо спрятала в ящик стола портрет прежнего босса в черной рамке: пора заканчивать время траура

Господин Молинаро на первый взгляд не казался страшным – Аннет даже испытала некоторое разочарование. Наследник династии

Молинаро походил на обычного дельца. Высокий и широкоплечий, в дорогом сером костюме, он стремительно зашел в кабинет и приветствовал подчиненных звучным баритоном.

Впрочем, когда он подошел ближе, все убедились, что внешность у нового босса была примечательная: острые скулы, длинное лицо, крупный, кривоватый нос, вероятно, сломанный в одной из стычек с воинственными аборигенами, не пожелавшими за просто так уступить дому Молинаро свои экзотические сокровища. Жесткие складки от крыльев носа к уголкам рта и немного выдающийся вперед подбородок придавали его лицу решительное, слегка насмешливое выражение. Волосы у господина Молинаро были густые, темно-каштановые, зачесанные назад, а баки рыжеватые.

Близорукая Аннет изнывала от любопытства и приглядывалась изо всех сил. Хотелось получше рассмотреть особу, про которую по конторе ходили пикантные слухи. Ей показались странными глаза господина Молинаро, и она никак не могла понять, в чем дело.

Господин Молинаро вежливо приветствовал служащих, затем встал у стола Аннет. Ее окутал аромат одеколона, в котором смешалась горечь смолы и свежесть гвоздики. Пока босс произносил короткую речь, Аннет сделала шагок в сторону, задрала голову, прищурилась, и увидела, что глаза у династического племянника были красивые, с удлинённым разрезом и густыми черными ресницами. Левый глаз – зеленый, правый — ореховый.

— Какой яркий мужчина! — вполголоса восхитилась Ванесса, когда босса проводили в его кабинет.

– Скорее, пестрый, – заметила удивленная Аннет, — разноцветные волосы и разноцветные глаза.

– Признак породы! — с придыханием произнесла Ванесса.

Аннет заинтересовалась.

— Как у котов? Любопытно, он глух на одно ухо? Слышала, такое бывает у котов с разными глазами.

– Он не похож на кота, – возмущенно отрезала Ванесса, и Аннет согласилась. Со своими широченными плечами, косо подрезанными баками, сломанным носом и обманчиво вкрадчивыми манерами Максимилиан Молинаро напоминал хищного зверя, но никак не домашнего.

-- Ты заметила, что у него на правой руке нет половины мизинца? –

свистящим шепотом поинтересовалась взволнованная машинистка Селена.

Эту деталь Аннет упустила. Ей азартно поведали три версии о том, при каких обстоятельствах Молинаро потерял фалангу.

По первой версии Молинаро заключил пари с султаном. Проигравший должен был положить голову на плаху – но заступничество любимой наложницы султана позволило боссу расстаться лишь с половиной мизинца. Вторая версия рассказывала о героическом подвиге сержанта Молинаро в битве при Варденне.

Аннет больше всего понравилась третья версия: мизинца он лишился в ловушке, установленной хитроумным фараоном три тысячи лет назад. Капкан захлопнулся, когда вор пытался забрать статуэтку богини. Потом добычу продали клиенту за бешеные деньги, что помогло авантюрному антиквару примириться с потерей.

Вскоре служащие убедились, что с господином Молинаро следует держать ухо востро. Он расположился в кабинете, смежным с тем, где сидела за пишущей машинкой Аннет, и вызывал к себе служащих по одному. Через полуприкрытую девушка видела, как проходили беседы, и слышала, как в звучном баритоне легко прорезывается рычание, когда босс был чем-то недоволен. Впрочем, он умело чередовал жесткость с мягкостью и нужных результатов от собеседника добивался в два счета. Дерзких усмирял, робких ободрял, усердных воодушевлял, хитрых выводил на чистую воду.

Понаблюдав, Аннет решила, что господин Молинаро свое прозвище оправдывает. Его разноцветные глаза не улыбались, даже когда он был сама любезность. Взгляд его всегда оставался холодным и цепким, как у лениво развалившегося на солнцепеке тигра, который ни на минуту не забывает, что рядом пасется стадо глупых антилоп.

Но надо признать: династический племянничек Аннет понравился. Интересный мужчина, с прошлым. Строг, но справедлив. Не из тех деспотов, что любят вымещать дурное настроение на подчиненных, топая ногами и швыряясь пресс-папье. И не зануда, как прежний управляющий. Глядишь, в отделении на Лилак-страда наступят новые времена.

Прежний управляющий отделением на Лилак-страда был унылый пожилой ипохондрик. Кроме собственной аллергии и борьбы с частыми простудами его не интересовало ничего. Доктор Вальвазор приходил в

ужас от фруктов и сладостей, кутался в теплые кардиганы даже в сильную жару, а в холода таскал в часовом кармане специальную коробочку с чесноком, словно собирался отпугивать вампиров. При нем дела в конторе шли из рук вон плохо: сделки не приносили прибыли, галереи пустовали, клиенты уходили к конкурентам.

Контора держалась на плаву лишь усилиями неугомонной помощницы управляющего. Поначалу Аннет не могла понять, почему владельцы фирмы терпят незадачливого доктора и не гонят его в шею.

– Что ты! – замахала сухонькими руками Ванесса, когда девушка обратилась к ней с этим вопросом. – Доктор Вальвазор – уникал. Один из сильнейших сенситивов королевства, сенсохронолог. И у него есть второй талант. Он – биогност!

Ванесса рассказала, что стоило управляющему взять артефакт в руки, он мог с точностью до минуты узнать, когда тот был сделан. Более того: он в мельчайших деталях видел его создателя и прежних владельцев. Например, когда доктор Вальвазор проводил экспертизу старинного морского хронометра, он сообщил, что за завтраком мастер полакомился дюжиной устриц, выпил стакан хереса и забыл помыть руки, когда ровно в полдень взялся за инструменты!

Сенситивный талант Вальвазора был так велик, что ему прощали равнодушие к бумажным делам и неумение общаться с клиентами.

Судя по всему, новый босс – особа совсем иного склада. Аннет не знала, что ожидать. С одной стороны, ее положение в конторе было шатким. С другой стороны, Аннет испытала воодушевление: может, теперь в ее судьбе произойдут перемены к лучшему?

Ближе к полудню Ванесса, которая носилась по конторе как заведенная, велела Аннет подать господину Молинаро кофе. Девушка вздохнула, собрала все необходимое на поднос и осторожно зашагала в кабинет. Ванесса семенила следом: боялась, что Аннет напортачит.

Господин Молинаро благодарно кивнул, отодвинул бумаги, размял плечи и с наслаждением откинулся на спинку кожаного кресла.

Аннет радовалась возможности подойти к боссу поближе. Ее недавним увлечением стало фотографическое искусство, и она уже прикидывала, какой интересный фотопортрет мог бы получиться, если уговорить господина Молинаро надеть белый пробковый шлем, костюм цвета хаки, дать в руки винтовку, а под ноги постелить шкуру убитого льва.

Господин Молинаро деликатно взял предложенную чашку длинными пальцами – так и есть, мизинец укорочен! – и бросил на девушку удивленный взгляд. Аннет оробела. Пожалуй, зря она надела свои любимые фиолетовые шальвары, которые стали лишь полгода назад набирать популярность благодаря поборнице эмансипации Кларе Перкин. Служащие конторы привыкли к экстравагантным нарядам Аннет, а вот новое начальство могло возмутиться.

– Отдаю должное вашему тонкому вкусу и храбрости, госпожа Вик, – неожиданно обратился к ней господин Молинаро. – Наверное, вы из тех независимых женщин, кто не боится осуждения. Признаюсь, меня всегда приводили в восхищение шальвары и разноцветные тюрбаны женщин востока. Здесь, на севере, мне отчаянно не хватает этой яркости. Я рад, что столичные дамы, наконец, решили ввести экзотические наряды в моду.

Аннет порозовела от удовольствия. Ей нравилось, когда ее называли храброй и независимой. Девушка решила немедленно закрепить впечатление, которое сложилось о ней у нового босса.

– Вы бывали на востоке, господин Молинаро? – смело поинтересовалась она. – И как там? Действительно ли у восточных женщин такие маленькие ступни, что они не могут ходить самостоятельно, и вынуждены передвигаться в паланкинах? Правда ли, что дома в Стране Зари сделаны из бумаги, а вместо ночников используют светлячков в стеклянных банках?

Ванесса неодобрительно покачала головой: любопытство Аннет она сочла развязностью и не одобрила. А вот господин Молинаро остался доволен: пригласил дам сесть напротив и принялся охотно отвечать на расспросы. Аннет наслаждалась беседой. Обеспокоенного лица Ванессы старалась не замечать.

Перерыв, как и приятный разговор, подошли к концу. Босс взялся за бумаги, дамы встали, Аннет забрала поднос и пошла вслед за Ванессой к двери, но тут их настиг вопрос:

– Госпожа Крон! – обратился босс к Ванессе. – Мне нужен секретарь – нет, скорее, ассистентка. Можете отрядить кого-то из машинисток? Ненадолго, пока я не войду в курс дела. Полагаю, госпожа Вик прекрасно подойдет. Вы владеете стенографией, госпожа Вик?

Аннет отчаянно закивала и бросила на Ванессу вопросительный взгляд. Ей очень хотелось стать личной ассистенткой нового босса. Он

оказался настоящим душкой, а вовсе не страшным людоедом. Ванесса, разумеется, возразить не посмела, и Аннет перешла в распоряжение господина Молинаро.

Целый день она наслаждалась новым положением. Эта работа ни в какое сравнение не шла с предыдущей! Вместе с господином Молинаро она отправилась инспектировать галерею. Потом присутствовала при беседах с коллекционерами, и при этом не уснула от скуки, как поначалу боялась. Даже печатать экспертные оценки под надзором босса оказалось увлекательным занятием. Босс охотно давал интересные пояснения и ни капли при этом не важничал. Разговаривал с Аннет уважительно, без заигрываний или высокомерной снисходительности.

Аннет быстро вжилась в роль расторопной ассистентки и исполняла ее с удовольствием. Впрочем, когда девушка, ожидая распоряжений, преданно заглядывала в разноцветные глаза босса, ей порой казалось, что она различает тень насмешки, смешанной с любопытством. «Ладно, посмотрим, что будет дальше, – решила Аннет. – Пока он ведет себя достойно; не буду забивать голову».

Назавтра господин Молинаро уехал на открытие аукциона один, а Аннет пришлось остаться в конторе и заняться разбором каталогов. Вернулся босс поздно, слегка навеселе: успешное проведение аукциона отметили банкетом. Глаза босса сверкали ярче обычного, а речь замедлилась, как будто он тщательно подбирал каждое слово. Скорым шагом прошел по залу и скрылся в своем кабинете.

Рабочий день заканчивался. На этаже было тихо, лишь где-то стучала каблук Ванесса, да в соседнем помещении вполголоса переговаривались два припозднившиеся эксперта по бронзе. Дверь в кабинет босса была приоткрыта, и Аннет заглянула внутрь – проверить, все ли в порядке.

Кабинет оказался пуст. Свет не горел, шторы задернуты, крепко пахло сигарным дымом. Наверное, господин Молинаро уже уехал домой.

На столе стояла пустая чашка. Аннет прошла внутрь, чтобы навести порядок, но тут ее настигла катастрофа.

В тот день она надела новый патентованный пояс для чулок. Пояс был всем хорош: удобный, практичный, но тугие каучуковые зажимы застегивались плохо и частенько подводили. Вот и сейчас обтягивающий ногу шелк скользнул вниз. Аннет подошла к столу,

повиливая бедрами, чтобы проверить, прочно ли держится чулок. Чулок определенно сползал.

Девушка хихикнула: именно такой вызывающей походкой отважная шпионка Лили Роуз, героиня ее любимой синематографической ленты «В плену у кровавого барона», проникла в логово главного злодея, намереваясь привлечь внимание старого сластолюбца, чтобы затем огреть его канделябром и украсть документы. Аннет вошла в образ: томно провела по волосам, села на край стола, соблазнительно улыбнулась, приподняла подол юбки, воображая, что собирается достать револьвер из потайной кобуры, и провела рукой по бедру. Вот и проклятый зажим. Так и есть, расстегнулся.

– Госпожа Вик! Решили составить мне компанию? – раздался вкрадчивый баритон Максимилиана Молинаро.

Аннет соскочила со стола и схватилась за сердце. В полусумраке она не заметила, что все это время босс сидел в кресле в дальнем углу кабинета.

Девушка перевела дыхание, улыбнулась и показала на чашку:

– Я лишь хочу забрать это.

Босс поднялся с кресла, неторопливо загасил сигару и подошел вплотную. Аннет близоруко вгляделась в его лицо, пораженная переменой. Удивительные глаза босса были странно прищурены, губы искривились в двусмысленной усмешке.

То, что произошло потом, напомнило сцену из пошлого водевиля.

Не говоря ни слова, господин Молинаро хладнокровно подхватил девушку за талию и прижал к стене. У Аннет отнялся голос. Она ненавидела, когда кто-то вторгся в ее личное пространство, а сейчас это произошло внезапно, и намерения обидчика были определенно низкими. Превращение босса из галантного душки в напористого кавалера застало ее врасплох: она испытала острое чувство обиды. Так ошибиться в человеке!

Аннет не была коротышкой, но доставала боссу лишь до подбородка. Его тело оказалось твердым и сильным, и придавило ее к стене, как каменная плита. Одна жесткая ладонь бесцеремонно сжала ее

нижнюю челюсть и заставила поднять голову, вторая ладонь уверенно легла на грудь.

– Так и знал, что корсета вы не носите, – с удовлетворением отметил господин Молинаро.

Будь Аннет действительно раскрепощенной и искушенной женщиной, она осадил бы нахала одним взглядом; не задумываясь, нашла бы, что сказать; босс бы устыдился, принес извинения и все бы закончилось мирно. Но Аннет лишь мечтала казаться искушенной, и поступила, не задумываясь о последствиях – точь-в-точь, как героиня синематографической ленты «Горничная-бунтарка».

Пощечина получилась звонкой и прозвучала в притихшем помещении, как пистолетный выстрел. Следом раздался невероятный грохот: Аннет попыталась вырваться, задела локтем и обрушила на пол тяжелый торшер с хрустальными подвесками. Торшеру пришел конец, осколки рассыпались по ковру и празднично заискрились.

Раздались шаги, приоткрытая дверь распахнулась шире, в кабинет ворвалась Ванесса. За ее спиной толклись две машинистки и пожилой эксперт по бронзе пятнадцатого века. Глаза у всех были круглые, как у сов. Ванесса всплеснула руками и охнула.

Последовала унижительная сцена. Господин Молинаро без всякой спешки убрал руки с талии Аннет, выпрямился и потер щеку. Его глаза метали молнии: одну зеленого цвета, другую – орехового. Затем он кашлянул и громко произнес своим выразительным баритоном:

– Приношу извинения. Неприятное недоразумение.

Криво улыбнулся, и от его улыбки у Аннет по спине пробежали колющие мурашки.

Ванесса растерялась и что-то пробормотала в ответ. Аннет была готова сквозь землю провалиться. Она повернулась и торопливо пошла к выходу. Остолбеневшие служащие быстро расступились на ее пути, как от прокаженной.

– Кажется, вы собирались по домам, господа и дамы? – донесся ей вслед спокойный голос господина Молинаро, в котором прорезались стальные нотки. – Не смею вас задерживать.

Машинистки и эксперт по бронзе стыдливо потупились и испарились.

– Аннет! – окликнула девушку Ванесса. – Пройди ко мне в кабинет на пару слов.

Аннет думала было удрать из конторы, куда глаза глядят, но побоялась столкнуться в вестибюле с боссом, который, несомненно, тоже желал поскорее убраться домой, чтобы зализывать уязвленное самолюбие. Она юркнула в кабинет, который занимала Ванесса и принялась ходить от стены к стене, хватаясь за голову. Ванесса появилась скоро.

– Аннет! – воззвала она, изнывая от любопытства. Крашеный кукиш на ее макушке подрагивал, как куриный хохолок. – Что он себе позволил? Он посягнул на твою честь? Ты же не давала ему повода...

– Ни малейшего! – горько подтвердила Аннет. – Это ужасно. Самоуверенный мужлан, солдафон, пошляк! Что мне теперь делать?

Ванесса сочувственно покачала головой.

– До меня доходили слухи о его выходках. Говорят, год назад он уволил девушку в приморском отделении после того, как она забеременела от него. Ребенка отправили в воспитательный дом. С тех пор дает ей небольшую сумму раз в год, но разве этим дело исправишь? Несколько лет назад он развелся: по слухам, жена сбежала от него, устав от измен. Мне следовало предупредить тебя раньше. Он мстителен, и так просто не забудет унижения. Пожалуй, захочет от тебя избавиться. Лучше тебе уволиться самой, пока не начались неприятности.

Только неприятностей ей не хватало! Ванесса права. Аннет давно подумывала о том, чтобы уйти из конторы. Ее место было не здесь.

В знаменитый аукционный дом Аннет попала благодаря отцу, который решил воспользоваться старыми связями, чтобы наладить судьбу дочери. Без его помощи Аннет не на что было рассчитывать с ее жалкими сенситивными талантами. Академию Одаренных она закончила кое-как, ей даже в назначении на государственную службу отказали.

Все, кому довелось родиться сенситивом, пользовались почетом и уважением – но лишь при условии, если таланты были востребованными и уместными. Младшей сестре Аннет повезло: как и многие женщины-сенситивы, она была релаксатором и умела легким касанием пальцев прогонять дневную усталость в натруженных мышцах. Кто из мужчин не захочет иметь такую спутницу жизни? У Марии было много поклонников, и Аннет однажды ехидно заметила, что сестре лучше выйти не за состоятельного коммерсанта, который

тяжелее пишущего пера в руках ничего не держал, а за фермера или грузчика, чтобы муж смог использовать ее талант на всю катушку.

Окружающие считали, что старшей дочери профессора Вик выпала плохая карта. Угроздило родиться с нетипичными для существ ее пола талантами. Хронолог и репликатор, подумать только!

В учебниках писали: женщины по природе своей тяготеют к занятиям мирным, спокойным, творческим. Наука, военное дело – удел мужчин. Вот и сенситивные таланты, связанные с умением мыслить логически, изучать или изменять природу вещей, действовать храбро, а то и безрассудно, обычно даются сильному полу. Среди хронологов, лозоходцев, пиромансеров, метеомантов женщин редко встретишь. А если и встретишь, то блестящих результатов от них не жди. Не женское это дело – заглядывать в недра земли, изучать историю вещей и управлять стихией.

Больше всего в этой теории Аннет ненавидела то, что она собственной персоной служила наглядным ее подтверждением. Хронолог из нее и впрямь вышел никудышный. Не чета бедняге Вальвазору.

Хронологи умели определять время изготовления артефактов, и поэтому по традиции шли в антиквары, археологи, а если повезет – попадали в полицейское управление: для них там частенько находилась работа.

Антиквариат, как и археология, Аннет не привлекали. Ей нравилось иметь дело с живыми людьми, а не с вещами, которые когда-то принадлежали давно умершим богатеям. Помогать сыщикам – другое дело. Но кто даст женщине должность в полицейском управлении? Ужасная несправедливость.

Редкий талант репликатора вообще никуда не годился. Умение видеть и воссоздавать энергетическую копию рукотворных предметов полезно для механиков и инженеров, среди которых женщин отродясь не бывало. Зачем талант репликатора хранительнице домашнего очага? Разве что сотворить на несколько минут копию оторванной пуговицы, пока не отыщешь и не пришьешь нужную.

Учителя в Академии Одаренных качали головой: юноша с такими талантами сделал бы прекрасную карьеру, но что взять с девушки? Наставник Аннет нехотя согласился развивать ее дар хронолога, а о даре репликатора посоветовал забыть.

Аннет не очень расстроилась. Хотя и она бунтовала против несправедливых устоев общества, где правят мужчины, механизмы ее интересовали еще меньше, чем древности.

Итак, выбор у Аннет был невелик. Совсем отказаться от использования таланта не получилось: иметь в семье сенситива-практика было лестно. Отец настоял, чтобы дочь выбросила из головы всякую чушь, не позорила семью, а поступала, как велено. Скромных способностей хронолога оказалось достаточно, чтобы занять должность ассистентки антиквара.

Поначалу ей действительно поручали оценивать возраст старинных вещей, но справлялась Аннет кое-как. Вскоре на нее махнули рукой и усадили за пишущую машинку печатать отчеты, фотографии поручили возню с каталогами и расстановку экспонатов для съемки, а прочие служащие посылали в обеденный перерыв за бриошами. Аннет обижалась, скрипела зубами, но до поры до времени терпела: понимала, как ей повезло попасть в «Раритеты Молиаро».

Фирма была солидная и известная. Знаменитый аукционный дом не только торговал древними диковинами и произведениями искусства. Династии Молиаро принадлежали галереи, выставки, издательские дома, реставрационные мастерские, букинистические лавки, собственная школа искусств и основанное деятельным племянником сыскное агентство, которое боролось с жуликами на рынке антиквариата.

Отделение на Лилак-страда отвечало за продажу старинной бронзы и часов. На первом этаже работала своя типография и фотографический салон.

Задания Аннет получала несложные, но им конца-краю не было. На каждое выполненное скучнейшее задание приходилось два десятка новых. Злая и отупевшая, она оставалась в конторе допоздна и возвращалась домой затемно, сжимая в руке зонтик, как штык – пусть только сунутся ночные хулиганы!

В конторе царила сонная скука, а все сотрудники, казалось, походили на музейные экспонаты: занудные, блеклые, словно припорошенные вековой пылью. Аннет страдала от острого чувства недовольства собой и своей жизнью. Ее творческая энергия не находила выхода и чахла.

У Аннет была мечта. Да еще какая! Ей хотелось выступать на

театральных подмостках, а если повезет – стать синематографической актрисой. Она не пропускала ни одного сеанса в электрическом театре «Сфинкс» и ни одного спектакля в королевской оперетте. При оперетте была актерская школа. Там проводили полугодовые курсы. Осталось собраться с духом, внести вступительный взнос, распрощаться со скучной конторой, а дальше...

Воображение показывало полные залы, очереди у кассы, бурные аплодисменты, море цветов от поклонников и гастрولي по всему миру. Или лицо Аннет крупным планом на экране, тапер играет душераздирающую музыку, зрители восторженно вздыхают в полутемном зале.

Рисовались и картины провала: она раз за разом не проходит прослушивание, перебивается с хлеба на воду, а затем волей-неволей возвращается в дом родителей, сидит на бесконечных приемах, где мать подсовывает ей потенциальных женихов – пузатеньких, богатых, чванливо-снисходительных. Ужас.

И Аннет сразу скисала. Трусила. «Я обязательно рискну – попозже, – говорила она себе. – В конце концов, мне всего двадцать три. Успею еще завоевать мир».

Работа в фирме Молинаро имела свои плюсы: платили хорошо, и начальство терпеливо относилось к эксцентричным нарядам незадачливой ассистентки антиквара, которая стремилась хотя бы таким способом выделиться на фоне остальных и доказать миру – и себе самой – что девушка она незаурядная, передовая и раскрепощенная.

Вот к чему привела ее раскрепощенность! Теперь жди беды.

Глава 2 Тигр-людоед

Нет, босс не уволил ее. Более того: на следующий день он вызвал ее и Ванессу и принес извинения.

— Я неверно истолковал намерения, с которыми вы явились в мой кабинет, и повел себя неподобающим образом, – сухо произнес господин Молинаро. Аннет скованно кивнула и посмотрела на него искоса, ломая голову: на самом деле раскаивается или нет? Решила: нет, не раскаивается. Ему неприятно, но ни капли не стыдно. А значит, грош цена его извинениям.

Девушка поджала губы и задрала подбородок, а Ванесса бросила на нее укоризненный взгляд: она подозревала, что вина Аннет в случившемся все-таки была. Когда они покидали кабинет босса,

Ванесса мягко заметила, что приличные девушки, которые одеваются и ведут себя скромно, в подобные ситуации не попадают. Затем, когда они остались одни, помощница управляющего горько вздохнула и пророческим тоном сообщила:

– Он так это не оставит.

И опять оказалась права.

Во-первых, Аннет спешно переселили с глаз долой, в тесную каморку в подвале. Там было пыльно, шумно от работающего за стеной печатного станка и очень одиноко.

Во-вторых, начальство вспомнило, на какую должность ее первоначально брали в «Раритеты Молинаро», и поручило провести экспертизу старинных каминных часов. Аннет была уверена, что неплохо справилась – в хронограмме, которая возникла перед ее мысленным взором, когда она призвала свой талант, отчетливо виднелись светло-серые полосы, указывающие на вторую четверть восемнадцатого века. Однако, как доложила впоследствии Ванесса, Аннет ошиблась на добрые восемьдесят лет. В результате Аннет лишили премии и урезали жалованье, что оказалось чувствительным ударом.

Она подозревала, что дело было нечисто, и никакой ошибки она не допустила, а босс подстроил выставить ее виноватой, но доказать ничего не могла.

В-третьих, на Аннет взвалили вдвое больше работы; при виде исполинской кипы бумаг, которые она обнаруживала каждое утро на столе, хотелось выть.

В-четвертых, сплетни о произошедшем в кабинете босса расползлись по конторе на Лилак-страда. Хуже: служащие отчего-то решили, что Аннет успела закрутить интрижку с боссом, а затем дала ему от ворот поворот. Аннет пыталась выяснить, кто распускал гадкие слухи. Определенно это был кто-то из свидетелей некрасивой сцены: либо машинистки, либо благообразный специалист по бронзе. Ванессу подозревать не хотелось, но и исключать не следовало.

Слухи тем временем катились, росли, как снежный ком, дошли до головного отделения, и знакомая машинистка рассказала, что племянничек имел неприятную беседу с главой династии, который не поощрял открытых шашней со служащими, как портящих репутацию фирмы. Против шашней тайных Абеле Молинаро не возражал: сам

испытывал слабость к молоденьким секретаршам.

Теперь босс буравил Аннет тигриным взглядом, когда сталкивался с ней в коридоре.

Ситуация накалялась, но Аннет терпела. Ванесса не раз намекала, что лучшим выходом стало бы увольнение — она даже нашла замену, своего кузена-хронолога — но Аннет решилась не сразу. Ей были нужны деньги. Даже урезанное жалованье оставалось внушительным. Она терпеливо откладывала, чтобы в один прекрасный день осуществить свою мечту. Актерские курсы стоили немало, да и жить на что-то требовалось. Отложенное отдавала матери, которая вкладывала их в дело с расчетом на прибыль.

Аннет твердо решила уйти из конторы на Лилак-страда, когда наберется нужная сумма. И вот, этот день настал.

Накануне она получила жалованье, а затем отпечатала и подала прошение об увольнении. Стучала по клавишам быстро, чтобы не передумать, а в желудке испуганно трепыхалось.

Ванесса прошение прочитала внимательно, не торопясь, одобрительно улыбнулась тонкими губами, поставила подпись и пожелала удачи — даже не потребовала отработать обязательные две недели. Теперь пути назад отрезаны. Новая жизнь начнется уже завтра.

Ну и хорошо, подбадривала себя Аннет. Страшно, когда приходят перемены. Но еще страшнее, что они обойдут тебя стороной. А еще говорят, все перемены к лучшему — скоро станет видно, есть ли в этой поговорке правда.

Утро переломного дня выдалось неприветливым: небо затянули тучи, моросил ледяной весенний дождь. Непогода Аннет не волновала. Ей было радостно и тревожно, как узнику накануне побега из тюрьмы. В последний раз она спешила на опостылевшую работу.

При мысли о будущем Аннет поочередно охватывали восторг, нетерпение и гнетущее беспокойство. Кто знает, как все повернется? Трудностей предстояло много. А вдруг она не справится? Вот будет разочарование родителям, когда узнают, что она наделала.

Она летела по улице, как на крыльях, лавируя среди прохожих и прислушиваясь к музыке утренней столицы. Разливались трели велосипедных звонков. С шуршанием пролетали высокие каретки паровиков, плюясь угольным дымом. Сквозь облака слабо просвечивало утреннее солнце. Сеял мелкий как пыльца дождь, но чувствовалось, что

денек выдастся славным.

Почтальоны шагали упруго, насвистывали модные шансонетки, газетчики шныряли, как челноки. Семенящей походкой бежали клерки, чиновники, бледные девушки-служащие в серых платьях. Аннет поглядывала на них с чувством легкого превосходства.

Они казались ей самыми несчастными существами на свете. Они несвободны. Идут на службу, потом домой: каждый день одно и то же. А Аннет вскоре будет жить как захочет – полной, настоящей жизнью, – делать то, что любит, и никакой босс-самодур ей не указ.

В эту минуту ей казалось, что все сложится именно так, и нехорошие предчувствия ее не мучили.

Аннет приблизилась к высокому крыльцу краснокирпичного здания, прищурилась и внимательно поглядела налево-направо: автомобиля босса не видно.

Вздохнула с облегчением. Обычно господин Молинаро парковал свое черное чудище с блестящими боками недалеко от входа. Улица пуста: может, удастся избежать неприятной встречи. В конторе господин Молинаро не появлялся уже неделю, есть шанс, что и сегодня не заглянет. Вот и славно: с Людоеда станется устроить какую-нибудь гадость на прощание.

Последний в жизни Аннет рабочий день в конторе антикварного дома тянулся бесконечно. Рассыльный принес из архива полдюжины старых каталогов, срочно потребовавших перепечатки по прихоти господина Молинаро. Аннет набросилась на работу как на врага, не заслуживающего пощады.

К обеду она почувствовала, что пальцы ее превратились в деревянные дощечки, а шея и спина онемели. Девушка поднялась, со вкусом потянулась, достала принесенную из дома термическую флягу с какао и приготовилась в одиночестве подкрепиться галетами.

Осталось потерпеть всего ничего: через несколько часов Аннет последний раз пробежит пальцами по неподатливым клавишам печатной машинки, а в конце дня закроет чехлом и попрощается с ней навсегда. Затем придет свобода — и новые хлопоты. Пустяки. Аннет со всем справится. Будет заниматься тем, что она любит, а значит, рано или поздно станет богатой, знаменитой и независимой.

Пожалуй, стоит сказать «спасибо» Максимилиану Молинару. Если бы не он, Аннет никогда бы не решилась послать скучную контору ко всем чертям и отправиться в свободное плавание.

Дверь приоткрылась, в каморку просочился шум печатного станка, а вместе с ним – Ванесса. Она заговорщицки улыбнулась и поманила Аннет:

— Идем наверх! Мы приготовили сюрприз.

Заметив колебания девушки, добавила вполголоса:

— Не бойся. Господина Молинару до вечера не будет в конторе.

Оказалось, машинистки, конторщики и рассыльные придумали устроить Аннет проводы. Из кондитерской принесли пирожные, заварили чай-ориенталь в фарфоровом чайнике. До чая дело дошло не сразу: фотограф Жиль погромел в кофре и выудил бутылку сладкого вина.

Вино разлили в чайные чашки и выпили за будущее Аннет. Ванесса растрогалась, пустила скупую слезу и манерно промокнула слегка увядшую кожу под глазами шелковым платком. Успокоившись, помощница управляющего извлекла из ящика стола пакет.

– Дорогая Аннет, – торжественно произнесла она. -- Нам будет не хватать твоего остроумия, дерзких выходок и смелых нарядов. Ты была нашим маленьким ярким павлинчиком, который своим щебетанием поднимал всем настроение.

Все заулыбались шутке и даже немного похлопали. Аннет незаметно поморщилась и изобразила радость. Ванесса вручила подарок и потребовала развернуть.

Аннет сорвала бумагу и оторопела: в руках у нее оказалась книга в обложке скромного серого цвета, однако качество бумаги и золотое тиснение говорили о немалой цене подарка. Готическим шрифтом на обложке было выведено: «Книга сладких сновидений, сочинение г-на Дормируса, морфеоманта».

– Прекрасное средство для борьбы с бессонницей! – объяснила Ванесса. – Книгу создали лучшие сенситивы королевства. Как ты знаешь, морфеоманты могут за считанные секунды усыпить человека и навеять приятные сны. Они прилагают свой талант и в писательском деле. Открой книгу, когда не получается уснуть. Слова подобраны так, чтобы убаюкать не хуже опиумного молочка, Глаза начинают слипаться через пару-другую страниц. Бумага пропитана особым составом – его

аромат навевает сладкие сны. Чувствуешь, пахнет лавандой?

Озадаченная Аннет поднесла книгу к лицу, принялась, чихнула и пробежала глазами первую строку: *«Отдавая должное головокружительным высотам, коих достигла современная цивилизация, и тому факту, что современная наука семимильными шагами покоряет все новые и новые, доселе неизведанные пространства, поражающие воображение и открывающие невиданные перспективы; тому, что ни один уголок природы и вселенной вскоре не останется обойден вниманием исследовательского духа; принимая все это во внимание, каждый пытливый ум не может не быть поражен тем обстоятельством, что доселе ничтожно мало изысканий было посвящено природе сна человеческого...»*

В голове у Аннет помутилось, веки налились свинцовой тяжестью, но она продолжила продираться сквозь словесные дебри. Потерла глаза, зевнула, а еще через две строки решительно отодвинула диковинную книгу и помотала головой, чтобы прийти в себя.

Автор постарался на славу! Тут даже талант морфеоманта ни к чему: от такого заумного текста в голове сама по себе поднимается сонная одурь.

– Закрой, закрой скорее! – испугалась Ванесса и хихикнула, деликатно прикрыв рот ладошкой. – А то уснешь прямо здесь.

Аннет вежливо поблагодарила и положила книгу на соседний стол. Какой дорогой, скучный и абсолютно бесполезный подарок! Бессонницей она никогда не страдала, а будильник ставила на ночь в железную кастрюлю, чтобы звон вышел погромче и наверняка заставил ее оторвать голову от подушки.

За столом принялись обсуждать морфеомантов. Сам собой разговор перешел на чувствительные таланты господина Молинаро. Никто не знал, в какой области он был одарен. Одаренность его сомнения не вызывала – в династии Молинаро все рождались чувствительными.

Версии об обыденных талантах отменялись: Максимилиан Молинаро определенно не был хронологом. Он не был метеомантом и не был лозоходцем. Общее мнение склонялось в пользу талантов опасных, владельцев которых ставили на особый учет. Может, он владеет странгуляцией и умеет одним взглядом заставить человека

забыть, как дышать? Нет, он пиромансер! Когда у него дурное настроение, он превращает невинный сквозняк в огненный вихрь.

Девушки загалдели, но внезапно притихли. Жиль торопливо спрятал бутылку под стол, а Ванесса подскочила, как на пружинах.

Аннет подняла голову и насупилась. В дверях собственной персоной стоял господин Молинаро, сцепив руки за спиной, и исподлобья наблюдал за весельем, как тигр перед атакой на беззаботных туристов, которые устроили в джунглях пикник.

– По какому поводу праздник? – вежливо осведомился он.

– Аннет покидает нас, мы собрались пожелать ей доброго пути и удачи, – с достоинством разъяснила Ванесса. – Сегодня ее последний рабочий день.

Господин Молинаро кивнул и вкрадчиво улыбнулся.

– Как раз об этом я и хотел с вами побеседовать, госпожа Вик. Прошу, пройдите в мой кабинет на пару слов.

– Может, позже... – заикнулась Ванесса, и торопливо закрыла рот. Аннет покорно встала и на негнущихся ногах двинулась в кабинет. Господин Молинаро учтиво придержал дверь и зашел следом. Дверь сухо стукнула, как топор гильотины.

Господин Молинаро не спеша прошел к столу и вежливо указал на стул напротив.

– Прошу, присаживайтесь, – произнес он, и фантазия Аннет нарисовала картину говорящего тигра, который учтиво приглашает антилопу в свое логово на обед.

Стараясь держать спину прямой, как палка, Аннет села, чинно сложила руки на коленях, вспомнила свою учительницу младшей ступени и попыталась скопировать ее строгую, презрительную гримасу, от которой, бывало, даже у директора школы тряслись поджилки.

Зря старалась: господин Молинаро остался не впечатлен. Он спокойно уселся на стул, раскрыл толстую картонную папку и достал заполненный машинописным текстом лист с размашистой подписью Ванессы. «Мое прошение об уходе», – догадалась Аннет.

– Итак, вы нас покидаете, – любезно и несколько удивленно произнес босс, буравя Аннет глазами.

Аннет скованно кивнула.

– Меня поставили об этом в известность только сегодня, – разъяснил господин Молинаро свое удивление и щелкнул указательным

пальцем по бумаге. – Это было неожиданно. Ваше заявление я не подписывал.

– Делами о приеме и увольнении младшего персонала занимается помощница управляющего.

– Да-да, конечно, – кивнул босс. – Однако окончательное решение принимаю я. И решение это таково: вы уйдете лишь после того, как отработаете обязательные две недели. Правила есть правила. Я настаиваю, чтобы вы им подчинились.

У Аннет засосало под ложечкой. Усилием воли она вновь призвала образ грозной учительницы младших классов и метнула уничижительный взгляд:

– Госпожа Крон решила, что нужды в моих услугах нет. Она нашла преемника. Ее кузен готов приступить к делу уже завтра.

Господин Молинаро гаденько усмехнулся.

– Нужда в ваших услугах есть. Кузен госпожи Крон не подойдет. Человек новый, непроверенный...

– Я отказываюсь, – храбро ответила Аннет.

– Позвольте, – изумился босс. – Осмелюсь напомнить, что в противном случае вы лишаетесь права на выходное пособие. Кроме того, я полагаю, вам нужны рекомендации? Как вы рассчитываете устроиться на новое место без рекомендаций?

– Рекомендации мне ни к чему! Я собираюсь стать актрисой, – запальчиво произнесла Аннет и осеклась. Мелькнула трусливая мысль: если ее затея с театральными курсами провалится, придется искать место, а без рекомендаций рассчитывать не на что.

Аннет сделала над собой усилие и произнесла:

– Впрочем, вы правы, господин Молинаро. Мне нужны рекомендации. Я смогу их получить?

Босс убрал бумаги, положил руки на стол, сцепил пальцы и хищно прищурился.

– Вы получите отличные рекомендации, выходное пособие и крупную премию только после того, как выполните последнее поручение.

Аннет горько вздохнула. Сейчас босс потребует что-нибудь немыслимое. Например, разыскать в архиве утерянные месяц назад документы по аукциону каретных часов или станцевать голой на столе.

– В чем оно заключается?

– Вы слышали о мастере Жакемаре и его автоматонах – заводных куклах с часовым механизмом?

Аннет заинтересовалась.

– Да. Два месяца назад господин Вальвазор отправился в богом забытый городишко в горах, чтобы провести экспертизу автоматона Жакемара по поручению клиента. Там он и сгинул...

Аннет и господин Молинаро торжественно помолчали пару секунд, дабы почтить память бывшего управляющего. Наконец, Аннет не выдержала и прервала молчание:

– И как с этим связано поручение, которое вы хотите взвалить на меня?

– Я хочу, чтобы вы отправились со мной в Механисбург и провели экспертизу подлинности автоматона, которую так и не сделал покойный Вальвазор.

Аннет стало жарко. Новость выбила ее из колеи по нескольким причинам. Во-первых, она не желала отправляться с этим похотливым павианом в деловую поездку за тысячу миль от столицы. Придется ехать с ним много часов в одном купе, а затем жить в одном отеле. И отбиваться от его ухаживаний, это уж как пить дать. Мерзавец не преминет взять реванш. Во-вторых, она долго собиралась с духом, чтобы сделать решительный шаг и изменить жизнь. Распоряжение босса разрушило ее планы.

– Госпожа Вик, – босс наклонился, его голос звучал вкрадчиво. – Поймите меня правильно. После того... недоразумения, которое произошло между нами, я не горю желанием вновь ставить себя в щекотливую ситуацию и работать с вами в паре. Однако выхода нет. Сделка очень важная. Клиент требует проведения оценки подлинности с применением таланта сенситива, и формальная экспертиза должна быть проведена на месте. Других специалистов-хронологов сейчас у фирмы нет. Знаю, ваши таланты хронолога весьма скромны, и ваши последние неудачи подтвердили это, но...

Аннет возмутилась. Хороший момент поднять вопрос об этих самых «неудачах»!

– Я уверена, что провела экспертизу настольных часов и бронзовых парных канделябров правильно. Считаю, что меня лишили премии незаслуженно, – с апломбом произнесла Аннет. Ничего, пусть знает, что она в курсе его низкой проделки!

Господин Молинаро отмахнулся.

– В отчетах, которые предоставила мне госпожа Крон, ясно указано, что вы ошиблись почти на век, и премии вас лишили за дело. Но это неважно. Как я уже сказал, экспертиза автоматона будет простой формальностью. Изделия Жакемара сложно, практически невозможно подделать. Мошенникам заниматься этим не с руки. Поэтому вы вполне сгодитесь. Ну как, согласны?

Аннет молчала.

– Если откажетесь, – произнес господин Молинаро медленно, смакуя каждое слово, – нарушите трудовой договор. Обещаю, без последствий я это не оставлю. Дело может дойти до суда... даже боюсь себе представить, что скажет ваш отец, знаменитый профессор Вик, когда узнает, как нехорошо вы поступили с аукционным домом Молинаро... и когда ему расскажут о вашем неподобающем поведении в конторе. Вы ведь тогда спровоцировали меня, госпожа Вик.

Лицо Аннет вытянулось. Господин Молинаро откинулся на спинку кресла, довольный произведенным эффектом. Тут же сжалился и решил подсластить пилюлю:

– Когда дело будет закончено, премия составит два ваших жалованья, плюс некоторый процент от сделки.

Чтобы не видеть светящихся злорадным торжеством разноцветных глаз, Аннет перевела взгляд на бронзовый торшер, лишившийся части хрустальных подвесок, и обреченно кивнула, как осужденный, который соглашается с вынесенным приговором.

– Отправляемся завтра, – спокойно подытожил беседу босс. – Билеты уже куплены и бумаги оформлены. Я заеду за вами в шесть утра. Соберите чемодан накануне и не проспите.

Глава 3 Порфирион

До полуночи Аннет носилась по комнате, рылась в шкафах, собирала чемоданы и рисовала в голове всякие ужасы, которые ожидали ее в путешествии. Забралась в кровать в первом часу и уснула не сразу. Стоило ей задремать, как будильник, накануне упрятанный в железную кастрюлю, разразился набатом как в день Страшного Суда. Аннет подскочила и долго не могла унять дикое сердцебиение.

Темнота за окном начала сереть. От непривычно раннего подъема сосало под ложечкой. Через силу Аннет влила в себя две кружки черного как деготь кофе. Сердце опять начало трепыхаться, а во рту

поселилась неприятная горечь. Аннет натянула юбку из тонкой шерсти, приличную голубую блузку и набросила жакет. Вышло скучно. Тогда будущая актриса и законодательница моды намотала на шею длинный белый шарф, на голову нацепила дерзкую красную шляпку и, наконец, обрела некое подобие душевного равновесия.

Когда стрелки часов показали без четверти шесть, Аннет подхватила чемоданы — дьявол, тяжеловаты! — спустилась по темной лестнице и вышла на крыльцо. Сонная хозяйка клюнула ее в щеку торопливым поцелуем и захлопнула дверь. Было холодно и туманно. Город уже проснулся. На соседней улице гремели колеса экипажей, звенели трамваи, разносчики газет зазывали покупателей по-утреннему хриплыми голосами.

Ждать пришлось недолго. Вскоре раздался рев мотора, у подъезда остановился автомобиль, открылась дверца и на тротуар прыгнул Максимилиан Молинаро в щегольском пальто до колен, узких брюках со стрелками и котелке набекрень. Стянул с рук краги, коротко поздоровался и хотел забрать чемоданы.

— Я вполне могу сама нести свой багаж, господин Молинаро, — преувеличенно вежливо пропела Аннет. — Не стоит считать женщин слабыми созданиями, глупыми настолько, что они не могут понять, какой груз в состоянии тащить. Я собрала чемоданы с расчетом обходиться без посторонней помощи.

Господин Молинаро озадаченно пожал широкими плечами и несколько секунд наблюдал, как Аннет, пыхтя, пытается затолкнуть чемоданы на заднее сиденье. Потом не выдержал: сердито отстранил ее и помог. Аннет вздохнула и завела глаза к небу.

«Упертый бабуин!»

Также упертый бабуин пожелал сам открыть дверцу рядом с сиденьем шофера и подать Аннет руку, когда она забиралась на сиденье. Услужливую ладонь она проигнорировала.

Автомобиль заурчал и покатил по просыпающимся улицам северной столицы. Босс оказался автомобилистом лихим и хладнокровным. Его крупные руки в кожаных крагах уверенно лежали на рулевом колесе. Но обращая внимания на перекошенные лица извозчиков и забористую брань, он искусно объезжал конки, кабриолеты и тяжелые повозки. Склонное настроение Аннет растаяло, и поездкой она наслаждалась от души. Вот это скорость! Рев мотора и

дрожь корпуса доставляли ей постыдную, почти эротическую радость.

Шли минуты, автомобиль выехал на окраины и запрыгал на неровной мостовой. Аннет встревожилась.

— Вокзал в другой стороне, господин Молинаро! — указала она босссу. Тот согласно хмыкнул и поддал газу. Исправлять свою ошибку и разворачиваться он даже не подумал.

— Послушайте, куда мы едем? — повысила голос Аннет. — Нам нужно на поезд!

— Какой еще поезд? — господин Молинаро бросил на спутницу насмешливый взгляд. — Чтобы добраться до Механисбурга, нам сначала нужно попасть в город Фрибур. Поезд идет туда двое суток, в объезд озера. Непозволительная трата времени. Мы полетим на «Порфирионе». Я разве вчера не сказал? На взлетном поле будем через десять минут.

Аннет ахнула. Вот так сюрприз! О «Порфирионе» писали все газеты. О нем показывали минутный фильм в синематографе на Лилак-страда. Крупнейший дирижабль жесткой системы называли восьмым чудом света. Путешествие в изысканно обставленных салонах «Порфириона» могли себе позволить только богатые люди — и скоро Аннет поднимется на нем в небо!

Аннет разволновалась и до самого взлетного поля не проронила ни слова.

Господин Молинаро не обманул: прибыли через десять минут. Босс оставил автомобиль на стоянке возле здания администрации компании, обслуживающей рейсовые дирижабли. После недолгого препирательства, махнул на Аннет рукой и позволил ей самой нести чемоданы. У господина Молинаро, как у всякого опытного путешественника, с собой был лишь небольшой саквояж.

Прошли в зал ожидания, к стойке регистрации. Подтянутый служащий проверил билеты и паспорта, а другой — угрюмый и сонный — открыл чемоданы Аннет и саквояж господина Молинаро и долго в них рылся. Решительно извлек из саквояжа коробку сигар и спрятал за стойку.

-- Вот это правильно, — не удержалась Аннет. — Курить вредно.

Служащий покосился и снизошел до объяснения:

— Отсеки «Порфириона» наполнены водородом. Спички и зажигалки на борту запрещены. Разрешено курить лишь в специальной

комнате. Я прослежу, чтобы сигары доставили туда.

Аннет поежилась: она вспомнила о громкой катастрофе, о которой писали все газеты полгода назад: брат-близнец «Порфириона», дирижабль «Антеон» вспыхнул в воздухе и рухнул в озеро.

– Не беспокойтесь, – господин Молинаро заметил ее встревоженное лицо. – Компания приняла нужные меры. Мы долетим в целости и сохранности. Теперь на каждом дирижабле королевского флота во время полета несет постоянную вахту сильный пиромансер, укротитель огня. Он использует свой дар и неустанно следит за состоянием судна.

До отправления оставалось полчаса. Пришлось пройти в зал ожидания и устроиться в глубоких креслах. Господин Молинаро меланхолично перелистывал журнал, а Аннет крутила головой, рассматривая будущих спутников по путешествию и провожающих – чопорных, дорогого и хорошо одетых.

– Доброе утро, господин Молинаро! Доброе утро, Аннет! – в комнату ожидания ворвалась запыхавшаяся Ванесса. Аннет удивилась: неужто помощница управляющего отправится вместе с ними? Накануне Ванесса самоотверженно упрашивала босса позволить ее кузену заменить Аннет в поездке, но получила категорический отказ.

Выяснилось, что Ванесса по просьбе босса привезла нужные бумаги, которые были не готовы вечером.

Ванесса выглядела взволнованной. На худых щеках проступил пятнистый румянец, глаза блестели как у взявшего цель охотника, бант на шее сбился набок. Она с любопытством переводила взгляд с господина Молинаро на Аннет, словно пытаясь понять, как они поладили и не собирается ли Аннет выкинуть что-то эдакое, что окончательно погубит ее репутацию. Осмотр Ванессу успокоил.

– Дорогая, – обратилась она к Аннет. – Вчера ты забыла наш подарок в конторе. Вот, я привезла его тебе. Полет предстоит долгий. Если станет скучно, можешь воспользоваться этой замечательной книгой и вздремнуть. Дневной сон улучшает цвет лица.

Аннет кисло поблагодарила и спрятала «Книгу сладких сновидений» в сумочку, решив тайком выбросить ненужный подарок при первой возможности. А может, подсунуть ее боссу? Пусть почитает,

а затем продрыхнет всю дорогу – так Аннет будет спокойнее.

Ванесса попрощалась, напоследок вопросительно глянув на Аннет и едва заметно кивнув в сторону господина Молинаро. Аннет усмехнулась и легкомысленно помахала ладошкой – мол, не беспокойтесь, все под контролем, Людоед ведет себя прилично и никаких возмутительных выходов себе не позволяет. Пусть только попробует!

Появился служащий в темно-синей форме с латунными пуговицами и пригласил господ на посадку.

На взлетном поле зеленели проплешины ранней травы, пахло влажной землей и керосином, раздавался рокот моторов, и шум этот бодрил и веселил. Аннет прищурилась от ослепительного солнца.

Господин Молинаро со скупающим видом позевывал в ладонь.

«Порфирион» привел Аннет в трепет. Он был невероятно, восхитительно огромным! Его туша, обтянутая блестящей прорезиненной тканью, тяжеловерсно и в то же время легко парила, низко притянута к земле канатами. Чем ближе Аннет подходила к дирижаблю в толпе чинно переговаривающихся пассажиров, тем больше он казался. Наконец, он заполнил собой все пространство. Пассажирская гондола пряталась в корпусе дирижабля, лишь нижняя ее часть выступала, словно широкий плавник.

Любопытство Аннет было так велико, что она не удержалась и призвала свой талант репликатора. Ей хотелось увидеть устройство дирижабля, и у нее это получилось. Скелет «Порфириона» высветился ярким призрачным контуром, на миг показались сложные переплетения шпангоутов. Невидимый газ в укрытых в корпусе мешках обрел цвет и вид болотного тумана. Однако через миг образ поплыл, задрожал и потух. Голову пронзила сильная боль: дар репликатора забирал много энергии. Неумелая попытка Аннет дорого ей обошлась.

Пассажиры поднялись по короткому трапу и оказались в узком коридоре. Расторопный юнец понес чемоданы в каюту, а стюард проводил Аннет и господина Молинаро в кают-компанию. Она была роскошна: стены отделаны красным деревом, на потолочных балках и колоннах блестела перламутровая инкрустация, вдоль расположенных под наклоном панорамных окон стояли легкие столы и удобные плетеные стулья.

Стюарды в белоснежных кителях разносили игристое вино в

высоких бокалах и при этом чуть не пританцовывали от усердия. Объявили взлет; пассажиры прилипли к наклонным панорамным окнам и принялись махать тем, кто оставался на земле и отчаянно завидовал воздухоплавателям.

Балластная вода хлынула вниз, брызги за окнами заискрились радугой. Винты в моторных гондолах лениво разогнались и издали волнующий низкий гул.

Момент взлета Аннет не ощутила – она его увидела. Земля вдруг плавно пошла вниз. Стало очень светло. Небо превратилось в бездонную чашу. Сквозь приоткрытые окна в салон ворвался ветер, пронзительно-свежий, какого не бывает на земле, захлопал занавесками, как корабельным парусом, и пробежался по разгоряченным щекам Аннет холодными пальцами.

– Вот это да! – прошептала Аннет и на миг зажмурилась. Она переживала острый восторг полета. Сердце мелко колотилось. Когда открыла глаза, обнаружила, что господин Молинаро стоит рядом со сложенными на груди руками, небрежно прислонившись плечом к переборке.

– Понравилось летать? – дружелюбно поинтересовался он.

– Я как в сказке очутилась, – вздохнула Аннет. Она больше не могла выносить свою радость в одиночку. Ей остро требовалось с кем-то поделиться! Но босс тут же все испортил.

– А вы упирались, не хотели ехать, – шутливо упрекнул он ее. – Смотрели на меня волком. Ничего, мы еще с вами подружимся.

Ага, держи карман шире, подумала Аннет и насупилась. Она была уверена, что желание босса подружиться не сулит ей ничего хорошего.

Босс предложил:

– Хотите позавтракать? Пройдите в ресторан: я к вам присоединюсь через несколько минут. Мне нужно попросить радиста отправить радиogramму в головной офис.

Завтрак? Отлично! Аннет вновь оживилась и даже причмокнула от нетерпения. Последний раз она ела вчера днем, и теперь ее подташнивало от голода и волнения.

Ресторан был невелик, но казался просторным из-за окон, больших и наклонных, как и в салоне. Стюард провел Аннет к свободному столику в углу. Зал наполнялся веселыми пассажирами.

Аннет сгоряча перечислила стюарду в три раза больше блюд, чем

была в состоянии съесть. На миг устыдилась своей жадности, но тут же успокоила себя: когда еще доведется даром попробовать то, что кушают на завтрак богатеи? Это вам не подгоревшая овсянка и каменные тосты, которыми ее упорно пичкала квартирная хозяйка.

В ожидании заказа Аннет нацепила пенсне и принялась развлекать себя наблюдениями. Она изучала нарядные шляпки дам, посмеивалась над набриолиненными проборами господ, но при этом ее не покидало ощущение, что и ее саму кто-то ощупывает украдкой тяжелым взглядом. Кожу на затылке щекотало, по предплечьям пробежали мурашки. Девушка беспокойно повернулась и вздрогнула. Через проход сидел господин такой странной наружности, что Аннет вытаращилась на него, как на ярмарочного медведя.

Грузный мужчина средних лет развалился на алюминиевом стуле, который, казалось, сплюснулся под его весом. Черные волосы господина топорщились вокруг обширных залысин на лбу, двойной подбородок лег на грудь, глаза почти полностью спрятались под мохнатыми бровями. На щеке возле мясистого носа сидела крупная бородавка. Одет господин был щегольски: в клетчатом пиджаке и коротких брючках с манжетами и широким напуском у колен. Из-под стола торчали огромные ноги в гетрах и грубых башмаках. Рядом на стуле лежала егерская шляпа с фазаньим пером. Подходящий наряд для богатого помещика, который собрался поиграть в гольф или поохотиться на козюль! Только клюшки не хватает. Или двустволки и патронташа.

Господин поглядывал на весь мир с гримасой наглого, уверенного в своих силах человека, считающего, то все прочие созданы лишь для того, чтобы удовлетворять его прихоти. Толстые пальцы нетерпеливо барабанили по столу, нижняя губа брезгливо оттопыривалась. Заметив внимание Аннет, наглец скользнул по ней липким взглядом. Она спрятала пенсне, задрала подбородок и отвернулась, но уголком глаза продолжала следить за странным пассажиром. Почудилось: этот грузный человек в нелепом костюме только и ждет, чтобы выкинуть какую-то безобразную выходку.

Чутье Аннет не подвело.

Среди стюардов было две девушки. Красавицы в форменных платьях споро сновали между столиками. Одна из них – на вид вчерашняя школьница – принесла подозрительному господину с кружку с пивом и кусок жареного мяса. Господин на поднос не обратил

внимания, а вот подавальщицу осмотрел с ног до головы, и когда она наклонилась над столом, смачно цыкнул зубом, протянул лапищу и похозяйски положил девушке на бедро.

Небесная красавица остолбенела. Аннет разглядела, как волосатые пальцы, униженные перстнями, смяли ткань юбки и сдавили плоть. Девушка попыталась сделать шаг назад, но господин не отпускал: пробурчал пару слов и ухмыльнулся. Бедняжка покраснела и бросила беспомощный взгляд на старшего стюарда, который стоял у входа и следил за порядком в зале. Стюард сделал каменное лицо и отвернулся: выбирайся из затруднения сама.

Рука наглеца тем временем бесцеремонно перебралась ниже и вознамерилась нырнуть под юбку. Девушка плаксиво захлопала глазами, и Аннет не выдержала. Затеять перепалку было страшно, но она представила себя в роли храброй королевы амазонок из спектакля «Девы-воительницы», решительно поднялась, в два крупных шага пересекла проход и потребовала:

– Немедленно отпустите ее. Вы ведете себя безобразно. Я пожалуюсь капитану, вас выведут отсюда, наденут кандалы и до конца путешествия запрут в багажном отсеке.

Господин пристально глянул на Аннет, осклабился, показав неровные желтые зубы, и отрезал:

– Не твоё дело. Сядь на место.

И добавил тише:

– Я тобой позднее займусь.

В салоне замолчали. Аристократические путешественники замерли с поднесенными ко рту вилками и с шокированным видом наблюдали за назревающим скандалом. Старший стюард засуетился и осторожно, бочком, поспешил к его участникам.

– Что здесь происходит? – резко произнес господин Молинаро, который неслышно возник позади Аннет. Бородавчатый господин нехотя отпустил девушку – та быстро отступила и исчезла, не забыв прихватить поднос. Наглец проворчал что-то неразборчивое, отвел глаза, взял нож и вилку и атаковал кусок мяса на тарелке. Старший стюард с видимым облегчением застыл у стены.

– Все в порядке, – бодро произнесла Аннет, не глядя на босса. – Этот господин не умеет вести себя, я сделала ему замечание.

Господин Молинаро помедлил, метнул острый взгляд на странного

пассажира, отвернулся и прошел к своему столику. Аннет последовала за ним.

На столике уже стоял заказ Аннет. Босс удивленно поднял брови:

– К нам кто-то присоединится за завтраком?

– Нет, – отрезала Аннет, принимаясь за омлет с молодым горошком и шампиньонами.

– Почему тогда здесь накрыто на шестерых?

– Это все мне.

– Отрадно, когда у девушки такой отличный аппетит, – похвалил господин Молинаро и добавил лукаво. – Если девушка хорошо кушает, значит, она ненасытна и в других вещах.

Не утратившая воинственного духа Аннет направила на господина Молинаро острие ножа и констатировала:

– Вы такой же пошляк, как и тот тип с бородавкой. Кстати, кто это? Почему он так разоделся?

– Это гельманш, уроженец горной местности, где расположены Фрибур и Механисбург. Среди них много богачей, которые официально считаются овцеводами, но богатству своему они обязаны контрабанде и даже грабежу. По сути, обычный бандит. Не удивлюсь, если на его совести несколько загубленных душ. Не стоило вам связываться с ним, госпожа Вик. Вы неосторожны.

– Я должна была молчать, когда он обижал эту девушку?

– Именно. Она сама бы справилась. Их этому учат.

Аннет негодуя фыркнула и приступила к блинчикам со взбитыми сливками и малиной. Невероятно вкусно! Пришлось позвать стюарда и попросить вторую порцию.

– Сливки очень жирные, – предупредил господин Молинаро, который деликатно потягивал кофе. – Как бы вас потом тошнить не начало.

Она запыхтела от злости, и когда босс учтиво протянул ей оброненную салфетку и как будто невзначай коснулся ее руки, подпрыгнула на месте и чуть не шлепнула его по запястью.

Господин Молинаро озадаченно качнул головой. Аннет отвернулась и поймала нехороший взгляд типа с бородавкой, который в этот момент усердно ковырял в зубах вилкой, жеманно отставив волосатый мизинец.

Аннет невольно содрогнулась и пробормотала:

– Невоспитанный хам.

Глава 4 Над бездной

Вероятно, босс отнес ее слова на свой счет. Он отставил чашку и решительно сказал:

— Госпожа Вик, так не пойдет. Нам предстоит какое-то время работать бок о бок. Вы смотрите на меня, как на отъявленного злодея, и грубите напрапалую. Я же постоянно подозреваю вас в том, что вы плетете интриги. Думаю, мы оба пали жертвой недоразумения. Давайте проясним наши отношения.

Аннет настороженно кивнула.

– Итак, то событие в моем кабинете...

Аннет поморщилась. Босс поиграл темными бровями и невозмутимо продолжил.

– Посмотрите с моей точки зрения. Когда мы познакомились, я принял вас за женщину раскрепощенную, презирающую предрассудки. Ваша манера одеваться и поведение укрепили меня в этом мнении.

– Что же такого особенного было в моем поведении? – звенящим от гнева голосом спросила Аннет.

— Вы ведь суфражистка, последовательница Клары Перкин, верно? Вы из тех дам, кто борются за права женщин и отвергают принятые в обществе нормы, которые велят женщинам знать свое место, быть скромными и незаметными, так?

— Так, — презрительно подтвердила Аннет. — Клара Перкин — мой идол.

— Имел я дело с вашими сестрами по вере, — насмешливо поведал господин Молинаро. — Более того, одна из них некоторое время утешала меня после развода. Мой опыт показывает, что есть два вида подобных вам дам. Первый вид ненавидит мужчин и всячески их избегает.

— Что за чушь! — горячо перебила его Аннет. — Мы вовсе не ненавидим мужчин. Мы ненавидим глупые догмы, которые говорят, что мужчины умнее, сильнее и лучше. Мы ненавидим мир, в котором женщин признают существами второго сорта. Мы...

-- Пойдите! — господин Молинаро поднял ладонь. — Я не спорю. Ваши цели благородны... кое-в-чем. Я лишь говорю о дамах, которые эти взгляды несут в массы. Так вот, я решил, что вы принадлежите ко

второму типу дам-суфражисток. Они действительно свободны и раскованы. Они не боятся своей привлекательности, не стесняются говорить о своих желаниях и не любят бессмысленные ритуалы, вроде ухаживаний, цветов и конфет. Они предпочитают сразу переходить к делу...

– Вы полны предрассудками, как ведро помоями, – ядовито заметила Аннет. – И ни черта не понимаете в женщинах – особенно в таких, как я.

– Фу, – брезгливо отозвался босс, – у вас язык, как у кухарки.

Аннет решила пропустить его реплику мимо ушей.

– Вы всегда готовы взвалить на нас вину. Уверяете, что мы соблазняем вас и сами напрашиваемся на неприятности, – с жаром продолжила она. Ей очень понравилось отчитывать босса, и она вошла во вкус.

Господин Молинаро поморщился.

– Уверяю вас, после пяти лет неудачного брака, развода и череды случайных подруг я прекрасно знаю, как работает мозг у женщин, в том числе у таких, как вы. Итак, вернемся к событиям в кабинете. Вину с себя я не снимаю. Да, вел я себя безобразно. Но позвольте оправдаться. У меня нет привычки набрасываться на дам. В тот вечер я вернулся навеселе после банкета и плохо себя контролировал. Не собирался я вас оскорблять.

– Так вы еще и пить не умеете, – с удовлетворением отметила Аннет. – Сколько вам, тридцать? Пора бы научиться.

– Тридцать два, – поправил ее господин Молинаро смущенно. – У моего организма есть одна дурацкая особенность. Я могу в любом количестве пить чистый спирт, крепчайший джин, виски... даже рисовую водку, которую так любят на востоке, и не пьянеть. Но стоит мне выпить бокал вина, как мозги затуманиваются на пару часов. Хочется петь песни, ходить на руках, задира́ть полицейских и совершать прочие необдуманные поступки. А на том банкете ничего, кроме вина не было. Пришлось произносить тост за партнера фирмы.

Аннет презрительно фыркнула.

– Но это еще не все. Вы ведь заигрывали со мной, не отрицайте! Вели себя, как легкомысленная кокетка.

Аннет лишилась дара речи.

– С чего вы взяли? – наконец выговорила она, задыхаясь в приступе

праведного гнева.

– Думаете, я не видел, как вы таращились на меня? Томно склоняли голову к плечу и смотрели вот с эдаким многозначительным прищуром...

Господин Молинаро очень похоже изобразил Аннет, когда та пыталась заглянуть ему в лицо близорукими глазами.

– Опять сели в лужу. Я плохо вижу, вот и все. Когда впервые увидела вас, я заинтересовалась, не скрою. Сами знаете, такие глаза как у вас не часто встречаются. Вот я и хотела вас разглядеть. А еще я люблю фотографировать, и представляла, каким вы выйдете на портрете. Внешность у вас весьма экзотическая, но это был интерес художника, а не кокетки.

– Ну а очки у вас есть, госпожа художник? – саркастично поинтересовался господин Молинаро.

Аннет молча открыла сумочку, достала пенсне, надела и с вызовом посмотрела в разноцветные глаза босса.

– Прелестно! – умилился босс. – Не снимайте их. Вы теперь напоминаете мою учительницу младших классов. Помню, эта старая дева любила носить толстые шерстяные носки под открытые туфли, трубно сморкалась в клетчатый платок и считала мужчин исчадиями ада.

Аннет мысленно застонала и торопливо сдернула пенсне.

– Хорошо. Но если я не интересовал вас, как мужчина, какого дьявола вы зашли в мой кабинет, виляя бедрами, как одалиска, взгромоздились на стол, да еще и принялись задирать юбку и облизывать губы? Все же решили проверить на мне свои чары?

– Ничего подобного! – возмутилась Аннет. – И в мыслях не было вас соблазнять. Я вас вообще не видела. Думала, кабинет пуст. У меня расстегнулась застежка на чулке, и я решила ее поправить. Заодно представила себя в роли Лили-Роуз.

– Кто такая Лили Роуз? – наморщил лоб Максимилиан и потер подбородок укороченным мизинцем. – Машинистка со второго этажа?

Аннет снисходительно разъяснила.

– Это шпионка из киноромана «В плену у кровавого барона» в исполнении непревзойденной Мэри Рикфорд. Ленту крутили в синематографе «Сфинкс» в прошлом месяце.

– Понятно, – закивал головой Максимилиан. – Я-то по наивности

решил, что вы приглашаете меня быть посмелее, а вы, оказывается, просто кривлялись. Обезьянничали. А я и не понял, дуралей.

– Вот именно, – многозначительно подтвердила Аннет. – Я мечтаю стать актрисой и не упускаю случая попрактиковаться.

– Надеюсь, впредь вы будете более осмотрительно выбирать момент для вашей актерской практики. Хорошо. И все же я очень на вас зол. Мало того, что вы съездили мне по физиономии. Вы принялись распускать обо мне глупые слухи. Старик Абеле, мой дядя, был весьма недоволен, когда они до него дошли. Мы чуть не разругались.

– Я здесь ни причем, – отрезала Аннет.

– Прочие свидетели той сцены свою вину отрицали и заявили, что сплетни исходили именно от вас.

Аннет стало обидно – даже слезы на глазах выступили. Она горячо заговорила, так громко, что за соседним столиком обернулись, а бородавчатый овцевод заинтересованно подался вперед.

– Я никогда бы ничего подобного не сделала! Как вы не понимаете... нет, я не могу ничего доказать – и не буду. Думайте, что хотите. Но я не сплетница.

Господин Молинаро смутился.

– Простите, – сказал он. – Стоило раньше поговорить с вами. Как раз собирался это сделать, когда мне вручили ваше прошение об увольнении.

– Вы вели себя мелочно. Начали мне мстить.

– Здравствуйте, пожалуйста! – вскипел господин Молинаро. – Какая еще месть? Я просто старался избегать вас.

– Вы переселили меня в подвал.

– Не я. Распоряжение это сделала Ванесса.

– Вы лишили меня премии и урезали жалованье.

– Вполне заслуженно и не вам одной. Вы допустили серьезную ошибку в экспертной оценке. Ничего личного. Многие служащие были наказаны за халатность. Дела конторы шли наперекосяк. Прежний управляющий вас всех разбаловал.

– Я уверена, что ошибки не было, – упрямо проговорила Аннет.

– Нет, Аннет, была, – мягко произнес господин Молинаро. – Вы не очень стараетесь, когда используете свой талант хронолога. Возможно, вам действительно стоит выбрать другую профессию.

– Именно это я и собираюсь сделать, – Аннет понемногу

успокоилась.

– Ну что, мир? – спросил господин Молинаро и пытливо заглянул Аннет в глаза.

– Мир, – неохотно согласилась Аннет. – Но все же давайте обговорим кое-какие правила.

– Ставите условия своему боссу? – изумился босс и тут же капитулировал. – Хорошо, давайте послушаем, что вы задумали.

– Условие одно. Вы будете относиться ко мне как мужчине.

– То есть? – господин Молинаро нахмурился. – Хотите, чтобы я угощал вас сигарами, хлопал по плечу и травил охотничьи байки?

– Никаких ухаживаний. Никаких двусмысленных шуток. Будете держать руки при себе.

Босс картинно подпер подбородок рукой, задумался, а затем медленно произнес.

– Вот, значит, какого вы обо мне мнения. Считаете меня пошлым, сальным типом. Ждете от меня домогательств. Знаете, говорят, человек получает именно то отношение, которого втайне ожидает. Вести себя с вами как с мужчиной? Это будет непросто.

– А вы постарайтесь.

– Хорошо, – тон господина Молинаро внезапно изменился. Он стал очень серьезен и даже сух. – И хотя вы говорите со мной так, как нельзя говорить служащей со своим начальством, признаю – ваш гнев я полностью заслужил. Обещаю, что больше ничем не оскорблю вас. Но не обещаю, что буду относиться к вам исключительно как к мужчине. Это невозможно. Я не вижу в вас мужчину или бесполое существо. Вы красивая девушка, вы мне нравитесь. Я оставляю за собой право оказывать вам знаки внимания. Можете сказать мне, если вам будут неприятны какие-то мои слова или поступки, и я постараюсь держать себя в руках. Вы же перестанете дерзить и будете вести себя уважительно. Договорились?

Аннет от его слов одновременно испытала приступ раздражения и острое удовольствие. Одна часть Аннет, которая втихую любовалась мужественным лицом господина Молинаро, хотела верить в его искренность. Другая ее часть, которая отмечала лукавый блеск в его разноцветных глазах, догадывалась, что он водит ее за нос, делает вид, что потакает ее прихоти. Во время своей тирады он походил на обаятельного злодея, который принял брошенный вызов и теперь

обдумывает коварный план. Да, определенно босс что-то задумал. Придется быть настороже.

Аннет насупилась и нехотя кивнула

– Вот и славно. Теперь я уверен: мы не убьем друг друга до конца поездки. С вашего позволения оставляю вас: я всю ночь разбирался с делами и глаз не сомкнул, и теперь хочу пройти в каюту и вздремнуть. Советую поступить так же. «Порфирион» прибудет в город Фрибур через восемь часов.

Сначала Аннет решила последовать совету босса. В узкой каюте, похожей на элегантно обставленный чулан, устроилась на жесткой койке, но уснуть так и не смогла. Полистала найденный в тумбочке путеводитель. Механисбургу там отводилась пара строк. «Уникальный город с необычной историей и традициями, полный удивительных легенд и достопримечательностей. Туристическая жемчужина, знавшая лучшие времена». Любопытно!

Отложила путеводитель, полежала с закрытыми глазами, но сон не шел. Может, воспользоваться «Книгой сладких сновидений»? Нет! Зачем спать, когда кругом столько интересного! Достала из саквояжа фотографический аппарат фирмы «Фронтир» – подарок отца – и отправилась на экскурсию по «Порфириону».

На дирижабле было не так много мест, куда дозволялось ходить пассажирам. Аннет обошла их за час. Делала снимки, испросив разрешения у стюардов и офицеров, потом познакомилась со штурманом и еще час мучила его расспросами об устройстве «Порфириона», пока штурман не сбежал, ссылаясь на поручение капитана. Аннет узнала, что кроме пиромансера на борту присутствовал еще один сенситив, отвечающий за безопасность полета – метеомант. Он безошибочно предсказывал изменение погоды и силы ветра, а еще мог укротить ураган и потушить грозу.

Затем наведлась в салон-ресторан. Обедать после плотного завтрака не хотелось, но от еще одной порции блинчиков с малиной и взбитыми сливками отказаться не смогла.

Овцевод-контрабандист сидел в дальнем углу и недобро зыркал. В этот раз ему прислуживал дюжий стюард. Присмиривший грубиян общался с ним заискивающим тоном. Уходя из опустевшего ресторана, Аннет мстительно навела на овцевода фотоаппарат и нахально сделала снимок. Овцевод зажмурился от вспышки магния и скорчил такую

страшную гримасу, что Аннет струсила и сбежала в кают-компанию.

Здесь было многолюдно. Кто-то сдвинул панели на окнах, и теперь по помещению гулял свежий ветерок. Аннет присела на широкий подоконник и смело высунулась. Внизу проплывала сказочная страна. В узкой ленте реки сверкало солнце, зеленели пушистые рощи, краснокирпичные домики выглядели нарядными, как новенький детский конструктор в витрине магазина. На горизонте темнели очертания гор.

– Осторожно, госпожа Вик! – подошел господин Молинаро, румяный и бодрый после отдыха в каюте. – Неровен час, сорветесь. А не сорветесь, так обгорите и испортите ваш нежный цвет лица. Горное солнце коварно.

От его покровительственного тона в Аннет моментально разыгрался дух противоречия и она высунулась еще дальше.

Господин Молинаро сделал движение, словно хотел схватить ее за руку и стащить с подоконника, но передумал: отошел и завел беседу с пожилым господином.

На свободное место возле окна тут же втиснулась бойкая девочка лет пяти. Она положила на подоконник дорогую тряпичную куклу с фарфоровым личиком и принялась болтать с Аннет. При этом крутилась на месте, как чертенок, и оживленно жестикулировала. Мать девочки, молодая, изысканно одетая дама, поминутно одергивала дочь – без толку. Во время рассказа о проделках какого-то сорванца Поля, девочка неловко взмахнула рукой и задела куклу. Кукла скользнула по подоконнику и исчезла за окном. Девочка завопила как сирена.

Аннет не растерялась.

– Посмотри, – она показала рукой вниз. – Видишь тот маленький домик у дороги? Там живет бедная девочка Жаклин. У нее никогда в жизни не было игрушек. Твоя куколка упала ей прямо в руки. Жаклин думает, что получила подарок от небесных фей за хорошее поведение. Видишь, как замечательно получилось? Радовать людей очень приятно. Ты теперь небесная фея!

Девочка успокоилась и заинтересовалась брошью Аннет в виде грозди смородины. Забралась к Аннет на колени, попросила разрешения потрогать темно-рубиновые шарики и попыталась украдкой лизнуть их.

Год назад Аннет получила эту брошь на день рождения от

Бастiana, ее первого и единственного возлюбленного. Бастиян был подающим надежды скульптором. Они расстались полгода назад, когда он увлекся очередной натурщицей.

История была банальная и печальная. Аннет поклялась, что никогда больше не свяжется с мужчиной, который искренне увлечен лишь собой, который не уважает ни ее саму, ни ее интересы; который глумливо фыркает, услышав рассуждения Аннет о взаимных обязательствах, а в женщинах больше всего ценит покладистость. Иначе говоря, ни с каким мужчиной она больше не свяжется. Все они на один лад кроены. Вспомнила слова Максимилиана о раскрепощенных женщинах и скривилась: и этот недалеко ушел от Бастiana.

Аннет посмотрела на припухшие детские глаза, решительно сняла брошь с лацкана и вручила девочке. Та, не веря своему счастью, умчалась в каюту. Кукла была забыта.

– Вам не жалко броши? – поинтересовался наблюдавший за сценой господин Молинаро. – Мне показалось, она была вам дорога. Вы часто касались ее пальцами и грустно улыбались. Это был подарок от жениха?

– Нет, – коротко ответила Аннет. – Мне не жалко броши. Девочки не должны плакать. Ей, как и любой женщине, еще придется испытать много разочарований в жизни и пролить немало слез.

Слова прозвучали пафосно, и Аннет устыдилась. Господин Молинаро саркастически хмыкнул и ушел. Наверное, подумал, что она процитировала строку из пьесы.

Кают-компания понемногу пустела. Пассажиры готовились к высадке. Путешествие подходило к концу.

Вскоре Аннет осталась одна. Саквояж она не распаковывала, и решила наслаждаться проплывающими внизу видами до самого прибытия.

Поправила шарф, положила фотоаппарат на подоконник, крепче схватилась рукой за стойку и замерла. Щеки пламенели на солнце, а ветерок приятно охлаждал кожу. Горы на горизонте росли, небо становилось темнее, вдалеке появились очертания города.

Как красиво! Будет за что помянуть добрым словом господина Молинаро; благодаря ему она смогла совершить это удивительное путешествие. Впрочем, она наверняка объедет весь мир, когда станет знаменитой актрисой.

Позади раздались шаги, и звучали они так, словно кто-то тяжелый

старался ступать тише. На подоконник рядом с Аннет легла черная тень. Девушка встrepенулась, повернула голову, но в тот же миг ее лодыжки больно и крепко сжали чьи-то пальцы. Затем ее ноги грубо дернули вверх, неизвестный ухарски крякнул и выпихнул Аннет наружу.

Аннет повезло: она не полетела к земле подарком для выдуманной девочки Жаклин. Конец ее длинного шарфа зацепился за крюк для ставней и не дал ей упасть. Впрочем, удача была сомнительной: второй конец шарфа сыграл роль удавки. Он плотно обвился вокруг шеи, Аннет шлепнулась о наружный борт гондолы, и почувствовала, что ей вот-вот оторвет голову. В момент падения ей удалось ухватиться за стойку, и только поэтому она ускользнула от обеих смертей: не превратилась в висельника и не разбилась в лепешку.

Сначала Аннет испытала безмерное удивление. Затем осознала: это происходит не во сне, не в ее фантазии о съемках в приключенческой ленте... это происходит взаправду!

Одурев от ужаса, она запаниковала. Хрипела, била ногами о стенку гондолы, безуспешно пыталась подтянуться на руках! Внизу скользила бездна. Она ждала, когда Аннет разожмет онемевшие пальцы, чтобы проглотить ее.

Холодный ветер рвал юбку, грохотали моторы, приближалась громада причальной мачты, похожей на гигантского ферзя. Без пяти минут покойница краем глаза видела, как далеко внизу скользят красные квадраты крыш, по ленте дорог бегут жуки-автомобили и игрушечные экипажи. Тень гигантского дирижабля напoлзала на них, как туча, и неслась дальше.

Раздался свисток, крики, топот. Чьи-то руки больно ухватили Аннет за запястья и, не церемонясь, потащили наверх, словно куль с балластом.

«Я жива, – мелькнула мысль. – Меня спасли. Но до этого хотели убить».

– Безобразие! – завопил ей кто-то в ухо басом, брызгая слюной и размахивая перед глазами руками, торчащими из обшлагов форменной куртки – Возмутительная неосторожность!

– Тихо! – грозно рявкнул голос господина Молинаро. – Перестаньте орать на нее, матрос. Видите, она не в себе.

– Кто-то выкинул меня за борт, – прохрипела Аннет, к которой медленно вернулась способность соображать. – Я не виновата.

– Ишь чего выдумала, – пробормотал бас и нервно хохотнул.

Вокруг Аннет собралось ужасно много людей: стюарды, матросы и механики. Все принялись взволнованно переговариваться. Старший штурман устроил допрос, а затем и разнос дежурному, грозил ему за недосмотр страшными карами. Скрипучий голос капитана в переговорном устройстве заставил экипаж разбежаться. Дирижабль причаливал.

В кают-компании остались стюард и Максимилиан. Стюард суетился без толку, но босс отдал несколько скупых распоряжений и дело пошло на лад. Принесли теплое одеяло и укутали Аннет, в руку ей сунули чашку с какао, но тут же забрали: у Аннет стучали зубы, тряслись руки, и она расплескала горячий напиток на колени. Появился молоденький доктор в кожаном пальто и круглых очках, осмотрел шею Аннет, оттянул ей веки, заглянул в глаза, пощупал руки-ноги и поразился ее везению.

– Целехонька, – успокоил он сердитого и бледного господина Молинаро. – Позвонки на месте. На шее, возможно, будет синяк, вот такой, – доктор чиркнул пальцем по своему горлу, как заядлый головорез, обещающий врагу скорую расправу. – Сильнее всего пострадали нервы. Пусть денек полежит в постели. Вы ее супруг? Обеспечьте ей полный покой.

Затем доктор строго покачал головой:

– Как же вы не уследили за ней? Женщины – существа любопытные, неосторожные. Перегнулась через борт далеко – и вот результат.

Господин Молинаро рыкнул что-то неразборчивое и доктор осекся.

– Послушайте, меня пытались убить! – попыталась вскочить Аннет. Доктор глянул с веселым изумлением, вынул из саквояжа успокоительные пилюли, предложил потереть виски ментоловым карандашом, получил отрицательный ответ и ушел.

Максимилиан поправил плед на плечах Аннет, поднес ей к губам кружку с какао, но Аннет не смогла сделать ни глотка. Она совершенно ослабла от пережитого ужаса.

– Вы мне не верите? – горько спросила она, отпихивая кружку. – Считаете идиоткой, которая свалилась за борт, как дурная кошка с крыши?

– Я этого не говорил.

– Вы так подумали.

– Известно, что у артистических натур богатая фантазия, – обидно заметил господин Молинаро. Аннет всхлипнула.

– Кто напал на вас? – он не мигая смотрел в глаза Аннет, его губы были сжаты в тонкую линию.

– Я не видела. Он подкрался сзади, схватил меня за лодыжки и перебросил через борт.

– Вы разглядели его?

– Нет, – Аннет поколебалась. – Кажется, это был высокий человек. С вас ростом. И здоровый, как тот овцевод из ресторана.

Господин Молинаро щелкнул языком и покачал головой как взрослый, вынужденный выслушивать фантазии ребенка.

– Я поговорю с капитаном. Пусть даст радиogramму в полицию. Нужно провести расследование. Аннет... вы уверены, что вам не показалось? Вы всего лишь приструнили этого господина. Считаете, он так рассердился, что решил покарать вас смертью? Верится с трудом.

Аннет молчала. Она уже ни в чем не была уверена. Она не разглядела напавшего. Был ли он вообще? Она слышала шаги. Или это стучали моторы? Сзади пошевелилась высокая тень. Или ветер играл занавесками? Она почувствовала прикосновение к голени, затем был рывок, а затем... По телу пробежала дрожь, на спине выступил липкий пот.

Максимилиан встал и протянул руку. По его лицу блуждало сочувствие, с каким обычно смотрят на лунатиков. Аннет покосилась на руку и встала сама. Ноги немедленно подогнулись, но она сумела выпрямиться, гордо сделала шаг, второй, и тут мир закружился, к горлу подкатила тошнота, Аннет нагнулась, и ее вырвало прямо под ноги боссу.

Ее тело сотрясилось в спазмах, и сквозь пелену слез Аннет увидела, как ноги в дорогих ботинках и идеально отутюженных брюках быстро отступили. Одна крепкая рука поддержала ее за плечо, а вторая подобрала волосы и удержала на затылке.

– Простите, – выдавила Аннет, выпрямляясь и сгорая от стыда.

Босс промолчал. Сунул ей в руки носовой платок, принес стакан воды и позвал стюарда убрать беспорядок.

Очень хотелось провалиться на месте или стать невидимкой. В фильмах с героинями случались многие неприятности, но такие –

никогда. Как бы, интересно, поступила храбрая Лили Роуз, после того, как ее вывернуло наизнанку под ноги герою? Задорно подмигнула ему, как ни в чем не бывало, и послала воздушный поцелуй?

Аннет по стенке поплелась в каюту, морщась от мерзкого вкуса во рту, щедро сдобренного ароматом малины с жирными сливками. Максимилиан догнал ее, поддержал под локоть и отвел до двери дамской комнаты.

Когда она привела себя в порядок, он проводил ее в каюту и велел лечь. Сам ушел и пропадал не меньше получаса. Дирижабль не двигался, он уже был пришвартован к причальной мачте, а прочие пассажиры давным-давно покинули его.

Наконец, Максимилиан вернулся в сопровождении носильщика с чемоданами. Пришло время сойти на землю.

К этому времени Аннет несколько приободрилась и без посторонней помощи вышла на мостик, соединяющий пассажирскую гондолу с причальной мачтой.

Ярко светило солнце, вдали синели горы, а воздух был так свеж и чист, что начала кружиться голова. Внизу раскинулся невысокий город, куда они спустились на допотопном винтовом лифте, работающим от паровой машины: кабина шла по огромному винту и вращалась, как гайка.

У выхода причальной мачты их ждали двое полицейских.

– Вас расспросят о том, что произошло, – коротко пояснил Максимилиан, – раз вы утверждаете, что на вас было совершено покушение. Правда, боюсь, толку от этого не будет. Члены экипажа уже дали показания, никто ничего не видел. Капитан настроен скептически и склонен считать ваши слова о нападении выдумкой. Он обещал наказать дежурного матроса, а нужные меры не принял – все пассажиры уже покинули борт. Но их имена известны. Попросим полицейских найти и допросить их.

Расположились в кабинете начальства в административного здания компании воздушных перевозок. Полицейские откровенно скучали и не верили ни единому слову Аннет. Она сбивалась и путалась от волнения, господин Молинаро мрачнел и хмурился. Представитель страховой компании и офицер службы безопасности заполнили отчет. Причиной происшествия указали неосторожность госпожи Вик и халатность капитана, который не оставил дежурного в кают-компании.

Полицейские пообещали побеседовать с пассажирами, но было ясно, что делать этого они не станут.

– Найдите этого овцевода, гельманша. Как его... господин Швиц, верно? – потребовал господин Молинаро. – Вы же понимаете, кто он на самом деле и чем занимается. И у него была стычка с госпожой Вик. Она предполагает, что нападение – его рук дело.

Полицейские сделали кислые лица, переглянулись и распрощались.

Господин Молинаро неодобрительно покачал головой и сказал:

– Придется оставить дело на самотек. Я свяжусь с начальником полиции Фрибура и потребую отчета, когда мы вернемся из Механисбурга. Идем, Аннет. Нас ждет поездка по канатной дороге.

Город Фрибур не понравился Аннет. Впрочем, в ее нынешнем состоянии, раздражало все, и больше всего – переполненные туристами улицы. Новые однотипные отели теснили столетние дома, которые как будто стыдились своего обшарпанного вида.

Господин Молинаро галантно поддерживал Аннет под руку и поминутно спрашивался о ее самочувствии. Аннет отвечала коротко и мечтала лишь об одном – упасть на кровать и закрыть глаза. Заметив ее состояние, босс предложил:

– Если хотите, можем остановиться в гостинице Фрибура, чтобы за ночь вы пришли в себя.

– Не стоит, – бодро произнесла Аннет. – Я в порядке.

– Вы ужасно бледная. Краше в гроб кладут.

– Бледность нынче в моде. Иные дамы чернила пьют, чтобы кожа приобрела правильный оттенок, а мне он, считай, даром достался.

– Всего-то пришлось для этого в воздухе поболтаться на волосок от смерти, – иронично подхватил босс.

– Видите, какая я везучая.

Босс одобрительно хмыкнул.

– Вы, конечно, девушка неосторожная, но храбрая. Не кисейная барышня. Правда я не знаю, радоваться этому или огорчаться.

От его слов Аннет сразу приободрилась. Даже головокружение прошло! И правда: она молодец. Не растерялась, удержалась, не сорвалась в бездну! Вела себя не хуже авантюристки Аманды в фильме «Сокровища фараона». И сейчас идет себе, как ни в чем не бывало. Другая на ее месте бы хныкала, скулила и цеплялась за руку своего спутника. Раз все закончилось хорошо, будем считать случившееся

приключением.

– Вот и станция канатной дороги. Двадцать минут – и мы на месте.

Станция канатной дороги оказалась такой же древней и обшарпанной, как и дома Фрибура. Господин Молинаро провел Аннет в высокий, похожий на пещеру зал. Одну его часть занимали сложные механизмы, лебедки и шкивы, под потолком тянулись канаты, а дальней стены вовсе не было. Внизу лежала долина, залитая лучами вечернего солнца.

Аннет замешкалась, когда служащий открыл дверцу кабинки, похожей на заржавленную консервную банку с узкими окнами. Господин Молинаро ухватил Аннет за локоть и настойчиво потянул внутрь. Она покорно села на узкую скамейку, босс опустился рядом.

Служащий поставил чемоданы на пол, захлопнул дверь. Утробно зарокотали шкивы, кабина дернулась и поползла.

Сквозь широкую щель в полу между плохо приваренными листами пола Аннет увидела вершины деревьев. Кабина проплывала над долиной, косо карабкалась в гору по ненадежному канату, угрожающе покачивалась. И тут, откуда ни возмись, подступил запоздалый страх. Аннет вспомнила недавний ледяной ветер, чувство пустоты и собственную беспомощность. Мышцы напряглись до боли, сердце затеяло безумную скачку.

– Госпожа Вик! – господин Молинаро придвинулся ближе и крепко сжал ее пальцы. – Вы опять побледнели. Вам дурно?

– Мне кажется, у этой консервной банки вот-вот отвалится днище, и мы ухнем вниз на камни вместе с нашими чемоданами, – проговорила Аннет, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Она была в шаге от истерики. Куда подевалась отчаянная авантюристка! Босс нахмурился и коснулся ее запястья; не сознавая, что делает, Аннет вцепилась в его руку до боли в пальцах. Однако босс лишь глянул задумчиво, с хитринкой, и поведал:

– Не волнуйтесь, механизм старый, но надежный. Меня волнует другое...

Он легко помассировал пальцы Аннет и продолжил:

– Сейчас разгар туристического сезона, а гостиница в Механисбурге всего одна. Я забронировал место по телеграфу, но ответ получил неутешительный. Свободен лишь двухместный номер. Мы

можем оказаться в неловкой ситуации... ваши передовые принципы допускают проживание в одной комнате с мужчиной?

Аннет моментально возмутилась, выдернула руку из ладони босса и мигом забыла новоприобретенный страх высоты. Вот, значит, что у него на уме!

– Я не буду жить с вами одним номере! Не пытайтесь убедить меня, что другого выхода нет. Вы можете снять комнату у кого-нибудь в городе.

– Солнце уже садится, не думаю, что отыскать жилье на ночь глядя будет простой задачей, – резонно заметил господин Молинаро, улыбаясь еще шире.

– Как-нибудь справитесь, – отрезала Аннет, все еще кипя как чайник. – Вы, говорят, мастер искать выход из сложных ситуаций. В крайнем случае, устройтесь на диванчике в холле.

– Насколько помню, в «Заводном купидоне» диванчик в холле узкий и короткий. Я на нем помещусь, если только отрублю себе ноги. Бросьте, где ваше человеколюбие? Неужели вы не сжалитесь надо мной и оставите под открытым небом? Ночи в горах студены. Обещаю, что не буду подглядывать, как вы переодеваетесь на ночь. Хотя мне весьма любопытно, что за белье вы носите под вашими яркими нарядами. Неужто панталоны с начесом, как предписывает общество поборниц за высокую нравственность?

Аннет вспыхнула как порох и разразилась горячей тирадой об отсутствии у господина Молинаро приличных манер. Босс посмеивался и задумчиво поглядывал в узкую щель окна.

– Посмотрите, госпожа Вик! – прервал он ее. – Какой великолепный вид! Не стоит менять его на нашу перепалку.

Аннет сердито глянула в окно и вскрикнула от восхищения. Картина оказалась потрясающей. Долина была залита янтарным светом, луга приобрели изумрудный оттенок, вдали синели горы, и краски эти были необычайно яркими. Аннет перевела взгляд на босса, заметила, как подрагивают уголки насмешливого рта, как залучились морщинки возле глаз и кое-что поняла.

– Вы это специально, верно? – спросила она, успокаиваясь. – Болтали сальности, чтобы заставить меня забыть о страхе. Поздравляю, вам это удалось. Спасибо.

Господин Молинаро неопределенно пожал плечами и сказал:

– Смотрите, госпожа Вик. Воздушные ворота в Механисбург.

Аннет вновь выглянула наружу. Канат тянулся к высокой скале и уходил в черный тоннель. Над входом в тоннель были установлены гигантские бронзовые барельефы.

Аннет прищурилась.

– Что это?

Пошарила в сумочке и выудила пенсне.

– Кукловод и его марионетки. Видите?

Наконец, удалось разглядеть потемневшие от времени фигуры. Вот арлекин в колпаке с бубенчиками. Угрюмый рыцарь. Кокетливая пастушка. К шарнирным ручкам-ножкам тянутся веревки. Сверху растопырил пальцы исполинский кукловод. Прищуренные глаза смотрят глумливо, крючковатый нос напоминает клюв. Блики солнца играли на металле, и казалось, что фигуры вот-вот оживут и начнут двигаться.

– Это Панчинелло. Персонаж старинной комедии, хитрый горбун и задира. В детстве вас водили на этот спектакль? Барельеф работы мастера Жакемара, основателя города. Он так любил театр, что построил свой собственный в Механисбурге. Там до сих пор дают представления.

Шкивы застонали, кабина дрогнула, нырнула в черный зев тоннеля и встала.

– Добро пожаловать в Механисбург, госпожа Вик! – торжественно произнес господин Молиаро, распахнул скрипучую дверь, выбрался наружу и протянул руку Аннет. От внезапно наступившей темноты она словно ослепла, и ей волей-неволей пришлось опереться о широкую ладонь.

Глава 5 Знакомство с Механисбургом

Электрические фонари в железных клетках с трудом разгоняли сумрак внутри станции. Лавируя между ржавыми механизмами и бухтами стальных канатов, Аннет и ее спутник поспешили к выходу. У двери их поджидала фигура в длинном черном плаще. Человек поднял руку и дружелюбно позвал:

— Господин Молиаро! Госпожа Вик! Сюда!

– Добрый вечер, – приветствовал его босс. – Госпожа Вик, позвольте представить господина Ангренажа. Он – владелец

автоматона, которого вам предстоит осмотреть.

— Рад знакомству, — мужчина выступил из теней, вошел в круг фонарного света, учтиво пожал руку Аннет и заглянул ей в лицо смеющимися глазами. Аннет невольно улыбнулась в ответ.

— Господин Молинаро неточно выразился. Право владения автоматом, прозванным «Лазурным поэтом», принадлежит городу и всем проживающим в нем наследникам мастера Жакемара. Нас, ни много ни мало, четверо. Как понимаете, это создает кое-какие трудности при продаже.

Аннет с живым интересом рассматривала наследника легендарного мастера Жакемара. Господин Ангренаж был невысок и, кажется, строен, насколько позволял судить старомодный плащ-крылатка, скрывающий его фигуру. Плащ придавал ему вид опереточного злодея. Сходство усиливали крючковатый нос, небольшой, почти женский рот и волосы цвета воронова крыла, напыленные и уложенные на косой пробор. Судя по легкой седине у висков, господину Ангренажу перевалило за сорок, хотя на бледном лице не было ни единой морщинки. Ну и типаж! Добавить грима — и хоть сейчас на сцену в роли короля вампиров.

И все же Аннет новый знакомец понравился. В его черных глазах плясали веселые искорки, на губах гуляла добродушная улыбка, а приятный тенор больше подошел бы герою-любовнику.

— Я провожу вас в гостиницу. Уже темнеет, стоит поспешить: освещение в Механисбурге дрянное.

Господин Ангренаж шагнул к двери и поманил за собой. Аннет заметила, что он сильно прихрамывает, а спину держит неестественно прямо.

Когда вышли наружу, выяснилось, что солнце приготовилось нырнуть за гребень горы. В долину опускалась ночь.

Перед Аннет и ее спутниками открылся потрясающий вид.

Они стояли на холме, а внизу, как картинка на развороте детской книжки, лежал пестрый городок.

Аккуратные домики купались в вечерних лучах. Флюгеры над черепичными скатами — драконы, кораблики и двуглавые петушки — отбрасывали длинные тени. Улицы спускались к озеру. Там, над темно-синей гладью, поднималась в небо Часовая башня, нарядная, как сказочный дворец. Золотой циферблат под ее крышей поймал отблеск луча и на миг ярко вспыхнул. Затем солнце ушло, сумрак затопил

долину. Начали зажигаться фонари.

Не спеша двинулись вниз по узкой мощеной улице. Было тихо, лишь в питейном заведении на дальней улице играл патефон, да припозднившееся туристы вполголоса переговаривалась, торопясь к станции канатной дороги. Но кроме этих обыденных звуков до Аннет доносились и другие, непривычные: щелчки, тиканье, стрекотание пружин.

Раздалось жужжание, которое сменилось переливчатым звоном. За ним эхом последовал второй, третий, и вскоре город заполонила мелодия. Она становилась все громче, складывалась из тысячи трелей, которые звучали со всех сторон, из каждого дома на узкой улице.

— Что это? — воскликнула удивленная Аннет.

— Часы бьют девять, — виновато улыбаясь, пояснил господин Ангренаж.

-- Что это за часы такие? Как будто целый оркестр вооружился колокольчиками и молотками.

— В Механисбурге много уличных и башенных часов. Очень много. Их столько, что хватит на все королевство. Куранты на Часовой башне, часы на кукольном театре «Мимезис», и в каждом магазинчике и питейном заведении есть свои уличные часы с боем. Большинство из них сделал сам мастер Жакемар двести лет назад.

— Как жители спят среди этой какофонии? Если часы бьют каждый час...

— В городе есть правило: после девяти громкий бой уличных часов отключают до утра. Не беспокойтесь, ваш сон ничто не потревожит.

Наконец, молоточки ударили в последний раз с долгим тягучим отзвуком. В наступившей тишине зашелестел горный бриз. Он принес аромат фиалки, корицы и свежееобжаренного кофе. Аннет глубоко вздохнула и почувствовала себя уютно.

Растворившийся в ночи город с голосом музыкальной шкатулки заинтриговал ее. Он казался декорациями к сказочному спектаклю, которые до поры до времени скрывались в полутьме сцены.

Спуск закончился, улица привела к ратушной площади, откуда свернули в переулок. Здесь господин Ангренаж распрощался.

— Автоматон будет ждать вас в музее после обеда, — сообщил он. — Вы проведете исследование и заполните бумаги. Госпожа Вик, — добавил робко после секундной заминки, — не хотите с утра совершить

небольшую экскурсию по городу? Предлагаю свои услуги в качестве гида. Соглашайтесь, не пожалеете. Города подобного Механисбургу нет ни в одной стране. Вы уже бывали здесь, господин Молинаро, но буду рад, если и вы пожелаете присоединиться к нам.

– Нет, благодарю. У меня есть кое-какие дела, я бы хотел ими заняться.

– Но вы позволите вашей ассистентке отлучиться на пару часов?

Босс нахмурился. Аннет ждала ответа с замиранием сердца: ей очень хотелось прогуляться по городу при свете дня.

Господин Молинаро глянул на Аннет и пожал плечами.

– Не возражаю.

Аннет расцвела и радостно закивала.

– Прекрасно! Госпожа Вик, буду ждать вас в ресторане гостиницы после завтрака.

Господин Ангренаж взял Аннет за руку, легко пожал, затем раскланялся, повернулся – плащ прошелестел, как крылья летучей мыши – и растаял во мраке.

Гостиница «Заводной купидон» располагалась в двухэтажном здании с остроконечной черепичной крышей. Вход ярко освещали шестигранные фонари, в щели закрытых ставен лился желтый свет.

Вестибюль гостиницы казался низким из-за массивных потолочных балок. На стенах, покрытых дубовыми панелями, висели олени рога и гравюры со сценами охоты, на деревянной стойке портье красовалась начищенная медная шишка звонка.

Господин Молинаро не соврал: в вестибюле имелся единственный диванчик, узкий и жесткий. Такой крупный мужчина как он и сидеть на нем нормально не смог бы, не то что лежать. И все же Аннет приготовилась настойчиво предложить ему этот вариант ночлега, если он не соврал и в остальном, а именно, если им двоим отвели единственный номер.

Босс завязал беседу с портье, а Аннет буквально свалилась на диванчик, с облегчением вытянула ноги и принялась глазеть по сторонам. Любопытное местечко, ничего не скажешь.

В углу напротив диванчика стояла высокая, в человеческий рост, бронзовая статуя крылатого мальчика с луком. Традиционного бога любви она напоминала с трудом. Пухлые руки и ноги статуи крепились на шарнирах. В животе купидона скульптор прорезал окошко. Внутри

вращались шестеренки. На крыльях топорщились острые как бритва перья. В массивном основании за выпуклым стеклом тикали часы. Вероятно, когда часы били время, статуя приходила в движение. Может, качала головой, или шевелила крыльями как курица, собирающаяся взлететь.

Лук в бронзовых руках выглядел необычно: сплошные острые углы, на концах плечей шкивы, и тетива на них натянута самая настоящая. Наконечник стрелы хищно нацелился чуть влево от диванчика, на котором разместилась Аннет. Она поспешила вскочить и подойти к господину Молинару, которому в этот момент низенький портье выдавал ключи.

К ее облегчению выяснилось, что насчет номера господин Молинару все же пошутил. Им отвели два отдельных номера на втором этаже. Юнец в красной форме и смешной круглой шапочке занес чемоданы и получил от господина Молинару на чай. Аннет поспешила в свою комнату, но босс остановил ее:

– Госпожа Вик, с вашим лицом беда.

– Что такое? – перепугалась девушка, встревоженно касаясь щеки. Повод беспокоиться был: последний час кожа на лице пылала как от жара невидимого огня.

– От вашей модной бледности не осталось ни следа. Как я предсказывал, вы не только умудрились вывалиться в окно, но и обгореть.

А затем подытожил с покровительственной ноткой:

– Женщины редко умеют позаботиться о себе в дороге. Советую вам впредь слушать опытных людей.

Ну разумеется, она знала, что рано или поздно он это скажет! Снисходительно заметит, какая она бестолковая неумеха. Без мужской опеки ни на что не годится. И Аннет, измученная напряжением тяжелого дня, взорвалась.

– Ну а я советую вам впредь оставлять мрачные прорицания при себе. Подозреваю, вы накаркали все неприятности, что обрушились на меня сегодня.

Высказалась, и тут же узнала, как быстро может лопнуть терпение ее босса.

– Вы никогда не признаете свою неправоту, верно? – рассердился господин Молинару, – Ведете себя, как капризная примадонна. Чем

лучше вас узнаю, тем меньше вы мне нравитесь.

Аннет захлопнула дверь. Вот и славно, что она ему меньше нравится. Какое ей вообще дело до его симпатий?!

Номер оказался роскошным. Низкая кровать под старомодным балдахином, широкое плюшевое кресло, массивный шкаф из темного дуба и похожий на надгробие письменный стол с лампой под оранжевым абажуром.

Даже небольшой камин имелся. Сверху на мраморной доске стояли часы с бронзовой фигурой – точной копией мальчишки с луком, что красовалась в вестибюле. Стрела размером с дротик нацелилась на жирного лебедя на картине рядом с кроватью. Аннет подошла к камину и из любопытства сунула палец в окошко на животе, в механические внутренности купидона, но быстро отдернула руку – рядом лежала деревянная табличка с надписью: «Просим уважаемых постояльцев не трогать часы! В противном случае пеняйте на себя».

Подивившись странному объявлению, Аннет вернулась к кровати, откинула полог и рухнула на мягкий матрас. Бил озноб, разболелась голова, а к глазам внезапно подступили слезы.

Впервые Аннет путешествовала без друзей и семьи, уехала за тысячу миль от дома, и зависела от мужчины, которому не доверяла. И которому она в минуту позорной слабости испортила ботинки. И которому она нравилась все меньше. Да, еще на нее было совершено покушение! Она чуть не погибла. И ей очень хотелось чая и сладкой булки.

Нужно разобрать вещи. Аннет открыла саквояж, и тут же расстроилась еще больше. Вот ее платье. Вот старательно упакованная шляпка. Вот дурацкая книжка, подарок Ванессы. Но где же ее замечательный фотографический аппарат «Фронтир»? Выпал в окно дирижабль...

Раздался стук. Аннет наскоро вытерла слезы, открыла в дверь и горько вздохнула, не испытывая ни малейшей радости при виде босса. Смотреть в его разноцветные глаза после ее недавней вспышки было стыдно. И чего, спрашивается, вернулся?

– Возьмите, – господин Молинаро сунул ей в руки кувшинчик, в котором плескалось белая густая жидкость.

Аннет машинально понюхала ее и скривилась:

– Что за гадость?

– Прокисшие сливки. Специально спустился на кухню и выпросил их для вас. Смажьте лицо, не то утром будете выглядеть как вареный окорок. Можете не благодарить – вижу, у вас язык отнялся от восхищения моей заботливостью.

Господин Молинаро шагнул в сторону и впустил в номер горничную с невинным лицом деревенской простушки и бесстыдно глубоким декольте. Горничная несла поднос.

– Попросил сделать вам ромашковый чай. Он поможет успокоиться и снять лихорадку. Вы нужны мне завтра свежей и готовой работать. За чай тоже не благодарите. Спокойной ночи.

Чай Аннет выпила, а прокисшей вязкой субстанцией воспользоваться так и не решилась. Ее запах вызвал воспоминания о съеденной на завтрак малине со взбитыми сливками и последующих неприятных событиях на дирижабле. К горлу подкатил горький комок. В конце концов, Аннет выплеснула сливки в умывальник – и пожалела об этом утром. Предсказание босса опять сбылось. Когда Аннет подошла к зеркалу, чуть не вскрикнула от ужаса. Цветом лицо напоминало спелую клубнику.

Умывание холодной водой не помогло, не помог и кольдкрем. Пришлось прицепить к шляпке вуалетку. С легким весенним костюмом головной убор сочетался плохо, но лучше выглядеть лишенной вкуса дамочкой, чем напугать своим видом постояльцев и учтивого господина Ангренажа, который должен скоро зайти за ней. На шею Аннет повязала платок, чтобы скрыть синяки. Чучело, да и только.

Когда Аннет спустилась в ресторан, босс уже завтракал за столиком в углу. Ресторан был просторным. Окна украшали клетчатые занавески, стены оклеены голубыми с позолотой обоями. Бронзовые купидончики на столах держали в пухлых ручках меню.

«Миленько», – отметила Аннет.

Максимилиан учтиво встал и отодвинул стул, взгляделся сквозь вуалетку и не сказал ни слова, но взгляд его был весьма красноречив. Аннет сняла шляпку и внезапно пришла в хорошее расположение духа.

– Утолите мое любопытство, господин Молинаро, – лукаво произнесла она, принимаясь за горячие бриоши с маслом и апельсиновым вареньем. – Каким сенситивным даром вы обладаете? В конторе ходят всякие слухи...

Господин Молинаро поднял бровь, усмехнулся и ответил вопросом

на вопрос.

– А как вы считаете? Знаю, болтают, что я странгулятор или пиромансер. Вы этому верите?

– Нет-нет! Я считаю, что вы провидец и умеете точно предсказывать грядущие несчастья. Мои вы угадали безошибочно.

– Стоило воспользоваться кислыми сливками, и последнего несчастья удалось бы избежать. Вы их выбросили, так? Выходит, вчера я унижался перед поваром зря, – Максимилиан посмотрел на Аннет с упреком, она виновато отвела глаза. Он продолжил:

– Нет, я не провидец. У меня три сенситивных дара. Они скучные, но для бизнеса полезные.

Она ждала, когда он назовет свои таланты, однако босс замолчал и принялся неторопливо помешивать чай.

«Напускает туману, интересничает», – решила Аннет. Больше ничего разузнать не удалось, потому что в ресторане появился господин Ангренаж.

Он опять укутался в черный плащ, и для долгой прогулки захватил тяжелую палку с лакированным набалдашником. Приглядевшись, девушка поняла причину его хромоты: каблук остроносого ботинка на левой ноге был выше, чем на правой – одна нога у бедняжки оказалась короче другой. Вероятно, плащ скрывал и другие физические недостатки. Он облегал худощавую фигуру господина Ангренажа не очень ладно и некрасиво топорщился у лодыжек.

– Готовы отправиться в путь, госпожа Вик? – поинтересовался увечный потомок мастера Жакемара после обмена приветствиями. – Тогда вперед! Вас ждет удивительное зрелище.

Аннет поднялась и успела отойти от столика на пару шагов, когда ее остановил голос босса:

– Господин Ангренаж, если вы не против, я приму ваше приглашение и присоединюсь к прогулке. Дела подождут. Давненько я не был в Механисбурге.

– Буду рад! – с фальшивым энтузиазмом воскликнул Ангренаж.

Аннет продела руку под учтиво подставленный локоть господина Ангренажа, и троица поспешила наружу.

– На ратушную площадь не пойдем, – предложил новоиспеченный гид. – Сердце города – самая скучная его часть. Площадь недавно перестроили по распоряжению бургомистра Гильоше, и уж он

постарался, чтобы она вышла в его любимом казарменном стиле. Право слово, там не на что смотреть. Другое дело – площадь Розы.

– Как скажете, господин Ангренаж, – согласилась Аннет.

Мужчина лукаво прищурился. Его горбоносое лицо на миг стало похоже на физиономию хитреца Панчинелло, чей барельеф украшал воздушные ворота в город.

– Прощу, зовите меня по имени – Карл.

– Тогда и вы зовите меня по имени.

– С удовольствием, Аннет, – обрадовался Ангренаж. – Не считите за навязчивость, но я вами очарован. Всегда представлял себе хронологов пожилыми, скучными малыми, наподобие вашего несчастного коллеги, доктора Вальвазора.

– Вы знали его? – заинтересовалась Аннет.

– Более того, я косвенно виновен в его гибели. Рассказал ему о наскальных рисунках, которые оставили древние племена в долине за озером. Господин Вальвазор загорелся исследовать их своим сенситивным талантом. Ушел и не вернулся. Предположительно, погиб во время обвала. Весной такое случается часто. Не перестаю себя корить, что не отговорил его. Экспертиза автоматона так и не была проведена. Надеюсь, с вашим приездом дело будет закончено.

– Поиски тела все еще ведутся, – коротко заметил господин Молинаро. Он держался позади, и Аннет спиной чувствовала его взгляд. – Гибель опытного хронолога и знающего антиквара стала тяжелым ударом для фирмы. Я собираюсь побеседовать с полицейским и наведаться туда, где пропал Вальвазор.

Ангренаж вздохнул, ненадолго опечалился, но тут же озорно улыбнулся, легко подтолкнул спутницу локтем и очертил палкой полукруг в воздухе:

– Смотрите же, Аннет! Торговый квартал. Здесь начинаются чудеса Механисбурга. Что скажете?

Вышли на улицу. Солнце заливало мостовую, выложенную мозаичной плиткой. Пахло свежей выпечкой и горячим шоколадом. Громко переговаривались торговцы, отпирая двери магазинов.

Дома удивительных форм и расцветок стояли, сомкнувшись боками. Дома со ступенчатыми фасадами, дома с двускатными красными крышами, окнами круглыми и окнами стрельчатыми. Улица была яркой, как в кукольном городе. Впрочем, время неплохо потрепало

свою игрушку: краска на домах была кое-где ободрана, черепица местами отвалилась, на тротуаре полно выбоин. Хозяева города либо не желали, либо не могли поддерживать порядок.

И все же Аннет была удивлена как никогда в жизни. Она крутила головой и прислушивалась. На каждом доме, у входа в каждое заведение красовались часы, движущиеся куклы или хитроумные приспособления.

Тиканье механизмов задавало ритм городской жизни.

В витрине пекарни щелкало и вращалось колесо с установленными ажурными полочками. Перед восхищенными туристами проплывали корзиночки с кремом, лимонные меренги и ореховые тортики, украшенные шоколадными шестеренками. Туристы восторженно причмокивали, доставали кошельки и спешили войти.

Миновали лавку портного. Аннет подошла к открытой витрине, но тут же вскрикнула и отскочила. Зажужжали шкивы, из глубины лавки вылетели готовые платья и костюмы на специальных распорках и принялись весело болтать рукавами, как разнузданные привидения. Ангренаж рассмеялся, рассмеялась и Аннет. Господин Молинаро держался в стороне и снисходительно наблюдал.

Перешли к чайной лавке. В витрине семейство кукол чинно сидело за столом. Крошечные ручки на шарнирах дерганым движением подносили к фарфоровым губкам ярко расписанные чашечки. Куклы разевали роты и вращали стеклянными глазами. Все это действо сопровождала веселая, несколько однообразная мелодия автоматической шарманки.

И часы – часы были повсюду. Круглые, шестиугольные, размером с колесо детского велосипеда или колесо речного парохода, часы со стрелками в виде листьев, перьев или алебард. Часы висели на железных цепях, венчали ажурные столбы, красовались на каменных башенках и над высокими резными дверями.

– Вижу, Механисбург не зря получил свое имя, – отметила Аннет. Ей было так любопытно, что она, немного стесняясь, откинула вуалетку и нацепила ненавистное пенсне. Она гордилась своими зелеными глазами, а под стеклами очков они казались круглыми и слепыми как у кролика. Впрочем, господина Ангренажа перемены в ее внешности не отпугнули. Он по-прежнему смотрел на нее с вежливым восхищением.

Аннет нравилась его компания. Несмотря на зловещий вид, он

оказался безобидным как муха. В беседе между делом признался, что любит поэзию, немного рисует и на досуге изучает ботанику. При этом улыбался чуть виновато, как будто стеснялся своих увлечений, хотя в глазах вспыхивало озорство. До чего милый мужчина! Не чета господину Молинаро. У того в уголках губ постоянно пряталась насмешка, словно он потешался над каждым словом и жестом Аннет.

– Вы еще не видели главные диковины Механисбурга. Они вам понравятся, – пообещал господин Ангренаж. – Это город для людей с фантазией. Увы, сейчас для него настали не лучшие времена.

При этих словах лицо Ангренажа омрачилось, губы сжались, палка сердито стукнула о выбоину на мостовой. Он переживал всерьез.

Аннет спросила с сочувствием:

– У города трудности?

– Верно. Лечебные источники, что многие годы питали водную лечебницу, иссякли лет пятьдесят назад. Богатеи больше не приезжают к нам лечить подагру. Туристы – наш единственный источник дохода, а он скудеет с каждым годом. Молодежь предпочитает соседний Фрибур. Жизнь там кипит ключом, – Ангренаж пошевелил в воздухе пальцами, что должно было изобразить бурное туристическое веселье. В его голосе слышалась досада. – Синематографы, казино, ипподром... Механисбург интересен лишь историкам. Кроме того, до нас нелегко добраться. Дорога в горах неудобная, и часто страдает от обвалов и разливов озера. Канатная дорога пока еще работает, но ее нужно обновить, а для этого тоже требуются деньги. Время от времени городу приходится продавать коллекционерам кое-что из наследия Жакемара. Бургомистр нашел еще один способ пополнить городскую казну, но он не по душе многим горожанам. Впрочем, не будем рассуждать о печальном будущем города. Поговорим о его славном прошлом. Что вам известно о Механисбурге, Аннет?

– Ровным счетом ничего, – призналась Аннет, рассматривая рекламную вывеску, на которой жестяной человечек медленно двигал рукой, сжимающей плоскую пивную кружку.

– Двести лет назад город основал мастер Жакемар, бывший придворный часовщик короля Хильдебранда и мой предок, – принялся рассказывать господин Ангренаж, постукивая палкой по мостовой и рассеянно кивая в ответ на приветствия спешащих по своим делам горожан. – В то время в моду вошли автоматоны – куклы с часовым

механизмом. Их заводили ключом, и они делали разные удивительные вещи. Жакемар превзошел всех мастеров. Он был сильным репликатором, тонко чувствовал природу материала и силой своего дара создавал призрачную схему будущего механизма, а затем воплощал ее в металле. Правда, тогда сенситивов считали колдунами, и свой дар он держал в тайне, чтобы не отправиться на плаху. Мой предок и так имел немало странностей, из-за которых на него поглядывали косо. Он был полиматом, амбидекстром и сомнамбулой.

–Кем-кем он был? – поразились Аннет. – Это какие-то породы ящериц?

Господин Молинаро кашлянул, пытаясь скрыть смех. Ангренаж мягко пояснил:

– Он был разносторонним ученым, одинаково хорошо владел обеими руками, и при этом страдал от лунатизма. Некоторые считали, что он заключил договор с дьяволом. Жакемар создал много удивительных кукол. Заводных скрипачей и арфистов, ангелов и демонов, шкатулки с секретом и говорящие зеркала... знаменитого механического дракона. Дракону скармливали живых поросят. Алхимический состав в его внутренностях преобразовывал мясо в огненную субстанцию и... обычную физиологическую субстанцию. Короче говоря, дракон умел испражняться и дышать пламенем.

Ангренаж неловко усмехнулся и продолжил:

– Но самым удивительным творением Жакемара стала старуха-оракул. Она умела предсказывать будущее точнее, чем любой нынешний сенситив-провидец. Однажды кукольная карга нашептала королю Хильдебранду, что тот умрет от яда. Вскоре короля отравили недруги. Король выжил и обвинил в своем несчастье Жакемара. Отравителя так и не нашли, вот и повесили на моего предка всех собак... Пришлось мастеру спешно бежать из столицы. Он укрылся в скромном поселении в горах. Но Жакемар был не только репликатором. У него был и второй дар – лозоходство. Он видел скрытые под землей богатства. Жакемару удалось обнаружить залежи золота и драгоценных камней. Он стал чертовски богат и основал этот город, где жил в свое удовольствие.

Аннет заворуженно слушала. Господин Молинаро заскучал: видимо, история была ему знакома. Ангренаж остановился у фонтана в виде трех жаб и перевел дух. Босс отошел к рядам лавок и принялся о

чем-то расспрашивать торговков. С видом знатока нюхал пряности, рассматривал на свет баночки с медом, продегустировал кусок сыра и одобрительно покивал. Аннет, недоумевая, вполглаза наблюдала за его манипуляциями. Как придирчивый шеф-повар во время закупки продуктов, честное слово! В конце концов, он протянул деньги, получил от торговли три груши и какой-то сверток и и вернулся к фонтану.

Сверток спрятал в карман, груши ополоснул в фонтане, достал белоснежный платок, вытер и предложил спутникам. Господин Ангренаж поблагодарил кивком и рассеянно сунул грушу в карман плаща. Аннет впилась в розовый бок зубами, изгваздалась соком и завистливо посмотрела на босса, который кушал не спеша и очень аккуратно. Не глядя на Аннет, он достал из кармана второй белоснежный платок и сунул ей в руки.

– Расскажите ей про сокровища и мастерскую Жакемара, – предложил он. – Госпожа Вик обожает приключенческие синематографические романы, а эта история даст фору любому из них.

Ангренаж улыбнулся и продолжил рассказ.

– Жакемар создал много удивительных вещей. Они до сих пор украшают наш город и приманивают туристов. Я покажу вам кукольный театр «Мимезис», аттракцион «Корабль в бутылке» в старом Луна-парке, живой лабиринт и водную лечебницу. Но вернемся к истории сокровищ мастера.

Жакемар работал в мастерской, которую устроил в пещерах под городом. Никто не знает, где она находится. Многие пытались разыскать мастерскую по важной причине. Рудники Жакемара давно истощились, но в мастерской он спрятал свое последнее изделие: еще одну куклу-оракула, сделанную из чистого золота и драгоценных камней. Если бы удалось найти ее, все проблемы города были бы решены. После смерти Жакемара его наследники переругались. У мастера было трое детей. Одним из них был мой прапра...семь раз прадед. Другие потомки мастера тоже живут в городе, вы с ними познакомитесь сегодня. Так вот, перед смертью Жакемар вручил наследникам небольшие безделушки... золотые брелоки. Пошел слух, что именно они являются ключом в тайную мастерскую, но где находится вход – по-прежнему неизвестно.

– А где эти брелоки сейчас? – поинтересовалась Аннет.

– Всего было три брелока, – пояснил Ангренаж. – Два были

утеряны, когда дочь и сын Жакемара покинули город.

– А третий?

– У меня, – улыбнулся Ангренаж. – Хотите, покажу?

Он распахнул плащ, запустил руку в жилетный карман и извлек кругляшок желтого металла на тонкой цепочке. Аннет с любопытством взяла его в руки. На брелоке красовалось изображение часов. Ажурные стрелки показывали пять с четвертью.

– Как интересно! – воскликнула Аннет, вздыхая от удовольствия.

– Позвольте, я удивлю вас еще больше, – заметил господин Молинаро. Он порывлся в часовом кармане и вложил Аннет в руку небольшой предмет. Не успела она поднести ладонь к лицу и рассмотреть, что же такое дал ей босс, как Ангренаж пришел в сильное волнение и перехватил ее запястье:

– Позвольте! – вскричал он. – Но ведь это... не может быть! Это утраченный брелок Жакемара... тот, что он вручил дочери... вот изображение пчелы... все верно! Откуда он у вас?!

– Фирма Молинаро приобрела его у одного коллекционера за бесценок.

– Я готов выкупить его у вас за любые деньги.

– Посмотрим, – спокойно ответил господин Молинаро и забрал брелок у Ангренажа. Так Аннет и не удалось рассмотреть его.

Ангренаж рассмеялся.

– Впрочем, пусть остается у вас. Вероятно, история с мастерской и золотым оракулом не более чем легенда. К тому же третий брелок был потерян навсегда, когда второй сын Жакемара утонул во время морского путешествия. Идем дальше?

Экскурсия продолжилась. Торговые ряды постепенно сменялись разноцветными жилыми домами, возле которых хозяйки прямо на тротуар выставили горшки с цветами. Когда городские часы хором принялись отбивать одиннадцать, по улице разлетелось звенящее эхо. Горожане побросали свои дела и прислушивались к музыке часов с видимым удовольствием. Некоторые даже притопывали в такт, а владелец овощной лавки самозабвенно дирижировал морковкой. «Это ж надо так любить свой город!» – удивилась Аннет.

Часы замолчали, с озера налетел ветерок и принялся полоскать юбку. Прохлада оказалась кстати, потому что солнце жарило все сильнее. Босс достал портсигар, щелкнул крышкой, покосился на Аннет

и убрал папиросы обратно. Его лицо приняло страдальческое выражение.

– Что вы купили у торговки? – поинтересовалась Аннет у Максимилиана, чтобы отвлечь от пагубной тяги.

Тот усмехнулся.

– Дядя попросил привезти ему гостинец. Баночку особого меда, который можно достать только в Механисбурге.

– Ваш дядя сладкоежка? – удивилась Аннет.

– Мой дядя, глава династии Молинаро – старый пройдоха и любитель острых ощущений. Знаете, чем славится этот мед? Его собирают пчелы в горах, где растут заросли олеандра, дурмана, мака и горного лавра. У этих растений есть особые свойства. Короче говоря, горный мед, который собирают жители окрестных деревень, вызывает галлюцинации. Его запрещено вывозить и продавать в других кантонах. Чем и пользуются контрабандисты.

– Никогда не пробуйте этот мед неразведенным, Аннет, – поморщился Ангренаж. – Такое привидится ... я сам развожу пчел, но свой мед продаю только аптекарям. В лечебных целях. Кстати, первым свойства меда исследовал тоже мой предок. Крайне разносторонний был человек, и, надо признать, некоторые его увлечения носили далеко не безобидный характер.

Глава 6 Живой лабиринт

Свернули на улицу победнее. Трехэтажные дома стояли тесно, над головами полоскалось белье на веревках, протянутых от балкона к балкону. Пахнуло сыростью. Солнце сюда почти не проникало, и когда улица закончилась, Аннет зажмурилась от ослепительного блеска.

— Площадь Роз! – сообщил Ангренаж тоном трамвайного кондуктора, объявляющего остановку. – Прекрасней ее нет на свете!

Когда глаза Аннет обрели способность видеть, она согласилась с добровольным гидом.

Во-первых, площадь Роз поражала идеальными пропорциями. Она была небольшой и идеально круглой. По периметру стояли хорошенькие домики, выкрашенные в розовый цвет.

Во-вторых, черную гладкую плитку площади расчерчивал золотой узор.

– Он выполнен в виде розы, – пояснил Ангренаж. — Нет, это не настоящее золото, всего лишь бронзовые прутья. Они покрыты специальным составом, который не дает металлу потускнеть.

В-третьих, посреди площади возвышалась игла солнечных часов — высокая, как двухэтажный дом. А у основания иглы росли удивительные цветы. Когда подошли ближе, Аннет опознала в них розы. Эти розы не издавали пьянящий аромат и не радовали сочными красками.

Розы тикали и стрекотали. Каждый бутон на бронзовом пруте был размером со средний кочан капусты и крепился на перфорированных распорках. Бронзовые стебли оцетинились колючими шипами. Соцветия напоминали внутренности часов: среди лепестков медленно вращались шестеренки.

— Головки цветов следуют движению солнца, а когда наступает ночь, лепестки закрываются в бутоны, – объяснил Ангренаж.

– Восхитительно! — заметила Аннет. – Обожаю розы. Но выращивать их — головная боль. Капризные цветы. Наверное, с металлическими розами проще.

— Увы, нет. Ухода они требуют немало. Смазка, чистка... кому как не мне это знать. Я главный механик города. Моя обязанность – поддерживать жизнь во всех изделиях Жакемара. Жаль, природа не наделила меня даром репликатора. Да и вообще никаким сенситивным даром... жестоко она со мной обошлась. Как видите, я рожден калекой. Короткая левая нога и одно плечо выше другого. Хорошо хоть руки в порядке.

Ангренаж нагнулся, запустил руку в карман, вытащил раздавленную грушу, вполголоса чертыхнулся и отбросил ее в сторону, спугнув стаю голубей. Затем опять пошарил в кармане, выудил круглую масленку и пролил несколько капель на полураскрывшийся бутон. Лепестки щелкнули и распахнулись.

– Вы очень умелый механик, -- безыскусно похвалила его Аннет. Ангренаж выпрямился и слегка порозовел от удовольствия.

Над площадью разлились скрипучие звуки шарманки.

– Здравствуй, хромой родственник, – окликнул Ангренажа долговязый старик живописной наружности – потрепанный рабочий комбинезон и куртка, на шее клетчатый шарф с перекинутыми на спину концами, из-под полей широкополой шляпы торчат сальные седые

космы.

Старик с остервенением крутил ручку ящика из красного дерева. Ангренаж сморщился, словно хлебнул уксуса.

– Старик Петр уже на посту, – вздохнул он. – Сейчас я познакомлю вас с еще одним наследником старого мастера. Прошу, не обращайтесь внимания на его болтовню. Петр выжил из ума лет десять назад.

– Аннет, господин Молинаро, – позвольте представить Петра Колезвара, прапрапра– ну и так далее... внука мастера Жакемара, – сухо произнес Ангренаж, когда компания приблизилась к шарманщику. Аннет вежливо поздоровалась. У шарманщика было темное морщинистое лицо, пустые голубые глаза и слюнявый рот. На плече у него сидела мохнатая рыжая кошка, вторая, черная, развалилась у ног. От шарманщика несло кошачьей мочой и пивом. Рядом, прислоненный к фонарю, стоял велосипед. Неуклюжая старинная модель, на которой двести лет назад мог разъезжать сам мастер Жакемар.

– Солнце зайдет сегодня, – поведал старик дребезжащим голосом, – и ты узнаешь что-то новое, прекрасная краснощекая дама. Восторг, волнение! А ты, – Петр на секунду бросил ручку шарманки и ткнул пальцем с черным ногтем в сторону господина Молинаро – смотри за ней в оба. Свист, стук – опасность близко! Машет крыльями!

Шарманка крикнула и возобновила тягучую мелодию. Озадаченная Аннет широко раскрыла глаза. Механическая обезьяна на крышке шарманки скорчила ей насмешливую рожу. Господин Молинаро важно кивнул. Казалось, он отнесся к странным словам вполне серьезно. Ангренаж потянул Аннет прочь.

– У Петра есть сенситивный дар. Он провидец. Правда, частенько ошибается, а когда впал в маразм, стал предсказывать то, что и так всем известно: солнце сядет, солнце взойдет, ужин через час, а завтра срок платить налоги. Иногда несет чушь. Вот, например, что такое он вам предсказал? Крылатую опасность? Советую не кормить голубей на площади, а то они вам испортят костюм.

Аннет улыбнулась.

– Слушай, слушай меня, прекрасная дама! – крикнул чокнутый шарманщик ей вслед. – Этот с разноцветными глазами захочет тебя съесть!

Аннет обернулась. На миг ей показалась, что на лице шарманщика

мелькнуло лукавство, но взгляд его тут же стал пустым.

Господин Молинаро злодейски хохотнул.

– Неужели он говорит правду? – иронично заметила Аннет.

– Все может быть. Думаете, я не знаю, что меня в конторе прозвали Людоедом? Я даже польщен. А вы лакомый кусочек, госпожа Вик. Здорово разжигаете аппетит.

Аннет покраснела, но тут же забыла о фривольном замечании. Ее внимание привлекла группа мужчин, которые сидели за деревянными столами перед пивной. Мужчины были все сплошь грузные, краснолицые, одетые в короткие брюки, клетчатые пиджаки, гетры и егерские шляпы. Мужчины громко разговаривали, хлопали огромными ручищами по толстым ляжкам и задирали туристов. Туристы пугались, втягивали головы в плечи и спешили прочь. Вслед им неслись раскаты хохота. Солнце ослепительно играло в бокалах с янтарным пивом.

– Господин Молинаро! – яростно прошипела она. – Смотрите! Вон тот грубиян с дирижабля... с которым я повздорила – Швиц, как его там!

– Наденьте пенсне, Аннет, – холодно посоветовал босс. – Похож, но не он. Это богатые жители окрестных деревень – гельманши. Вполне вероятно, что все они контрабандисты, как и ваш невоспитанный приятель, но того самого среди них нет.

– Эти господа – наша беда, – горько вздохнул Ангренаж. – Хамы и наглецы. Напиваются и буянят. Старина Пендельфедер – единственный полицейский Механисбурга – ничего не может с ними поделать. Да и не хочет – ему милей всего его рассада. Он страстный огородник. Каждый год берет первый приз на сельскохозяйственной выставке за самый крупный редис. Куда ему преступников ловить! Держитесь от этих господ подальше, Аннет.

– Это я уже поняла, – ответила Аннет, прячась за спину босса. Его широкие плечи и сломанный нос гарантировали, что буяны подумают дважды, прежде чем завязать ссору.

Ангренаж повел спутников прочь от площади Роз, ниже к озеру. Улица уперлась в сочно-зеленую стену из переплетенных веток.

– Живой лабиринт! Еще одна удивительная достопримечательность Механисбурга, – объявил Ангренаж. – Его высадил Жакемар и его помощники. Несколько тысяч саженцев привезли со всех краев света. В основном это тис, есть и гигантские розовые кусты. Тех, кто дойдет до

центра, ждет статуя Органиста. Еще одна механическая кукла Жакемара, которой он придал собственные черты.

– Войдем, – предложил господин Молинаро и уверенно двинулся вперед.

Стоило попасть в зеленый коридор, как шум города отступил и сменился звуками, которые можно услышать лишь в лесу. Невидимые птицы заходились в трелях, деликатно шелестели листья. Воздух был насыщен ароматом весенней травы и примулы.

Аннет стало хорошо и спокойно. Она брела не спеша, мужчины подстроились под ее шаг. Ангренаж рассеянно поворошил палкой в сплетениях ветвей. Прыснула стая пичуг. Господин Молинаро сорвал бутон розы и невозмутимо вручил Аннет. Она неловко поблагодарила, покрутила бутон в руках и вставила в петлицу на лацкане.

В лабиринте были не только зеленые стены. Иногда они сменялись полянами, где стояли затейливо подстриженные кусты. Выглядели они причудливо: гигантские пирамиды, сферы, шахматные фигуры и мифические животные казались сделанными из зеленого бархата. Аннет словно попала в картину новомодного художника, чьи полотна напоминали иллюстрацию к учебнику геометрии.

Узкие зеленые коридоры петляли, раздваивались, водили по кругу, но господин Ангренаж подсказывал правильное направление.

– Идти далеко, – извинился он. – Общая длина дорожек около пяти километров. Вы не устали, Аннет?

– Ни капли, – ответила она и, поколебавшись, спросила:

– А вы? Вам, должно быть, тяжело совершать долгие прогулки...

Аннет засмущалась и замолчала. «Наверное, не стоило напоминать ему о его увечье. Какая бестактность с моей стороны!»

– О, за меня не переживайте! Я хороший ходок, хоть и хромым.

В молчании шли еще десять минут, а затем Аннет умудрилась потерять спутников и заблудиться.

Произошло это так. Господин Молинаро заинтересовался системой труб, полускрытых густыми зарослями. Ангренаж взялся объяснять их назначение. Он рассказывал о том, что трубы идут из пещер под городом, от горячих источников, и когда-то подавали воду в расположенную неподалеку лечебницу.

Аннет наскучили его объяснения, и она решила свернуть в коридор,

в глубине которого разглядела белоснежную беседку. Она стояла в центре небольшой полянки, в которую вели несколько проходов. К великому разочарованию Аннет, красивая лепнина беседки была изуродована сколами и выцарапанными надписями «Поль любит Белинду», «Жакемар жив!» и «Бургомистр – баранья башка». В самой беседке обнаружилась гора мусора. Когда девушка решила вернуться к спутникам, чьи голоса приглушенно доносились сквозь зеленую стену, она обнаружила, что нырнула не в тот проход, из которого пришла. Голоса стали тише, а затем и вовсе пропали.

Позвать на помощь Аннет постеснялась – представила, как Максимилиан скорчит насмешливую гримасу и снисходительно пошутит о женщинах, умеющих в трех соснах заблудиться. Она заранее обиделась и решительно потопала дальше, пока совсем не потерялась. Делать нечего: пришлось подать голос.

– Карл! – позвала она. – Господин Молинаро! Вы где?

Никто не откликнулся. Цикады застрекотали громче, а потом внезапно замолчали. Отчего-то наступившая тишина показалась сигналом опасности. Чушь какая! Откуда здесь опасность? Она же не в лесу с дикими зверями.

Коридор закончился тупиком. Когда Аннет свернула в узкую щель среди насаждений, она услышала в соседнем проходе тяжелые шаги. Человек топал как слон и пыхтел. Аннет осторожно раздвинула ветви и увидела грузную фигуру в брюках-гольф и клетчатом пиджаке. От фигуры исходила весьма ощутимая угроза. Незнакомец угрюмо наклонил голову, будто шел в атаку, бормоча под нос ругательства. Солнце светило ему в спину, и лица было не разглядеть, однако Аннет готова была об заклад биться, что вблизи она бы увидела обвисшие щеки и нос с бородавкой.

Незнакомец встал столбом, затем вытащил из кармана толстую веревку, намотал на кулаки и несколько раз дернул, словно пробуя на прочность и представляя, как поудобнее затянуть ее на чьей-то тонкой шейке.

Аннет всполошилась, осторожно отступила на шаг, другой, а затем на цыпочках бросилась прочь в глубину бесконечных зеленых коридоров.

«Только тихо! – приказала она себе. – Молинаро и Карл далеко, а этот – вот он, рядом. Доберется до меня первым, утащит в кусты, и

поминай, как звали».

Сердце колотилось, душа ушла в пятки, а ноги позорно ослабели от страха. Аннет была уверена, что цель незнакомца – поймать ее и сделать что-то ужасное. Никто не смог бы убедить ее, что она натолкнулась на отбившегося от своей группы туриста или орнитолога-любителя.

По коридору промчалась троица мальчишек. Они смеялись и швыряли друг в друга ранцами. Аннет проводила их отчаянным взглядом. Этим на помощь не позовешь!

Шагив невидимом проходе за зеленой стеной ускорились, преследователь перешел на бег. Затем кустарник захрустел, как будто туда вломился медведь. Листья заколыхались, над живой стеной лабиринта высунулась голова. В своей шляпе она напоминала горшок, насаженный на плетень. Голова посмотрела налево, потом направо, выругалась, а затем прислушалась.

Сейчас он ее заметит!

Аннет запаниковала, плюхнулась на четвереньки и короткими перебежками, путаясь в юбке, двинулась вперед, стараясь держаться в тени кустарника. За последние сутки ее инстинкт самосохранения раздулся до грандиозных размеров и заставлял совершать удивительные поступки.

Заросли кончились. Впереди открылась поляна, в центре стоял огромный куст, которому искусный садовник придал вид грозного льва.

И тут из соседней гряды кустов вылетел преследователь.

Неподалеку рассмеялись невидимые мальчишки. Мужчина засуетился, воровато огляделся, пытаясь найти укрытие, и решился – ласточкой нырнул в пасть зеленого зверя. Во все стороны полетели ошметки листвы, вспорхнула стайка разноцветных бабочек. Бока льва заходили ходуном, а затем между его задних лап, прямо под хвостом, появилась голова в черной шляпе. Аннет показалось, что морда льва приняла страдальческое выражение. Преследователь неопрятной кучей свалился на землю, подскочил, отряхнулся и метнулся в следующее укрытие – заросли живой ограды недалеко от Аннет.

Следовало убраться подальше, в соседний проход. Аннет увидела прореху в стене и протиснулась в нее, усердно виляя задом. Ветви били по щекам, норовили сорвать шляпку, пришлось придержать ее рукой. Вторая рука неловко подогнулась на корневище, и Аннет немного пропахала землю подбородком. О том, во что превратились ее лицо и

одежда, она старалась не думать. Ей было очень страшно.

Послышались шаги. Аннет ускорила и чуть не вскрикнула, когда уткнулась носом в черные ботинки хорошей кожи. Знакомый баритон с глубочайшим изумлением произнес:

– Мы вас повсюду ищем, а вы, оказывается, решили поползть по земле. Собираете грибы? Или опять репетируете роль? Какую на этот раз? Дождевого червя из детского спектакля «Гадкий крот и кошка»?

Аннет застыла, как сеттер в стойке. Максимилиан Молинаро не спеша подтянул на коленях идеально заутюженные брюки, опустил на корточки, заглянул ей в лицо и присвистнул.

– Беда с этими артистическими натурами, вечно их тянет на приключения! – посетовал вполголоса. Встал, придержал ее за локоть и потребовал:

– Рассказывайте.

Аннет вскочила, кое-как отряхнула руки, вытерла лицо предложенным белоснежным платком и угрюмо сообщила, стгорая от стыда:

– Меня преследовали!

– Кто? Опять ваш поклонник с дирижабля?

– Вполне возможно. Я не разглядела, но это точно был один из той компании на площади. Он ругался и гнался за мной.

Господин Молинаро недоверчиво хмыкнул.

– Признайтесь, вы это только что выдумали, верно? Вы, артистки, постоянно нуждаетесь в драме. Стремитесь привлечь к себе внимание любым образом.

Гнев вспыхнул, как спичка.

– Считаете меня лгуньей?! – воскликнула она, чувствуя: еще чуть-чуть и брызнут слезы.

Босс пожал плечами.

– Возможно, вы и вправду видели одного из гельманшей. Наверное, бедняга перепил пива и скрылся в этих зарослях, повинувшись зову природы, а вы его спугнули во время деликатного занятия.

– У него в руках была веревка. Он поигрывал ей так, словно мечтал затянуть ее на моей шее.

– Ого, какая живописная деталь.

Аннет от досады чуть не затопала ногами. Максимилиан вздохнул.

– Давайте отдохнем и поговорим. Времени у нас полно. Ангренаж

задержался: беседует с садовником, учит его правильно подрезать кусты. Этот потомок Жакемара на все руки мастер – и в механике смыслит, и в садоводстве. Не удивлюсь, если на досуге он вышивает гладью или пробует создать философский камень. Сказал, будет ждать нас в центре. Я бывал в этом лабиринте раньше, знаю, как туда выйти.

Он потянул Аннет в узкий проход в зарослях. Они оказались в небольшом закутке, посреди которого стояла скамья с резной спинкой, утопающая в кустах цветущих роз.

Здесь было очень красиво. Солнце почти не проникало сквозь ветви. В зеленой пещере царил интимный полумрак, от сладкого аромата кружилась голова.

– Это место называют Бельведером влюбленных, – пояснил господин Молинаро. – По вечерам оно всегда занято какой-нибудь романтической парочкой.

Аннет насупилась и на босса не смотрела. Отдыхать, так отдыхать. Сердце все еще тяжело колотилась. Она плюхнулась на скамью, сняла шляпку и провела рукой по растрепавшимся русым локонам. Максимилиан сел рядом, так близко, что его твердое бедро коснулось ноги девушки.

Хотела было встать, но босс положил ей руку на плечо и удержал.

– Госпожа Вик... Аннет, – он вздохнул. – Послушайте... почему все идет не так? Почему вы без конца злитесь? Я считал, мы разобрались с тем эпизодом в кабинете. Да и ничего страшного я не совершил, чтобы вы взъелись на меня, как на врага всей жизни.

– Вы постоянно говорите со мной как с дурочкой, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал холодно и с достоинством.

– Ничего подобного. Не могу удержаться, чтобы не поддразнить вас. Вы очень забавная, когда на вас находит блажь изображать великую актрису.

– Рада, что сумела вас повеселить, – сказала Аннет сухо и поджала губы.

Рука на ее плече стала как будто тяжелее.

– Аннет, дайте мне шанс, – вдруг твердо сказал он. – Я не так плох, как вам кажется. Мы можем весьма приятно провести время в этой поездке.

– Я не собираюсь затевать с вами пустую интрижку, – парировала Аннет чувствуя, как сильнее заалели и без того красные щеки.

– Кто говорит о пустой интрижке? – удивился босс. – Мы заполним пустоту чудесными впечатлениями. Уверен, мы не скоро наскучим друг другу.

Только этого не хватало! Тон Максимилиана изменился, и она слегка встревожилась. Ей показалось, что в нем появилась чувственная хрипотца и бархатистые обволакивающие нотки. Аннет мучительно искала подходящий ответ. От ее бойкости не осталось ни следа. Опешила еще сильнее и непроизвольно дернулась, когда Максимилиан обхватил ее подбородок и мягко, но решительно повернул ее лицо к себе.

– Тихо, тихо! – успокоил босс. – У вас на лице грязь. Позвольте-ка...

Второй рукой он достал носовой платок и принялся осторожно оттирать ее щеку. Прodelывал он это очень долго. Аннет было неловко: его лицо оказалось совсем близко, отвернуться она не могла. Волею-неволей пришлось смотреть ему прямо в глаза. Их взгляд стал сосредоточенным и острым, словно гипнотизировал.

Аннет затаила дыхание. Ткань платка больше не касалась ее кожи: горячие пальцы скользнули к виску, коснулись мочки, погладили шею.

Она сидела неподвижно, вцепившись в край скамьи. Сердце совершило сальто-мортале, а затем замерло. Охватила растерянность пополам с возмущением: от роли заботливого насмешника к роли завязанного соблазнителя господин Молинаро перешел в мгновение ока.

Аннет вывернулась и вскочила, чувствуя, как задрожали ноги. Поднялся и Максимилиан. Он крепко взял ее за лацканы жакета и притянул к себе. Она чуть не потеряла равновесие. Чтобы не рухнуть ему на грудь, как отчаявшаяся героиня в финале драмы, пришлось привстать на цыпочки и заглянуть ему в лицо. Его зрачки расширились, и разноцветные глаза стали одинаково темными.

Еще миг – и он ее поцелует, осознала Аннет, и от этой мысли бросило в жар. Что делать? Опять угостить наглеца пощечиной? Пожалуй, это слишком.

Они заключили договор! Нужно сказать, что ей не нравится его поведение, и он оставит ее в покое.

Беда в том, что Аннет происходящее очень даже нравилось. Ей нравились его уверенные руки, складки возле уголков его рта, в которых пряталась насмешка, и окутавший ее аромат гвоздики. Если бы

он вел себя иначе, и не был ее боссом, она бы не противилась его ухаживаниям; но саркастичные мужчины, указывающие девушкам, что делать, вызвали острое желание бунтовать и действовать наперекор.

Сердце часто заколотилось о ребра, как молоток в часовых механизмах Жакемара, и с каждым ударом из головы улетучивались все толковые мысли. Остались мысли бестолковые и шальные. Например: мужчина с такими властными манерами и красивыми губами наверняка отлично целуется, и сейчас подходящий случай проверить догадку. В конце концов, она девушка свободная и раскрепощенная, разве нет?

Вот только Максимилиан свое искусство демонстрировать не спешил. Он не двигался, и смотрел пристально, не говоря ни слова, словно давая ей шанс принять решение самой. От этого взгляда Аннет вспыхнула так, что миг – и кожа расплавится. Она едва слышно выдохнула и непроизвольно облизала губы. Вероятно, он понял это как приглашение, потому что едва заметно улыбнулся и наклонился ближе. Аннет приготовилась зажмуриться.

– Вот вы где! – лакированная палка с шумом отодвинула кусты, и среди веток показался запыхавшийся Карл Ангренаж.

Аннет восторженно уперлась ладонью в грудь Максимилиана и сделала шаг назад. Он дернул уголок рта, многозначительно шевельнул бровью и отпустил Аннет. Не оглядываясь, она поспешила наружу. Воздуха не хватало, голова кружилась.

Ангренаж встретил ее обиженным взглядом. Черт, как неловко вышло! Теперь будет думать невеста что.

– Который час, Карл? – спросила она, чтобы рассеять неловкость. – Мне кажется, мы гуляем здесь целую вечность.

Ангренаж принужденно улыбнулся и выудил диковинные карманные часы. Были они величиной с крупную свеклу, сделаны из массивного потемневшего металла, имели двойную крышку с гравировкой и пять колесиков подзавода. Не часы, а целый агрегат, и стоят явно недешево – недаром хозяин посадил их на цепь в два раза толще обычной часовой. Ангренаж, немного красуясь, щелкнул кнопкой, часы лязгнули, крышка распалась на две части и раздвинулась, как крылья майского жука. Внутри, помимо выпуклого циферблата, обнаружилось немало интересного: кружево шестеренок с острыми зубцами, линзы и множество стрелок.

– Скоро полдень. Мы почти пришли. Вон там, а кустом, что

подстрижен в форме пирамиды – цель нашего путешествия.

В неловком молчании двинулись дальше. Наконец, вышли к центру лабиринта. На круглой лужайке, обрамленный бордюром из роз, возвышалась бронзовая статуя. Изображала она стройного человека в камзоле и парике, восседавшего перед странным инструментом, который напоминал клавесин с рядом вертикально приваренных труб. Бронзовый человек откинул голову, его длинные пальцы лежали на клавишах, на губах застыла лукавая усмешка.

– Статуя Органиста! – пояснил Ангренаж. – На самом деле, это вовсе не статуя. Это автоматон. А это – гидравлос, водяной орган. Вон в том ящике – механизм управления. Если его включить, в трубы будет нагнетаться вода из подземных источников. Вода обеспечит давление воздуха, пальцы органиста придут в движение, и он будет играть марш. Я включаю Органиста каждое воскресенье во время праздника для туристов и жителей города. Вы задержитесь здесь до воскресенья? А хотите, включу Органиста прямо сейчас? Правда, придется подождать, пока давление в трубах поднимется до нужного уровня...

– Мы задержимся до воскресенья, – ответил господин Молинаро. – Сейчас нам пора возвращаться: скоро привезут автоматон для экспертизы, и госпожа Вик захочет отдохнуть.

– Я не устала, – огрызнулась Аннет, все еще чувствуя растерянность. – Почему вы вечно считаете женщин слабыми, быстро устающими существами?

– Простите, – извинился босс. – Я забыл, что вы особа неугомонная и выносливая, как мул. И такая же упрямая.

Аннет отвернулась. Она злилась на себя за недавнюю слабость. Нужно держать оборону! Не будет она его очередной подружкой. Не хватало еще повторить судьбу той девушки из приморского отделения, которая, если верить Ванессе, прижила от него ребенка. Решение было правильным, однако сердце все еще колотилось и сладко замирало, когда она вспоминала, как теплое дыхание Максимилиана щекотало кожу ее лица. Еще чуть-чуть, и он бы... и тогда...

– Карл, – обратилась она к Ангренажу. – Этот Органист удивительно похож на вас! А еще на барельеф Панчинелло у станции канатной дороги.

– Ничего удивительного, Аннет! – улыбнулся Ангренаж. – В этом Органисте мастер изобразил самого себя. И в том изваянии тоже. А еще

его лицо вы увидите у автоматона «Лазурный поэт», которого скоро будете проверять. Мой предок был самовлюбленным малым. Идем! Обратно проведу вас коротким путем.

Действительно, дорога наружу из лабиринта не заняла и десяти минут. Подошли к ограде, Ангренаж отвел широкую ветвь. Открылся проход на просеку, а оттуда – наружу из лабиринта. Вид города здесь был совсем иной.

Никаких аккуратных домиков и игрушечных улиц. Ржавый высокий забор, за которым простирался пустырь, а в отдалении стояло двухэтажное мрачное здание со ступенчатым фасадом. Темно-красный кирпич зарос вьюном, часть крыши провалилась, но даже на расстоянии было видно, что окна в здании украшали витражи необычайной красоты.

– Зброшенная водная лечебница, еще один проект Жакемара. Наш городской дом с привидениями. Вокруг этого заведения ходит немало легенд. Одна из них – о пациенте с железными руками, который по ночам бродит окрест лечебницы и вырывает припозднившимся гулякам сердца. В разгар туристического сезона здесь прохода нет от любителей сверхъестественного – даже палатки разбивают на ночь.

– Расскажите, расскажите! – потребовала Аннет, которая очень любила синематографическую ленту ужасов «Чудовище Бронштейна».

– Я сам вам расскажу эту историю, вечером в гостинице, – перебил господин Молиаро. – Я ее знаю. Постараюсь напугать вас посильнее, чтобы вы боялись ночевать одной.

Господин Ангренаж поднял брови и перевел ревнивый взгляд с Аннет на босса. «Думает, какие отношения нас связывают», – с досадой поняла Аннет. Ей казалось, что Ангренаж был бы не прочь поухаживать за ней, и его внимание ей льстило. С ним она чувствовала себя в безопасности; он был ей интересен, в нем скрывалась загадка, а увечье вызывало жалость, которая могла легко перерасти в нежную симпатию. Вот такой мужчина ей и нужен: мягкий, вежливый и уступчивый. Был бы он еще помоложе...

– А это что такое? – девушка показала на механизмы, которые стояли на пустыре неподалеку от лечебницы. Одни машины на колесах вздымали к небу стрелы, с которых свисали крюки и какие-то огромные штуки, похожие на стальные челюсти. Другие были снабжены конвейерами и шкивами. Возле машин курили мужчины в

комбинезонах и кепках.

– Золотодобывальные машины и экскаваторы компании Форса, – сквозь зубы проговорил господин Ангренаж. – Идиотский проект нашего бургомистра. Тот, что приводит в отчаяние жителей города. В этом году истекает срок аренды земель, на которых когда-то были расположены рудники Жакемара. Можно продлить аренду, если город найдет деньги. Но где их взять? Форс и его партнеры решили, что могут при помощи своих паровых чудовищ вгрызаться в недра и найти новые залежи золота и драгоценных минералов. Его лозоходцы дали благоприятный прогноз. Если Форс перекупит право аренды, город обречен. Они начнут копать и снесут старый Луна-парк и эту лечебницу. Живому лабиринту тоже придет конец. Осталась неделя до торгов. Бургомистр не хочет искать выход: Форс неплохо его подмазал. Видите, он уже пригнал сюда технику и рабочих.

– Что можно сделать? – забеспокоилась Аннет.

– Я не знаю, – с досадой ответил Ангренаж. – Можно попробовать продать оставшиеся автоматы Жакемара, чтобы выкупить право аренды. Какой-никакой, но выход, однако бургомистр категорически против. На причину я уже намекнул. Ах, если бы удалось отыскать ту мастерскую Жакемара и золотого оракула! Мы бы продали его, и проблема была бы решена. Знаете, я даже приглашал лозоходца на свои деньги. Сильного, способного видеть на три метра в толщу земли. Он ничего не обнаружил, кроме уже известных пещер с горячими источниками. Мастерская потеряна навсегда. Даже сумей мы ее отыскать, попасть внутрь без всех брелоков невозможно, как утверждает легенда. Их два, вместе с тем, что господин Молинаро прячет в своем кармане. Третий сгинул навсегда в глубинах океана.

Тем временем вышли к центру города.

– Вон и ваша гостиница! – воскликнул Ангренаж. – Какая жалость, Аннет, я не успел показать вам Луна-парк и «Корабль в бутылке». Встретимся завтра, хорошо? – затем нагнулся и прошептал ей на ухо. – Постарайтесь отделаться от вашего босса. Хочу провести время только с вами.

Аннет криво улыбнулась и кивнула. Расшаркавшись напоследок, Ангренаж удалился, а Аннет вслед за помрачневшим боссом зашла в дверь «Заводного купидона».

Глава 7 Музей автоматов

— Ну-с, пообедаем, а потом отправимся в музей, — жизнерадостно сообщил господин Молинаро. — Там нас будет ждать вся честная компания в лице бургомистра и наследников Жакемара, а также «Лазурный поэт». Вы продемонстрируете свой талант хронолога, подтвердите возраст автоматона, заполните кое-какие бумаги, и ход сделке будет дан.

Аннет ничего не ответила. Она молчала, пока заходили в гостиницу и поднимались в номера. Не проронила ни слова и позднее, когда, оставив в номере надоевшую шляпку с вуалеткой, присоединилась к боссу за столиком в ресторане. Не глядя в меню, наугад ткнула в первое попавшееся блюдо, а затем приступила к еде, не чувствуя вкуса и даже не пытаясь понять, что ей принесли.

Она ужасно устала. И распереживалась: вот-вот ей предстояло выступить в роли эксперта, и она боялась, что результат ее работы босса отнюдь не порадует. Пришло неприятное волнение. В животе заурчало.

Максимилиан бодро расправлялся с тарелкой спагетти, политых чем-то ярко-красным, и посматривал на свою подчиненную озадаченно. Наконец, положил вилку и поинтересовался:

— В чем дело, Аннет? Ваше лицо полно драматических переживаний, как у пленного повстанца перед расстрелом. Обдумываете новую роль? Или вам опять привиделся ваш преследователь? Где он на этот раз? Прячется за спиной того официанта или под стойкой бара?

— Не смешно, — отрезала Аннет и нервно поднесла к губам стакан минеральной воды. Не сделав ни глотка, поставила стакан на место, собралась с духом и поинтересовалась:

— Скажите, господин Молинаро... время изготовления автоматона известно точно, не так ли?

— Более или менее, — кивнул босс.

— Зачем тогда экспертиза хронолога? Насколько важно подтвердить подлинность? Что будет, если я допущу ошибку?

Босс откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и проницательно заметил:

— Так вот в чем причина. Вы боитесь опростоволоситься. Ваш дар развит слабо, редко используется, и вы сомневаетесь в своих силах. Угадал?

Аннет неопределенно качнула головой и отвела взгляд.

— Аннет, — голос босса утратил насмешливость, — не

переживайте. Все у вас получится. Вы сенситив и должны этим гордиться. Нас уважают и ценят. Помните историю о том, как благодаря достижениям науки сенситивов перестали считать колдунами?

– Ну конечно, – пожала плечами Аннет. -- Об этом рассказывают на вводных лекциях в Академии Одаренных.

– И что вы помните? Выкладываете, – потребовал господин Молинаро. Кажется, он решил устроить ей экзамен. Наверное, считает ее полным неучем. Аннет вздохнула, собралась и оттараторила:

– Семьдесят лет назад доктор Зигфрид Фройд проводил исследования подсознательного и обнаружил, что при нужном умении оно может использоваться, чтобы пробудить скрытые способности человека управлять эфиром – тем невидимым силовым полем, что заполняет пространство и обеспечивает взаимодействие вещей.

– Ну-ну, продолжайте, – голосом строгого преподавателя приказал босс.

– Теорией эфира параллельно занимался физик Марли. Ученые объединили усилия и установили, что примерно десять процентов людей рождается с талантом управлять эфиром и совершать действия, не поддающиеся на первый взгляд логичному объяснению. В конце концов, государство научилось извлекать из таких людей пользу. Таланты сенситивов развивают в Академии Одаренных. Лозоходцы проводят геологические разведки, лекари спасают людей, репликаторы помогают инженерам, гидроманты умирят штормы на море, медиумы передают сообщения на огромные расстояния, когда невозможно воспользоваться телеграфом или телефоном.

Максимилиан довольно кивнул. Аннет язвительно добавила:

– И все эти замечательные таланты мужчины приписывают себе. Ученые – кстати, в их числе мой отец, профессор Вик – утверждают, что женщины-сенситивы обычно рождаются эмпатами, лекарями, релаксаторами и морфеомантами. Ах да, еще иллюзионистами. Устраивают фейерверки и зрительные иллюзии на детских праздниках.

– Весьма полезные таланты, надо сказать, – нравоучительно заметил босс. – Они вполне соответствуют предназначению женщины – утешать, исцелять, поддерживать и развлекать.

Аннет негодуя задрала подбородок.

Босс принялся рассуждать:

– Теперь, когда способности сенситивов признаны государством и

подтверждены учеными, на нас порой полагаются больше, чем на старые добрые знания и опыт. Многие до сих пор считают сенситивов волшебниками – или напротив, достижением науки, которое вошло в моду и которым пользуются, чтобы не прослыть ретроградами. Например, у некоторых антикваров заведено прибегать к услугам хронологов, даже когда в них нет нужды. Так вот, вернемся к нашему автомату... Провести хронологическую экспертизу – идея бедняги Вальвазора. Может, он хотел произвести впечатление на клиента или же содрать больше денег – теперь не узнать. Подлинность Лазурного поэта несомненна. Не страшно, если ошибетесь на год-другой. На паспорте артефакта нужна подпись хронолога, и вы ее поставите. Повторю: это лишь формальность.

– Значит, вы могли убедить клиента, что в экспертизе нет нужды, и отпустить меня подобра-поздорову? – подозрительно поинтересовалась Аннет.

– Пожалуй, мог бы.

– Почему же вы так не сделали? Зачем лишние хлопоты и траты?

– Не догадываетесь? – изумился босс. – Разумеется, я затеял все это, чтобы увезти вас сюда, на край света, и коварно соблазнить при первом удобном случае. Такого ответа ждете?

Чтобы усилить эффект, Максимилиан сладострастно прищурился и изобразил злодейскую ухмылку с умением, которому позавидовал бы и Дуглас Бербенкс, исполнитель роли Кровавого барона.

Оторопев, Аннет не сразу нашла, что ответить, строго посмотрела в разноцветные глаза босса, и с облегчением фыркнула: опять он за свои шуточки.

– Конечно, была еще пара причин, но вряд ли вы их сочтете важными, – продолжил Максимилиан. – Во-первых, для паспорта артефакта желательна точная дата его изготовления, а она неизвестна. Во-вторых, мне было интересно, чем именно руководствовался доктор Вальвазор и не таится ли в продаже автомата какой-то подвох. Поэтому-то и понадобился хронолог, чтобы рассеять подозрения. Пустые, я уверен. Но кто знает: вдруг вы увидите в хронограмме что-то любопытное? Бывает, сенситивам открывается то, что не обнаружит простой эксперт. Доедайте свое рагу из кукурузы с салом и идем. Что ж вас так тянет на жирную пищу... Слышите, городские часы звонят полтретьего? Нас ждут в музее автоматов Жакемара ровно в три.

Поспешим.

Снаружи буйствовало солнце. Аннет зажмурилась, а господин Молинаро пожурил ее:

– Зря вы оставили вуалетку в номере. Щеки у вас помидорного цвета. Вечером опять достану скисших сливок. Не вздумайте возражать, а то сам окуну в них ваше личико. Солнечные ожоги нужно лечить.

Над городом затихал звон: два раза часы пробили басовито и один раз – тоненько.

Аннет покорно продела руку под подставленный локоть босса и шла, опустив голову и стараясь справиться с волнением. Господин Молинаро был прав: Аннет еще не доводилось демонстрировать свой талант в присутствии такого количества важных господ, за исключением выпускного экзамена в академии, который она чуть не провалила.

Неважный из нее вышел хронолог. Когда она станет актрисой, и думать забудет о своих недоразвитых талантах, которыми ее частенько попрекали.

Музей автоматов располагался в нижней части города, у озера, в здании с плоской крышей. Основание здания имело форму правильного треугольника. На каждом углу возвышалась круглая башенка. На серой каменной кладке были выложены узоры из позолоченных плиток, из-за чего башенки напоминали леденцы в нарядной обертке.

– Обойдем музей, чтобы вы осмотрели его снаружи, – предложил господин Молинаро.

В каждой стене здания был отдельный вход. Над высокими дверями поблескивали циферблаты часов – куда же без них в этом городе, помешанном на измерении времени! Но кроме часов театр украшали и другие диковины.

Над первой дверью висела раскрытая книга величиной со стол. Каждую минуту переворачивалась латунная страница, словно невидимый великан стоял у входа и вчитывался в неведомые письма.

Над второй дверью покачивал колючей головой дракон, скаля медные зубы.

А над третьей, самой высокой и богато украшенной дверью, хитро улыбалась маска горбуна Панчинелло и водила влево-вправо стеклянными глазами. Ниже огромные блестящие буквы складывались в странное слово: «Мимезис». Буквы поочередно опускались вверх и

вниз, будто покачиваясь на волнах.

Здание тикало и постукивало. Под крышей каждой башенки, похожей на остроконечную шляпку, там, где обычно находится чердачное оконце, торчал хвост гигантского заводного ключа и медленно поворачивался.

Будь Аннет пятилетней девочкой, она бы захлопала от восторга в ладоши. Но ей было двадцать три, и поэтому она лишь тихо ахнула и зажмурилась от удовольствия.

– Это все придумал и построил Жакемар?

– Он самый, – подтвердил босс.

– Старый мастер был добрым волшебником! Город похож на заводную табакерку или сказочное кукольное царство.

– Волшебником он был бесспорно, но вряд ли добрым. Кое-какие его увлечения были весьма кровавыми. Помните, я обещал вам городскую легенду о Железноруком? Монстра, чье привидение поселилось в заброшенной лечебнице и привлекает отчаянных туристов, тоже создал Жакемар. Поведаю вам эту сказку на ночь глядя.

– Жду не дождусь. Но напугать меня не рассчитывайте. Лучше скажите, почему в здании три входа?

– Под книгой – вход в библиотеку, – пустился в пояснения господин Молиаро. – Под маской, как вы уже, наверное, догадались, – вход в театр. Нам налево, в музей кукол Жакемара. Над входом копия его первого механического дракона. Однако поросят он не жрет, огнем не плюется и не делает никаких прочих предосудительных вещей.

Поднялись на крыльцо. Тем временем стрелки часов (каждая в форме драконьего хвоста и заканчивается острейшим шипом) показали три: дракон разинул пасть и издал дребезжащий рык. Проходившие мимо крыльца туристы – респектабельная семейная пара – вздрогнули от неожиданности. Их сынишка лет семи радостно взвизгнул и полным надежды голосом поинтересовался, может ли дракон откусить голову его гувернантке.

У высоких резных дверей стоял Петр Колезвар. Придурковатый шарманщик где-то оставил свой музыкальный инструмент и избавился от потрепанной шляпы. Теперь на нем была черная униформа, заляпанная кошачьей шерстью. Два толстых кота крутились у ног Петра, третий развалился на балюстраде и умильно щурился на визитеров.

Аннет настороженно глянула на Петра, однако шарманщик вел себя прилично и изрекать бредовые прорицания не собирался. Он кивнул, учтиво открыл дверь и произнес скрипучим голосом:

– Вас ждут. Все в сборе.

Вестибюль выглядел как и в любом другом музее. Узкий коридор с черно-белой плиткой, дубовые каталожные шкафы и картины с видами Механисбурга в позолоченных рамах. Однако пахло здесь не вековой пылью и не мастикой, а машинной смазкой и розами с ноткой валерьяновых капель.

Гулкое музейное эхо принесло шум голосов. Петр достал табличку с надписью «Закррито», повесил снаружи, тщательно запер дверь, подхватил на руки просочившегося в вестибюль кота и пошел прочь, шаркая ногами. Аннет и ее спутник двинулись следом и вскоре оказались в прямоугольном зале с высоким потолком. Из стрельчатых окон лились потоки света, но углы помещения оставались в тени. Ставни были открыты, по подоконнику снаружи карабкались плети ползучих роз. Несмотря на жару на улице, в зале было прохладно как в склепе.

Аннет надела пенсне – плевать на красоту, нужно выглядеть солидно – и осмотрелась. Сначала ей показалось, что зал полон народа – точнее, народца, странных людей и существ ростом с десятилетнего ребенка. Стеклянными глазками ее рассматривали шуты, солдаты, фрейлины и факиры с мертвенными лицами. Скелеты таращились провалами глазниц. Вампиры плотоядно скалили фарфоровые клыки.

Это были автоматы маэстро Жакемара. Каждый стоял на низенькой мраморной колонне. Казалось, куклы застыли при виде гостей, но стоит отвернуться, они придут в движение, начнут перешептываться, а то и спрыгнут со своих мраморных подставок и заковыляют по залу, покачивая шарнирными ручками.

Аннет крепче вцепилась в локоть своего спутника.

– Добрый день, – господин Молинаро сдержанно приветствовал группу людей в центре зала.

– Добрый, – рявкнул дородный мужчина средних лет с генеральской выправкой, одетый во френч и широкие штаны с лампасами. От его зычного голоса по залу прокатилось гулкое эхо, в руке кукольной пастушки звякнули колокольчики.

– Госпожа Вик, хронолог. Бургомистр Гильоше, – представил их

друг другу босс.

Бургомистр выпучил оловянные глаза, поднял белесые брови и озадаченно наморщил лоб с глубокими залысинами. Его квадратное лицо, изрытое оспинами, как поле боя ямами от артиллерийских снарядов, выражало изумление.

– Никогда не слышал о женщинах-хронологах, – с военной прямоотой сообщил он и фыркнул.

– Ничего удивительного, – заметила Аннет с улыбкой, стараясь не показывать негодование. – Нас мало, наше существование признают с неохотой, и живется нам немногим лучше, чем ведьмам в темные века. Самые интересные сенситивные таланты мужчины приписывают исключительно себе.

Бургомистр шутку не оценил.

– В вашей фирме нормального сенситива не нашлось? – обратился он к господину Молинаро, отворачиваясь от Аннет, как будто она была насекомым, не заслуживающим внимания.

Девушка от неожиданности стушеввалась, а босс спокойно отрезал:

– Уверяю, госпожа Вик обладает необходимыми способностями и опытом. Если вы отказываетесь от ее услуг, мы приостановим сделку.

Бургомистр буркнул что-то неразборчивое и насупился.

– По условиям завещания Жакемара все его изделия принадлежат не только наследникам, но и городу Механисбургу, – пояснил босс. – После продажи половина суммы пойдет на нужды города, который представляет почтенный бургомистр, а половина будет разделена между наследниками мастера. Все они считаются почетными жителями города, имеют немалый вес среди горожан и присутствуют здесь, чтобы подписать соответствующие бумаги. Вот господин Пендельфедер, местный полицейский и потомок Жакемара.

Полицейский выпятил солидный животик, обтянутый форменным кителем, поправил уютно расположившуюся на складке жира кобуру, кивнул лысеющей головой и посмотрел на Аннет без малейшего интереса.

– С господином Ангренажем и почтенным Петром Колезваром вы уже знакомы.

Карл Ангренаж помахал рукой и подошел. Аннет была рада видеть любезного гида, который даже в помещении не расстался с плащом. Интересно, а на ночь он его снимает? Или спит, закутавшись в него, как

летучая мышь в крылья?

Аннет представила, как упакованный в черный кокон механик висит вниз головой, зацепившись острыми носками туфель за потолочную балку, и уютно похрапывает. Его воронные волосы подметают пол, а паук протянул нить к длинному носу. Захотелось хихикнуть. Нервы шалили.

– Скажите, а разве Петр может принимать решение о сделке наравне со всеми? – шепотом поинтересовалась она у Ангренажа, косясь на старого шарманщика, застывшего возле механического барабанщика в красном мундирчике. – Он ведь того... – Аннет деликатно покрутила пальцем у виска.

– Петр вполне разумен, когда ему это нужно, – загадочно ответил Ангренаж, сверкнул плутовскими глазами и усмехнулся. – Петр – мой помощник и неплохо ухаживает за изделиями старого мастера, когда трезв.

В это время Петр полез рукой за спину барабанщика, нашарил что-то и покрутил. Точно в предсмертной судороге барабанщик дернул зажатые в руках палочками и выбил звонкую дробь. Присутствующие подскочили от неожиданности, приبلудившийся кот зашипел и убрался в коридор.

«Ну и чудная компания!» – подумала Аннет.

Последним представителем чудной компании наследников мастера Жакемара оказалась высокая, как гренадер, женщина в черном узком платье. Она приблизилась к Аннет строевым шагом и принялась разглядывать ее в упор. Мастер Ангренаж отчего-то занервничал и скованно произнес:

– А это госпожа Луиза Соннери, наш библиотекарь и городской гид. Проводит для туристов экскурсии по договоренности.

Женщине было около тридцати. У нее был вызывающий взгляд, а несимпатичное лицо с тяжелой челюстью наводило на мысли о породистых кобылах, известных злобным нравом – тех, что не упустят случая подло куснуть зазевавшегося всадника за голень.

Аннет почувствовала себя неудобно. Таких людей она немного побаивалась. Не угадаешь, что они выкинут или скажут в следующую минуту. Беседовать с ними все равно, что по краю пропасти идти. И пахло от госпожи Соннери странно – табаком и валерьянкой, аромат которой Аннет уловила еще в коридоре.

– Повезло вам родиться сенситивом, – бесцеремонно заявила госпожа Соннери. Голос у нее был под стать внешности – грубый, неприятный. – Хотелось бы мне получить такой дар при рождении. Не хронолога, конечно, а что-нибудь поинтереснее. Хотя бы дар провидца, как у моего юродивого кузена Петра.

– Уверен, госпожа Вик счастлива быть хронологом, – вступился Ангренаж за Аннет. – Проникать в тайны времени, видеть прошлое... что может быть увлекательнее?

– Например, видеть будущее и получать за это неплохие денежки? – парировала госпожа Соннери, показав в неприятной улыбке длинные зубы. – Или лечить наложением рук ревматизм старым бездельникам, тоже за приличное вознаграждение. Я бы от таких талантов не отказалась. Не обижайтесь, – добавила госпожа Соннери с напускным сочувствием, и Аннет сразу же смертельно обиделась. – Всем известно, что хронологи – самая никчемная каста сенситивов, а вы еще и женщина вдобавок. Вот наш предок был молодец – репликатор, да еще и лозоходец. Лучше бы нам по наследству его таланты достались, а не глупые механические куклы, от которых избавиться сложнее, чем от геморроя.

– Почему? – натянуто поинтересовалась Аннет.

– Во-первых, наследники вечно грызутся друг с другом и не могут решить, оставлять ли городу его наследие или распродать всем желающим. Во-вторых, куклы стоят немало, но покупать их никто не хочет. Товар на любителя.

– Наша фирма готова приобрести не одного, а несколько автоматов, – сообщил господин Молинаро.

– За бросовые деньги, – огрызнулась госпожа Соннери. – Вы, дельцы, своего не упустите. С зимы здесь крутитесь. Вон один уже докрутился. Сгинул в горах, как заблудившийся баран.

Библиотекарша явно получала удовольствие, выставляя свою прямолинейность напоказ.

Ангренаж зажмурился от неловкости. Полицейский опустил глаза и сделал шажок вбок, словно желая спрятаться за куклу монаха. Бургомистр протопал к письменному столу в углу и принялся перебирать бумаги с отсутствующим видом. Кажется, в городе госпожу Соннери побаивались.

Господин Молинаро спокойно глянул на грубоватую наследницу и

ничего не ответил.

Ангренаж пояснил:

– Некоторые куклы стоят дорого, потому что мастер использовал в механизмах драгоценные камни и редкие металлы. Эти куклы – произведения искусства. Мастер Жакемар называл свои творения «сундучками с сокровищами» и придумал хитрую защиту. Заводной механизм работает без сбоя уже две сотни лет, но стоит попытаться открыть корпус, кукла ломается, внутренности рассыпаются в прах. Секрет раскрыть не удалось. Я умелый механик, но потерпел поражение. Сломавшихся кукол никак не отремонтировать... Ах, если бы найти мастерскую Жакемара! Говорят, он оставил там не только изделия, вроде Золотого оракула, но и слитки, и драгоценности, и, главное, чертежи! Плевать на золото, за чертежи я душу готов отдать!

– Если бы нашлась мастерская, город бы разбогател и решил свои проблемы, – проблеял толстяк Пендельфедер из своего угла. – Мы бы выкупили право аренды на землю и заставили компанию Форса убраться прочь вместе с их чудовищными машинами. Представляете, они собрались рыть на моем огороде! Там, где я выращиваю призовые сорта редиса!

Полицейский обиженно засопел.

– Отставить глупости! – громогласно возмутился бургомистр и бросил бумаги на стол. – Сделка с компанией принесет городу куда больше пользы, чем ветхие бумаженции и железяки, которые неизвестно где спрятаны. Да и спрятаны ли они вообще! Сдается, ваш предок сыграл злую шутку. Нет никакого клада! Нет никакой мастерской! Золотой оракул – пустая выдумка! Есть лишь город, который переживает не лучшие времена. Нужно продать все, что осталось от Жакемара, и пустить деньги на развитие промышленности. Открыть химическую фабрику. Деньги потекут рекой!

– Деньги потекут в ваш карман, а по городу потекут ядовитые отходы и потоки сезонных рабочих, бродяг и прочего отребья, – робко пробормотал Пендельфедер.

– Вы своего не упустите, бургомистр, – госпожа Соннери азартно бросилась в атаку. – Спите и мечтаете, как превратить Механисбург в казармы или закопченный рабочий городок. Впрочем, лично мне плевать, что станет с городом. Я бы убралась отсюда при первой возможности, будь у меня деньги. Эй вы, барышня-хронолог!

Приступайте. Кое-что от сделки перепадет и нам, бедным наследникам, поэтому не тяните. Хочу поскорее получить свою долю.

Господин Молинаро растянул губы в любезной улыбке, но Аннет отметила, что добродушие его как рукой сняло; в лице босса проявилось что-то недоброе, хищное, глаза смотрели остро и настороженно. Исчез насмешливый балагур, вернулся Тигр-людоед.

– Извините мою кузину, Аннет, – произнес Ангренаж и неловко развел руками. – У Луизы что на уме – то и на языке, и с хорошими манерами она сроду не дружила.

– Я понимаю, – ласково произнесла Аннет, хотя на деле ничегошеньки не понимала. – Я готова. Где автоматон?

Наследники Жакемара дружно расступились, и Аннет оказалась лицом к лицу с «Лазурным поэтом».

Глава 8 Крылатая опасность

Заводная кукла в половину человеческого роста сидела на изящной оттоманке за лакированным столиком. Автоматон имел облик худощавого мужчины в камзоле аквамаринового цвета, зеленых панталонах, белых чулках и туфлях с золотыми пряжками. На голове у куклы красовался парик с косичкой и треугольная шляпа. Фарфоровое горбоносое личико было хорошо знакомо Аннет: за последние два дня она видела его не раз. Мастер Жакемар придал лицу куклы собственные черты, так похожие на маску хитреца Панчинелло. Эти же черты получил от Жакемара по наследству его потомок, механик Карл Ангренаж: крючковатый нос, женственный рот, плутовские черные глаза.

В занесенной над листом бумаги руке Лазурный поэт держал карандаш, вторая рука со сложенными щепотью пальцами небрежно покоилась рядом. Выпуклые веки куклы были мечтательно прикрыты, как у охваченного вдохновением стихоплета. Красные губы, однако, кривились в усмешке, с которой с не меньшим вдохновением обдумывает злодеяние преступник.

— Что он будет делать, если его включить? – любопытствовала Аннет. Автоматон вызывал смутную неприязнь.

– Писать стихи, разумеется! – воскликнул Ангренаж. Он был доволен, словно сделал Лазурного поэта сам. – Он может написать пять

стихов, по четыре строфы каждый. Куплеты, что были популярны двести лет назад. Вот, например... «Шлет в сердца девиц невинных стрелы сладкие Эрот...»

— Карл, катись к черту со своими стишками! Приступайте уже к делу! — раздраженно сказала госпожа Соннери.

Принесли складной столик и стул и поставили рядом с автоматом. Аннет вздохнула, достала из сумки папку, разложила на столе цветные таблицы дат и чинно уселась. Взяла карандаш и занесла над таблицами.левой рукой она осторожно коснулась фарфорового запястья Лазурного поэта. Гладкая поверхность была липкой и холодной.

Аннет не на шутку разнервничалась. Перед глазами всплыл экзаменационный зал в академии Одаренных. Экзамены ей пришлось пересдавать три раза. «Ну какой из нее хронолог!» — сокрушался почтенный наставник, а члены комиссии смотрели с обидным сочувствием.

Почетные жители Механисбурга встали вокруг Аннет, как подле обезьяны в зоопарке, которая собралась выкинуть удивительный трюк. Им было интересно посмотреть на хронолога в работе. Кроме нее сенситивами среди присутствующих были лишь господин Молинаро и Петр. Шарманщик бездумно уставился в потолок, а босс поглядывал на свою ассистентку с беспокойством. Именно его мнение волновало Аннет больше всего.

Сердце громко колотилось. Она словно актриса, которая плохо выучила роль. Вот-вот зрители в зале затопают и засвистят. Ее единственный союзник сбежал: Карл Ангренаж отошел к окну и теперь с заинтересованным видом тянул к себе ветку ползучих роз.

Аннет закусил губу и поймала взгляд Максимилиана. Он едва заметно кивнул, подмигнул зеленым глазом и неожиданно скорчил смешную гримасу. Сначала Аннет удивилась, а затем невольно улыбнулась и приободрилась. Вздохнула, сконцентрировалась и призвала свой талант.

Реальность исчезла. Автоматон превратился в призрак, что переливался цветами радуги; ярче всего сверкали желтые и оранжевые пятна. Однако уловить их точный оттенок и отметить на карте не получалось. Вспыхнули яркие полосы, призрачные очертания шестеренок, валиков, пружин; они рассыпались искрами и сбивали с

толку. Аннет плохо удавалось подавить свой второй талант – талант репликатора. Во время хронологических экспертиз он проявлялся некстати и мешал. Чем больше усилий она прилагала, тем хуже шло дело. Это канареечный цвет или абрикосовый? Охра или шафран? Карандаш неуверенно прыгал с одной клетки на другую и рвал бумагу.

Краски начали блекнуть, в голове зашумело, призрачный образ поплыл и потух. Аннет растерялась. Неужели талант окончательно отказался ей служить? Что происходит?

По спине тек пот, в висках заломило. Девушка шумно перевела дыхание и опустила голову. Ее окружало ледяное молчание.

– Я так и знал, — рубанул грубый голос бургомистра. – Женщин-хронологов не бывает.

И буркнул под нос:

— Шарлатанка.

Госпожа Соннери засмеялась. Шарманщик Петр рассеянно насвистел похоронный марш.

Аннет покосилась на босса. Он выглядел озадаченным, на его лице застыло непонятное выражение, но смотрел он вовсе не на свою подчиненную. Он неторопливо изучал присутствующих. Под его цепким взглядом праправнучка кукольного мастера всхрипнула и осеклась; бургомистр дернул щекой, а полицейский смущенно прокашлялся. Ангренаж почувствовал неладное и, припадая на левую ногу, приблизился. В руке он держал сорванную за окном розу.

— Все в порядке, Аннет? – встревоженно поинтересовался он.

– Это была первая попытка, -- ответил Максимилиан. – Сейчас госпожа хронолог отдохнет и проведет вторую. Использование талантов отнимают у сенситива немало сил. Обычное дело. С первого раза редко все получается. Входить в транс – это вам не редиску выращивать.

Наследники Жакемара молчали. Босс склонился над расстроенной Аннет и тихо произнес:

– Аннет, соберитесь. Я вам помогу. Один из моих сенситивных талантов – эмпатия. Я умею активизировать подсознательное, а также повышать у людей уверенность в их силах. У сенситивов при этом кратковременно растет способность использовать талант. Мне нужно ваше согласие. Решайтесь.

– Да, да, пожалуйста! – отчаянно зашептала Аннет, забыв о чувстве собственного достоинства. – Мне нужна помощь. Я очень волнуюсь,

понимаете?

– Приступаем! – Максимилиан выпрямился, легко коснулся ее запястья длинными пальцами и тут же убрал руку.

По телу Аннет пробежала теплая волна. Стало весело: значит, Людоед – сенситив-эмпат! Ну и дела! Он только что использовал свой дар. Ну конечно, теперь она со всем справится. Плевое дело! Она прекрасный хронолог и сейчас это докажет.

Аннет вновь погрузилась в мир красок, которые показывали год, когда мастер создал артефакт. У каждого предмета своя цель и свое предназначение, и у каждого предмета есть невидимая обычному человеку взгляду аура, его незримая копия. Пусть артефакт создан из разных материалов и деталей; важен лишь момент, когда артефакт обрел свой конечный вид, отвечающий замыслу и цели его создателя. Хронологам аура является пятном цвета, что указывает на время изготовления артефакта, а репликаторы видят его энергетическую копию и даже могут воссоздавать ее.

На этот раз пятна не дрожали и не прыгали; призрачный контур налился канареечным цветом. Аннет определила оттенок без колебаний и уверенно отметила в таблице нужный квадратик.

Все вышло замечательно! Впрочем, не совсем: талант репликатора вновь дал о себе знать, проступили призрачные очертания деталей механизма. Разбирайся Аннет в механике, она бы разгадала тайну автоматов Жакемара, узнала бы секрет, который не позволял разбирать и чинить его изделия. Нужных знаний у девушки не было, но она не могла не заметить странное: в верхней части канареечного пятна, повторяющего очертания Лазурного поэта, загорелись несколько алых точек. Откуда они? Что это?

Аннет поколебалась, придвинула вторую таблицу и отметила квадрат алого цвета, а затем тряхнула головой и вернулась в реальность.

– Готово, – произнесла устало. – Канареечный оттенок означает год одна тысяча семьсот двадцать четвертый.

– А почему вы отметили еще алое поле? – поинтересовался внимательный Ангренаж.

– С этим мы потом разберемся, – ответил босс. – Господин Пендельфедер, прошу заверить эти копии. Господа, поставьте ваши подписи. Фирма «Раритеты Молиаро» согласна приобрести автоматон, известный под названием «Лазурный поэт».

Наследники Жакемара сгрудились возле дальнего стола, на котором господин Молинаро разложил нужные документы. Аннет кое-как поднялась и побрела к окну. Каждый раз после использования таланта она чувствовала себя как человек, которого выдергивают из приятной горячей ванны и выпихивают под ледяной дождь. Ее колотил озноб. Запах роз за окном вызвал головную боль.

– Вы были великолепны, дорогая Аннет, – раздался дружелюбный голос Ангренажа, который неслышно приблизился и встал рядом. – За последнее столетие наука всячески пытается уверить нас, что дар сенситивов – вещь обыденная и естественная, но мы, бесталанные люди, всегда будем считать вас магами.

– Да что тут магического, – с досадой отозвалась Аннет. – Я знаю, как выгляжу со стороны, когда нахожусь в трансе: сидит девица с остекленевшими глазами и отвисшей челюстью и водит карандашом по бумаге с цветными квадратиками. Хорошо если слюна не капает изо рта, как у идиотки.

– Ваше лицо приобрело удивительное, неземное выражение, – искренне возразил Ангренаж, – и я чувствовал, что лицедрею чудо. Чудо соприкосновения с незримым для меня миром. Возьмите, – он протянул Аннет розу темно-красного, почти черного цвета.

– Спасибо, – девушка подавила желание выбросить издававший назойливый аромат цветок обратно в окно и громко заговорила, чтобы галантный собеседник не заподозрил о ее порыве. – Обожаю розы. Как только вижу розу, мне сразу хочется зарыться носом в ее лепестки и...

– Эти кусты за окном давно пора обрезать, – не могла не удержаться от колкости госпожа Соннери. – Разрослись, как репейник.

Она смотрела на цветок в руках Аннет с нескрываемой недоброжелательностью.

– Давно пора, – неожиданно поддержал ее бургомистр. Он отчего-то вспотел и сердито вытирал щеки клетчатым платком. – У меня от пыльцы дерет в горле и свербит в носу.

В подтверждение своих слов он чихнул – так громко, что, казалось, градоначальника разорвет на части.

К окну подошел старик Петр, посмотрел на розу в руках Аннет с нежностью, глянул на бургомистра с укором и захлопнул ставни. Стало темно.

– Дело завершено, мы уходим, – заявил господин Молинаро. – Господин Гильоше, не откажите в любезности – распорядитесь, чтобы Поэта доставили вечером в гостиницу. Позднее я еще раз наведаюсь в музей и, возможно, решу приобрести пару изделий дополнительно.

– Завтра вечером в театре «Мимезис», где я имею честь служить главным механиком, состоится торжественный прием и представление для почетных туристов, – сообщил Ангренаж. – Я приготовил для вас пригласительные билеты; надеюсь, вы не откажетесь принять участие в нашем скромном развлечении?

– Не откажемся. Я бывал на спектакле раньше, зрелище незабываемое – особенно для любителей острых ощущений. Вам понравится, Аннет.

– Не сомневаюсь, – вежливо ответила Аннет. Больше всего на свете ей хотелось попасть в свой номер, скинуть тесные туфли, поваляться на кровать и вдоволь поразмышлять. Некая странность не давала ей покоя...

– Всего хорошего, господа, – весело произнес господин Молинаро, подхватил Аннет под руку и быстро повел прочь от господина Ангренажа, который робко поглядывал на девушку и, казалось, бы не прочь увязаться следом.

– Живые розы вам нравятся больше механических? – шепотом поинтересовался господин Молинаро, глядя на цветок, который Аннет все еще сжимала в пальцах. – Не удивлюсь, если следующий раз Ангренаж ради вас опустошит ту клумбу на площади.

В гостиницу возвращались медленным шагом. После холодного зала музея дневной жар казался приятным, теплый ветерок забирался в ворот блузки и ласкал шею. Босс шел молча и что-то обдумывал. Вид у него был сердитый, отчего Аннет почувствовала настоящую потребность повиниться. Она несколько раз глянула на его профиль и, наконец, отважилась завязать разговор:

– Простите, господин Молинаро, я чуть не провалила экспертизу. Это вы помогли мне почувствовать себя уверенно, не так ли? Вот уж не думала, что вы эмпат.

– Разочарованы? – отозвался Максимилиан, моментально приходя в добродушно-насмешливое расположение. – Поди, верили, что я странгулятор или пиромансер? Пиромансеры, конечно, интересные ребята. Горячие и опасные. Не то, что мы, скучные эмпаты.

– С эмпатами тоже нужно держаться начеку. Вы повелеваете подсознанием, а значит, имеете власть над людьми, – произнесла Аннет с некоторой опаской.

– Это не обо мне, – сухо открестился Максимилиан. – Мои эмпатические способности довольно ограничены. Лучше объясните, что произошло возле Лазурного поэта. Вы сделали странные отметки в хронограмме.

– Потом расскажу, ладно? – смешалась Аннет. – Я сейчас плохо соображаю. После вхождения в транс я чувствую себя как выжатый лимон. Сами видели, сенситив я слабый и бестолковый. Да чего уж там, признаюсь: мне сертификат в академии дали только благодаря заслугам отца.

– Не наговаривайте на себя. Вы прекрасно справились.

– С вашей помощью.

– В знак благодарности не откажетесь вечером поужинать со мной в ресторанчике у озера? Пора нам узнать друг друга поближе.

Ей почудилось, что вопрос прозвучал твердо, словно и не вопрос это был, а приказ.

Аннет нахмурилась. Опять Максимилиан молниеносно перешел от игривой насмешки к жесткой напористости! Он что, теряет терпение? Рассчитывает, что теперь она станет благосклоннее и после ужина отправится в его номер? Нет уж, дудки.

– Посмотрим, – туманно пообещала Аннет и решила, что запрется вечером у себя в комнате и носа оттуда не высунет.

Стало неловко за домыслы, которые могли оказаться беспочвенными. Она покосилась на своего спутника и сказала:

– Послушайте, господин Молинаро – вы ступайте в гостиницу, а я пройду по магазинам.

– Я с вами.

– Спасибо, не стоит.

Максимилиан насупился, пожал плечами, учтиво кивнул и ушел. Кажется, обиделся. Аннет устало опустилась на нагретую солнцем скамью у фонтана и принялась наблюдать. За два последних дня столько всего произошло! Ей была нужна минутка покоя – привести мысли в порядок.

Красивое место! Фонтан не уступал прочим диковинам Механисбурга: это был и фонтан и часы одновременно. Прозрачный

циферблат с медными цифрами крепился к стальной арке. Под циферблатом раскачивался массивный маятник. Арку венчала бронзовая обнаженная фигура Хроноса. Длиннобородый хранитель времени держал в руках кувшин, из которого витой струйкой вытекала вода и с шумом разбивалась о движущиеся шестеренки в основании фонтана.

Сооружение журчало, булькало, скрипело и тикало, и шум этот успокаивал, а вода давала приятную прохладу.

На площади было полно людей. Гуляли туристы. Дети подставляли ладошки под струи воды. Голуби ворковали и дрались из-за куска хлеба.

Неуклюже лавируя среди детворы, сквозь толпу прошел бургомистр Гильоше и поспешил к ратуше. Следом, увлеченные разговором, брели мастер Ангренаж и госпожа Соннери. Механик что-то сердито выговаривала своей кузине, а та слушала, поджав губы. Аннет проводила их любопытным взглядом.

Пыхтя и отдуваясь, к уличному кафе подошел полицейский Пендельфедер, обмахивая лысину платком, потребовал кружку лимонада.

Шарманщик Петр прокатил свой смешной велосипед. На багажнике ехала шарманка.

Аннет принялась размышлять, и не последнее место в ее мыслях занимал Максимилиан Молинаро.

Сегодня он немало ее удивил. Надо же, он эмпат и умеет управлять чужим подсознанием! Пришел на помощь и, кажется, вовсе не сердился на нее. Однако его шутки начали надоедать. Понятно, что босс развлекается: разыгрывает перед ней эдакого ловеласа, киношного злодея-соблазнителя. Мол, что хотите видеть – то и получайте. Пытается преподать ей урок. Неужели он и впрямь твердо намерен закрутить с ней ни к чему не обязывающую интрижку? Нет, нет, это не для нее. Хватит с нее Бастиана и его натурщиц.

А может, Максимилиан всерьез ею увлекся?

Аннет не на шутку разволновалась. Глупости какие. С чего вдруг? Ясно одно: человек он хитрый, непростой, и если захочет – будет действовать настойчиво. Разделается со своей жертвой так ловко, что и не заметишь, как пропала.

Порыв ветра разбил струи на каскад брызг. Аннет промочила блузку, нехотя поднялась и застыла, как вкопанная, увидев в толпе у

пивной лавки знакомый клетчатый пиджак и егерскую шляпу с пером. Швиц! Теперь ошибки быть не могло: несомненно, это был грубиян, с которым она повздорила на дирижабле! Звякнул колокольчик, Швиц вошел внутрь.

Аннет замешкалась. Хорошо бы последовать за ним и задать пару вопросов. Смелая, уверенная в себе женщина так бы и поступила, но Аннет колебалась. Страшновато! Кто знает, что взбредет ему в голову?

Может, рассказать Молинаро о встрече? Он человек бывалый. Механисбург – городишко небольшой; босс сумеет найти Швица и потолковать о том, что случилось на дирижабле. И не он ли гнался за ней в лабиринте? Впрочем, Аннет и сама уже сомневалась, что Швиц хотел с ней разделаться. Воображение у нее богатое, что есть, то есть. Одно дело – перепалка, другое дело – убийство. На него не пошел бы даже такой дикарь, как этот гельманш.

Возбужденная Аннет поднялась в номер. Захлопнула дверь, бессильно прислонилась к ней спиной и на секунду закрыла глаза. Внезапно ноздри защекотал приторный запах розового масла с оттенком валерьяновых капель. Ни с того ни с сего сознание царапнула острая тревога. Кто знает почему, но ей показалось, что в комнате спрятался посторонний. Нехорошо: теперь ей везде чудится преследователь! Так и неврастеничкой стать недолго.

Аннет скинула туфли, уронила сумку на пол и прошла в комнату. Раздался шорох, взметнулась белая тень; девушка ойкнула, схватилась за сердце, но тут же отругала себя. Это всего лишь ветер ворвался через открытую балконную дверь и запутался в занавеске. Однако тревога не отпускала.

Запах роз стал сильнее. Аннет в раздражении огляделась: откуда он? А когда увидела источник, возмутилась.

На каминной полке, у ног механической скульптурки купидона, что украшала часы, лежала темно-красная махровая роза. Кто-то побывал в номере в отсутствие Аннет и оставил этот знак внимания. Ну разумеется, невыносимый наследник династии Молинаро, кто же еще! Приревновал к Ангренажу и решил сделать ответный шаг. Проник в ее комнату без спроса. Как пить дать, перелез через балкон или забрался по пожарной лестнице. Это уж слишком!

Аннет обожала театр, но мужчин, способных на театральные выходки, с недавних пор недолюбливала. Таких, как ее бывший

возлюбленный Бастиан.

Однажды романтичный скульптор нанял группу музыкантов, чтобы они поздно вечером исполнили под ее окнами балладу. Аннет тогда жила с родителями. На первом этаже особняка снимала комнату семейная пара с тремя малолетними детьми. Пронзительное пиликанье скрипки и блеющий тенор певца разбудили капризных отпрысков. Вбешенный отец семейства выскочил на улицу и затеял перепалку, которая в один миг переросла в драку. К развлечению охотно присоединились нетрезвые завсегдатаи студенческого кафе из дома напротив. Скрипки с жалобным треньканьем ломались о головы, звенели разбитые бутылки, жители домов выплескивали на драчунов помои и громко судачили о легкомысленной профессорской дочке. Почтенный профессор Вик спрятался в своем кабинете, мать бранилась, а сестра хохотала.

Приехала полиция и увела буянов в участок. Отцу Аннет пришлось давать показания. На этом дело не кончилось: когда музыкантов выпустили из каталажки, они опять заявили под окна квартиры профессора Вика и принялись громко требовать денег – как выяснилось, Бастиан оплатил лишь задаток, а затем уехал на выходные из города, забыв отдать остальное. При воспоминании о пережитом позоре Аннет до сих пор мутило.

И Молинаро туда же! Вломился как вор, чтобы тайно подбросить розу. Глупая выходка, и ни капли его не красит.

Кипя от возмущения и испытывая глубокое разочарование, Аннет решительно зашагала к камину. Пришла пора объясниться раз и навсегда. Сейчас она предъявит Молинаро цветок, выскажет все, что думает о его навязчивом поведении, а затем потребует оставить ее в покое.

Она встала у каминной доски, осторожно потянула за длинный стебель, но тут же отвлеклась: шелковая ткань чулка неприятно обвисла и поползла вниз по бедру. Аннет торопливо задрала край юбки: патентованный каучуковый зажим опять подвел! Выругалась и наклонилась. Раздался щелчок: над головой свистнуло, что-то с шумом пронеслось по комнате и глухо стукнуло.

Девушка от неожиданности дернулась, уселась на пол и растерянно подняла глаза на часы с механическим купидоном. Бронзовый мальчишка по-прежнему хищно всматривался в невидимую цель,

сжимая лук в пухлых руках, но стрелы – острой, тяжелой, размером с охотничий дротик – в нем не было. Зажужжало, крылья за спиной купидона плавно опустились.

Медленно-медленно перевела взгляд: из деревянной опоры кроватного балдахина торчало бронзовое оперение. Не нагнись Аннет поправить чулок, стрела бы вошла в ее левый глаз.

Аннет икнула от страха и поднесла дрожащую руку к губам, пытаясь осмыслить произошедшее. Бронзовый купидон оказался не простым украшением каминных часов, а опасным оружием, которое чуть не прикончило ее!

С этой пугающей мыслью девушка кое-как поднялась с пола, на дрожащих ногах вышла в коридор и заколотила в соседнюю дверь.

Дверь распахнулась, на пороге появился удивленный босс. Он был без пиджака, в рубашке и брюках со спущенными подтяжками, в руке зажженная сигара.

– Что происходит у меня в номере?! – набросилась на него Аннет, не дав раскрыть рот.

Максимилиан вздернул бровь и задумчиво почесал косо подрезанный бак.

– Не имею ни малейшего представления. К себе в номер вы меня пока еще не приглашали.

Аннет схватила его за рукав и потащила за собой. С веселым недоумением Максимилиан подчинился.

– Вот, – Аннет направила палец на торчащую в опоре стрелу, затем указала на купидона, а затем ткнула в грудь босса:

– Эта штука меня чуть не убила, когда я пыталась взять вашу розу.

– Терпеть не могу розы, – рассеянно отозвался Максимилиан, приблизившись к часам и потрогав указательным пальцем тетиву миниатюрного лука. – Они благоухают, как духи гуляющих девиц на площади Разбитых надежд.

Затем он подошел к кровати, взялся за бронзовое оперение, потянул, но тут же выпустил.

– Ну и дела, – отрывисто произнес он и бросил на Аннет непонятный взгляд. – Говорите, вы подошли к часам, и купидон выстрелил?

– Именно. Я бы погибла, если бы не наклонилась. Мой чулок опять.., – Аннет осеклась.

Максимилиан прошелся по номеру, зачем-то вышел на балкон, а когда вернулся, запер балконную дверь и решил:

– Вызовем управляющего. Будем разбираться.

Низенький управляющий, одетый как местный житель – в короткие брюки на помочах, гетры, свитер и кожаный жилет, – в возмущении потрясал руками и пыхтел как взбесившийся паровоз.

– Уважаемая госпожа Вик, – наконец выговорил он, гневно вытаращив глаза, – вы не можете обвинять гостиницу в том, что чуть не пострадали по собственной неосторожности. Такие часы стоят в каждой комнате. Да-да, созданные самим мастером Жакемаром! Это старинное приспособление для охраны миниатюрных сейфов. Корпус часов и есть сейф. В былые времена постояльцы держали там драгоценности. Стоит грабителю попытаться открыть дверцу – хоп-ля! – купидон выпускает стрелу, грабитель лишается глаза и зарекается нарушать закон. Двести лет назад с преступниками не церемонились. Но по соображениям безопасности, гостиница давным-давно превратила купидонов в номерах в совершенно безобидных мальчишек... предохранители зафиксированы, выстрела произойти не может, если не убрать зажим. Сделать это непросто, но среди постояльцев бывают люди настойчивые, и, скажем, не очень умные. Вот поэтому мы и оставили возле часов таблички. Госпожа Вик обучена читать, не так ли? «Просим уважаемых постояльцев не трогать часы! В противном случае пеняйте на себя», гласит она.

– Вы в своем уме, господин Туррель? – спросил Максимилиан таким ледяным тоном, что управляющий моментально скис. – Вы подвергаете людей опасности. А если бы часы захотел разобрать ребенок?

– Он бы не справился, – не пожелал сдаться господин Туррель. – Предохранитель надежен, как слово королевского банкира!

– Вы плохо знаете детей. Эти часы-ловушки нужно убрать из номеров немедленно.

– Невозможно, немыслимо! Они стоят здесь две сотни лет, с того дня, как в «Механическом купидоне» остановился первый постоялец! Это изюминка гостиницы, то, что привлекает туристов! Госпожа Вик, признайтесь, вы залезли внутрь купидона и сняли предохранитель, верно?

– Нет! Вчера я всего лишь потрогала шестеренки, а сегодня хотела

забрать розу...

– Вот! – управляющий торжествующе поднял палец. – Признайтесь, вы не просто трогали шестеренки. Вы спустили предохранитель!

– Какую розу? – спросил Максимилиан раздраженно. – Вы не в первый раз упоминаете о розе.

– Ту самую, которую вы принесли тайком в мой номер.

– Никаких роз я не приносил, да еще тайком. Я вам что, зеленый, по уши влюбленный мальчишка? Вы можете вообразить меня карабкающимся по пожарной лестнице с розой в зубах? Уму непостижимо. Я бы подарил вам лилии. Открыто, не таясь. Ну и где эта роза?

Аннет оглядела номер. Роза пропала. Ее не было ни на камине, ни на полу, ни под кроватью.

Управляющий сочувственно произнес:

– Вероятно, вы, уважаемая госпожа Вик, перегрелись на горном солнце и видите вещи, которых нет, и делаете вещи, которых не помните.

– Послушайте, как я сейчас поступлю, господин Туррель, – медленно произнес Максимилиан. – Я приглашу полицию и зафиксирую факт причинения вреда постоялице по вине гостиницы. Затем я вызову своего поверенного, вчиню иск, и вам придется продать это заведение, чтобы рассчитаться по претензии.

Господин Туррель побледнел.

– Полноте, полноте господин Молинаро! К чему такие радикальные меры? Два разумных человека прекрасно могут договориться. Ладно, я признаю, что мы поступили несколько неосмотрительно... Что если я предложу вам компенсацию: бесплатное проживание в номере на протяжении месяца, плюс бесплатное питание в лучших ресторанах города – тех, что принадлежат владельцам “Купидона”, – плюс бесплатный прокат лодок на озере? И бесплатные экскурсии в горы с нашим лучшим проводником! Вы не станете писать своему поверенному, а проведете в Механисбурге незабываемый отпуск! По рукам?

– Я посоветуюсь с госпожой Вик. В конце концов, она пострадавшая сторона.

– Не надо никакого поверенного и никакого иска, – пролепетала

сбитая с толку Аннет. – И подарков ваших мне не надо, господин Туррель.

– Я бы хотел поговорить с горничной, – потребовал Максимилиан.
– Нужно узнать, не заходила ли она в номер. Идемте, господин Туррель.
Аннет, ждите здесь. Из номера ни шагу.

Глава 9 Тайна Лазурного поэта

Следующий час царила суматоха. Максимилиан ушел и долго не возвращался. Стрелу извлекли из кровати, злополучные часы убрали, бурные извинения принесли. Когда Аннет осталась одна, от огорчения решила послушаться босса и спустилась на первый этаж в ресторан, где ей принесли коллекционное шерри за счет заведения. Так, потягивая светло-янтарный напиток, размышляя о случившемся и слушая звон городских часов, она просидела до заката.

Наконец, появился Максимилиан. Он недовольно покачал головой, занял соседний стул, положил ногу на ногу и закурил сигару. Аннет поджала губы — она не одобряла его дурной привычки – а затем торжествующе сообщила:

– Меня опять хотели убить. И не вздумайте утверждать, что я драматизирую.

Максимилиан неопределенно пожал плечами и выпустил струю дыма.

– Кто-то проник в мой номер и зарядил ловушку. Роза послужила приманкой. Как только я ее потянула, ловушка сработала. Злодей все время стоял на балконе. Пока я бегала за вами, он забрал розу и спустился по пожарной лестнице.

– Ваш мифический злодей придумал смелый, но ненадежный план.

— Вы мне верите?

— Есть шанс, что вы не сочиняете, — произнес Максимилиан с некоторым сомнением. – Кстати, я побеседовал с горничной – эта девица ничего не видела, ничего не слышала и никакой розы к вам в номер не приносила.

— Зачем кому-то меня убивать?

– Вот и мне интересно. Сдается, в Механисбурге не любят хронологов. Вальвазор, наш прежний хронолог, пропал в его окрестностях. Завтра собираюсь зайти в полицейское отделение и

расспросить, как идут поиски тела на месте обвала. Ранее в гибели Вальвазора не нашли ничего подозрительного, но теперь я полон сомнений.

— Почему? — спросила Аннет, трепеща. Несмотря на ужасные предположения, ее охватил азарт от мысли о том, что она оказалась в гуще странных происшествий. Живот свело сладкой судорогой, сердце забилося от ужаса и возбуждения. Кто-то счел ее настолько важной персоной, что пожелал убрать! В точности как случайную свидетельницу в синематографической ленте «Убийца не носит свитер». Мэри Рикфорд там была великолепна. Как храбро она разделалась с негодяем при помощи спиц для вязания! А когда главный герой страстно прижал ее к своей груди...

— Что вы увидели на хронограмме? — спросил босс, вернув Аннет в реальность.

-- Не только на хронограмме, но и на энергетической реплике автомата. Мне показалось, я увидела вкрапления алого цвета. Этот оттенок характерен для деталей, сделанных в наше время. Кроме того, некоторые узлы на реплике пульсировали, что говорит о вмешательстве в механизм, нарушении изначального замысла мастера... неужели автомат хотели подделать? Но зачем? И хронограмма указывает на конец 18-го века, то есть о подделке речь не идет...

— На энергетической реплике? — босс подался вперед и даже сигару отложил от изумления. — Вы что, репликатор? Быть того не может.

Аннет внезапно прорвало.

— Да, мой второй талант — репликация! — произнесла она с вызовом. — Когда это поняли мои наставники в академии, у них были такие же дурацко-удивленные лица, как и у вас. Вечно на меня смотрели, как на корову с куриными крыльями! Вроде и забавно, но и пользы от них никакой, разве что от мошкары отмахиваться. Я и хронолог-то неважный, а репликацией пользоваться и вовсе не умею. Меня не учили. «Женщин-хронологов не бывает! Женщина-репликатор — что-то неслыханное!» — передразнила она скрипучим голосом и отвернулась.

— Эй, — позвал ее босс. — Не обижайтесь. Для неуча вы весьма бегло рассуждаете об энергетических репликах. Вы знаете, что в королевстве всего десять зарегистрированных репликаторов? Вы, выходит, одиннадцатый... то есть, одиннадцатая.

— Известно, — ледяным тоном ответила Аннет. — Десять

репликаторов-мужчин.

– Что ж вы не настояли, чтобы вашим вторым даром занялись всерьез? Вы же эта, как ее... суфражистка. Хотите, чтобы женщины могли выбирать род занятий наравне с мужчинами. Вот и вдохновили бы своих сестер личным примером. Стали бы первой женщиной-репликатором. Прищучили бы нас, самцов-зазнаек.

Аннет пожалала плечами.

– Обязательно прищучу, но иначе. Механизмы и древности меня не интересуют... скучно. Да и к чему лишние препоны в виде твердолобых репликаторов-мужланов, не желающих принимать в свои ряды женщину? Сражаться с ними бессмысленно. Я согласилась с наставником и не стала зря время тратить. И вообще, сенситивы – рабы своего таланта. Никто из них не волен выбирать свою судьбу. Они делают то, что от них ожидают. Вы слышали хоть раз о сенситиве-медиуме или лозоходце, который наплевал бы на свой дар и пошел в цирюльники или рестораторы? То-то же. Я вот хочу стать звездой театра. Или синематографа! К моему мнению будут прислушиваться, мне будут подражать сотни тысяч женщин! Я способная, трудолюбивая, и ничего не боюсь!

Скептический вид босса уязвил ее, и Аннет распалилась. Ей очень хотелось, чтобы Максимилиан принял ее всерьез. Пусть поймет, какая она молодец. Выбрала свой путь и не свернет с него. Никакие трудности ей не страшны.

Максимилиан внимательно слушал, и его лицо поочередно отражало целую гамму не поддающихся определению чувств. Несколько раз он порывался что-то сказать, но лишь крепче сжимал губы, пока они не побелели; пробарабанил пальцами быструю мелодию по столешнице, поерзал на месте, страдальчески наморщил лоб и, наконец, смущенно прокашлялся.

Аннет замолчала, чтобы перевести дух, и Максимилиан решился. Он покачал головой, потер длинный подбородок и медленно произнес:

– Поразительно. Никогда не видел настолько неуверенного в себе человека с потрясающе низкой самооценкой.

В его голосе не было ни капли иронии. Аннет похолодела. Максимилиан подался вперед и продолжал:

– Наконец-то до меня дошло... ваш показной бунтарский дух, ваши выдумки и причудливые наряды говорят об одном: вы боитесь. Вы

выбрали маску и носите ее лишь потому, что постоянно сомневаетесь и считаете себя хуже окружающих. И поэтому решили зарыть свой настоящий талант в землю. Это проще, не так ли? Сейчас каждая полойка и кухарка мечтает стать актрисой. Допустим, у вас получится. Но даже сделав решительный шаг, вы сомневаетесь. Могли ведь отказаться поехать со мной. Подумаешь, деньги и рекомендации! Записались бы на актерские курсы и вечерами работали. Упорно шли к цели. Но вы так не поступили, нет! Потрепыхались и сдались. Эта поездка позволила вам потянуть время еще немного, а заодно переложить право принимать решения на чужие плечи.

Аннет чувствовала, как по шее ползут красные пятна. Максимилиан словно раздел ее – нет, не раздел – освеживал, препарировал, и теперь она сидела перед ним, уязвимая и незащищенная. Как есть людоед!

Людоед смотрел на нее с досадой и сочувствием.

– Вы и сами этого не осознавали, верно? – сказал он, наконец. – Люди часто не понимают, что они действительно хотят и могут.

Аннет стало очень жарко, потом она ужасно разозлилась, а потом внезапно остыла и почувствовала смертельную усталость. Прекрасно. Максимилиан видел ее в самые неприглядные минуты, а теперь еще и знает все ее слабости. Ну и пусть. Хуже уже быть не может.

Максимилиан тем временем продолжал говорить, тихо, но внушительно.

– Наверное, я сильно уязвил вашу гордость и в эту самую минуту вы меня ненавидите. Пускай. Вот что скажу: не уходите в мир фантазий, Аннет. Жизнь – не синемаграфический роман, где героине все подносят на блюдечке только потому, что она хорошая, красивая и острая на язык. Битву нельзя выиграть только на словах. Часто приходится идти на жертвы и не думать о последствиях. А вы, Аннет, куда сильнее, чем думаете.

Она молчала. Как теперь с ним разговаривать? Наконец, сухо произнесла:

– Закончили разбирать меня по косточкам? Если да, то вернемся к Лазурному поэту, вы не против?

Максимилиан откинулся на спинку, вздохнул и сделал неопределенный жест рукой. Аннет спросила, стараясь, чтобы голос ее

звучал спокойно:

– Вы думаете, Вальвазор тоже увидел в хронограмме что-то странное, и его решили убрать? А теперь пришел мой черед? Может, и с дирижабля меня хотели выбросить неспроста?

– Пока у нас нет оснований делать такие выводы.

– Это был кто-то из наследников Жакемара, – решила Аннет. – Кстати, все они слышали, как я расписывалась в любви к розам. Поэтому злоумышленник решил использовать розу как приманку в ловушке. Ставлю на бургомистра или госпожу Соннери. Оба грубияны, и обоим я не понравилась.

– Весомый довод, ничего не скажешь. Ладно, допустим, вы правы.

– Ну а вы кого подозреваете?

– Ставлю на шарманщика или хромого механика.

– Почему?

– Это я следую вашей логике. Называю тех, кто мне не нравится. Петр прикидывается простачком. А Ангренаж разбирается в механике и выглядит как заправский злодей из романа ужасов.

– Нельзя судить людей по внешности.

– А по чему еще их судить? Не преувеличивайте способность людей к мимикрии. Характер так или иначе отражается на лице, в манере одеваться и вести себя. Дамочки из благотворительных организаций любят повторять, что внешность не главное в человеке, и смело подбирают на улице оборванца с клеймом каторжанина. Знаете, сколько таких дамочек потом находят с перерезанным горлом?

– И все же вы не правы. Я разбираюсь в людях. Карл на злодейство не способен.

– Не обижайтесь, но вы разбираетесь в людях как кошка в огурцах. Сужу по вашему отношению ко мне.

– Зря вы так про кошек, – парировала Аннет. – В поместье моего деда есть кот, который лакомится огурцами в теплице. Он грызет только самые сладкие, а горькие не трогает.

Ехидный обмен любезностями, полный взаимных уколов, помог ей прийти в себя. Неловкость и злость первых минут, когда Максимилиану вздумалось вывалить на нее свои умозаключения, исчезли. Теперь она чувствовала себя в его компании иначе – свободнее, легче. Можно говорить, что хочешь, и вести себя, как хочешь.

Максимилиан рассмеялся.

– Ладно, уговорили. И все же хромой механик мне не нравится. Он смотрит на вас таким приторным взглядом, что хочется отхлестать его по щекам.

– Экий вы задира! – заметила Аннет с упреком. – Когда вы ушли в гостиницу, я сидела у фонтана и видела, как наследники Жакемара прогуливались рядом. О, послушайте! Вспомнила: я ведь встретила Швица – ну, того грубияна с дирижабля! Это точно был он. Любой из них мог прокрасться ко мне в номер.

– Вот как? – скептически произнес Максимилиан. – Если призвать здравый смысл, то никого подозревать мы не можем просто потому, что ничегошеньки пока не знаем и все наши подозрения ни на чем не основываются. На дирижабле вы никого не видели. Происшествие с купидоном могло быть простым совпадением. Как утверждает скользкий управляющий, вы могли спустить предохранитель случайно. А роза... сами положили ее к ногам купидона и забыли. А потом по рассеянности выбросили, когда ринулись ко мне в номер. Кстати, где тот цветок, что всучил вам в музей Ангренаж?

– Кажется, выкинула, как только мы вышли на улицу. Максимилиан, я что, совсем дурочка, по-вашему?

– Тихо, тихо, не заводитесь, – успокоил ее Максимилиан. – Я просто перебираю варианты. Больно все странно. И мне, уж простите, хорошо известно, что вы особа с богатым воображением.

Аннет надулась, но Максимилиан примирительно сказал:

– Я склонен вам верить. Передайте меню, будьте добры. Поужинаем, а потом поднимемся в гостиную и хорошенько изучим Лазурного поэта. Его доставили час назад. Заодно подумаем, чем вы могли не угодить злоумышленникам.

После ужина, за которым Аннет не смогла проглотить ни кусочка, поднялись в номер Максимилиана. Босс отпер дверь, опустил шторы и зажег настенный светильник под оранжевым абажуром. Аннет с любопытством осмотрелась.

Оказалось, Максимилиан на правах начальника поселился в куда более роскошном номере, чем тот, что отвели Аннет. Здесь было две комнаты: полупустая гостиная, в которую они вошли, и спальня. Заметив, с каким интересом Аннет изучала старинную мебель из темного дуба – восемнадцатый век, не иначе! – босс кивнул на соседнюю дверь и предложил с усмешкой:

– Хотите осмотреть спальню? Кровать там впечатляющая, раза в два больше вашей. И никаких часов с луком и стрелами.

– Нет уж, спасибо, – отозвалась Аннет и прошла к предмету, который занимал ее больше всего: автоматону «Лазурный поэт». Как и в музее, он сидел на своей оттоманке перед изящным столиком и хитро всматривался в сумрак из-под полуприкрытых век. Он выглядел удивительно живым, хотя пропорции его фарфоровой физиономии были кукольными – глаза слишком большие, скулы слишком острые, а нос слишком тонкий.

– Его доставили днем, когда вы гуляли возле фонтана, – объяснил Максимилиан. Он по-свойски скинул пиджак, повесил на спинку стула и встал плечом к плечу с Аннет, сложив руки на груди. Аннет покосилась на босса и отошла. Запах его одеколона был приятным, но будил в ней странные чувства. Он вызывал образы горячего песка и экзотических, загорелых путешественников, ведущих по пустыне караваны, груженные специями.

– Удивительно, насколько эта кукла похожа на Ангренажа, – заметила она, чтобы отвлечься. – Эти черты я узнала и в маске над театром, и в каменном изваянии у входа в канатную станцию.

– Старый мастер присутствует в этом городе повсюду. В своих изделиях и в своих наследниках, – заметил босс. Он сделал шаг и опять встал рядом, даже плечом коснулся. – Удивительный был человек. Свободно говорил на двенадцати языках. Изучал алхимию, медицину, механику, часовое дело, гидрологию и математику. Умел ходить по канату, стрелял с двух рук. С завязанными глазами без промаха попадал из двух мушкетов в разные цели с пятидесяти ярдов. Он был амбидекстром.

– Да, помню. Одинаково хорошо владел обеими руками.

– Жакемар освоил интересный вид письма: начинал писать фразу с начала и конца одновременно. Заканчивал строфу стихотворения посередине страницы. Стихи он сочинял сам, и весьма талантливо. А ночью, особенно в полнолуние, с ним творилось странное. Во сне он вставал и принимался бродить по городу. Его лунатизм породил немало легенд среди местных жителей. Современники Жакемара утверждали, что он мог беспрепятственно проникать сквозь стены домов как бестелесный дух. Подслушивал разговоры, а то и прокрадывался в постели хорошеньких горожанок.

Аннет подошла к автоматону и опустилась на табурет рядом.

– Хотите еще раз снять хронограмму? – поинтересовался Максимилиан.

– Пока не смогу. Я сегодня уже дважды входила в транс. Силы восстановятся через сутки, не раньше. Да и незачем: ничего нового я не увижу.

– Где вам привиделись алые точки? Те, которые говорят о том, что в механизме кто-то копался?

– Здесь и здесь. Три или пять точек, расположенные в виде короны.

Аннет быстро коснулась затылка и верхней части спины Поэта.

– Он выглядит целым. Я его осматривал. Пломбы не нарушены.

– Он работает?

– Да, я проверял. Хотите посмотреть?

Максимилиан подошел к секретеру и достал из ящика обтянутый бархатом футляр. На красной подушечке лежал бронзовый ключ с причудливой бородкой. Босс подошел к Поэту и оттянул у затылка батистовый воротник. На гладкой фарфоровой спине Поэта обнаружилась бронзовая пластина со скважиной. Максимилиан вставил ключ, повернул несколько раз и нажал расположенный рядом крошечный рычажок. Раздалось жужжание.

Автоматон ожил столь внезапно, что Аннет вскочила с табурета. Поэт повернул голову и резко поднял веки. Стекланные глаза двинулись налево, а затем направо. Аннет показалось, что они задержались на ней, как будто кукла внимательно рассматривала ее. Затем Поэт наклонил голову и принялся неторопливо водить карандашом по бумаге. Его глаза следили за грифельным кончиком, время от времени он приоткрывал рот и проводил по красным губам острым кончиком языка. Во рту у куклы пощелкивало.

Поэт строчил безостановочно, и Аннет наблюдала за ним в оцепенении. Появилось гадливое чувство. Слишком естественные движения совершала кукла, слишком хитро помаргивали ее тяжелые веки и слишком коварно улыбался чувственный рот – как будто это был заколдованный уродец ростом с десятилетнего ребенка.

Наконец, жужжание стихло. Автоматон в последний раз дернул рукой. Раздался хруст – карандаш сломался. Автоматон медленно поднял руку и затих.

Максимилиан вытащил обломок из сведенных пальцев Поэта, взял

исписанный лист бумаги и подал его Аннет. Девушка пробежала строки глазами.

– У него отличный почерк, – пробормотала она и прочитала вслух:

– «Нагих грудей твоих касанье зажгло в моих чреслах огонь...» – она покраснела и бросила листок на стол. Максимилиан рассмеялся.

– Ну и Лазурный поэт! – сказала она сердито. – Вульгарный стихоплет, вот он кто.

– Жакемар был известный волокита, – заметил Максимилиан. – Четыре жены похоронил, а жители города прятали от него своих дочерей.

– И когда только все успевал, – пробормотала Аннет. – Этот автоматон умеет лишь писать пошлые куплеты, больше ничего?

– Некоторые люди умеют и того меньше.

Аннет в задумчивости обошла куклу по кругу. Казалось, механический уродец вот-вот вскочит со своего стульчика и зловеще расхохочется, клацая фарфоровой челюстью.

– Он страшный. Не боитесь спать рядом с ним в соседней комнате?

– Боюсь, – живо согласился Максимилиан. – Можно, я переночую у вас в номере? Если опасаетесь за свою честь, могу положить между нами меч, как рыцарь в старину. Сбегаю вниз и стащу один со стены в вестибюле.

– Что же с ним не так? – продолжала размышлять Аннет. – Нужно найти другого, опытного хронолога. А лучше репликатора. Пусть посмотрит на его внутренности внимательнее.

– Где я вам быстро найду другого репликатора? Да и зачем? Автоматон выглядит отлично, работает исправно. Клиент будет доволен.

– Ну да, какое вам дело. Лишь бы клиент заплатил. Вы ни капли мне не верите.

– Аннет, – Максимилиан взял ее за руку и удержал. – Я вам верю. Во время экспертизы в музее мне кое-что показалось...

Он замешкался, отпустил ее руку, отошел к столу, налил из графина воды, отпил и задумался. Затем поведал нехотя:

– Когда вы входили в транс, я почувствовал, что кто-то из присутствующих использовал один редкий, запрещенный прием, которым владеют единицы. Есть люди, наделенные необычным талантом – они умеют подавлять дар других сенситивов. Их называют

глушителями. Я ни разу с таким не сталкивался, поэтому не уверен в том, что произошло... но мне показалось, что один из свидетелей экспертизы постарался вывести вас из строя.

– Не может быть! – ахнула Аннет. – Нам рассказывали про глушителей в Академии. Да, да, я тоже почувствовала неладное! Я неумелый хронолог, но не настолько! Но кто? Шарманщик Петр? Он единственный из них владеет даром.

– Этот человек мог быть незарегистрированным сенситивом. Такое редко, но случается. Это необязательно Петр.

– Все встает на свои места! – воскликнула Аннет. – У Лазурного поэта есть тайна, и я подошла к ней слишком близко.

Она вновь села рядом с автоматом и принялась внимательно его разглядывать.

– Жалко, он не умеет говорить. Рассказал бы нам, в чем дело.

– Если он произнесет хоть звук, я умру от страха, – с дрожью в голосе сказала Аннет. – Можно завести его еще раз? Давайте дадим ему целый карандаш.

Максимилиан принялся шарить в ящике секретера, но Аннет опередила его. Достала из сумочки собственный любимый карандаш – позолоченный, из мягкой благородной древесины – и осторожно просунула в щепоть тонких пальцев автомата.

– Это левая рука, – заметил Максимилиан. – Автоматон пишет правой, вы что, не обратили внимания?

Он покрутил ключ в спине автомата, вставил ему в правую руку второй карандаш и нажал рычаг. И тут автоматон сделал то, чего втайне опасалась Аннет. Он рассмеялся.

Все было так, как нарисовала ее фантазия: фарфоровые челюсти дробно застучали, стеклянные глаза принялись вращаться в орбитах. К счастью, Поэт смеялся беззвучно, но зрелище было без того жутковатое. Аннет вскочила, взвизгнула и кинулась к Максимилиану. Тот немедленно приобнял ее за плечи.

Лазурный поэт резким движением опустил обе руки на стол и принялся писать – сразу двумя карандашами. Руки расходились на ширину листа, торопливо вычерчивали буквы и странные символы, медленно сближаясь. Затем автоматон разводил руки и принимался за следующую строку. Жужжали валики, мерно пощелкивал механизм, шуршал грифель. Максимилиан и Аннет затаили дыхание.

– С ума сойти! – потрясенно воскликнула Аннет, когда завод кончился и автоматон замер. Ей было ужасно любопытно, что такое написал Поэт, но подойти к нему она побаивалась. – Он раньше делал так?

– Нет, – не менее потрясенно произнес Максимилиан. – Никому не приходило в голову дать Поэту два карандаша одновременно. Все верно: именно так и писал Жакемар! Вы случайно запустили какой-то скрытый механизм, когда сунули ему в руку второй карандаш. Посмотрим, что он нам поведал. Сдается, сейчас мы узнаем страшную тайну.

– Что это такое? – спросила Аннет, когда Максимилиан протянул ей исписанный лист бумаги. – Это не стихи. Здесь всего лишь шесть слов. «Из сердца гор прими бесценный дар», – прочитала она. – Остальное – символы, цифры, рисунки...

Максимилиан заглядывал через плечо Аннет, весьма вольно положив руку на ее талию, но девушка была так увлечена, что не возражала.

– Схематическое изображение циферблата, – уверенно сообщила она, тыкая пальцем в бумагу. – Стрелки показывают пять с четвертью. А это пчела. Видите крылышки и жало? Затем он изобразил колокол. Похож на морской. Вот язык, вот ушко. Орел и рядом цифра пять. Смотрите, рисунок сердца... оно механическое, составлено из шестеренок! Как любопытно! А вот что это за круги?

– План, – медленно произнес Максимилиан. Аннет ощутила, как его теплое дыхание пощекотало ей ухо, спохватилась, неловко сбросила его руку с талии и отошла. Максимилиан продолжил как ни в чем не бывало:

– Я видел подобные схемы в учебнике по лабиринтистике. Поэт нарисовал простой концентрический лабиринт, но видите – здесь стрелка. Она наверняка показывает определенное место, где что-то спрятано...

– Сокровище?!

– Мастерская Жакемара.

Аннет и Максимилиан посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

– Какие мы молодцы! Выведали у Поэта секрет, над которым

бьются наследники мастера без малого две сотни лет.

– Не очень-то радуйтесь, – заметила Аннет. – Остаются два вопроса: где этот лабиринт и что это за цифра и символы. И строка про бесценный дар. Лабиринт в горах? Или живой лабиринт, в котором мы гуляли?

– Мастерская здесь, в городе. Жакемар не стал бы мотаться в горы каждый раз, когда ему приходило в голову вылезти из постели очередной красотки и поработать. Живой лабиринт не concentрический. Ничего общего со схемой. Два символа из пяти мне прекрасно известны. Вы не узнали циферблат? Именно он изображен на брелоке, который показывал Ангренаж. А символ пчелы... вот он.

Максимилиан взял стола свои часы, что-то отстегнул от цепочки и протянул Аннет.

– Вы не успели рассмотреть брелок в прошлый раз. Ангренаж подсуетился и перехватил его.

Аннет живо схватила золотой кругляш и поднесла к глазам. На блестящей поверхности раскинула крылья выпуклая пчела. Аннет восторженно погладила пчелу, нехотя вернула брелок Максимилиану, опустила в кресло и откинулась на спинку.

Минуту она сидела молча, потрясенная открытием. В комнате царил таинственный полумрак. В коридорах гостиницы стояла тишина, только за окнами едва слышно шелестел ветер. Стекланные глаза Лазурного поэта мерцали. В окружающих тенях Аннет чудились неведомые существа и ловушки. Она ощущала холод подземелий и видела блеск сокровищ.

Максимилиан зажег верхний свет, сел за стол и принялся внимательно изучать листок, хмуря густые брови.

– Что мы будем делать теперь? – прервала молчание Аннет.

– Сложно решить, – пожал плечами Максимилиан и положил ладонь плашмя на стол. Аннет с жалостью глянула на изуродованный мизинец. Босс перехватил ее взгляд и торопливо убрал руку. – Если поступать по совести, нужно сообщить о находке наследникам Жакемара. Если поступать по закону, можно ни о чем не беспокоиться. Они продали Поэта, и теперь он со всеми его тайнами и механическими потрохами принадлежит фирме Молинаро. Можно сообщить будущему покупателю, но определенной договоренности с ним нет, поэтому этот вариант я пока рассматривать не буду.

– Да, нужно все рассказать наследникам, – упавшим голосом признала Аннет. – Они могут знать, что означает прочая белиберда, которую нарисовал Поэт. Кому принадлежит клад?

– Сложный вопрос. Обычно две трети нашедшему, треть государству, но, думаю, какая-то доля должна отойти наследникам и городу.

– Они отыщут мастерскую, продадут сокровища Жакемара и спасут город. Выкупят право аренды.

– Или заберут все денежки себе и оставят город самостоятельно разбираться со своими проблемами.

– Максимилиан, – неуверенно произнесла Аннет, – я сейчас предложу одну глупую, неправильную вещь... Что, если пока никому не рассказывать об открытии? Давайте попробуем найти мастерскую самостоятельно! Не подумайте, деньги меня не интересуют! Понимаете, это... это приключение. Когда мы будем возвращаться – вы сказали, через два дня? – мы отдадим схему Ангренажу и его кузенам. Но в эти два дня попробуем разгадать загадку сами! У вас же есть опыт поиска утраченных сокровищ? В конторе болтают, вы сопровождали археологические экспедиции, удирали от дикарей, бродили по джунглям и развалинам древних храмов, искали священные статуэтки, которые потом продали клиенту за баснословную сумму...

– Согласен, предложение глупое и неправильное. Как вам такое в голову пришло? Здесь цивилизованная страна, а не джунгли. Придется нам соблюдать осторожность. С чего думаете начать поиск? Предлагаю расспросить наследников. Завтра будет как раз подходящий случай – мы идем на прием и спектакль в театре «Мимезис». Только чур, самодеятельностью не заниматься и во всем слушать меня. И еще: если вдруг нам повезет найти мастерскую, мы не будем претендовать на долю сокровищ. Проявим благородство.

Слушаться во всем! Сложное условие. В другое время Аннет принялась бы спорить, но сейчас это было неразумно: во-первых, ей нужно было его умаслить, а во-вторых, с опытом Максимилиана по части приключений стоило считаться.

Аннет улыбнулась и торжественно заявила:

– Клянусь, господин Молинаро, буду слушать вас во всем.

– Отлично. Как бы вам только потом не пришлось пожалеть, что дали такую клятву. Я ведь могу потребовать весьма неудобные для вас

вещи. Вот, приказываю: там, на столе – очередная склянка со скисшими сливками. Заберите ее. Это для вас. Намажьте на ночь лицо и вылечите уже наконец ожог.

Глава 10 Беглая дочь

Ночью Аннет долго не могла заснуть. За окном было тихо и темно. Городок, в котором происходили удивительные и таинственные вещи, замер до утра. Ночная тишина казалось зловещей. Поначалу Аннет прислушивалась: не раздадутся ли крадущиеся шаги или скрип открываемой балконной двери?

Ничего не происходило, лишь отбивали время уличные часы — приглушенно, не тревожа жителей, то синхронно, то вразнобой, то музыкально, то отрывисто. Пробило час, потом два, Аннет ворочалась с боку на бок и перебирала события дня, пока не загудела голова. Утомившись, от отчаяния собралась достать подарок предусмотрительной Ванессы и проверить, справится ли с бессонницей книга сладких сновидений сочинения почтенного морфеоманта Дормируса. Выбираться из-под теплого одеяла не хотелось, и пока Аннет мешкала, ее, наконец, сморило. Вопреки всему, спала она крепко и сны ей снились яркие. В них не было места ни механическому купидону со смертельной стрелой, ни зловещему фарфоровому поэту с бульварными стишками.

Под мелодию уличных часов она уснула, и под нее же проснулась. Аннет показалось, что молоточки выбивают задорную польку не снаружи, а внутри комнаты, прямо у нее под ухом. Вскочила, сладко потянулась, в два счета оделась и умылась. Ее снедала жажда деятельности. День обещал приключения.

Интересно, Максимилиан еще спит? Вряд ли: уже девять! Как можно валяться в кровати, когда на носу поиск сокровищ? Нужно выяснить планы босса на день, и какое место в них отведено его ассистентке.

Аннет надела яркую шляпку, залихватски сдвинула на один глаз, подхватила сумочку, вышла в коридор и громко заколотила в соседнюю дверь.

В номере со вкусом чертыхнулись, раздались торопливые шаги, дверь распахнулась. Аннет взвизгнула и присела от неожиданности. Перед ее близорукими глазами предстал голый незнакомец с седой

бородой. В одной руке он сжимал опасную бритву, в другой – окрашенное кровью полотенце.

– Что случилось?! – рявкнул незнакомец голосом Максимилиана, вытирая полотенцем мыльную пену с подбородка. – Почему вы стучите как ненормальная, а потом визжите? На вас опять напали?

Аннет мысленно отругала себя, нацепила пенсне и пояснила:

— Вы голый, окровавленный и в пене. Я вас не узнала.

— Я одет достаточно, — отрезал Максимилиан, подтягивая полосатые пижамные штаны с веселой алой ленточкой у пояса. — А вы не трепетная монашка, которая обязана упасть в обморок при виде обнаженного мужского торса.

Затем он ушел вглубь комнаты и продолжил возмущаться уже оттуда:

– Я брился, когда вы принялись ломиться в дверь. Решил, опять что-то стряслось. Может, вам подбросили отравленный букет, или очередной предмет мебели решил проткнуть вас стрелой. От испуга чуть не отхватил себе бритвой ухо. Мало того что я девятипалый, так был бы еще и одноухий. Кто такого полюбит?! Заходите. Я уже в приличном виде.

Пройти не получилось, потому что босс вышел сам. Он был полностью одет, в летнем светло-сером костюме и белоснежной рубашке, но Аннет отчего-то смутилась. Перед глазами все еще маячила широкая обнаженная грудь, покрытая золотистыми волосками. Торс у Максимилиана был что надо: поджарый, загорелый, с хорошо развитыми мышцами. Аннет невольно сравнила босса с Бастианом. Сравнение было не в пользу скульптора. Ценитель идеальных тел стеснялся своего начинающего округляться животика и прыщавых плеч и всегда гасил свет, перед тем как раздеться и торопливо увлечь Аннет на кушетку в мастерской. Некстати подумалось, что на этой же самой кушетке Бастиан развлекал своих богатых покровительниц и разбитных натурщиц. Настроение испортилось.

— Какие у нас планы на день? – кисло поинтересовалась она у Максимилиана.

— Идем завтракать в город, — решил тот, запирая дверь. — Знаю прекрасное место, где подают лучший в мире омлет с розмарином.

Аннет открыла было рот, чтобы протестовать, но передумала. Завтракать так завтракать. В городе так в городе. И чем ему не угодил

ресторан при гостинице?

– Прекрасное утро, -- объявил Максимилиан, вышагивая по мозаичной мостовой в такт бою бесчисленных городских часов.

И он был прав. Утро выдалось действительно прекрасное.

На бирюзовом небе лениво плыли облачка, похожие на сахарную вату. Солнце окрашивало их в оттенок свежей карамели. Владельцы магазинов лениво драили тротуар мохнатыми швабрами и делились сплетнями. Чисто вымытая мозаика, изображающая сцены из жизни основателя города, переливалась, как глазурь на торте, а цветы на клумбах притворялись кремовыми украшениями. Из булочных доносился умопомрачительный аромат свежей выпечки.

Аннет не выдержала и купила хрустящий багет, тут же впилась в него зубами и застонала от удовольствия. Босс сердито приказал не перебивать аппетит, забрал багет, отломил добрую половину и расправился с ней в два счета.

Аппетит Аннет ни капли не пострадал, завтрак оказался выше всех похвал. Колбаски восхитительно хрустели поджаристой корочкой и при укусе брызгались горячим соком. Яичный желток растекался, как жидкое золото. Хлеб – только из печи! – обжигал пальцы.

Завтрак им накрыли на столике на террасе с видом на озеро. Аннет сняла шляпку, подставила лицо мягким утренним лучам и от души наслаждалась жизнью. Максимилиан смаковал свой омлет с розмарином и жмурился от удовольствия. Аннет смотрела на него и удивлялась.

Вчера между ними состоялся непростой разговор, но теперь она чувствовала себя в его компании куда увереннее, чем раньше. Максимилиан понимал ее лучше остальных и не постеснялся вытащить наружу ее секрет. Был неделикатен, но не осуждал, и его жалость не обижала. Рядом с ним она могла оставаться собой. А еще она привыкла к их перепалкам. Они держали ее в тонусе и настраивали на боевой лад.

– Вам понравилось, Аннет? Повар в «Механическом купидоне» начисто лишен кулинарного вдохновения, поэтому я решил вас сегодня побаловать. Вот что, когда вернемся в столицу, приглашаю в гости. На приватный ужин. Приготовлю такой сырный пирог – пальчики оближете. А наутро еще и завтраком угощу. Сделаю ваши любимые блинчики со взбитыми сливками и малиновым вареньем.

– Сырный пирог? Блинчики? – поразилась Аннет, решив проигнорировать двусмысленность предложения. – Неужели вы умеете

готовить?

– Еще как, – подтвердил Максимилиан, смеясь глазами – Недаром в армии я кашеварил на полевой кухне.

У Аннет от удивления вытянулось лицо.

– Вы что, были этим... военным поваром? Не участвовали в сражениях, а варили солонину и раздавали галеты?

Максимилиан расхохотался.

– Ага, я вас разочаровал. Сплетники в конторе сильно приукрасили мою биографию. Верно, я служил в армии, но за дуэль меня разжаловали в рядовые и сослали на кухню. А потом забрал к себе в личные повара генерал. Так что я не только перловую кашу умею сварганить, не сомневайтесь. У старичка были весьма изысканные вкусы.

– По какому поводу вы ввязались в дуэль?

– Юношеская глупость, – махнул рукой Максимилиан. – Принял за чистую монету нежные улыбки сестрички милосердия, которая предпочла лейтенанта. Никто не пострадал. Мой соперник принес извинения, когда его зазноба уехала с полковым капельмейстером. На кухне я неплохо устроился. Сытно, тепло.

– Ну вы и герой половника и сковородки! – съехидничала Аннет.

– И даже был ранен на кухонном поле боя. Вы, поди, думали, что я лишился мизинца в рукопашной схватке с врагом? – продолжал веселиться Максимилиан. – Ничего подобного. Мне его случайно отрубил тесаком для мяса второй кашевар. Нервный был парнишка, страдал после контузии.

– А нос вам сломали скалкой, когда вы не сошлись с поваром во мнении по поводу раскатки теста для пирожков?

– Нет, нет. Нос – другая история. Когда удерживаешь титул полкового чемпиона по боксу, будь готов распрощаться со смазливой физиономией.

– Никогда раньше не встречала повара-боксера.

– С дипломом искусствоведа, заметьте. Получил его, когда ушел в отставку и решил вернуться в семейный бизнес.

– Вас нужно поместить в кунсткамеру. Что же, вы так и прошли всю Бирскийскую войну, отсиживаясь на полевой кухне?

Максимилиан посерьезнел.

– Труса я не праздновал. Через год меня восстановили в звании,

забрали поварешку и всучили винтовку. Но любовь к ремеслу повара осталась, и я надеюсь поразить вас своими кулинарными талантами.

– Кстати, о талантах: у вас есть другие сенситивные дары?

– Есть, но я к ним редко прибегаю. Больше полагаюсь на другие свои качества. Однако умение внушать людям уверенность и активизировать подсознание оказалось крайне полезным в бизнесе. Поэтому дядя и любит поручать мне вытаскивать из ямы прогорающие отделения вроде вашего.

– Ладно, не хотите говорить о своих талантах, и не надо. Вам уже удалось произвести на меня впечатление. Ведь это было целью вашей откровенности, не так ли?

– Просто хотел, чтобы вы узнали меня получше и начали относиться с большей симпатией. Вы уверены, что не желаете десерт? Тогда идем гулять. Хочу показать Часовую башню и «Корабль-бутылке». По пути обсудим планы поиска мастерской Жакемара.

Они двинулись вниз по улице к озеру. Тротуары заполнили прохожие. Сегодня кроме туристов попадалось немало жителей долин, и Аннет то и дело вздрагивала, когда замечала плотных чернявых мужчин в егерских шапках, брюках-гольф и клетчатых пиджаках. Ей хотелось поймать Швица и побеседовать с ним в присутствии Максимилиана, но пока никого похожего на своего таинственного преследователя она не встретила.

Ее внимание занимала еще одна группа людей, совершенно не похожих на праздных туристов. Неряшливые мужчины в рабочих комбинезонах и картузах сновали туда-сюда, держа в руках мерные рейки и странные приборы на треножниках. Они курили вонючие папиросы, сплевывали на мозаичную плитку, по-хозяйски рассматривали нарядные улицы Механисбурга и делали замеры.

– Рабочие золотодобывающей компании Форса, – объяснил Максимилиан. – Помните, у города скоро истекает право аренды земель? Форс фактически купит этот городок вместе с его жителями. Боюсь, тогда Механисбургу придет конец. Форс намерен изрыть его вдоль и поперек, чтобы найти залежи ископаемых.

Эти сведения встревожили Аннет. Ей нравился Механисбург. Здесь она чувствовала себя как в детской фантазии, полной диких опасностей, с которыми ей пришлось столкнуться, не уменьшая его очарования. В конце концов, какая хорошая сказка обходится без

страшных приключений?

Часовая башня стояла на берегу озера. У подножия застыли немногочисленные туристы, задрав головы. Солнце слепило, люди прикладывали к глазам ладони, буклеты и веера. Ветер трепал ленты, шарфы и юбки.

Это было самое высокое сооружение в городе. Башня уходила в синеву неба. Ее двойник отражался в гладком зеркале озера. В стенах из красного кирпича в шахматном порядке разместились прямоугольные окошки. За тонкими, почти невидимыми стеклами сотни кукол разыгрывали сценки городской жизни: жестяные торговцы размахивали пучками моркови, цирюльники орудовали ножницами, пастухи гнали стада деревянных овец, на специальных подставках выезжали парусные лодки, ярко раскрашенные музыканты водили смычками по струнам.

Колокольчики вызванивали сказочную мелодию.

Самое длинное окно располагалось в центре стены. Оно поднималось к гигантским позолоченным курантам и показывало часть устройства. Неустанно крутились шестеренки – каждая размером с обеденный стол. В сердце башни раскачивался маятник. Он был огромен. На нем красовалось изображение солнца, как его рисовали на старинных иллюстрациях: пухлые щеки, круглые глаза и строгий взгляд. Маятник то пропадал, то появлялся в узкой щели проема, и тогда от нарисованного лика на туристов прыгали солнечные зайчики. Из глубины башни доносилось мерное уханье, давая понять: там, внутри, скрывается мощный и сложный механизм.

И дети, и взрослые восторженно перешептывались, наблюдая за представлением, которое шло от рассвета до заката. Аннет надела пенсне, задрала голову и так увлеклась, что не замечала, когда ее случайно толкали другие зрители; впрочем, Максимилиан стоял рядом и незаметно оттеснял самых небрежных зевак от своей спутницы.

– Угроздило же меня потерять фотографический аппарат! – посетовала Аннет вслух. – Думаю, он выпал в окно во время того досадного происшествия на дирижабле...

– Досадного?! – поразился Максимилиан. – Чудное слово вы подобрали. Вы тогда чуть не погибли, помните?

– Забудешь такое... но аппарата все равно жаль.

– Куплю вам новый, – неожиданно заявил босс. – Помнится, вы хотели сделать мой портрет. Хочу его получить.

Аннет собралась вежливо отказаться от обещанного подарка и подбирала подходящие слова, но в этот момент ее нежно похлопали по плечу и чей-то голосок с придыханием произнес:

– Вы, должно быть, та девушка-хронолог! Отец рассказывал о вас. Добрый день! И вам добрый день, господин Молинаро!

Ошарашенная Аннет чуть не уронила шляпку и повернулась. Перед ней стояла белокурая девица в воздушном голубом платье. Лицо у девицы было красивое, пухлогубое, в форме сердечка, и выражало оно в этот момент умеренное дружелюбие и неумеренное любопытство. Пшеничные бровки смешно приподнялись над круглыми глазами цвета олова. Вчера Аннет видела похожие глаза, и владелец их, помнится, смотрел на Аннет с острым неодобрением.

– Белинда Гильоше, дочь бургомистра этого городка, – представилась девица, подтвердив предположение Аннет.

– Приятно познакомиться, госпожа Гильоше.

– Зовите меня Линда. Давайте станем подругами! – девица ловко продела руку под локоть Аннет и увлекла ее прочь из толпы, не забывая метать кокетливые взгляды в сторону Максимилиана.

А тот и рад! Разулыбался, склонил почтительно голову. Аннет отвернулась и с усилием скорчила дружелюбную гримасу.

Девица тарыхтела как швейная машинка. Через десять минут Аннет знала все о мечтах и пристрастиях бургомистровой дочери. Всю жизнь она провела в Механисбурге. Городишко этот надоел ей до тошноты. Она мечтает уехать в столицу – не правда ли, Аннет, жизнь там восхитительна?! А сколько интересных кавалеров! И синематографы на каждом углу. А вот в Механисбурге нет ни одного. Приходится ездить в соседний Фрибур. О, она обожает синематографические романы! Особенно с участием актера Дугласа Бербенкса.

Узнав, что новая знакомая разделяет ее увлечения, Аннет немного оттаяла, а когда Линда сказала, что Аннет похожа на актрису Мэри Рикфорд – «У вас точно такие же точеные скулы и русые локоны!» – появились ростки симпатии.

– Я собираюсь стать актрисой. Скоро пойду учиться на театральные курсы, – скромно заметила Аннет и покосилась на Максимилиана – не засмеется ли? Тот сохранял серьезное выражение лица, лишь время от времени умильно посматривал на бургомистерскую дочь. Его разноцветные глаза сверкали как семафоры.

Записной ловелас! Готов восторгаться каждой встречной.

Признание вызвало новую бурю восторга. Как же Линда ей завидует!

– Вы хотите стать актрисой – но вы же хронолог! – всплеснула ухоженными руками Линда. – У нас в городке мало сенситивов. Есть лекарь, скучная старушенция, которая заговорами лечит подагру таким же старым перечницам, как она сама. Есть медиум, господин Прюк. Ну и еще шарманщик Петр. Этот выжил из ума. Хронологами чаще рождаются мужчины, не так ли? Наверное, вам непросто приходится! Папа пыхтел и негодовал, когда рассказывал о вас. Сказал, что вы столичная вертихвостка и пустоголовая особа, и велел держаться от вас подальше... ой! Извините, я не должна была этого говорить! Он такой ретроград. Ненавидит романтику и любовные синематографические ленты. Считает, что я должна всю жизнь провести здесь, в этом городишке. А я мечтаю стать художницей! Вы мой идеал, Аннет. Так хочется уехать с вами в столицу и поступить в художественную академию! Учителя в школе хвалили мои акварели. Но папа ни за что не согласится. Он требует, чтобы я вышла замуж за сына местного банкира. Я против, но одна в столицу ехать боюсь. Увы, дети, церковь и кухня – вот и все, что меня ждет.

– Хотите, помогу вам? – предложила Аннет, против воли проникаясь к Линде сочувствием. Она была готова встать на защиту каждой угнетенной мужчинами девушки. Заодно ей хотелось насолить бургомистру, который отозвался о ней столь нелестно. Не повезло же бедняжке иметь такого родителя-грубияна! Отец Аннет тоже был не сахар, но, по крайней мере, он говорил дочери гадости неизменно вежливым тоном, каким обращался к своим нерадивым студентам.

Максимилиан, который до этого шел молча, многозначительно кашлянул и метнул на Аннет предостерегающий взгляд. Та сделала вид, что не заметила, и упрямо продолжила:

– Я живу в квартале «Десять муз», где селится артистическая молодежь. У нас весело! Квартирная хозяйка добрая, хоть и бестолковая. Она сдаст вам комнату в мансарде, совсем дешево. Моя соседка Симона – подающая надежды пейзажистка. Она поможет вам пройти вступительный экзамен в академию. Если повезет, дадут стипендию. Поговорите с отцом, объясните, что хотите жить самостоятельно, и уезжайте. Я так и поступила, и ни капли не жалею.

– Милая, дорогая Аннет! – от нахлынувших чувств Линда прижала руки к груди. – Вы открыли передо мной окно надежды. Вы станете моей спасительницей! Но прошу, ни слова папе! Пусть это будет нашей тайной. Заговор бунтарок! Когда вы возвращаетесь в столицу? Через два дня? Решено, я уеду с вами. Оставлю папе письмо и все объясню. Он будет рвать и метать, но я уже улизну на свободу!

Аннет опешила. Линда собиралась действовать в точности по сценарию фильма «Беглая дочь». Такой решительности она не ожидала, но идти на попятный было поздно. Кажется, Максимилиан разделил ее опасения, потому как сухо произнес:

– Ваш план не кажется мне разумным, Белинда. Подумайте хорошенько, прежде чем сделать это шаг.

– Миленький, добрый господин Молинаро! – бургомистерская дочь схватила его за ладонь и потрясла. Максимилиан моментально улыбнулся, вложив в улыбку все свое обаяние. – Обещайте, что не проговоритесь папе. Он бывает несносным букой.

– Вы ставите меня в неловкое положение, сударыня, – покачал головой Максимилиан, однако улыбаться не перестал. – Могу лишь обещать, что не заведу с ним этот разговор первым. Однако я намерен провести серьезную беседу с вами. На правах старшего и более опытного человека – на правах мужчины, в конце концов – я должен разъяснить, что вы поступаете несправедливо по отношению к вашим родителям.

– Оставьте свои нравоучения, господин Молинаро, – возмутилась Аннет, раздосадованная его типично мужским высокомерием. – Линда – совершеннолетняя и вольна поступать, как захочет.

– С вами я тоже побеседую. О том, как нехорошо вмешиваться в чужие семейные дела, – пригрозил Максимилиан. Тон его был суров, и Линда всполошилась.

– Мне пора бежать, а то папа хватится, – сообщила она. – Увидимся вечером в театре, Аннет.

Затем приблизила пухлые губы к ее уху и жарко прошептала:

– Там обсудим детали побега. Чтобы ваш шеф не слышал. Он бука, но милый, не так ли? Он разведен, верно? А невесты у него нет? Интересно, ему нравятся блондинки?

Кокетливо тряхнув белокурыми локонами и вильнув глазами в сторону Максимилиана, бургомистерская дочь скорым шагом пошла к

ратушной площади.

Максимилиан повел Аннет в другую сторону. Они поднялись по узкой каменной лестнице, свернули на залитую солнцем улицу и не спеша шли мимо разноцветных фасадов, кокетливых крылечек, мимо витрин, где были выставлены детали часовых механизмов, марионетки и плитки отборного шоколада в золотой фольге.

Босс вышагивал рядом с Аннет, заложив руки за спину, и искоса поглядывал из-под сдвинутых бровей. Выжидательно молчал. Аннет задрала подбородок, неуступчиво сжала губы и настроена была далеко не мирно. Опять он ей недоволен! Как пить дать, сейчас примется ее отчитывать.

Наконец, он произнес назидательным тоном:

– Оставьте это дело. Белинде стоит поговорить с отцом. Что за романтическая блажь – бежать из дома под покровом ночи!

– У нее нет другого выхода, – кротко отозвалась Аннет. – Вы ничего не понимаете. Вы наследник богатой династии, мужчина, которому все принесли на тарелочке. Вы не знаете, каково это – быть девушкой, зависимой от всех и вся.

– А вы не знаете Белинду. Зависимая и угнетенная – это не про нее. Я познакомился с ней несколько лет назад, когда впервые приехал в Механисбург по делам. Она была еще ребенком, из тех, кто кидаются на пол и стучат ногами, пока не получают желаемое. Прошу, не водитесь с ней. Вы и так отчего-то сильно не понравились ее отцу.

– Нехорошо отказывать человеку в просьбе о помощи.

– Нет уж. С нами в столицу она не поедет, и точка. Не хватало проблем с полицией за соучастие в похищении. С бургомистра станется обвинить вас в этом. Его дочь – вредная штучка.

Максимилиан помолчал и добавил мечтательно:

– Но прехорошенькая, этого у нее не отнимешь. Упорная, с характером, и не боится совершать ошибки. Не то что моя бывшая жена...

«И не то, что вы, госпожа Вик», – мысленно закончила Аннет. Она надулась и метнула на босса негодующий взгляд. Он назвал Линду прехорошенькой! Выходит, блондинки все-таки ему по душе. Интересно, бывшая мадам Молинаро тоже красила волосы пергидролью?

Босс вскинул крутую бровь над зеленым глазом и усмехнулся.

– Хорошо. Оставим этот разговор. А вот знаменитый аттракцион «Корабль в бутылке». Только сдается, не вовремя мы собрались посмотреть на него.

Среди полусгнивших остовов каруселей и качелей Аннет увидела необычное сооружение. Пузатая бутылка величиной с небольшой коттедж лежала на боку, а внутри, на высоких подпорках, стоял всамделишный корабль – каравелла размером с рыбацкий баркас. Борта каравеллы были украшены искусной резьбой с позолотой. На носу выпятила пышную грудь русалка с хищной улыбкой. На мачтах повисли белоснежные паруса, на распорке болтался черный флаг с черепом и костями.

К бутылке вели две трубы. Нижняя часть бутылки изнутри позеленела от тины. Старик в мешковатом комбинезоне расхаживал под днищем корабля и, вооружившись шваброй и тряпкой, неторопливо драил стекло. Аннет заметила, что в бутылку он забрался по приставной лестнице через горлышко, оттуда – по перекинутой доске на нос корабля и спустился вниз по канатной лесенке. В старике она признала вездесущего шарманщика Петра. Кажется, как и его кузен Ангренаж, Петр был мастером на все руки и исполнял обязанности чернорабочего везде, где это требовалось. Вокруг бутылки кто-то натянул канат и повесил неграмотную надпись: «Севодня не работает. Уборка. Приходите зафтра».

Максимилиан щелкнул языком.

– Жаль, жаль.

Аннет уходит не спешила.

– Удивительно! Как этот корабль засунули в бутылку?

– Думаю, Жакемар протацил отдельные детали через горлышко и собрал корабль уже внутри. Это тоже изделие старого мастера. Каравелла «Черная ундина» знаменитого пирата Рыжебородого Генри. Жакемар в юности плавал в его команде канониром. Вот и сделал памятник своему капитану. Бутылка наполняется водой. Специальные механизмы создают волны, как во время бури. Но это еще не все. Видите те фигурки на борту?

Аннет прищурилась. И верно: там и сям на борту удивительного судна застыли морячки в половину человеческого роста. В руках они держали сабли.

– Автоматоны. Служащий включает механизм, и они приходят в

движение. Выделывают разные интересные штуки. Дерутся на саблях, вытравливают якорь, драят палубу. Раньше туристов проводили внутрь корабля. Там все устроено в точности как на настоящей «Черной ундине». Есть даже каюта Рыжебородого Генри и его знаменитый сундук полный золотых монет. Не настоящее золото, разумеется. А еще...

Аннет пришла в возбуждение, торопливо протерла пенсне, прищурилась и воскликнула:

– Максимилиан! Смотрите! Вы узнаете? Это же он!

К бутылке подошел высокий, грузный человек и помахал рукой. Петр бросил швабру, вскарабкался по лестнице и вылез через горлышко бутылки наружу. Мужчины принялись разговаривать. Грузный о чем-то спросил, шарманщик молча выслушал, затем помотал головой и сплюнул. Грузный продолжал настаивать, затем вынул кошелек и дал Петру зеленую бумажку. Тот принял ее и снова помотал головой. Собеседник рассердился и сунул Петру кулак под нос. Шарманщик усмехнулся и равнодушно отвернулся.

– Это Швиц, тот грубиян с дирижабля! Я уверена, это он преследовал меня в лабиринте. Ну же, подойдите к нему, спросите!

– Что спросить? – удивился Максимилиан.

– Не он ли выбросил меня за борт дирижабля, а потом хотел придушить среди кустов в лабиринте.

– Прямо так и спросить? – босс развел руками. – Добрый день, не вы ли тот самый знаменитый любитель гоняться за беззащитными девицами? Хорошо. Стойте здесь.

Он скорым шагом двинулся к мужчинам. Швиц – теперь Аннет смогла рассмотреть знакомые кустистые брови и даже бородавку – увидел приближающегося Максимилиана, повернулся и припустил прочь с прытью, которую нельзя было заподозрить в человеке его сложения. Босс не стал его преследовать – бесполезно. Он подошел к Петру и завязал разговор. Аннет подпрыгивала от нетерпения.

– Что вы узнали? – накинулась она на Максимилиана, когда тот вернулся.

– Новое предсказание Петра. Сначала он заявил, что этого человека он видит впервые. Говорит, Швиц просто поинтересовался, когда откроется аттракцион. Наверное, хотел порадовать своих детишек. Затем наш провидец закатил глаза, попыхтел и сообщил, что скоро я

примерю бронзовый колпак. Такое было ему видение.

Аннет топнула ногой от досады и с надрывом воскликнула:

– Я не чувствую себя в безопасности, когда этот мерзавец ходит по городу!

– Узнаю эту строку. Пьеса «Королева Аделаида», акт второй, сцена третья. Успокойтесь, Аннет, не актерствуйте. Я собираюсь поговорить с Пендельфедером и все выяснить про вашего неуловимого Швица.

– На вашем месте я бы прислушалась к пророчеству шарманщика, – ответила Аннет, устыдившись. – Помните, он предсказал мне крылатую опасность, свист, стук? В этот же вечер крылатый купидон выпустил в меня стрелу. Бронзовый колпак на вашей голове! Что это может означать?

– Только то, что у Петра не все дома. Или то, что ему нужен хороший подзатыльник. Слишком уж старательно в разговоре со мной Петр изображал простофилю и делал вид, что встретил Швица впервые. Ясное дело, знакомы они давно и довольно близко. Ничего, я с ним еще побеседую. Возвращаемся в гостиницу. Мы вечером идем в театр, помните?

Глава 11 Мимезис

Планы на вечер привели Аннет в хорошее настроение. Театр она любила и собиралась посвятить сцене жизнь. Интересно, какие спектакли дают в этой глуши? Наверное, механисбуржцы занимаются самодеятельностью. Лавочники неумело гримируются, расхаживают по сцене, выпятив грудь колесом, и выкрикивают роли зычными голосами, а их мамочки и супруги с умилением аплодируют.

Оделась тщательно, но скромно. Не стоит шокировать провинциальную публику яркими нарядами. Черное платье с блестками и рукавами на пуговичках до локтя прекрасно подойдет к случаю.

— Что за актеры выступают в Механисбурге? – спросила она у Максимилиана, когда шли по опустевшей улице. На дверях магазинов появились вывески «Закрыто», старики рассаживались на лавочках, раскуривали трубки и делились дневными новостями. Радостно звонили часы – Аннет привыкла к этой музыке и воспринимала ее как часть города.

Вечер выдался теплым, золотистым, хотя со стороны гор тянулась

плотная пелена облаков.

— Уже пятьдесят лет на сцену театра «Мимезис» не выходит ни один живой актер, — загадочно ответил Максимилиан. Он выглядел очень представительно в дорогом сером костюме с золотыми запонками, но был необычно молчалив, держался от Аннет на расстоянии шага и в ее сторону не смотрел.

— Как это — нет актеров? Мы будем любоваться на пустую сцену? — не поверила она.

— Скоро сами увидите. Не хочу портить сюрприз. В этом городе все необычное, и театр тоже. Вам понравится. Только не визжите громко во время самых жутких сцен. Бывали и такие случаи среди нервных туристок.

— За эти два дня я уже столько страху натерпелась, что паниковать по пустякам не буду, — обиженно заметила Аннет.

Показалось знакомое здание. Со всех сторон к нему спешили нарядно одетые господа и дамы.

Поднялись на крыльцо с движущейся вывеской «Мимезис» и глазастой маской. Аннет ощутила радостный трепет, предчувствие праздника, которое всегда охватывали ее, когда она заходила в театральное фойе.

Фойе «Мимезиса» было просторным и залитым ярким светом. Высокий потолок украшала лепнина и люстры с хрустальными черепами вместо светильников. Радостно гудели голоса приглашенных. Дамы смеялись, мужчины негромко беседовали. У стойки буфета хлопнула пробка шампанского.

Прибывших рассматривали с любопытством, причем больше внимания привлекал Максимилиан. Неудивительно: он держал себя с уверенной небрежностью, а одет был столь безукоризненно, что несколько местных молодых людей опечалились, а их спутницы поглядывали в сторону столичного антиквара с милым озорством. Аннет почувствовала невольную гордость, что ее сопровождает такой блистательный кавалер.

В нарядной толпе она увидела и знакомые лица: Пендельфедер, облаченный в парадную форму с блестящими нашивками, стоял в углу столбом — точнее, низенькой, толстенькой тумбой, — и вытирал платком разгоряченный лоб. На одутловатом лице застыло страдание. Другой рукой полицейский нежно поглаживал кобуру у пояса, словно

она придавала ему уверенности.

«Зачем ему оружие в театре? — подивилась Аннет. — Стрелять по актерам, если они разочаруют своей игрой?»

Подле буфета возвышалась широкоплечая библиотекарша Луиза Соннери. Задрав голову, она вливала себе в горло шампанское, словно это был простой лимонад. Ради праздника Луиза вырядилась в зеленое платье с рюшечками, которое еще сильнее подчеркивало угловатость ее фигуры. Спиртное подливал ей бургомистр Гильоше. Он держал нераспечатанную бутылку шампанского, как гранату, и что-то воинственно доказывал библиотекарше. Та морщила свое лошадиное лицо, отмахивалась и продолжала прикладываться к фужеру.

Бочком, вдоль стенки, прокрался Петр Колезвар, одетый в униформу театрального служащего, в которой он походил на железнодорожного обходчика-забулдыгу. Ага, значит, и в театре у шарманщика были какие-то обязанности! Будем надеяться, что главную роль в спектакле отдали не ему.

Кто-то схватил Аннет за плечи и потряс, обдав приторным ароматом цветочных духов.

— Привет-привет! -- прощebetала на ухо Белинда. — Моя семья тоже здесь. Пока наедине поговорить не удастся. Поболтаем на приеме после спектакля. Представление в «Мимезисе» дают раз в сезон для именитых туристов и почетных жителей города. Традиция! Раньше, бывало, репортеры приезжали, но теперь они наведываются редко. Спектакли-то одни и те же, уже две сотни лет подряд, вот им и надоело писать о них в газетах. А как мне они надоели, не представляешь!

Белинда упорхнула, не забыв кокетливо улыбнуться, а к Максимилиану и Аннет подошел господин Ангренаж. С любимым опереточным плащом он, наконец, расстался. Теперь ничто не прятало его искривленную спину и плечи разной высоты. Впрочем, костюм-тройка сидел на хромом механике весьма элегантно. Разве что часовой карман оттопыривался — там Карл прятал удивительные часы. Со своими зализанными черными волосами и белоснежным накрахмаленным воротничком Карл как никогда раньше походил на вампира, которому вздумалось выбраться в свет в поисках свеженькой жертвы. Вот только выражение лица у него было отнюдь не кровожадным. Оно выражало робость и радостное волнение.

— Вы пришли! — порадовался он, преданно глядя на Аннет. — Я

утром заходил в гостиницу, надеялся, что вы согласитесь отправиться со мной на прогулку. Жаль, не застал. Боялся, что и вечером вас не увижу. Не терпится услышать ваши впечатления о представлении. Оно вот-вот начнется. Уверен, ничего подобного вы раньше не видели. Хочу похвастаться: я, можно сказать, его режиссер, а также осветитель, декоратор и прочее, прочее, прочее.

– Как так? – изумилась Аннет.

– Демонстрация спектаклей входит в обязанности главного механика города.

– Ах да, театр ведь кукольный! – вспомнила Аннет. – Значит, вы будете нам показывать марионеток? Механических?

– Скоро сами увидите! – Карл продолжал подогревать интерес.

Аннет поморщилась. Кукольные спектакли она не жаловала. Во-первых, это развлечение для детей. Во-вторых, марионетки казались ей ужасно уродливыми. В детстве, помнится, она в слезах сбежала из зала во время спектакля. Сестра потом над ней смеялась, а отец с матерью негодовали.

Беседу пришлось прервать, потому что прозвучал гонг. Звук был гулкий и жуткий. Он нарастал, становился громче, и вскоре зрители прекратили болтовню. Завибрировали стены, хрустальные подвески на люстрах жалобно затренькали. Сразу стало понятно, кто из зрителей – туристы, а кто – жители города. Первые в панике озирались, втянули головы в плечи и даже немного присели. Вторые лишь привычно морщились и затыкали уши.

Наконец, гул затих, пол перестал сотрясаться под ногами.

– Вам пора идти в зал, а мне – за кулисы! – возбужденно объявил Ангренаж. – Увидимся после спектакля.

Максимилиан подхватил Аннет под локоть. Они влились в толпу зрителей, спешащих занять места.

На первый взгляд зал не представлял собой ничего выдающегося. Традиционный бархатный занавес, ободранные стены, вытертые красные дорожки и потрепанные кресла. На потолке лепнина, вот только была она какой-то странной. Аннет надела пенсне и запрокинула голову: так и есть, никаких амуров и виноградных лоз. Гипсовые скелеты, нетопыри и черти с вилами в руках.

Когда проходили к креслам почетных гостей в первом ряду, Аннет с любопытством заглянула в оркестровую яму. Вместо рядов стульев с

нотными станами там стоял агрегат, походивший на гигантскую шарманку. В боках виднелись многочисленные валики, а сверху торчали латунные раструбы. На колченогом табурете у агрегата примостился Петр. Он заботливо выставил на пол батарею пивных бутылок, тут же раскупорил одну и хорошенько приложился. Затем довольно крикнул, потер руки, обхватил рычаг агрегата и приготовился.

Снедало любопытство. Спектакль и впрямь им собирались показывать необычный.

Заняли места; свет в зале погас. Зрители затихли, представление началось.

Бархатный занавес с шорохом распался на две части, открывая сцену. Из оркестровой ямы зазвучала мелодия – тоскливая, напоминающая стенания горной волынки. Она будила невольную тревогу. Аннет поерзала на месте, но тут открылась сцена и она забыла обо всем.

Декорации представляли убогое помещение, похожее на тюрьму: грубо сколоченный стол и табурет, с каменных стен свисает паутина. По паутине, жужжа, медленно ползали механические пауки размером с комнатную собачку. Их стеклянные глаза горели, как красные фонарики. Механические нетопыри со скрипом махали крыльями, а в прорезанное в заднике окошко заглядывал месяц с нарисованным лицом, и лицо это было зловещим.

Чуднее всего оказалась сцена: там и сям по ней проходили рельсы, канаты, стальные балки, как в заводском цехе.

Музыка ускорилась, в ней зазвучали угрожающие нотки. Это произвело сильное впечатление на Аннет. По спине побежали мурашки. Стало ясно: вот-вот появятся герои спектакля.

По стальным рельсам, дребезжа и грохоча, выехали автоматы. Кукла высотой с мужчину среднего роста изображала старика в отрепьях. Она походила на огородное пугало, но двигалась, как человек, страдающий от падучей: вздымала шарнирные руки, крутила головой, открывала зубастый рот. Лицо куклы вызывало трепет. Это была искусно сделанная маска, в точности похожая на настоящее человеческое лицо. Мясистый нос, страдальчески сложенные брови и пустые провалы глаз.

Вскоре на сцену выехали и другие «актеры» – девушка в белом платье, дьявол в черном камзоле и парике, из-под которого торчали

коровьи рога, священник в длинной сутане и какие-то непонятные персонажи. Куклы принялись слаженно разыгрывать пантомиму. Одни носились по сцене на колесиках, другие спускались на канатах, третьи болтались на балках; куклы гремели, жужжали, грохотали так, что почти заглушали стенания огромной шарманки Петра.

Вскоре Аннет поняла, что сюжет пантомимы повторяет старинную легенду о докторе Сабелликусе, алхимике и некроманте, который продал душу дьяволу, чтобы вернуть молодость и получить любовь прекрасной Маргариты. Зрелище было в высшей степени странным. Автоматоны передвигались с тягучей медлительностью, что придавало всему зрелищу оттенок ночного кошмара, а когда они совершали резкие движения, зрители вздрагивали от неожиданности.

Декорации сменяли одна другую, как картинки в волшебном фонаре: келья Сабелликуса. Праздник на городской площади. Ночной сад. Шабаш ведьм. Императорский дворец.

Кукла доктора сливалась в объятиях с куклой девушки, дьявол плясал вокруг, грохоча по рельсам, похожие на ожившие кошмары танцоры поднимали ноги-палки и клацали зубами, ведьмы парили на веревках над сценой.

Наконец, доктор Сабелликус попал в расставленную дьяволом ловушку и провалился в ад. Картина стала еще страшнее. Сцена осветилась красным. Из щелей в полу выдвинулись языки пламени, вырезанные из листов жести, и принялись двигаться туда-сюда. Проскакали злобные духи с гривами волос из пакли и пружинами вместо ног. Шарманка загудела низким басом, и тут же разразилась визгливой трелью.

От мельтешения и грохота Аннет замутило. Она сняла пенсне и помотала головой, чувствуя себя семилетней девочкой, которая очень боится темноты и оживших кукол.

– Эй, вы в порядке? – прошептал ей на ухо Максимилиан. – У вас перепуганное лицо. Зрелище и впрямь не для слабонервных. Верите, мне самому не по себе. Смотрите, у меня даже руки дрожат. Скажите что-нибудь ободряющее, чтобы я успокоился. Например: господин Молинаро, я от вас без ума, и готова пойти с вами хоть на край света.

Он накрыл ее руку ладонью и сжал пальцы. Чувство было немного странным, потому что именно на этой руке у него не хватало мизинца. Максимилиан продолжал шептать:

– Спектакль вот-вот закончится. Я бы не отказался потом промочить горло. Выпью, пожалуй, вина: у меня отключатся мозги, я буду вытворять всякие безумные номера, болтать глупости, плясать вприсядку, а вы будете потешаться надо мной. Идет?

– Тихо! – шикнули на них сзади. Аннет узнала резкий голос Луизы Соннери. – Смотрите: сейчас появится Пильщик.

Аннет освободила руку, вернула пенсне на нос и неохотно перевела взгляд на сцену. Пока Максимилиан пытался развеселить ее, она мельком увидела, что куклы показывали крайне неаппетитное зрелище – приключение доктора в аду. Черти вздергивали его на дыбе и окунали в котлы с кипящей лавой.

В этот момент музыкальный агрегат замолчал. Наступила зловещая тишина, предвещающая что-то особенно жуткое. Повалил дым, низко загудело, и из теней выкатился еще один автоматон. Кукольник придавал ему облик высокого, очень худого мужчины в цилиндре и черном фраке, какие носят фокусники. Железное лицо было худым, с провалившимися щеками, сдавленными висками и близко посаженными глазами, как у серийного убийцы и дегенерата. В руке автоматон сжимал огромную пилу.

Механические черти споро уложили куклу доктора в длинный ящик. Заскрипели шкивы, тело автоматона поднялось на канатах и плавно опустилось внутрь. Щелкнули зажимы, Пильщик хищно наклонился и приступил к делу. Пила равномерно ходила туда-сюда. Шарнирные ноги доктора, торчащие из ящика и заканчивающиеся стальными колесиками, весьма натуралистично дергались; мерзкую картину довершали прыскающие из-под лезвия пилы капли красной краски, которые долетали даже до первого ряда. Аннет почувствовала, как что-то влажное коснулось ее щеки, и поморщилась.

Дама на заднем ряду взвизгнула и упала в обморок; ее спутник засуетился, зрители принялись оборачиваться. Те, у кого нервы были покрепче, засмеялись, другие сочувственно молчали. Аннет отвела глаза от сцены и уткнулась в плечо Максимилиана. Это всего лишь куклы, твердила себе она, но все же ее охватила дрожь отвращения.

Задудели фанфары, куклы застыли, а затем их медленно утянуло со сцены. Спектакль закончился. Зрители ошарашенно молчали, затем разразились жиденькими аплодисментами. Кто-то неуверенно крикнул: «Браво!»

На сцену перед кулисами выскочил Ангренаж, хромя сильнее обычного, и раскланялся, торопливо пряча масленку в карман. Его набриолиненные волосы растрепались, на лбу блестел пот: видимо, за сценой он трудился не покладая рук, налаживая и подготавливая автоматы к выходу на сцену.

Зажегся свет, зрители потекли на выход.

– Это театр ужасов какой-то! – возмутилась Аннет, цепляясь за локоть Максимилиана.

– Говорю вам, Жакемар не был добрым волшебником, – жизнерадостно сообщил босс. – С психикой у него явно были нелады. Вы еще самого интересного не знаете. Разглядели маски на куклах?

– Они очень похожи на лица людей.

– Именно. Лица мертвых людей. Это посмертные маски, которые Жакемар снимал с жителей города. Таким образом он почтил их память. Интереснее всего маска последнего автомата – Пильщика. Ее сняли с преступника после казни. Он был фокусником, и расправился со своей женой во время трюка с распиливанием. Жена ему ассистировала на сцене, а когда он уличил ее в неверности, решил довести фокус до конца.

– Хватит! – Аннет не удержалась и шлепнула его по руке. – Вы специально меня пугаете. Не может такого быть.

– Может. Спросите своего поклонника Ангренажа. Он с удовольствием похвастается проделками предка, у которого было странное хобби – коллекционировать посмертные маски всякого сброда. Идем в вестибюль: там сейчас состоится прием. Хороший случай побеседовать с наследниками Жакемара и расспросить кое-о-чем. Например, о том, где наследники находились во время того, как кто-то снял предохранитель с купидона в вашем номере и подкинул розу. А еще о знаках, которые нам вчера любезно нарисовал Лазурный поэт. Давайте сочиним легенду: будем говорить, что рисунки мы нашли в старинной книге о Жакемаре. Пока не хочу делиться с наследниками правдой об автомате. Как знать, к каким последствиям это приведет. Слишком много странных совпадений. Вдруг преступник – если он существует – решится на отчаянный шаг? Вы согласны, Аннет?

– Полностью и абсолютно. В свою очередь, предлагаю разделить работу. Вы будете расспрашивать бургомистра, библиотекаря и шарманщика, а я займусь Карлом и полицейским. И Линдой.

Бургомистерская дочка может что-то знать.

– Так и знал, что Ангренажа вы оставите себе. Ладно, пускай. Поболтаю с градоправителем. В молодости он служил снабженцем в том же полку, что и я. А вот библиотекарей лучше все же заняться вам. Две девочки быстрее найдут общий язык. И еще, Аннет... помните – не отходите от меня. Вы дважды избежали гибели. Хватит с вас приключений как в синемаатографической ленте «Тысяча и одна ночь кошмаров». Уверен, вы ее очень любите, но жить по такому сценарию вредно для нервов.

В вестибюле зажглись дополнительные светильники, на столах появились чаши с пуншем и пирамиды бокалов. Приглашенные разбились на группы и вели беседы. Зрители, которые видели спектакль впервые, еще не пришли в себя после кровавой кукольной сцены. Они натянуто улыбались и чувствовали себя неуютно.

Слегка покачиваясь, вдоль стены прокрался мастер превращений Петр. Уселся на табурет в углу, достал из-под табурета смычок и расстроенную скрипку и принялся развлекать гостей плаксивой мелодией. Гости морщились, как от зубной боли. Время от времени стенаниям скрипки гулко вторил бой часов на башне театра.

Максимилиан подошел к бургомистру, который рассказывал паре пожилых туристов о том, как отчаянно город нуждается в инвестициях. Туристы – судя по виду, богатые путешествующие аристократы – кисло улыбались и уделяли больше внимания фужерам с игристым вином, чем речам градоправителя.

Но бургомистр не сдавался. Он прекрасно владел искусством добиваться желаемого грубым наскоком. Он знал, как оглушить собеседника напористой болтовней, обвести вокруг толстого пальца и заставить плясать под свою дудку – точнее, маршировать в нужном направлении под громкий военный горн. Пожилая пара обменивалась неуверенными взглядами, и было ясно, что они вот-вот раскошелятся. Сделают все что угодно, лишь бы бургомистр замолчал.

Хорошо, что градоправителя Максимилиан взял на себя! Однако пора и ей браться за дело. Аннет придала лицу дружелюбное и бесхитростное выражение (так делала сыщица Шейла Фукс из фильма «Ищейка с улицы Пекарей», отправляясь разнюхивать важные

сведения) и приблизилась к небольшой группе возле стола с пуншем. Пендельфедер размахивал короткими ручками и увлеченно разглагольствовал. Два незнакомых Аннет горожанина внимательно слушали. Рядом со скептическим видом стояла госпожа Соннери и время от времени встряхивала полураспущенной черной гривой, как будто отгоняла надоедливых мошек.

Немного послушав, Аннет заскучала. Полицейский рассказывал о новой системе автоматического полива рассады, которую он соорудил сам и очень этим гордился. Горожане ахали, восхищались и звучно хлопали полицейского по плечу так, что у того дрожали пухлые щеки. Время от времени краткие, но дельные примечания вставляла Луиза. При этом она небрежно сыпала специфическими словами типа «обратный клапан», «компенсирующая петля» и «роторный выдвижной дождеватель».

– Вы разбираетесь в механике? – поинтересовалась озадаченная Аннет. Луиза глянула искоса и отрубил:

– Конечно, я разбираюсь в механике. Я же библиотекарь.

У Аннет брови поползли вверх, а Луиза решила снизить до беседы.

– Ах да, вы же новенькая в этом городе. В библиотеке еще не бывали. Зайдите как-нибудь. В моем хозяйстве есть на что посмотреть.

– Спасибо, обязательно зайду, – ухватилась за возможность Аннет и решила сразу перейти к делу:

– У вас есть книги о мастере Жакемаре?

– Шутите? – поразила Луиза. – Две трети книг в библиотеке посвящены Жакемару. Еще одну треть книг создал он сам и его ученики. Я, конечно, держу кое-какую дребедень типа любовных романчиков, но немного. Есть в городе любители почитать эту дрянь... вы, поди, тоже из таких романтических особ? Так и быть, подберу вам что-нибудь. Недавно получила последнее издание «Приключений маркизы демонов».

– Нет-нет, – испуганно замахала руками Аннет. – Меня интересует история мастера Жакемара. Видите ли, в столице я читала кое-что о нем... и видела некоторые его рисунки. Не подскажете, что они могут означать? Например, изображение пчелы...

Луиза задрала голову и разразилась гулким смехом. На ее жилистой шее прыгали бусы, похожие на шарики для пинг-понга.

– Ну конечно, пчела! А еще циферблат и колокол, так? Эти символы известны каждому младенцу в Механисбурге. Изображения на брелоках, которые мастер оставил наследникам.

– А орел и цифра пять? – осторожно спросила Аннет. – И изображение механического сердца?

Луиза нахмурила брови.

– Про орла не припомню. Механическое сердце Жакемар часто рисовал – мечтал создать такое. Ладно, приходите завтра, вместе поищем в книгах. Если не найдем, можно расспросить Карла. Он с ума сходит по дедуле Жакемару. Весь дом заставил его бюстами. Даже в сортире один стоит.

Луиза наполнила фужер до краев, достала из корсажа бутылек с коричневой жидкостью и пролила в вино несколько капель. Противно пахло валерьянкой. Аннет удивилась еще больше: Луиза не походила на особу, которой требовалось постоянно успокаивать нервы; скорее, нервы страдали у ее собеседников. Сочтя разговор оконченным, Аннет кивнула и отошла.

– Библиотека закрывается в пять, не опаздывайте! – трубно приказала Луиза ей вслед. – Вечером я вожу туристов на экскурсии. Если хотите, можете присоединиться. Пойдем в заброшенную лечебницу, где водится призрак Железнурукого. Надеюсь, вы не обмочите штанишки от страха.

Луиза захохотала, радуясь случаю сказать гадость. Гости с любопытством посмотрели на Аннет, та нацепила натянутую улыбку и поспешила прочь.

Нужно что-то выпить: общение с любезной библиотекаршей оставило ее без сил. На столике в углу стояла чаша. Возле нее топтались двое местных подростков и, пользуясь тем, что родителей не было поблизости, быстро разливали золотистый напиток в кружки. При этом они заговорщицки хихикали и толкались. Дождавшись своей очереди, Аннет взяла черпак на длинной ручке и набрала половину пузатой кружечки, которая стояла тут же на столе. Осторожно понюхала: напиток пах медом. Сделал глоток: сладко,пряно. Чудесный медовый пунш делают в Механисбурге!

Допить она не успела, потому что перед ней нарисовалась возбужденная бургомистерская дочка.

– Аннет, дорогуша! – фамильярно поведала она. – Я только что

беседовала с Максимилианом. Божечки, какой мужчина!

– Какой? – устало поинтересовалась Аннет.

– Ах, оставь! Ты знаешь это лучше меня, – сладенько улыбнулась Линда, накручивая на палец белокурый локон.

– Нет, не знаю, – пожала плечами Аннет. – Я не так хорошо с ним знакома. Он пришел в наше отделение лишь месяц назад, а близко мы общаемся всего пару дней.

– Вот как? Это хорошо. А то я уж подумала... – Линда обняла Аннет за талию, приблизила губы к ее уху и принялась откровенничать:

– Знаешь, он как герой из синематографической ленты... из тех мужчин, которые пугают, но при этом очаровывают. Он опасный и непредсказуемый. О, такие мужчины способны на все... даже на насилие! Они готовы получить женщину любой ценой!

Линда томно вздохнула, и Аннет захотелось отодвинуться. Ее новая подруга продолжила:

– С такими роковыми мужчинами опасно находиться одной в комнате... но уйти не будет сил!

Аннет переполняло возмущение. Она осторожно освободилась от жаркой руки Линды и скептически спросила:

– Ты точно говоришь о господине Молинаро? Он определенно не насильник. Он... он повар! – неожиданно закончила она и сама себе удивилась.

Линда посмотрела на нее, как на ненормальную, затем перевела взгляд в дальний угол зала. Там, возле столика с закусками стоял Максимилиан. Роковой мужчина умильно рассматривал канапе с сыром и петрушкой, держа его перед глазами двумя пальцами. Казалось, он собирается обратиться к бутерброду с прочувствованной речью, прежде чем отправить в рот.

– Пойдем к нему! – Линда потянула ее за собой.

Когда они подошли к Максимилиану, тот уже вернулся к бургомистру, который милостиво отпустил ошалевших туристов и теперь беседовал с тощим субъектом в темно-зеленом фраке. Бургомистр обращался к нему «господин Форс». У субъекта были кривые ноги, огненная шевелюра, тонкие усики, глаза навывкате и полон рот золотых зубов.

– Он вставляет новый зуб каждый раз, когда начинает разрабатывать прииск, – пояснила Линда громким шепотом. – Материал

берет из первой промытой партии. Один золотой зуб – один прииск. Говорит, это приносит ему удачу.

Форс услышал ее слова, и польщенно улыбнулся – точно молния полыхнула. Бургомистр завистливо вздохнул. Присоединившийся к компании Ангренаж, негодуя, дернул накрахмаленный воротничок.

– На днях дантист обнаружил испорченный коренной зуб, вот тут, – объявил Форс, ткнув себя в щеку. – Отличное местечко для золотишка из приисков Механисбурга! Мои лозоходцы найдут жилу со дня на день. Может и алмазами удастся разжиться, а то и рубинами. Ммм, а ведь отличная идея – бриллиантик в зубе! Я стану законодателем новой моды.

Форс залился мелким смехом, бургомистр угодливо хмыкнул басом, и, поддерживая разговор на приятную золотопромышленнику тему – драгоценные камни и цацки – принялся хвастаться своей коллекцией часов.

– Семьдесят камней, понимаете, семьдесят! И корпус покрыт алмазной пылью! – горячился он, крепко ухватив Форса за пуговицу. – Фирмы «Герольд». Пошлинный сбор великоват, но мне повезло – доставили контрабандой. Есть тут один шустрый малый, из местных... , – бургомистр понизил голос, – хорошо справляется с деликатными поручениями. Ну, вы понимаете... ладно, чего там, тут все свои. Короче, если надо что-то достать, или избавиться от кого-нибудь...

Форс одобрительно цыкнул зубом – тем самым, испорченным коренным, – и задумчиво произнес:

– Контрабандой? Я бы не отказался приобрести себе такие же. Сведёте меня с этим вашим шустрым малым?

Карл Ангренаж скривился.

– Семьдесят камней – тьфу! Игрушка для снобов, вот что это такое. Хотите настоящие, многофункциональные часы – закажите их здесь, в Механисбурге. Например, у меня. Видели мой хронометр?

Он полез было в карман, чтобы выудить свой удивительный часовой агрегат, но бургомистр шикнул на него и отмахнулся.

– Подите прочь, Ангренаж! Все уши прожужжал своими самодельными часами. Я понимаю, что вам хочется найти новых клиентов – с деньгами-то у вас туго. Но куда вашим поделкам до изделий фирмы «Геральд»! Вот где искусство, вот где богатство!

Карл расстроился, убрал руку от часового кармана и отошел в

сторону. Заметил Аннет и криво улыбнулся. Желая подбодрить механика, она поинтересовалась:

– Скажите, а что такое – камни в часах? Это настоящие драгоценные камни?

– Да, как правило, рубины или сапфиры, – оживился Ангренаж. – В обычном механизме их семнадцать. Они служат... как это сказать проще... в качестве подшипников скольжения, чтобы уменьшить трение деталей. Например, на цапфе оси...

Аннет сделала умный вид. Карл мягко рассмеялся.

– Видите ли, на некоторых часах ставят бесполезные камни, для красоты или просто, чтобы увеличить стоимость часов. Такие снобы, как наш бургомистр, это любят. Гильоше! – обратился он к бургомистру. – У вас собой ваш знаменитый золотой репетир? Со сферическим стеклом? Тот, куда производитель умудрился напихать сто камней?

Бургомистр расстроился так сильно, что даже вспотел. Уголки губ сварливо опустились.

– Нет, – сообщил он голосом, в котором звучал похоронный оркестр. – Случилась катастрофа, разве вы не знаете? Я их разбил. Стекло – вдребезги. Теперь придется заказывать отдельно. Дьявол, это стекло стоит половину часов! Знаете, оно было такое выпуклое, зеленоватое...

Бургомистр сложил ладонь чашечкой, желая показать форму утраченного стекла и поводил ею у самого лица Форса. Тот брезгливо дернул усами и отодвинулся.

У Аннет голова пошла кругом. Они тут все двинутые на своих часах, механизмах и драгоценностях! Ни о чем другом думать не могут. Покосилась на Максимилиана: тот слушал с интересом, вполуха, потому что был вынужден развлекать Линду. Любительница роковых мужчин пристроилась рядом и капризно дергала его за рукав, когда Максимилиан отвлекался от ее болтовни.

– Скажите, господин Молинаро! – громко потребовала она, видимо, устав от разговора о часах так же сильно, как и Аннет. – Это правда, что у вас есть брелок Жакемара, или Ангренаж врет?

Карл страдальчески вздохнул.

– Милое дитя, я никогда не вру, и вам это известно...

– Да, есть, – кивнул Максимилиан. – Хотите посмотреть?

– Пожалуйста, пожалуйста! – Линда от нетерпения запрыгала на месте, как весьма увесистый ягненок. Как по волшебству подтянулись и другие наследники Жакемара: притопала Луиза, подкатился на коротких ножках Пендельфедер. Даже Петр убрал скрипку, подошел крадучись и выглянул из-за мощного плеча библиотекаря. Форс вставил в глаз позолоченный монокль. Глаз сквозь стекло казался огромным и выпученным, и когда Форс кокетливо подмигнул им монументальной Луизе и послал воздушный поцелуй, Аннет чуть не расхохоталась.

С ней происходило странное. В голове шумело, к щекам прилил жар. Медовый пунш оказался щедро сдобрен алкоголем. Стоявшие вокруг люди закачались, будто водоросли в аквариуме. Форс превратился в худосочный подсолнух с золотыми семечками. Аннет удивилась, поморгала и перевела взгляд на Максимилиана. На его лице внезапно выросла окладистая рыжая борода, как у пирата Генри, на чьем корабле в юности плавал Жакемар. Аннет перепугалась, торопливо отставила кружку с подозрительным напитком, потрясла головой, и мир вокруг вернулся к первоначальному виду.

Тем временем брелок перекочевал из пальцев Линды в загребущие руки бургомистра, потом его перехватила Луиза, глянула небрежно и передала Пендельфедеру. Тот покрутил его перед своим курносым носом и передал Аннет.

– Судьба третьего брелока неизвестна, не так ли? – спросил Максимилиан, обращаясь ко всем сразу.

– Отчего же, известна, – ответил Ангренаж. – Он утонул вместе с кораблем, на котором путешествовал наследник Жакемара. Сгинул в пучине. Он отличался от остальных брелоков. Судя по рисункам, это был не совсем брелок... по форме он напоминал гвоздь или винт с плоской шляпкой. На шляпке было изображение колокола.

Аннет оживилась.

– Колокола? А не знаете, был ли еще один брелок? С изображением орла или цифрой пять?

– С чего вы это взяли? – остро глянул на нее Карл. – Мне про это ничего неизвестно.

– Мы нашли упоминание о таком рисунке Жакемара в одной старинной книге, – ответил за нее Максимилиан.

– Какой книге? – потребовал Карл. – У меня дома есть все книги о Жакемаре. Ничего подобного я не встречал ни в одной из них. Вы

должны мне рассказать! Вот что, господа антиквары... Приходите ко мне в гости. Там и побеседуем. Пороемся в моей библиотеке. Кто знает, может, я запамятовал...

– Обязательно придем, – пообещал Максимилиан. – Как насчет завтра?

– Отлично! – обрадовался механик и повысил голос, обращаясь ко всем гостям в вестибюле. – А теперь, господа, довольно о брелоках и часах! Приглашаю на экскурсию за кулисы. Идем?

Прочие наследники Жакемара скисли и разбежались в разные стороны. Видимо, за кулисами «Мимезиса» они бывали не раз и не горели желанием оказаться там вновь. Кроме Максимилиана и Аннет за Ангренажем последовали лишь Форс и пара пожилых туристов, которых ушлый бургомистр все же заставил выписать солидный чек на нужды города.

Глава 12 Волшебный лес

Ангренаж повел гостей в дальний угол вестибюля, где за резной колонной спряталась маленькая дверь. Торжественно отомкнул замок, распахнул дверь, нырнул в темноту и принялся возиться. Заскрежетало, ряд тусклых ламп в ржавых клетках осветил узкий коридорчик и Ангренажа подле рубильника.

— Добро пожаловать в потаенное царство! – произнес он высокопарно. – Здесь, скрытые от глаз зрителей, обитают чудеса, которые заставляют оживать на сцене мир грез.

Переход в мир грез оказался обшарпанным и пыльным. Возможно, здесь даже водились мыши, потому что под досками пола шуршало и попискивало. Зеленая штукатурка вздулась пузырями, а лампы не справлялись со своей задачей, отчего в коридоре было темно и уныло.

Ангренаж махнул, приглашая идти следом, и поспешил к проходу, скрытому синим бархатным занавесом. Путаясь в тяжелых складках, гости прошли в закулисы, и перед ними, наконец, открылись обещанные чудеса.

– Здесь мы держим декорации к спектаклям, которые из года в год показывают в «Мимезисе», – пояснил механик. Голос его прозвучал глухо: эхо потерялось среди холщовых задников на сложной системе канатов. Пыли здесь было куда больше. Аннет чихнула, Максимилиан незамедлительно передал ей свой носовой платок.

Миновали задники и прошли в следующее помещение. Было оно

огромным, но, как и коридор, освещалось плохо. Свет неярких ламп отражался от медных сфер, установленных на подвесных рельсах.

Аннет потрясенно покрутила головой. Будто внутри купола из паутины стоишь! Но чудеса только начались. Ангренаж повернул рычаг, загудел генератор, зажглись огоньки. Сферы принялись вращаться и медленно поползли по стальным рельсам в разные стороны; описывали круги, убегали к потолку и возвращались.

— Похоже на теллурий в столичном планетарии! — блеснула познаниями Аннет. Ей было очень интересно. Пожилая туристка осторожно потрогала пальцем установленный на конструкции кристалл хрусталя. Форс громко зевнул и побренчал цепочкой от монокля. Аннет увлеченно следила за движением сфер, а Максимилиан не отводил от нее глаз.

— Реквизит к спектаклю «Никлас и Тайны вселенной», — пояснил Ангренаж, выключая механизм. Сферы застыли, гудение стихло. — Идем в волшебный лес!

Когда оказались в следующем помещении, Аннет окончательно поверила, что попала в сказку. Здесь росли сотни деревьев из белого картона. Светильники были установлены на полу, отчего по стенам тянулись черные силуэты. Узловатые ветви сплетались в темную крону, а белые стволы походили на прекрасные привидения.

— А это декорации к спектаклю «Элис в волшебной стране». Представление для детей, автоматы в нем не участвуют, зато используется игра света и теней. Ничего интересного.

Аннет не поверила. Жаль, что сегодня им не показали этот спектакль вместо жуткого зрелища с распиливанием несчастной куклы! Картонный лес ей очень понравился. Он казался бесконечным, в нем можно было легко заблудиться. Ни одно дерево не было похожим на другое. С ветвей свисали картонные циферблаты и серебряные звезды, на пружинных подвесах трепетали лазурные бабочки. Ей хотелось остаться здесь, но Ангренаж уже звал дальше. Пожилые туристы нетерпеливо топтались, а Форс откровенно скучал.

Экскурсанты покинули зачарованный лес и перешли в зал, полный механизмов и матерчатых задников. Подвесы, лебедки, штанкеты и непонятные детали торчали из стен, свешивались с потолка, уходили в темноту. Аннет споткнулась и чуть не упала. Максимилиан подхватил ее под руку.

– Осторожно, рельсы! — предупредил Ангренаж. — По ним автоматы выезжают на сцену. Приводы пневматические, работают за счет сжатого воздуха. Вот они, звезды сегодняшнего спектакля! Доктор Саббеликус, Маргарита и Пильщик!

Восторг Аннет как рукой сняло: здесь жили автоматы с лицами умерших людей. Саббеликус, похожий на пугало на колесиках, застыл в углу. Рядом пригорюнилась нежная Маргарита с белоснежными косами из пакли. К Пильщику подходить хотелось меньше всего, но делать было нечего: Ангренаж принялся рассказывать историю жестокого убийцы. Он провел пальцами по зубьям пилы и обратил внимание экскурсантов на их остроту:

– Несколько лет назад я нашел документы Жакемара. Не поверите, но это та самая пила, которой фокусник прикончил свою жену! Костюм мы ему обновили. Теперь автомат одет по последней цирковой моде. Раньше и рубаха на нем была та самая, с пятнами крови. Увы, ее погрызли мыши.

Механик отпустил пилу, достал платок и брезгливо вытер пальцы. Пожилые туристы выглядели так, словно их вот-вот стошнит. Форс перестал зевать и заинтересовался.

Ангренаж откинул крышку ящика и продемонстрировал выложенные красным бархатом внутренности.

– Этот автомат пригласился членам столичного кружка оккультистов, -- поведал он. – Они часто приезжают в наш город, что поохотиться на призрак Железнодорожного – ах да, Аннет, я все забываю рассказать вам его историю! Она не менее интересна, чем история Пильщика. Так вот, не поверите, некоторые оккультистки платили большие деньги, чтобы забраться в этот ящик. Говорили, что внутри они слышали потусторонний голос, который приказывал им делать всякие занятные вещи. Мы прекратили потакать их прихотям после неприятного случая. Однажды автомат включился самопроизвольно. Бывает, что поделаешь! Механизм старый. В ящике в этот момент разлеглась туристка, и ее чуть не порезало пилой. Она потом уверяла, что в Пильщика вселился злобный дух. Когда пришла в себя, была в полном восторге. Даже статью написала в «Вестник оккультизма».

Аннет пробрала дрожь, и не ее одну; в этот момент слышались шаркающие шаги. Туристы вцепились друг в друга, Форс подпрыгнул, чертыхнулся, и нервно рассмеялся, когда из теней выступил Петр. В

руках он нес поднос, уставленный стаканами. Подошел к столику в углу, поставил поднос, полюбовался на него, вздохнул и отошел.

– Наш городской шарманщик, а по совместительству капельдинер и рабочий сцены принес вам освежиться, – успокоил экскурсантов Ангренаж, посмеиваясь. – Вы, поди, решили, что по вашу душу явился призрак Пильщика или Железнодорожного?

– Я как раз подумал, что неплохо было бы промочить горло, – ответил Форс, живо схватил рюмку и клацнул металлическими зубами о край.

На подносе была и кружка Аннет с золотистым напитком. Она с благодарностью взяла ее: мучила жажда. Мешалась сумочка, пришлось положить ее на стол. Максимилиану и туристам достались высокие бокалы с чем-то красным. Пили в неловком молчании. Казалось, стеклянные глаза автоматов смотрят на них с упреком. Особенно жутко выглядел Пильщик. На его лице с узко поставленными глазами и провалившимися щеками навечно застыло пустое, а оттого особенно страшное выражение. Аннет почувствовала непреодолимое желание снять его маску и посмотреть, что под ней скрывается. Разумеется, там была механическая начинка, но фантазия рисовала ужасные образы. Аннет чуть было не призвала свой талант репликатора, чтобы глянуть на истинную природу автомата, но вовремя спохватилась.

Форс хихикнул и подкрутил ус:

– Не желаешь клюнуть на брудершафт, приятель? – фамильярно обратился он к железному фокуснику и протянул рюмку. Аннет содрогнулась. Ей показалось, что Пильщик вот-вот любезно наклонит голову, принимая угощение, и приготовилась удирать с громким визгом.

Страшного автомата заслонил Петр. Он встал перед Аннет, кивнул ей в сторону черного ящика и сделал выразительный жест: мол, ложись, не стесняйся. Ангренаж шикнул на него, а Максимилиан сказал насмешливо:

– Мне кажется, господин Колезвар приглашает вас соприкоснуться с потусторонним.

– Нет, и не уговаривайте. Я не любительница оккультных наук и маньяков.

Петр покачал головой, нахмурился, а затем красноречиво протянул руку ладонью вверх. Он рассчитывал на вознаграждение за оказанные и

неоказанные услуги. Аннет предположила, что шарманщик, он же помощник механика, он же капельдинер, он же городской сумасшедший, прорицатель и чистильщик аттракционов, частенько получал мзду от экзальтированных дамочек, проводя их тайком за кулисы, чтобы они могли устроиться в ящике, где двести лет назад встретила свой конец неверная жена фокусника.

Шарманщик пошевелил пальцами: поторапливайся, не жадничай! Стало неловко. Она пошарила в сумочке и высыпала на заскорузлую ладонь пригоршню мелочи. Хитрый забулдыга расцвел, подмигнул и произнес сиплым голосом:

– Премного благодарен, прекрасная дама. Надвигается гроза, но старый Петр видит, что тебе она не страшна. А вот лесенка хороша выйдет! Раз ступенька, два ступенька –и на волю.

Ошеломив прорицанием, шарманщик повернулся и резво поспешил к выходу.

– Аннет, что вы наделали?! – возмутился Ангренаж. – Вы что, дали ему денег? Ох, зря, зря! Плакал мой свободный вечер. Теперь Петр напьется, и ищи-свищи ветра в поле. У него много работы в театре. После спектакля нужно смазать и перебрать каждого актера, а то в следующий раз они засбоят в неподходящий момент. Теперь придется заняться этим самому. Пильщик ужасно капризен! Однажды у него разъехались ноги, он согнулся пополам и застыл на сцене в неподобающей позе... кхм... нижней частью торса кверху. При этом трясся и скрипел, точно сломанная кофемолка. Зрители хохотали, вместо того, чтобы трепетать. А ведь сцена распиливания доктора полна мрачного символизма! Кара за грех гордыни, искупление через боль...

– Откуда она знала, что ваш полоумный кузен такая важная птица в театре и ему нельзя давать ни гроша? – раздраженно прервал его Максимилиан.

Ангренаж рассыпался в извинениях.

– Простите, Аннет, конечно, вы не виноваты. Я должен был лучше за ним следить. В чем-то Петр похож на большого ребенка...

– Мне очень жаль, что так вышло, – расстроилась Аннет и от смущения сделала добрый глоток из своей кружки. Ангренаж проследил за ней круглыми глазами.

– Вы что, пьете медовуху? – произнес он сдавленным голосом. – Вас никто не предупредил? Как вы себя чувствуете?

Максимилиан быстро вырвал кружку из ее рук, понюхал содержимое и скривился.

– Я правильно угадал? – спросил он Ангренажа сердито. – Приготовлено из того самого галлюциногенного меда? Ну, дела...

Механик виновато пожал плечами.

– Туристы любят наш особенный напиток из меда горных пчел... Его добавляют не так много, но эффект бывает удивительный... Вы в порядке, Аннет? Голова не кружится? Видите что-нибудь странное? Ну ничего, в жизни нужно попробовать все. Главное, не пить много.

Аннет стояла с полным ртом приторного напитка и не знала, что ей делать. Не выплевывать же прямо на пол! К счастью, Максимилиан вовремя догадался о ее проблеме и быстро протянул кружку. Она стыдливо отвернулась, освободила рот, поставила кружку на стол и прислушалась к собственным ощущениям. Пока все было в порядке. Как она могла забыть, что за мед собирают местные пчелы!

Туристы зашушукались, а Форс оживился:

– Эй, я не знал, что вы подаете медовуху! Зачем, спрашивается, я пью эту кислую дрянь вместо того, чтобы хлебнуть вашего чудесного медку? Вы как хотите, а с меня хватит пыльных задников. Пора повеселиться.

С этими словами он залихватски подкрутил рыжий ус, повернулся и шустро, как почуявший приманку таракан, засеменял прочь. За ним поспешили туристы.

– Погодите! Я же еще не показал наше осветительное оборудование! – Ангренаж досадливо взмахнул руками и, прихрамывая, кинулся вслед.

Аннет и Максимилиан переглянулись.

– Кажется, экскурсия подошла к концу, – вздохнула Аннет.

Когда они вышли в бумажный лес, механика и гостей уже и след простыл. Издалека донесся тенор Карла, который уговаривал Форса не спешить, одуматься и полюбоваться на сценические прожекторы. Затем все стихло.

Максимилиан и Аннет медленно брели среди шелестящих деревьев. Максимилиан будто невзначай взял ее за руку, многообещающе скользнув пальцами по запястью. Аннет глянула на него искоса и строго спросила:

– Вам удалось продвинуться в нашем расследовании? Я узнала, что

все наследники Жакемара, и даже бургомистр, разбираются в механике. Каждый из них мог поколдовать над часами в моем номере.

– Я тоже побеседовал с наследниками и некоторыми горожанами, – помедлив, ответил Максимилиан. – И вот что узнал: после встречи в музее они все были на виду. Луиза проводила Карла до дома, затем купила рогалик с маком и вернулась в библиотеку. Бургомистр вел прием в ратуше. Петр торчал на площади. Полицейский пил пиво в компании друзей-огородников. А Карл, по словам соседей, сидел дома и носа оттуда не высовывал.

– Остается Швиц. Он тоже был рядом с гостиницей, помните?

– Кстати, о Швице. Я расспросил полицейского и узнал немало любопытного. Швиц – персона известная в Механисбурге, в основном своими темными делишками. Контрабанда, подкуп, запугивание неугодных. Это про него говорил Гильоше, когда хвастался часами, что доставил ему местный жулик. Но в тот день Швиц сидел в той же пивной, что и полицейский. Он не мог пройти к вам в гостиницу. А коридорах не видели никого постороннего, и на пожарной лестнице преступник не болтался. Думаю еще раз побеседовать с управляющим и горничной, но интуиция подсказывает, что они тут ни при чем. Ведь все шишки полетели бы на них, случись с вами настоящая беда.

– А про тайну автомата вы что-нибудь узнали?

– Не успел, – признался Максимилиан. – Меня взяла в плен Белинда. Ох, и шустрая девица... Завтра сходим в библиотеку и в гости к Карлу. Посмотрим, что удастся обнаружить.

Они замедлили шаг. В зачарованной роще царило волшебство.

– Никогда не видела ничего подобного! – призналась Аннет.

Деревья были вырезаны из картона так хитро, что отбрасывали удивительные тени – драконов, сирен, цветов или ведьм. Если задеть дерево рукой, тени шевелились, как живые, по лесу разлетался едва слышный шорох, словно шепот десятка голосов.

– Эту декорацию тоже сделал Жакемар?

– Вряд ли. Скорее, кто-то из его учеников или внуков. Хорошая сказка не в характере старого мастера.

Они достигли края зала и остановились у бумажного дуба. Утомленная Аннет прислонилась к кирпичной стене. Максимилиан встал рядом, оперевшись рукой на стену над ее плечом. Девушка запрокинула голову и глубоко вздохнула. Полумрак и сказочная

атмосфера располагали к необдуманным поступкам. В крови все еще бродил медовый дурман. Наверное, именно он заставил ее рассматривать лицо склонившегося над ней мужчины куда пристальнее, чем следовало. Она пыталась понять, в чем кроется его привлекательность. Красавцем его не назовешь: нет ни капли утонченности в его крупных чертах и длинном подбородке. Нос, как у портового забияки. Разве что глаза необычные, да изгиб бровей выразительный. Да еще эти складки у губ... Она уверяла себя, что ей вновь движет интерес фотографа. Пожалуй, будет действительно любопытно запечатлеть его неуловимое обаяние на фотографической бумаге. Жаль, изображение черно-белое...

Будто во сне Аннет подняла руку к виску Максимилиана, быстро коснулась и спросила:

– Почему у вас темные волосы, а баки – рыжие? Если вы отрастите бороду, будете похожи на Рыжебородого Генри.

– Такое часто бывает у мужчин с каштановыми волосами, – ни капли не удивился Максимилиан. – Вы раньше не замечали?

– Никогда.

Максимилиан усмехнулся, и она поспешила переменить тему:

– Мне здесь очень нравится. Такое удивительное освещение...

Разрядить нарастающее напряжение не получилось, потому что Максимилиан прервал ее:

– Ваша кожа светится перламутром, вы знаете? Впрочем, дело не в освещении. Вы и в лучах солнца похожи на весеннюю фею. А таких зеленых глаз я не видел ни у кого. Их красоту не скрывает даже ваше пенсне народной просветительницы.

С этими словами он поднес руку к ее лицу, осторожно потянул за дужку, снял пенсне и неторопливо опустил себе в карман. Жест получился бесстыдно интимным, как будто он не очки с нее снял а, например, блузку.

Его поступок и слова произвели на Аннет нее куда большее впечатление, чем ей хотелось бы признать. «Я как-то неправильно себя веду, – осознала Аннет. – Он решит, что я его поощряю. Но я не хочу его поощрять. Это ни к чему хорошему не приведет. Вон, как самодовольно улыбается. Думает, попалась, наконец, дурочка, в его сети».

Ни с того ни с сего бумажные листья затрепетали, как от сквозняка,

тени ожили и принялись танцевать.

Максимилиан наклонился ближе. Аннет почувствовала на щеке его дыхание и встрепенулась:

– От вас пахнет вином! – обличающе воскликнула она. – Вы пили вино?!

– Ну да, – признался босс. – А что такого? Вы же пригубили медовухи. Я тоже хочу расслабиться.

– Сами признавались, что от вина вы теряете голову и выкидываете глупости, – упрекнула его Аннет.

Он хищно усмехнулся.

– Вы этого боитесь? Что я совсем потеряю голову? Напрасно. Я выпил всего пару глотков. Отлично себя контролирую. Иначе я бы не обсуждал жакемаровых наследников, а сразу сделал то, что мне ужасно хочется – поцеловал вас.

У Аннет гулко забилось сердце. Она попыталась сделать шаг в сторону, но Максимилиан положил вторую ладонь на стену, и она оказалась в ловушке.

– Не волнуйтесь, Аннет. Мне можно доверять, – успокоил он ее таким вкрадчивым тоном, что она еще сильнее насторожилась. – Я бы всего-навсего поцеловал вам руку... вот здесь.

Он взял ее безвольную кисть и легко потер тыльную сторону большим пальцем.

– Конечно, я бы этим не ограничился... потом я бы поцеловал вас в запястье. У вас здесь удивительно тонкая кожа....

Он перевернул ее кисть и коснулся пальцем там, где на запястье билась жилка. Аннет затрепетала. Она не могла сдвинуться в места. Он ее словно загипнотизировал! Максимилиан тихо продолжал:

– Затем я коснулся бы губами здесь и здесь...

Она почувствовала, как он медленно расстегнул пуговички на рукаве. Их было ужасно много, и когда он справился, манжета распалась на две части, обнажив руку до локтя. Его палец медленно скользнул по внутренней стороне предплечья, до самой ямки на сгибе. Аннет вздрогнула от щекотки, но руку вырвать не смогла, потому что Максимилиан крепко удержал ее за локоть. Сердце уже не просто билось – оно сходило с ума. Его пальцы казались раскаленными, а голос шептал прямо на ухо:

– Дальше рукав... какая жалость. Но ничего: шелк тонкий, и вы бы

легко почувствовали прикосновение моих губ сквозь ткань, когда я бы двинулся дальше... к плечу, потом сюда, к шее. Здесь я бы задержался подольше.

Его пальцы уверенно скользили, показывая, что именно делали бы его губы. Аннет затаила дыхание, угадав, куда они двинутся затем. Предвкушение было таким сильным, что колени задрожали, воздуха стало не хватать.

– Наконец, я бы добрался до цели. И сделал то, что мне снится каждую ночь в последние дни, – голос Максимилиана охрип, когда он произнес эти слова. Большой палец медленно провел по очертанию нижней губы Аннет, и она пришла в полное замешательство.

Сглотнула раз, второй. На третий раз не вышло, потому что во рту пересохло. Ничего подобного с ней раньше не происходило.

Она целовалась с Бастианом, и ей было приятно, но острого удовольствия она не испытывала, когда, как рассказывали подруги, мир словно пропадает, а тело трепещет от восторга.

А еще Бастиан шумно дышал, и исходящие из его носа звуки умиляли, но не давали забыться. Аннет прислушалась: если бы Максимилиан принялся пошло пыхтеть, ей стало бы проще. Она бы рассмеялась, оттолкнула его и с легкой душой сбежала.

Дыхание Максимилиана действительно участилось, но было беззвучным. Она видела, как поднимается и опускается его грудь, и от этого ее волнение лишь усилилось. А еще она слышала, как гулко стучит его сердце. Или это было ее собственное?

Максимилиан придвинулся ближе и навис над ней. Ее окутал идущий от его тела жар и запах одеколона, смешанный с легкими нотками табака. Он наклонил голову; она как зачарованная смотрела на твердую линию его щеки и тонкий кусок пластыря возле уха, где он порезался утром.

А затем это случилось: он сжал ее лицо ладонями и поцеловал. Неспешно и уверенно, как мужчина, который знал немало женщин.

Аннет показалось, что она ухнула в бездонную пропасть. Перехватило дыхание, пол ушел из под ног, а в голове рассыпался яркий фейерверк. Губы Максимилиана оказались твердыми, уверенными, имели вкуспряного вина, а щека и подбородок легко кольнули дневной щетиной.

Поцелуй становился то невесомым, то жадным, и вызывал дрожь и

острое наслаждение. Максимилиан не давал ей времени прийти в себя, однако тоже понемногу терял самообладание. Аннет чувствовала, что он пылает, его руки скользнули по ее шее, ниже, к вороту платья...

Максимилиан отстранился, но лишь на миг; его губы коснулись основания ее шеи. Аннет почувствовала, как его зубы легко прикусили нежную кожу, и совсем пропала. Она не возражала бы, пожелай Максимилиан большего... что угодно... прямо здесь, у этой кирпичной стены, среди пыльных театральных декораций.

Такого влечения она раньше не испытывала, и понятия не имела, что с этим делать. Еще немного, и она будет готова на любую глупость. Образумить ее могло лишь какое-нибудь нелепое происшествие, которое не замедлило случиться. Чувствуя, как стучит в висках пульс, она запрокинула голову и задела затылком стену. На плечи посыпались колющие куски отставшей штукатурки. Аннет вздрогнула. Дурман отступил, в голове стало холодно и ясно. Бумажные листья вновь зашумели от неведомого сквозняка, словно осуждая ее за легкомыслие.

– Хватит, – прошептала она, собрав все силы и втайне надеясь, что он оставит ее слова без внимания. – Прекрати. Я хочу уйти отсюда.

– Да, – ответил он, тяжело дыша. – Вернемся в гостиницу. Здесь не самое подходящее место...

Сказав это, он совершил серьезную ошибку. Аннет окончательно вернулась в реальность. Ясно, что произойдет в гостинице, стоит им переступить порог его или ее номера! Она заставила себя взглянуть в его лицо и увидела плохо скрываемое торжество. В груди неприятно кольнуло.

Вот, значит, как! Он спланировал все с самого начала, упорно шел к цели, использовал каждую возможность и успешно довел игру до конца. А ведь она поклялась не ввязываться в любые отношения с такими мужчинами, как Максимилиан! Он не похож на Бастиана, и все же между ними много общего. И вот, пожалуйста – пара поцелуев, и она готова кинуться с головой в омут пустой интрижки. Которая, несомненно, оставит ее с разбитым сердцем и чувством презрения к себе, когда все закончится. А закончится все очень быстро, в этом она не сомневалась. Такие мужчины не любят долго терпеть присутствие одной-единственной женщины подле себя. Этот урок она отлично усвоила!

Ее терзали досада и угрызения совести.

– Я не хочу идтис тобой в гостиницу. Я ничего этого не хочу. Ты неправильно меня понял, – произнесла она так твердо, как только могла.

Максимилиан издал короткий смешок.

– Мне кажется, ты не всегда понимаешь, чего действительно хочешь, Аннет, – прошептал он ей на ухо, – Позволь мне помочь тебе в этом разобраться. Давай вернемся в гостиницу и там поговорим.

Он опять потянулся к ее губам, глядя ей в глаза, и взгляд его был темным и жарким. И она опять затрепетала и чуть не сдалась. Что с ней происходит? Да, Максимилиан ей нравился, но не так, как когда-то нравился Бастиан. Не было ни восхищения, ни преклонения, и уж конечно, не было любви. Не было, и точка! Нужно почаще себе это повторять. Написать это себе на лбу, вышить на носовом платке. Вытатуировать на предплечье, как делают певички из кабаре!

Пусть она живет в выдуманном мире, но у нее есть принципы. И вот теперь словно чужой голос в ее голове приказывал ей броситься в его объятия. Не ждать, когда они доберутся до гостиницы, а потянуть его к той куче пыльных занавесей в углу и рухнуть на нее. Никогда раньше она не испытывала такого безумия; голос в голове настойчиво требовал этому безумию уступить.

Вот именно, голос... Внезапно ее осенило. Молинаро неспроста так уверен, что окажется победителем в своей игре! Вон как спокойно принял ее отказ. Уверяет, что лучше знает, чего она хочет. Смотрит насмешливо, словно не сомневается в ее решении. Так и ест глазами. Плетет сеть, одурманивает...

И тогда Аннет изо всех сил толкнула его в грудь. Максимилиан отшатнулся и выпрямился, сжав кулаки. На его лице застыло удивление.

– Что ты делаешь? – спросила Аннет свистящим от гнева шепотом.
– Я поняла. Ты эмпат. Ты играешь с моим подсознанием, верно? Ты вытащил наружу мои инстинкты и заставляешь чувствовать то, что я не хочу. О, как это низко!

Он молчал, и это подтвердило ее подозрения.

– Ты не тигр, Максимилиан Молинаро. Ты людоед и свинья, – сказала она, топнула ногой и чуть не расплакалась. – За такие шутки лишают лицензии сенситива. Я пожалуюсь на тебя. Не смей ко мне прикасаться.

Он был раздосадован и сердит, хотя и пытался это скрыть. Однако гнев легко читался в плотно сжатых губах и складке между бровей.

Тяжелое молчание длилось бесконечно. И когда он наконец заговорил, воздух звенел от напряжения.

– Не говори ерунды, – сказал он очень ровным голосом. – Ничего подобного я не делал. Ты что, совсем маленькая девочка, и ничего не понимаешь? Выкидываешь такие номера, что я начинаю сомневаться в твоём или своём рассудке. Слушай, ты же взрослая женщина. Ты жила с этим, как его... твоим подающим надежды гончаром, или декоратором, или как там его... Ванесса рассказывала...

– Ты расспрашивал обо мне Ванессу? – Аннет накручивала себя все сильнее.

– Да, – ответил он твердо. Он уже вернул самообладание, и теперь в его тоне появилось холодное разочарование. – Расспрашивал. Ты меня заинтересовала, я хотел знать, нет ли у тебя постоянного покровителя, или возлюбленного, или жениха. И ведь поначалу ты показалась мне такой... другой. Бесшабашной, отчаянной, любознательной. Совсем не похожей на Эдиту. Но теперь вижу, что ошибся. Моя вина.

– Кто это – Эдита? И почему я должна не быть на нее похожей? – бросила Аннет язвительно.

– Моя бывшая жена.

Признание больно хлестнуло по нервам.

– Та самая, которая сбежала от тебя, потому что ты напропалую изменял ей с такими, как я? И приживал детей на стороне?

Максимилиан ничего не ответил, только скрипнул зубами.

После затянувшейся паузы он, наконец, произнес:

– Думаю, потом тебе будет стыдно за то, что ты наговорила.

Стыдно должно быть тебе, а не мне! Как ты смеешь говорить мне такие вещи, оскорблять, упрекать меня в том, что я... что я...

Аннет набрала воздуха, чтобы отпустить очередную колкость, но он ее перебил:

– Хорошо. Прости. Мне очень жаль. Ты не хочешь иметь со мной дела. Дала это понять яснее ясного. В прошлый раз ты меня ударила, теперь обвинила черт-знает-в-чем и обозвала свиньей. Даже такое животное, как я, поймет, что шансов у него нет. На этом все. Больше я границы не нарушу. Клянусь, и пальцем тебя не трону. Буду относиться так, как ты всегда этого хотела – как к мужчине, деловому партнеру, служащему. Скоро мы вернемся в столицу, и ты меня больше не увидишь. Потерпи пару дней.

Аннет отвернулась и скорым шагом пошла к выходу. Слушать его она не хотела. Он нагнал ее и холодно приказал:

– Не спеши.

В полном молчании они прошли мимо пыльных задников и блестящих от смазки механизмов, миновали тускло освещенный коридор и подошли к двери в вестибюль. У Аннет на душе было так плохо, что хотелось умереть. Она чувствовала себя униженной, обиженной, но в то же время обидчицей. Она поступила правильно, но совесть то и дело укоряла ее за те слова, что она бросила Максимилиану в лицо, и за ее собственную глупость.

Она непроизвольно захлопала носом, остановилась и принялась шарить в нагрудном карманчике платья в поисках платка. Платка не оказалось, вместо этого пальцы нащупали твердый кругляшок.

– Возьмите, – Аннет протянула его Максимилиану. – Это брелок Жакемара. Простите, забыла вернуть вам раньше.

Он взял его и положил в карман. На лице не дрогнул ни один мускул.

– Думаю, тебе стоит привести себя в порядок прежде чем мы выйдем, – он кивнул на ее рукав.

Закусив губу, Аннет сердито сражалась с пуговицами, а он молча ждал. Она не могла справиться целую вечность, а когда закончила, Максимилиан тихо сказал:

– И на вороте платья. Ты не заметила, что я..., – он осекся.

Покраснев до слез, она быстро застегнула последние пуговицы, и они вышли в вестибюль.

Глава 13 Пильщик

В вестибюле оказалось пусто. Свет притушили, почти все горожане и туристы разбрелись по домам. Вечеринка завершилась.

Луиза помогала местной девушке убирать со столов и гремела стаканами, как будто решила расколотить их все до единого. Гильоше и Пендельфедер спрятались за колонной и о чем-то горячо спорили. Петра видно не было, его скрипка сиротливо лежала на табурете. Вероятно, шарманщик сбежал в город обменять выклянченную мзду на шнапс. Ангренаж устал расположился на кушетке в углу, и кисло поглядывал на Форса, который чуть ли не в обнимку стоял с опустевшим котлом с пуншем. Золотопромышленник выполнил свое намерение хорошенько угоститься чудесным напитком. Его выпуклые глаза остекленели,

рыжие усы обвисли, и он вел увлекательный разговор с невидимым собеседником, отчаянно при этом жестикулируя. Время от времени он замолкал, широко открывал рот и осторожно ощупывал свой золотой фонд. Можно было лишь строить догадки, что или кто явился ему в видениях, которые вызывал мед горных пчел.

Стоило Аннет и мрачному Максимилиану выйти в центр зала, как к ним наперерез бросилась Белинда.

— Господин Молинаро, я вас повсюду ищу! Требуется ваш опыт антиквара. У нас дома есть десяток картин кисти какого-то известного живописца – вечно забываю его имя – мама хочет узнать, можно ли продать часть, и что за них дадут. Не откажитесь побеседовать с ней – вон она сидит в углу, ну же, прошу-прошу, пожалуйста, идемте, не будьте букой!

Линда интимным жестом подхватила его под локоток и заглянула в лицо томным взором, который обещал куда большее, чем разговор о живописи.

Максимилиан, сраженный такой непосредственностью, улыбнулся и дал увлечь себя к кушетке, на которой с неприступным видом восседала бургомистерша: белобрысая, тощая и надменная.

Аннет осталась на месте и проводила взглядом удаляющуюся спину босса. Вздохнула: отношения между ними испортились окончательно и бесповоротно. В животе стало холодно, словно она проглотила лягушку.

Пора было собираться домой; бой часов возвестил, что до полуночи остался час. Аннет принялась бродить по вестибюлю, разыскивая свою сумочку. Ее нигде не было. Вот досада: она же оставила ее в той комнате с автоматами! Положила на столик, когда Петр принес напитки. Выходит, нужно возвращаться в мрачное закулисье. Но не идти же туда одной!

Покосилась на босса и вспыхнула: расположившаяся на кушетке компания неплохо проводила время. Максимилиана усадили посередине, бургомистерша взидала на гостя благосклонно, Линда чирикала, вытягивая губки в трубочку, а босс этими самыми губками открыто любовался. Аннет уже знала, к чему этот многозначительный прищур разноцветных глаз и приподнятый в усмешке уголок рта! Похоже, не очень-то он расстроен недавней сценой в волшебном лесу. Быстро нашел утешение.

Аннет раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, она ужасно сердилась на Максимилиана, а с другой... ей было стыдно. Она прекрасно понимала, что накинулась на него зря. Такому мужчине, как Максимилиан, вовсе не нужно прибегать к грязным трюкам, чтобы увлечь девушку.

И эта девушка увлеклась им, еще как! Глупышке с самого начала следовало вести себя иначе. Но он-то тоже хорош: мог ведь понять, что она была растеряна. Напугана новыми чувствами, которые так не смог пробудить в ней ее бывший друг. Но она была не готова к тому, что предлагал Максимилиан, вот и наговорила гадостей сгоряча. Будь он действительно к ней неравнодушен, поступил бы иначе. Выходит, этому типу действительно только одного от нее и было нужно. А раз не вышло потешить свое мужское тщеславие – ну и ладно. Поди, жалеет сейчас, что зря тратил на нее время.

Вновь накатила горькая обида. Аннет отвернулась и поискала взглядом Ангренажа. Пусть Карл проводит ее за кулисы. Но механик пропал, стул опустел.

Настроение было хуже некуда, нервы взвинчены до предела, кровь будоражила пьяненькая храбрость, и поэтому, гордо задрав подбородок, Аннет решительно вернулась к двери за колонной, чтобы в одиночестве отправиться бродить по театральным задворкам в поисках злосчастной сумочки.

Ну вот, сейчас она поступит как глупая героиня фильмов, которая, оставшись в доме с привидениями, среди ночи берет свечу и тащится в подвал проверить, кому там приспичило поковылять и побренчать цепями.

Плевать, думала Аннет. Это не кино. Ничего страшного. А если и случится с ней что — например, притаившийся среди задников купидон пустит в нее стрелу, или появится неуловимый Швиц и придушит — вот тогда Молинаро пусть пожалеет, что повел себя как болван. Он еще будет убиваться на ее могилке, рвать волосы и стенать!

Подбадривая себя таким детским способом, Аннет отворила дверь.

Стоило войти в полутемный коридор, как по спине побежали мурашки. Ну и местечко! Стараясь не глядеть по сторонам, Аннет пронеслась мимо пыльных задников, торопливо прошла комнату с небесными сферами и почти бегом пересекла бумажный лес. Деревья шуршали, как живые. Почудились шаги, стало так страшно, что мышцы на спине окаменели, а руки похолодели. Волшебство покинуло это

место, и теперь оно казалось кладбищем, населенным безутешными призраками. И все же Аннет покидать его не спешила; она застыла как вкопанная перед занавеской, за которой был проход в комнату с автоматами, и не могла решиться войти. Внутри было еще страшнее: там стояли ужасные куклы. Если бы Максимилиан был рядом с ней! Он бы заметил ее волнение и отпустил очередную двусмысленную шутку. Она бы разозлилась и осмелела. Да и чего ей было бы бояться рядом с человеком, который носит титул полкового чемпиона по боксу и умеет не только сырнй пирог испечь, но и сделать из противника котлету!

Однако теперь она должна справляться с трудностями в одиночку. Быстро же привыкаешь к тому, что рядом всегда есть мужчина, который о тебе заботится — пусть даже об этой заботе его не просили.

Аннет закусила губу и откинула занавес.

В комнате все оставалось по-прежнему. Свет тусклой лампочки под потолком отражался на рельсах и деталях механизмов. Автоматы прятались в тенях.

Тихо, жутко.

Сердце забило часто-часто, ноги стали как ватные и никак не хотели шагать. Некстати в голову ударили остатки медового дурмана. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, приняли очертания пчелок, а затем пропали, однако окружающая обстановка казалась странно искаженной, как бывает, когда смотришь на комнату сквозь стекло аквариума.

– Привет, друзья! – громко обратилась Аннет к автоматам, чтобы подбодрить себя, но еще сильнее испугалась: а ну как в ответ раздастся скрипучее «Привееееет», а подвижно закрепленные рты в железных масках зайдутся в замогильном смехе от радости, что в логово забрела жертва?

Отставить глупости! Она здесь одна. Привидений не бывает. Пильщика повесили двести лет назад, а доктор Саббеликус и глупая, наивная Маргарита, поддавшаяся на уговоры сластолюбца, которые ее и сгубил — выдумки. Все они лишь куклы, беспомощные без своего мастера.

– Не видели мою сумочку? — упрямо продолжила допытываться Аннет.

Куклы, разумеется, в ответ тактично промолчали. Аннет немного расслабилась, прищурилась и огляделась — досада, пенсне-то осталось

в кармане мерзавца Молинаро!

Вот и сумочка – лежит себе на столе рядом с кружкой.

Смело прошла к центру комнаты, взяла сумочку и перевела дух. Ничего страшного не случилось. Теперь в обратный путь.

Она собралась повернуться, но тут что-то стукнуло. Голова кружилась все сильнее, стоя пчелок опять замельтешила перед глазами, в ушах раздался тоненький свист. Аннет охватило дурное предчувствие, от которого во рту стало сухо, а мышцы живота непроизвольно сжались. В углу комнаты померещилось движение тени. На мгновение ей показалось, что Пильщик ожил и вот-вот кинется на нее.

Ничего подобного не произошло. Вместо этого на Аннет напали сзади.

Жесткая ладонь в кожаной перчатке зажала ей рот и так надавила на челюсть, что в шее хрустнуло. В первую секунду Аннет оцепенела от ужаса. В голове зашумело от прилива крови, сердце остановилось, паника отключила мозг. Потом она замычала и попробовала ударить локтем, но ладонь переместилась выше, зажав нос. В легких не осталось ни грамма воздуха, сознание помутилось. Мир поплыл куда-то вбок, в голове ударил набат.

Она беспомощно трепыхалась, боролась отчаянно, не сознавая, что делает. Напавший тем временем принялся споро шарить свободной рукой по ее телу; залез в карманчик на груди, ощупал складки на юбке. Затем хорошенько встряхнул свою жертву и развернул, как куклу. Рука освободила ее лицо, и теперь она могла дышать, но никак не получалось сообразить, как это делается. Перед глазами стояло красное марево.

Ее куда-то потащили, а у Аннет получалось лишь беспомощно скрести каблуками по доскам. Раздался скрип, ноги оторвались от пола, а затем она ухнула вниз и приземлилась на мягкое. Опять заскрипело, ноги и грудь передавило так, что не пошевелиться.

Аннет проморгалась, увидела над собой неподвижное лицо Пильщика и, наконец, заорала. Голос ее прозвучал глухо, словно в рот набили ваты. Звуки быстро умирали в помещении с тяжелыми бархатными занавесями и матерчатыми декорациями. Ее никто не мог услышать. Да и кричала ли она вообще? Во сне так бывает, а Аннет все больше казалось, что она видит кошмар и вот-вот проснется.

Она лежала в покоем на гроб ящике. Он состоял из двух отделений, чтобы в нем могли спрятаться две девушки, участвовавшие в

безобидном фокусе, но теперь она занимала все пространство, как когда-то жена Пильщика. Ее ноги и торс зафиксировали стальные прутья-зажимы.

Не переставая издавать вопли, Аннет попробовала повернуть голову и, наконец, разглядела своего врага. Он отошел от ящика на пару шагов и возился в тенях: гремел чем-то стальным.

Фигура была очень высокой, в черном плаще до пят и широкополой шляпе. Лицо замотано шарфом. Он двигался странно, немного скованно, как сильно замерзший человек, но в движениях его была жуткая неотвратимость.

Он не спеша наклонился, взял с пола сумочку, которую Аннет обронила во время нападения, открыл, тщательно исследовал содержимое и внезапно пришел в ярость. Сильно потряс головой, зашипел и швырнул сумку наземь. Затем успокоился, поднял сумку, аккуратно закрыл и положил на стол.

– Ты кто? Что ты хочешь? -- прохрипела Аннет. – Отпусти меня. Сейчас сюда придет Молинаро, и тебе достанется!

Черный человек не ответил. Он вернулся к ящику, внимательно посмотрел, критически склонив голову к плечу. Его лоб и глаза прятались под полями шляпы. Затем он схватил стоявшего рядом Пильщика за грудки и сильно потянул. Раздался скрип колес, автоматон подъехал к ящику.

Черный человек согнул руку Пильщика в локте – ту самую, в которой была зажата пила – и старательно расположил над ящиком, а затем опустил в специальные пазы. Аннет приподняла голову: острые зубья оказались в паре дюймов над ее грудью. Что он задумал?

Страшный замысел открылся через мгновение, когда черный человек повернул рычаг. Пильщик содрогнулся всем телом, загудел, резко наклонился и принялся за работу. Его орудие сначала завибрировало, затем пришло в движение. Туда-сюда, туда-сюда... С каждым проходом лезвие пилы опускалось ниже: потихоньку, едва заметно, на толщину волоска, на два волоска, на три... туда-сюда, туда-сюда...

Аннет подняла глаза: подвижно закрепленная нижняя челюсть на бесстрастной маске слегка приоткрылась, отчего на железном лице появилось выражение предвкушения: вот-вот пила попробует настоящей крови! Космы пакли сотрясались при каждом движении,

стеклянные глаза прыгали в прорезях маски.

Из глубины комнаты на нее смотрели двое других автоматов. Аннет явно прочитала на маске Саббеликуса сочувствие, а на детском личике Маргариты – ужас.

И тогда Аннет закричала. Голос сорвался, изо рта вылетали хрипы. Она была абсолютно беспомощной, и ей ничего не оставалось, как ждать ужасного конца.

Нет-нет, спокойно! Ничего ей не грозит. Это лишь сон, галлюцинация. Сейчас остатки дурмана выветрятся, она придет в себя и окажется на стуле в вестибюле. Или в номере гостиницы.

Издалека донесся неясный шум; черный человек резко выпрямился, прислушался, повернулся и пошел прочь. У него была странная походка, тяжелая, скованная. При каждом шаге он издавал скрип. Зашелестел занавес. Аннет осталась наедине со скорой смертью, страшнее которой сложно придумать.

Пильщик гудел, вибрировал, пила быстро ходила и опускалась в пазах. Вот-вот острые зубья зацепят ткань платья, разорвут их, затем коснутся кожи. Она почувствует дикую боль. А затем... нет, умирать во сне не страшно. Ведь потом она проснется. Но если это не сон?

Идея пришла в голову неожиданно. Она репликатор. Она может создавать энергетические копии предметов. Но каких? Что может ей помочь? Как остановить этот автоматон? Увидеть его внутренности и сломать?

Аннет сосредоточилась. Ей и в более комфортной обстановке это плохо удавалось, а теперь, когда паника сковала тело не хуже стальных прутьев, а сознание отказывалось повиноваться, и вовсе ничего не получалось. И все же она попыталась призвать талант.

Тело Пильщика засветилось и стало прозрачным. Нехотя проступили очертания сцеплений, валиков и шестеренок. Они двигались, мелькали. Аннет удвоила усилия. Нужно приказать им остановиться. Голову пронзила острая боль, каждый вздох давался с трудом. Еще чуть-чуть... вот эта шестеренка, должно быть, главная. Стой! Сломайся!

Раздался треск, по телу Пильщика пробежали искры, как от удара молнии. В голове Аннет что-то взорвалось, силы истощились, и неразвитый талант больше не повиновался. А Пильщик загудел и ускорился. Теперь пила ходила вдвое быстрее, а значит, и смерть

спешила к Аннет на всех парах.

Больше сделать ничего было нельзя. Аннет зажмурила глаза и приготовилась.

Гул усилился и сменился треском. Она приоткрыла один глаз, затем второй. С Пильщиком происходило непонятное. Он дернул рукой, и пила вышла из пазов. Автоматон отъехал чуть назад, опять вперед, крякнул, согнулся пополам, задрал обтянутый черными брюками зад, и завибрировал. Наверное, со стороны это выглядело очень смешно. Карл рассказывал, что зрители животики надорвали от смеха, когда Петр забыл смазать механизмы и автоматон проделал этот трюк прямо на сцене.

И Аннет тоже рассмеялась – громко, истерически. Гибель ей больше не грозила. Автоматон вышел из строя раз и навсегда. Петр, милый Петр, как хорошо, что ты пьяница, и как хорошо, что она дала ему денег! Этими грошами она купила себе жизнь.

Осталось выбраться из ящика, убежать к людям и попытаться найти того, кто сыграл с ней смертельную шутку.

Вот только как это сделать? Попробовать опять призвать талант?

И она попробовала. Это было сложно, почти невозможно, но впервые в жизни дар репликатора подчинился ей и помог. Зажимы на прутьях нехотя вспыхнули; медленно, очень медленно, она принялась передвигать их энергетическую копию так, чтобы и физическое тело последовало за ней. Раздался щелчок: Аннет, задыхаясь, отвела в сторону прутья, побарахталась и вывалилась на пол. Платье затрещало, длинный лоскут повис на замке.

Кое-как поднялась на ноги и побежала, спотыкаясь. Она не думала о том, что черный человек мог притаиться где-то снаружи: скорее, скорее убраться из этого ужасного места!

Она не помнила, как мчалась по помещениям театра. Свернула не туда и заблудилась. Оказалась в комнате, набитой старым реквизитом. С грохотом обронила вешалку с униформой Петра, нырнула в какой-то проход. Запуталась в складках бархата, зацепилась ногой за стальной рельс и головой вперед вылетела на сцену. В опустевшем зале было темно и гулко, как в пещере. Ринулась назад. Не меньше десяти минут носилась туда-сюда по путанице переходов, затем попала в знакомый коридор: распахнула дверь, откинула занавеску и выбежала на середину

вестибюля.

Шум голосов тут же затих, на нее уставились во все глаза.

Зрелище было дикое. Она стояла с всклокоченными волосами, лицо красное, платье разорвано.

Бургомистр издал носом трубный звук. Белинда ойкнула, ее мамаша ахнула. Откуда-то сбоку появилась Луиза и присвистнула. Форс пьяно хихикнул. Максимилиан медленно-медленно поднялся с кушетки и выглядел потрясенным до глубины души. Ангренаж открыл рот, схватился за сердце, но опомнился первым:

– Аннет, где вы были? – произнес он с глубочайшим удивлением. – Почему так выглядите? Вы упали?

– Меня чуть не распилили пополам.

Все озадаченно молчали. Ангренаж проявил сообразительность.

– Кто? Пильщик? Вы что, решили повторить подвиг той экзальтированной дамы, о которой я вам рассказывал? – спросил он таким голосом, словно его вот-вот хватит удар. – Боже мой, но зачем?!

Она разозлилась.

– На меня напали, бросили в тот ящик и включили автоматон. Высокий человек в черном плаще до пят и шляпе. Лицо замотано платком. Он хотел убить меня. Ему это почти удалось.

Ангренаж опять схватился за грудь, а у бургомистра отвисла челюсть. Что происходило с Максимилианом, она не видела – старалась на него не смотреть.

Аннет принялась рассказывать. Она говорила и говорила, жестикулировала, пытаясь лучше донести произошедшее до окружающих, а окружающие смотрели на нее круглыми глазами и разве что только пальцами у висков не крутили. Стало ясно – она, взрослая и самостоятельная девушка, чудом вырвавшаяся из смертельной ловушки, выглядит глупой и смешной, как сочиняющий сказки малыш.

Бесцеремонная библиотекаряша озвучила подозрение, родившееся у всех в головах.

– Да она бредит! – громко возвестила она. – Узнаю человека, напившегося медовухи. Сама видела, она хлестала кружку за кружкой. Молинаро! Что ж вы за ней не следили? Заберите ее. Уведите в гостиницу, напоите крепким чаем и уложите в постель.

– Кто бы говорил! – парировала Аннет. – Сами-то вы дули игристое ведрами, как полковая лошадь.

Сказала грубость и ни капли не устыдилась. Луиза не обиделась: напротив, хмыкнула одобрительно.

– Аннет выпила не больше пары глотков этой вашей наркотической медовухи, – раздался холодный голос Максимилиана. – Не несите чушь. Она не галлюцинирует. Что-то действительно случилось. Господин Пендельфедер! На вашем месте я бы принялся за работу.

– Да вы что, господин Молинаро! – возмутился полицейский. – Луиза права. Это бред какой-то. Ну, кто мог на нее напасть? Думаете, в театре посторонний?

– Никого постороннего здесь нет, – вмешался Ангренаж. – Двери закрыты изнутри. Потайных входов-выходов не имеется. Сейчас в помещении остались только мы. Все гости ушли.

Он подошел к Аннет и взял ее за руку.

– Тихо, успокойтесь, – мягко проговорил он. – Верю, с вами произошла беда. Но все было не по-настоящему. Вам пригрезилось. Это я виноват. Мне стоило отобрать у вас напиток, не дать вам попробовать его...

Аннет вырвала руку.

– Ничего мне не пригрезилось. Я требую, чтобы вы прошли в ту комнату с автоматом и осмотрели помещение, – сказала она спокойно. – Сами увидите, что там творится. Я не лазила в тот ящик. Меня в него калачом не заманишь. Автомат засбоил, лишь это меня спасло. Я кое-как открыла зажимы и сбежала. Идем, ну!

Все стояли, как вкопанные. Аннет глянула на Максимилиана, ища поддержки. Он твердо встретил ее взгляд, но не двинулся с места, словно ждал, что она будет делать дальше. Тогда она набросилась на толстяка в униформе.

– Пендельфедер! Вы полицейский или овощевод, в конце концов?! Это ваш город. В нем происходят странные вещи. Меня чуть не убили вчера в гостинице, и теперь опять напали. Действуйте уже, наконец!

– Ах да, вчера в гостинице, слышан, слышан, – пробормотал полицейский. – Фантазия у вас отменная. Управляющий рассказал, как вы его чуть под монастырь не подвели с этим часовым купидоном.

Аннет приготовилась наорать на него. Такой ярости, уверенности в своей правоте и душевного подъема она никогда не испытывала. Близкая встреча со смертью творит чудеса!

Краем глаза заметила, как у Максимилиана дернулся уголок губы,

словно он подавил улыбку. Он что, над ней собрался смеяться?! Мерзавец. Впрочем, могло и показаться: она была без пенсне и плохо разбирала выражения лиц.

– Идем!

Не оглядываясь, она смело двинулась за кулисы, а глухо перешептывающаяся толпа механисбуржцев нехотя последовала за ней.

Максимилиан нагнал ее и пошел рядом. Аннет не могла не почувствовать, что он был на ее стороне. Правда, свою поддержку проявлял весьма скупно. Ну и пусть. Она и без него прекрасно справится.

Идти за кулисами в компании – пусть и настроенной поглумиться – было не страшно. Сейчас она им всем покажет!

Но когда ввалились в комнату с автоматами, ее боевой дух как рукой сняло. Она не верила глазам. Пильщик тихо-мирно стоял в углу, прямой и неподвижный, как часовой, которого по недоразумению вооружили вместо винтовки плотницким инструментом. Ящик закрыт. Сумочка лежит на столе. Ни следа произошедшего.

– Ну? – скептически спросила Луиза. – И что мы тут делаем? Я в этой комнате миллион раз бывала. Все на своих местах.

Форс вздохнул и полез обниматься с куклой Маргариты.

– Бедняжка, – Линда погладила Аннет по плечу. – Я помогу Максимилиану отвести тебя в гостиницу. А хочешь, пойдем к нам домой? Тут рядом.

Ах, он уже для нее Максимилиан!

– Еще чего, – буркнул градоначальник. – Пусть идет к себе в гостиницу. Будет ей хороший урок. Эти столичные дамочки пропадают в синематографе с утра до ночи, смотрят всякий романтический бред, а потом выдумывают невесть что. Будь моя воля, я бы все эти экранные поцелуйчики и страсти запретил, а ленты сжег.

– Гильоше! – укорила его жена. – Что ты за пень бесчувственный! Девочке плохо. До гостиницы идти далеко, она упадет по дороге! Пусть переночует здесь, в театре, на кушетке в вестибюле.

– Если все произошло так, как вы описываете, – подал голос Ангренаж, – вашим черным человеком мог быть только тот, кто остался в театре. За то время, пока вы отсутствовали, мы все ненадолго покидали вестибюль. Петр сбежал, в здании его нет. Я выходил несколько раз. Проверял, заперты ли окна, двери, в порядке ли зал... Остальные тоже выходили. И Форс, и Пендельфедер, и Гильоше, и его

жена с дочерью...

– Ну да, выпито-то за вечер было много, – проворчал бургомистр.

– Я не выходила, – отрезала Луиза. – Была занята: убирала со столов. И, к вашему сведению, у меня отличный мочевого пузырь.

– Мы прекрасно обошлись бы без этих ваших анатомических подробностей, – заметила госпожа Гильоше и чопорно поджала губы.

– Странно, – подала голос Линда, – а я вот почему-то я не сразу нашла вас, когда подходила спросить про новые журналы. Вы потом появились словно ниоткуда.

Линда безмятежно хихикнула, а Луиза оскалилась и бросила невыносимо ядовитым голосом:

– Милая, если бы ты поменьше стреляла глазками в господина антиквара, то увидела бы, что я возилась у столика за колонной.

– Вы тоже выходили, господин Молинаро, – заметил Ангренаж, учтиво склонив голову.

– Да. Пытался найти Аннет. Не догадался, что она отправилась бродить по закулисью, поэтому искал ее у входа. Кроме того, я видел, что вы заперли вашу потайную дверь.

– Верно, запер, – кивнул Ангренаж.

– Она была открытой, – сообщила Аннет.

– И ключи от нее есть только у вас, – подытожил бургомистр с мрачным злорадством и сложил руки на груди, чтобы подчеркнуть неоспоримость своих слов. – Значит, вы – главный подозреваемый, Ангренаж.

Механик с ненавистью глянул на градоправителя, затем обвел присутствующих острым взглядом, в котором читался вызов. Библиотекарша хищно усмехнулась.

– Никакой ты не подозреваемый, Карл, – успокоил его Пендельфедер благодушно. – Это была галлюцинация.

– Как выглядела ваша галлюцинация, Аннет? – спросил механик деревянным голосом. – Рост, стать?

– Он был долговязый, – неуверенно ответила Аннет. – Как Луиза, Петр или господин Молинаро. Кажется, худощавый, как вы, Карл. Широкоплечий, как... как господин Гильоше, но повыше. И... – Аннет колебалась, прежде чем произнести следующие слова, – он щелкал и скрипел при ходьбе. Двигался очень странно, словно и не человек это был вовсе, а... – она закончила тихо, – автоматон.

– Бред чистой воды, – вздохнул Пендельфедер. – Этот мед давно пора запретить.

– Таких искусно сделанных автоматов не бывает, – устало подтвердил Карл. – Они не могут самостоятельно двигаться и совершать сложные действия. Даже мастер Жакемар не сумел создать подобное. Придется признать: ничего этого на самом деле не случилось. Или это была магия – или безумие, что, впрочем, одно и то же.

Аннет в отчаянии смотрела на него, отказываясь верить его словам. Она не могла не заметить, что Карл, хотя и пытался успокоить ее, был глубоко встревожен. На его лбу появилась складка, а руки он глубоко засунул в карманы своего нелепого плаща, в который уже успел облачиться, собираясь домой. Внезапно Аннет почувствовала жалость: Ангренаж выглядел смертельно усталым, и она впервые отметила, что плащ его был изрядно потрепан, даже нитки в полах торчали; видать, и впрямь с финансами у городского механика было туго. Карл единственный встал на ее защиту и проявил хоть какое-то сочувствие. Но она твердо решила не сдаваться. Хватит с нее выглядеть перед всеми пустоголовой дурочкой!

– Ищите улики, Пендельфедер, – упорно сказала Аннет. – Вы должны поймать негодяя, кто бы это ни был. Я не верю в призраков и магию, а если это все же был автоматон, то он материален и кто-то натравил его на меня. Вы тут все отлично смыслите в механике.

Полицейский юмористически поднял брови к залысинам и фыркнул, но все же принялся бродить по помещению, крича и ворча.

– У меня порвалось платье, когда я выбиралась из ящика, – вспомнила Аннет. – Тут должен быть лоскут или нитки...

– Этот? – спросил за спиной Максимилиан.

Все повернулись. В руках он держал кусок черной ткани с блестками.

– Я снял его с рельсы в комнате со сферами. Плотно зацепился за крючок, – медленно сказал он.

– Что и требовалось подтвердить, – обрадовался полицейский. – Платье вы порвали там, а остальное – галлюцинации. Все, расходимся. А вам, милая, – отечески обратился он к Аннет, – я рекомендую никогда не пить крепкие алкогольные напитки. И не принимать наркотические вещества. Я знаю, вы там в столице многое себе позволяете... особенно богема. Артисты, поэты, писатели, оккультисты... чудной вы народ. Не

живется вам спокойно, все бы нервы себе щекотать. Нет, чтобы поискать вдохновения среди природы, в саду, на огороде... Будь я поэтом, я бы не писал поэмы о героях и пустых мечтах. Я бы написал о капусте.

– Или о редиске, – прервал его Максимилиан, пряча лоскут в карман. – Вот что, Пендельфедер. Вы как хотите, а я завтра вызову телеграммой одного толкового парня из «Сыскного бюро Молиаро». Барт Биркентон, слышали, небось? Он теперь на нас работает. Пусть перетряхнет это место хорошенько. Он специалист и сумеет докопаться до правды. Ну а мы с моей ассистенткой передумали покупать у вас другие автоматы. Уедем завтра с утра пораньше. Доброй ночи вам и богатого урожая.

Глава 14 Надвигается гроза

Когда вышли на улицу, повеяло такой свежестью, что перехватило дыхание. Холодный ветер рванул юбку. Зашелестели кусты, скрипнули флюгера на крышах. Фонари качнулись, и круги света на мостовой принялись зловеще метаться из стороны в сторону.

Погода испортилась: первые капли дождя пробарабанили по мостовой, вдалеке гроыхнуло. Остро запахло сиренью и влажной землей. Аннет обхватила себя руками и поежилась. Максимилиан снял пиджак, набросил на плечи спутницы, твердо взял ее за локоть и повел прочь от толпы взволнованно переговаривающихся механисбуржцев.

Вспышка зарницы выхватила из сумерек согбенные от ветра фигуры. Аннет успела заметить, как Карл махнул ей рукой на прощание. Ветер поднял полы его плаща и растрепал волосы, отчего механик стал похож на измученного ночного демона. Рядом стояла угрюмая Луиза. Подле нее суетился пьяненький Форс, все стремился поцеловать суровой библиотекарьше руку, а та отмахивалась и тревожно поглядывала на небо. Полицейский кивнул в сторону Аннет и что-то сказал бургомистру. Гильоше кисло улыбнулся, его дочь засмеялась в голос. Хорошенькую Линду даже непогода не брала. Ветер трепал прически и одежду, превратив людей в пугала, но локоны неутомонной блондинки он перебирал осторожно, поднимал в воздух, словно играя. Платье красиво трепетало вокруг ее ног. Линда была оживлена и весела, и смех ее звенел как колокольчик.

«Надо мной потешаются», решила Аннет, из последних сил гордо выпрямилась и пошла на ватных ногах вверх по улице.

Едва они успели войти в двери гостиницы, разразилась буря. Гром взревел, как сотня пушек в разгар битвы, на мостовую обрушился дождь. В вестибюле гостиницы метался взволнованный управляющий и хлопал ставнями. В эту ночь городу придется туго.

На второй этаж поднимались молча. Аннет ускорила шаг: ей не терпелось остаться в одиночестве со своими мыслями. Когда дошли до ее номера, Максимилиан заговорил:

— Я попрошу, чтобы горничная принесла чай и позаботилась о вас. Боюсь, ночь выдастся беспокойной. Утром мы уедем.

— Вы это всерьез? Про отъезд? – спросила Аннет, остановившись и впервые после происшествия в картонном лесу заглянув ему в глаза.

Он посмотрел на нее холодно, отстраненно, как на проштрафившуюся служащую. От его взгляда Аннет поежилась и сникла.

— Разумеется. Распоряжусь, чтобы Лазурного поэта привезли в столицу позже. Вам в этом городе нельзя оставаться. События принимают дурной оборот. Эта история с Пильщиком...

Аннет глубоко вздохнула и призналась:

— Ничего этого не было. Они правы. Я видела галлюцинацию. Выпила эту приторную гадость, и мне весь вечер мерещилась ерунда. В воздухе летали пчелки, Форс превращался в подсолнух, а вы...

Она смущенно кашлянула.

Максимилиан наклонился и глянул на нее испытующе:

— Галлюцинация? Уверены?

— А вы нет?

— Нет.

У Аннет вытянулось лицо, Максимилиан поспешил ее успокоить:

— Разумеется, вариант с галлюцинацией исключать нельзя. Но я ни разу не слышал о такой логичной и последовательной галлюцинации. Вполне возможно, что какие-то события произошли в реальности, а какие-то дорисовал ваш одурманенный разум. Вряд ли вас действительно хотели убить таким варварским способом. Мощности автоматона не хватило бы, чтобы причинить вам реальный вред. Это же не циркулярная пила на лесопилке, в конце концов. Скорее всего, вас хотели напугать. Или подшутить. Или что-то отобрать. Говорите, черный человек вас обыскал? Вряд ли его интересовало ваше пенсне. Которое, кстати, все еще лежит в моем кармане.

Аннет вспыхнула, вспомнив, при каких обстоятельствах оно туда перекочевало. Максимилиан невозмутимо продолжал:

– Думаю, хотели забрать брелок Жакемара. Барт Биркентон разыщет шутника и хорошенько его проучит. Нет, пожалуй, сам сделаю это. Кстати, вы очень храбро вели себя сегодня. Заставили этих твердолобых поволноваться, — закончил он неожиданной похвалой, и Аннет растеклась от его слов как кисель.

Она не стала говорить, что Пильщик выглядел удивительно мощным и... как это выразиться... целеустремленным. Она верила, что сил в его механических руках вполне хватило бы, чтобы нарезать ее ломтями. А если бы он не справился, его работу довершил бы тот черный человек. Но ничего этого она не сказала.

Протянула Максимилиану пиджак, зашла в комнату, захлопнула дверь и закрыла ее на два оборота. А потом еще и тяжелое кресло придвинула. Вторым креслом забаррикадировала балконную дверь, и лишь затем переоделась и забралась под одеяло. Присланная Максимилианом горничная робко постучала, глухо позвала из-за двери и ушла.

Уснуть не получилось. Гроза набирала обороты. Стены гостиницы сотрясались от раскатов, дождь лупил в окна, сквозняк рвал занавески.

Аннет было грустно, одиноко и страшно. Она вылезла из-под одеяла, немного походила по комнате, торопливо затыкая пальцами уши, когда за окном грохотало. Затем окончательно обессилела.

Опустилась на холодный пол, обхватила колени и захлопала носом. Ей казалось, что жизнь зашла в беспросветный тупик. С ней произошли ужасные вещи, но странное дело – больше всего ее огорчил тот тон, которым разговаривал с ней Максимилиан, и его новое, отстраненное отношение. Впрочем, она его заслужила. Пусть она вела себя глупо, взбалмошно, пусть ей привиделись все кошмары, но в этот момент ей очень хотелось, чтобы ее утешили, выслушали, погладили по спинке и дали чистый носовой платок.

Кто-то уверенно постучал в дверь, выбив костяшками затейливый марш.

Аннет так перепугалась, что чуть не нырнула под кровать, где ее, разумеется, не нашел бы ни один преступник. Она упала на четвереньки, больно стукнулась о кроватную ножку и тоненько

ойкнула.

— Эй! У вас все в порядке? Мне в номере через стенку слышно, как вы мечетесь. Откройте! — потребовал из-за двери нетерпеливый голос Максимилиана.

Она не откликнулась, потому что яростно растирала лоб. Из глаз сыпались искры.

— Если не откроете, я заберусь к вам на балкон по пожарной лестнице, — не унимался босс. -- Учтите, она скользкая от дождя. Если сорвусь, сломаю себе шею. Моя гибель будет на вашей совести. Вам до конца своих дней придется таскать мне на могилку цветы!

Аннет поднялась, накинула халат, и кое-как отодвинула сооруженную ей баррикаду. Приоткрыла дверь и настороженно поинтересовалась:

— Ну? Что вы хотите?

Дверь сильно подалась вперед, Аннет еле успела отскочить. Вошел Максимилиан, беззаботно заложив руки в карманы брюк, оглядел ее и моментально отметил распухший нос и слипшиеся ресницы.

— Плакали. Так и знал. А это что за красное пятно над бровью? Неужто в отчаянии бились лбом об стену? Это уже слишком, знаете ли. Надевайте туфли и идем на верхнюю террасу. Такое зрелище нельзя пропустить. Гроза — время праздника в Механисбурге. Жители не спят, все стоят у окон и любуются на Часовую башню.

Ошарашенная Аннет не сдвинулась с места. Максимилиан вздохнул, прошел в номер, отыскал туфли и поставил ей под ноги.

— Поторопитесь. Гроза вот-вот закончится. Не переодевайтесь, идите прямо так.

Максимилиан поманил ее рукой и вышел в коридор. Спорить не было сил, и она хмуро повиновалась.

Действительно, в гостинице не спали. Из номеров доносились голоса и смех. Горничная шла по коридору с тележкой, нагруженной напитками. Однако на террасе было пусто и темно.

— Я попросил управляющего, чтобы сюда никого не пускали, — пояснил Максимилиан. — После вчерашнего он был только рад услужить.

Официант торопливо выставил на стол бутылку с игристым вином, пару фужеров, пепельницу, и зажег свечу под стеклянным колпаком. Поклонился гостям и поспешил прочь. Аннет и Максимилиан остались

одни. Аннет робко подошла к стеклу. Перед ней открылась картина ночного грозового города. От страха и восторга замерло сердце. Дождь шумел по крыше, на пол возле окон натекали лужи. Приятно пахло мокрыми деревянными досками и зеленью.

В домах не горели огни, а вдалеке, за крышами, волновалось темное пространство – озеро. На его поверхности танцевали всполохи, когда в громоотвод Часовой башни ударяла молния. Сама же башня преобразилась и поражала. На ее стенах медленно, как сотни разноцветных светляков, загорались фонарики. Каждый удар молнии зажигал новые, они карабкались выше, до самой крыши, складывались в причудливые узоры, пока башня не превратилась в волшебный дворец.

Аннет прижалась носом к стеклу и охнула от удивления.

– Это придумал внук Жакемара, – пояснил Максимилиан. Он тихо подошел, встал позади Аннет и продолжил:

– Внук Жакемара увлекался электричеством. В башне установлены особые аккумуляторные банки, которые накапливают разряды молний и заставляют огоньки загораться. Очень красиво.

– Красиво, – подтвердила Аннет и тяжело вздохнула.

Воцарилось молчание. Впрочем, говорить под аккомпанемент грозовой музыки и дребезжание стекла было сложно.

Максимилиан отошел и расположился в плетеном кресле за столом. Он достал трубку, потянуло приятным ароматом: не табаком, а смесью черной смородины и вишни. Босс со вкусом затягивался и выпускал клубы дыма. Некая странная мысль мелькнула на задворках ее сознания – уже не впервые – но Аннет не успела схватить ее за хвостик. Максимилиан потянулся к бутылке, звякнул стеклом и разлил шипящий напиток в бокалы. Пододвинул один к краю стола и приглашающе кивнул. Девушка вздохнула и опустилась во второе кресло.

Потягивая вино, они любовались грозой и огнями на башне. Впрочем, Максимилиан не пил: покрутил бокал, вдохнул аромат, пригубил и поставил обратно на стол. Ударил гром; Аннет непроизвольно вздрогнула, Максимилиан спросил:

– Вы боитесь грозы?

– Обычно нет, – ответила она. – Но такой сильной я никогда не видала.

– А я видал. В джунглях. Было одно приключение... рассказать?

– Да, пожалуйста.

– Я сопровождал археологическую экспедицию. Разбили лагерь на ночь. Небо хмурилось, но мы не беспокоились: палатки у нас были крепкие, а место лагеря выбрали на возвышенности. Поужинали, выставили часового и сладко уснули. Среди ночи просыпаюсь от того, что на лицо мне льется вода. Первая мысль: крыша палатки порвалась. Протираю глаза, а крыши-то и нету. Равно как и палатки. Лежим на матрасах, на голой земле. Оказалось, тамошние аборигены – ужасное ворье – подобралась к нам ночью, воспользовались тем, что часовой задремал, тихо вытащили нас из палаток прямо на матрасах – и ведь как ловко это проделали, черти, ни один не проснулся! И дочиста обокрали. А тут и гроза разразилась. С неба лился океан. Кое-как пережили ту ночь. Все у нас забрали: оружие, кухонные принадлежности, одежду, археологические находки.

– Кажется, я слышала похожий анекдот...

– Как вы думаете, откуда берутся анекдоты? Из жизни. Все правда, до последнего слова.

– И что ж вы сделали?

– Кое-как добрались до фактории, оттуда вызвали местных полицейских. Вернулись, отыскивали жуликов и сдали всех властям. Они месяца три сидели в местной кутузке. Все племя. А кутузки у них – вырытые в земле ямы. Не позавидуешь. Но ничего, поделом. Мы чуть не погибли.

– Говорят, вы с ними воевали... отбирали у них изделия и драгоценности... Обижали их, – упрекнула Аннет.

– Я!? – поразился Максимилиан. – Это нас постоянно обижали. Воровали все, что плохо лежит. А когда мы нанимали помощников из местных, горько об этом жалели. Работать они совершенно не умеют. Честно, не раз хотелось пустить в ход кнут, но заканчивалось все перебранкой и показательным изгнанием. Правда, однажды я не сдержался. Пересчитал зубы местному царьку. Он лупил свою жену и детей почем зря, а те завели привычку прятаться у нас в лагере. Ужасно мешали, вот и пришлось разобраться. Царек оказался не прост: пожаловался миссионеру, что я не чту местные обычаи. Миссионер обозвал меня колонизатором и проклятым империалистом, а затем настроил жалобу в посольство. Вот и пошли слухи. Не люблю я этот южный континент... Знаете, что там самое ужасное?

– Львы? Ядовитые змеи? – с любопытством спросила Аннет.

– Москиты. Назойливые твари. Хуже них только пьяные аборигены. А вот еще был случай... в пещере «Слезы павиана», где местные проводят всякие забавные и жуткие обряды...

Аннет увлеченно слушала, подперев щеку ладонью, и смотрела на ночной город сквозь запотевшие стекла. Наплывал шум дождя, ворчали громовые раскаты.

Оранжевое пламя свечи трепетало под колпаком, истории шли одна за другой. Максимилиан рассказывал остроумно, лаконично и красочно, иногда делая выразительный жест рукой с зажатой трубкой. Слушать его звучный баритон было отдельным удовольствием. Однако в груди Аннет росло неудобное чувство, причину которого она определила не сразу.

Ее мучили угрызения совести. «Я черствая, эгоистичная особа, – покаянно думала Аннет, украдкой посматривая на профиль собеседника. – Молинаро возится со мной, как с дурным котенком. Из кожи вон лезет, чтобы утешить и развлечь, не обращает внимания на мои выкрутасы. Терпения ему не занимать. Неважно, какие у него мотивы. Я теперь ясно вижу, что вовсе он не негодяй».

Когда он закончил очередной рассказ, Аннет вздохнула и произнесла:

– Простите меня, Максимилиан.

Он так изумился, что чуть не выронил трубку.

– За что? – спросил настороженно.

– За то, что плохо к вам относилась, – повинилась Аннет, трусливо опустив глаза. – Вы постоянно заботитесь обо мне. Стараетесь помочь и ободрить, когда я раз за разом попадаю в нелепые ситуации. Максимилиан, я знаю, что живу в мире фантазий, – заговорила она порывисто, сжав руки на коленях, – это плохо. Верно вы тогда сказали! Я бегу от реальности. Все переворачиваю с ног на голову. От меня никакого толку.

– Я не говорил, что жить в выдуманном мире – плохо, – медленно сказал Максимилиан и прищурился. – Да, я резко отозвался о ваших мечтах и теперь жалею. Я не всегда прав. Мне тоже есть, за что просить у вас прощения. Возможно, лишь наши мечты заслуживают уважения. Как вы думаете, кто меняет наш мир к лучшему – мечтатели или реалисты?

– Конечно, реалисты, – сердито ответила Аннет и даже ногой

притопнула.

– Черта с два. Реалисты трезво оценивают свои возможности и не лезут на рожон. А мечтатели действуют очертя голову. Кидаются переделывать реальность так, чтобы она соответствовала их мечтам. Конечно, не всем это удастся. Есть два вида мечтателей. Одни действительно предпочитают до поры до времени прятаться в своей скорлупе. Однако те, кто решаются из нее выйти, оказывают человечеству огромную службу. Всего-то нужно – немного храбрости и безрассудства. А у вас этого в избытке.

– Во мне в избытке трусости, наивности и романтизма. Куда больше, чем здравого смысла. Я вижу свою жизнь как синематографический роман, и это глупо, – упрямо возразила Аннет. Она изнывала от жалости к себе.

– Да кому нужен этот скучный здравый смысл! – отмахнулся Максимилиан. – Вы можете перекроить сценарий вашего фильма по своему усмотрению. Можете превратить драму в комедию, сделать из фильма ужасов детский мюзикл. Вы артистичны, полны авантюризма, а значит, готовы действовать нестандартно и идти своей дорогой.

Аннет недоверчиво покачала головой. Ей хотелось верить тому, что он говорил. Максимилиан подождал, пока затихнет очередной громовой раскат, откинулся в кресле и продолжил:

– Я же вижу, что вы боец по натуре. Хоть и трусоватый. Но это нормально. Храбрость приходит с опытом. Переступите через себя разок-другой, а дальше все пойдет как по маслу. Пара неудач, пара побед, потом победы будут приходить все чаще... сами не заметите, как ваши мечты превратятся в реальность.

Уже который раз он поучал ее, но Аннет, как оказалась, привыкла к его наставлениям и даже начала их ценить и не воспринимать в штыки.

Несколько секунд она молча переваривала услышанное, затем вздохнула и последовала его совету: собрала мужество, переступила через себя и перешла к теме, которую боялась поднимать. Но сделать это было необходимо. Самый подходящий момент: под звуки грозы, дождя, ветра. Как в кино.

– Простите, что я назвала вас свиньей, – сказала она совсем тихо, – Я знаю, вы не применяли ваш талант тогда, в картонном лесу. Я просто растерялась.

Аннет выпалила все на одном дыхании, руки ее при этом нервно

комкали халат на коленях.

Ей было бы легче, если бы Максимилиан отвел глаза и отпустил ничего не значащую шутку, но он смотрел на нее пристально и ждал продолжения. Аннет почувствовала острое желание исповедаться. Она набрала воздуха и заговорила:

– Я рассталась с Бастианом – со своим другом – полгода назад. Он мне изменял. Мне было больно, и я поняла, что не создана для таких вот... необременительных отношений. Сегодня я в этом убедилась окончательно.

– Что ж, я могу это понять, – задумчиво сказал Максимилиан и затаился трубкой. – Вот и вторая моя ошибка: я принял вас за девушку иного склада... в отношениях с мужчинами, я имею в виду. Видать, не так уж я много знаю о женщинах, как думал. Готов извиниться еще тысячу раз за то, что оскорбил вас своими... кхм... домогательствами.

– Расскажите про свою жену, – потребовала Аннет, сердясь на себя. Просить об этом было стыдно, но ей очень хотелось докопаться до сути. – Вы упомянули Эдиту, и что я поначалу показалась вам непохожей на нее. Что она за женщина? Почему вы развелись?

Гроза передумала уходить. От порыва ветра задрожали стекла на террасе, пламя свечи под колпаком затрепетало. Аннет ждала ответа, затаив дыхание.

Максимилиан пожал плечами.

– Не сошлись характерами. Мы были обручены с детства. Эдита из рода обедневших аристократов. Моя семья радовалась этому браку. Род Молинаро древний, но титулов мы никогда не имели. Мои предки служили придворными антикварами, художниками, скульпторами. Иначе говоря, мы богатые ремесленники и торговцы высокого ранга, поэтому нас так тянет заключать браки со знатью. Я был влюблен в Эдиту лет с четырнадцати, хотя вращались мы в разных кругах и не проводили время вместе. Нас поженили, когда я вернулся из армии. Первые месяцы я был на седьмом небе. Эдита... она очень красивая, холеная блондинка. Грешен: всегда испытывал слабость к блондинкам.

Он смущенно прокашлялся.

– Однако скоро выяснилось, что общего у нас с женой было мало. Эдита любит, чтобы жизнь была как на картинке журнала «Светская львица». Во всех комнатах серые обои оттенка «голубиная шейка», а ковры розовые, оттенка «веселая вдова». Не дай бог перепутать с

оттенком «резвая пастушка», знакомые не одобряют. По коврам обязательно бегают две собачки породы «хохлатый феникс». Черт, сколько лет прошло, а я все еще помню эти дурацкие названия... Ну а муж должен быть подле ее руки и знать свое место. Нарядно одетый, модно причесанный и почтительный бездельник. Чтобы все смотрели, восхищались и говорили: да, мадам Молинаро – столп светского общества. Она пыталась отвести моих армейских друзей – тех, кто не дослужился до высоких чинов, – а торговлю, пусть даже произведениями искусства, считала вульгарным занятием.

Он на миг прикрыл глаза, словно вспоминая.

– Эдиту изводила скука. Чувство юмора ей заменяло насильно привитое светское остроумие. Она ничем не интересовалась, кроме сплетен и журналов мод. У нее был талант релаксатора, но она отказалась его развивать. К любому делу остывала очень быстро. Бралась за благотворительность, пробовала рисовать, учиться пению... когда ничего не выходило, искала виноватых. Эдит и самокритика – два слова, которые не стоит употреблять в одном предложении.

Максимилиан досадливо щелкнул языком и добавил.

– Я, конечно, тоже хорош. Хотел, чтобы она в одночасье стала другой. Постоянно ее вышучивал, даже не пытался сделать ее счастливой. Во время ссор доводил ее до слез. Вел себя, как бессердечный чурбан. Став старше я, конечно, понял: когда любишь, не стремишься переделать человека, а помогаешь ему найти и развить его лучшие качества. Собственно, любви в нашем браке не было никогда. С моей стороны было юношеское увлечение, которое прошло очень быстро. С ее же стороны было увлечение связями и деньгами моей семьи.

Мы все меньше времени проводили вместе. Я не вписывался в установленные ей рамки и поэтому сильно раздражал. В конце концов, она захотела жить отдельно, но развелись мы лишь спустя пару лет, после того, как я предложил ей хорошие отступные. Причиной назвали мою неверность, иначе знакомые бы ее осудили. А так все сложилось хорошо. Сейчас она собирается замуж за пожилого дипломата.

– Значит, вы ей не изменяли? Все это досужие сплетни? – с надеждой спросила Аннет. Максимилиан прищурил глаза, и Аннет поняла, что сейчас она услышит то, что ее не обрадует.

– Конечно, я ей изменял, – ответил он тоном взрослого, который

без всякой радости сообщает ребенку, что новогодних эльфов не существует, а подарки под елкой купила бабушка на распродаже. – Хотел убедиться, что на свете еще остались веселые и понимающие женщины.

Сердце Аннет упало. Максимилиан глянул искоса и потер подбородок.

– Я не обманщик, – твердо заявил он. – Пустых обещаний никому не давал, правила оговаривал сразу и не тянул женщин в постель ради галочки. Встречался лишь с теми, кто мне был интересен. Уверяю, таких женщин было немного. Чтобы их пересчитать, хватит пальцев на моей правой руке.

Он помахал кистью, на которой было четыре пальца и обрубок вместо мизинца.

– Я сразу поставил Эдиту в известность о своих похождениях. Она восприняла это равнодушно. У нее тоже были... друзья мужского пола. Предложил ей развестись, но в тот раз она и слушать не пожелала. Ей нравился статус замужней женщины. Потребовалось немало времени, чтобы ее уговорить.

– И все же измена – это гадко, – сказала Аннет обиженно. – Не могу относиться к этому спокойно.

– Я и не оправдываюсь. Осуждайте на здоровье, не стесняйтесь.

– А та девушка в приморском отделении? Ванесса рассказывала, что она прижила от вас ребенка, и вы ее уволили. Это тоже правда?

– Напомните мне вырвать Ванессе язык, когда вернемся в столицу, – попросил Максимилиан и потер висок. – Ребенок не от меня. Я всегда осторожен, и своего ребенка ни за что бы не бросил. Катерина спуталась с рассыльным, тот сбежал. Сама мне призналась. Я дал ей денег, она уволилась и вышла замуж за богатого лавочника. Возможно, действительно отправила ребенка в воспитательный дом, я не интересовался.

– Катерина? Значит... с ней вы тоже были близки?

– Был. Целых два месяца, уже после развода.

Аннет бросила на собеседника взгляд, в котором было так много льда, что хватило бы заморозить вино в бокале на столе. Откровения Максимилиана удручали. Что делать: сама напросилась. Особого сочувствия к его жене и легкомысленной Катерине она не испытывала, но все же до сего момента втайне надеялась, что Ванесса наврала ей с

три короба. Увы, врак набралось на лишь один короб. Максимилиан невесело усмехнулся и предложил:

– Ну же, давайте. Самое время сказать какую-нибудь банальную фразу из дешевой пьесы. Все вы мужчины одинаковы, например. Или: я всегда знала, что вы такой, и счастлива, что не попала в ваши сети. Мне нечего будет вам возразить. Все это будет правдой.

Максимилиан принялся выбивать трубку и сделался такой мрачный, что у Аннет мурашки побежали по коже.

– Что ж, – сказала она с деланным спокойствием. – По крайней мере, вы вели себя ответственно. Кто я такая, чтобы вас осуждать? Спасибо, что ответили на мои вопросы и были откровенны. Пойду-ка я к себе, уже поздно.

Она поднялась и сделала шаг к выходу.

– Погодите, – остановил ее Максимилиан. Встал, пошарил в кармане и протянул руку. – Вот ваше пенсне.

А затем заметил тихо:

– Вы ужасно близорукая, верно?

Аннет выдернула очки из его пальцев и возразила:

– Я не так уж плохо вижу. Стоит мне прищуриться, и я...

– Я не только о глазах.

Они сердито уставились друг на друга, и Аннет показалось, что гроза просочилась на террасу и сейчас между ними ударит молния. Пока она соображала, что он именно значили его слова и как правильно на них ответить, Максимилиан с досадой напомнил:

– Не забудьте собрать вещи. Завтра мы уезжаем.

Обескураженная Аннет повернулась и поспешила прочь так быстро, что потеряла туфлю. Неловко нашарила и хлопнула дверью.

Утром выяснилось, что возвращение в столицу откладывается на несколько дней. Горничная сообщила, что из-за грозы озеро залило дорогу, а на станции канатной дороги произошел несчастный случай. Трос оборвался, механизм вышел из строя. Механисбург оказался отрезанным от мира, и покинуть его не мог никто.

Глава 15 У медиума

Утром в ресторане при гостинице только и было разговоров о том, что наделала гроза. Туристы обнаружили, что им придется задержаться в гостеприимном Механисбурге дольше, чем предполагалось. Все пути

из города, который теперь казался не таким уж и гостеприимным, были закрыты. Оставалось ждать, кто выпустит узников на волю: природа ли образумится и вернет разлившееся озеро в берега, или же городской механик Ангренаж сумеет починить подвесную дорогу и покажет природе, что ее капризы — не указ хитроумным людям.

Природа уже устыдилась и поспешила загладить свою оплошность. От непогоды не осталось ни следа. Солнце светило очень ярко и очень жарко, небо казалось чисто вымытым. Лужи высыхали на глазах, воздух был тяжелым от испарений.

Туристы быстро завтракали и спешили найти занятие на время заточения. Одни шумно интересовались у управляющего, где можно взять напрокат лодку и покататься по озеру, другие выясняли дорогу к живому лабиринту. Одетые в черное мужчины и женщины под предводительством лысого господина с горящими глазами драматическим шепотом толковали о полнолунии и обещанной экскурсии в логово Железнорукого призрака. Это были члены столичного кружка оккультистов, которые совершали тур по местам, где водились самые известные привидения королевства. Механисбург был важным его пунктом.

За другими столиками болтали о празднике, который городские власти намерены дать вечером для увеселения жителей и туристов — с фейерверками, карнавалом и морем бесплатного местного пива.

Полусонная Аннет лениво прислушивалась к разговорам. Большая часть ночи была потрачена на размышления. Ей казалось, что ночью на террасе она чем-то невольно обидела Максимилиана. Ну, а что он ждал? Что она его пожалеет и посочувствует его несчастной семейной и внесемейной жизни? С другой стороны, глупо негодовать и обижаться. Во-первых, она сразу знала, что он не аскет. Такой видный мужчина просто не может вести жизнь затворника и хранить верность женщине, которая не пожелала принять его таким, как он есть. Да и его намерения по отношению к ней, его бестолковой ассистентке, были ясны с самого начала.

И все же следовало признать: конечно, он ей не безразличен. Хотя это и неправильно. Что в нем такого? Попробовала судить беспристрастно. Максимилиан ее раздражал своим высокомерием, ее злил его сарказм, его прямолинейность. Он не давал ей расслабиться, смешил, а она ловила себя на том, что украдкой наблюдает за ним, даже

когда он был занят не ей. И постоянно думает о нем. Он походил на героев ее подростковых грез, когда она мечтала об отчаянных пиратах и смелых разбойниках; однако теперь, когда она стала взрослой и хлебнула лиха, ее привлекали совсем другие герои – изящные, деликатные, уступчивые. А значит, ничего страшного. Она вернется в город, перестанет его видеть, погрузится в новые хлопоты и быстро забудет.

Когда встретились за столом в ресторане, оба чувствовали себя скованно. Максимилиан радушно поздоровался, осведомился, как прошел остаток ночи и спрятался за газетой, не обращая внимания на остывающий кофе. Аннет наблюдала за ним и переживала. Босс был из тех мужчин, которые мастерски умеют наказывать молчанием, сохраняя при этом любезный вид.

Спустя десять минут Аннет разозлилась. Хочет играть в молчанку – пускай. Она еще не разобралась в том, кто из них поступил вчера хуже по отношению к другому, но долго дуться и разыгрывать оскорбленное достоинство не любила. Задав пару пустых вопросов и получив короткие ответы, она принялась оживленно пересказывать сюжет недавно виденного фильма «Узники поневоле» – про гостей, которых непогода заперла в замке маньяка. Очень похоже на их нынешнюю ситуацию! Рассказывала и представляла себя героиней этого самого фильма — невозмутимой светской львицей, которая умеет разговорить и обаять самого надутого гостя. Как здорово играть чью-то роль! Будь она сама собой, то стушевалась бы и испуганно замолчала, когда Максимилиан раздраженно убрал газету, сложил руки на груди и принялся обреченно слушать ее болтовню. И ей удалось расшевелить его! Мало-помалу он начал улыбаться, а потом и отпускать ехидные комментарии. А дальше завязалась беседа, и скованности как не бывало.

— Что теперь делать? — спросила Аннет. — Вы хотели уехать сегодня.

Максимилиан пожал плечами.

— Будем ждать. Не думаю, что это затянется надолго. День, два — и мы вернемся в столицу.

— Может, продолжим поиски мастерской Жакемара? — с замиранием сердца спросила Аннет.

Максимилиан ответил не сразу: посмотрел на нее пристально, покачал головой, усмехнулся.

— Интересно, вы ни капли не боитесь? После того, что случилось вчера, и позавчера, и два дня назад... Напоминаю: падение с дирижабля. Стрела. Пильщик.

— Пильщик мне померещился, — неуверенно ответила Аннет, посмотрела на его губы и вспыхнула. Этим утром куда чаще кошмара в комнате с автоматами она вспоминала то, что случилось в картонном лесу.

«Долой глупые мысли!» -- строго напомнила себе. Она будет дружелюбна и равнодушна. Искоренит любое влечение, пока не поздно.

Босс вздохнул.

— Хорошо. Давайте сходим в библиотеку. Пороемся в книгах, поговорим с Луизой. Нас звал в гости Ангренаж, но, думаю, сегодня ему не до нас с этой подвесной дорогой. Чудо, что никто не погиб.

Оказалось, что пострадавшие все же были — об этом они узнали ровно через пять минут, когда в ресторан влетела свеженькая и хорошенькая Белинда Гильоше и пулей устремилась к их столу.

Максимилиан расцвел, подскочил и услужливо пододвинул стул.

— Аннет, Максимилиан, ужас! — заговорила она, всплескивая руками. — Вы уже слышали, что сегодня утром папа чуть не погиб во время аварии на канатной дороге?

Аннет и Максимилиан переглянулись и пожали плечами. Белинда выложила подробности:

— Он отправился во Фрибур вместе с Форсом, хотел успеть к открытию биржи. Кабина накренилась, папа не растерялся и уцепился за поручень, и поэтому отделался испугом, а вот Форс умудрился выпасть в дверцу. Он кубарем прокатился по склону, сломал запястье и выбил половину своих золотых зубов. Ангренаж говорит, если бы кабина отъехала чуть дальше, обоим пришел бы конец.

Линда закатила серые глазки, горестно вздохнула, а потом всполошилась:

— Прошу, никому про это не рассказывайте! Папа боится, что это происшествие отпугнет туристов и повредит репутации города. Одно дело, простая поломка, — такое бывает часто, — но совсем другое, когда при этом тебе грозит полететь на дно ущелья. Ну, и еще одно, — Линда

хихикнула, – когда папа повис на поручне, у него лопнули штаны по шву, и он выглядел весьма непрезентабельно... думаю, больше всего он боится, что над ним станут потешаться. Хорошо, что свидетелем был только смотритель дороги! Пришлось ему заплатить, чтобы держал язык за зубами. Впрочем, многие жители уже в курсе. К вечеру весь город будет судачить, что папа носит васильковые подштанники в розовую крапинку. А знаете, – вдруг оживилась она, – откровенно говоря, я рада, что все дороги из города отрезаны. Ведь теперь вы задержитесь подольше! А когда уедете, возьмете меня собой, как договаривались, верно?

Аннет равнодушно пожала плечами, а Максимилиан сердито покачал головой и открыл было рот, но его прервали:

– Нет, нет, я от вас так просто не отстану! Вернемся к этому позже, – Линда шутливо погрозила пальчиком, а затем взяла его за руку и интимно наклонилась. – Максимилиан, вы обещали, что придете посмотреть на картины. Может, прямо сейчас? Все равно делать нечего. Мы угостим вас кексами с ревенем. Я сама их испекла! Аннет рассказывала, вы тоже умеете готовить?

Аннет закашлялась – уж очень горячее какао им подали. Линда бросила на нее быстрый взгляд и виновато улыбнулась.

– Дорогая, прости, я не справилась о твоём здоровье! Как ты себя чувствуешь? После медовухи бывает жуткое похмелье! Лучше всего оставаться весь день в постели и пить зеленый чай.

– Думаю, госпожа Вик тоже не откажется попробовать кексов, – ответил за нее Максимилиан, посмеиваясь.

– Ну разумеется! – с притворным радушием воскликнула Линда. – Идем?

– Увы, у нас дела. Нам нужно в библиотеку. Заглянем к вам позже.

– А давайте сначала картины, а потом в библиотеку? Я бы сходила с вами, – предложила Линда. – Ведьма говорила, вчера пришли свежие номера «Звезды синематографа».

– Ведьма? – удивилась Аннет.

– Ну да, Луиза Соннери. Это у нее прозвище такое. Знаете, говорят, что ее предок Жакемар заключил договор с дьяволом и поэтому умел делать всякие колдовские штуки? Проникал сквозь стены в дома, превращал людей в монстров... Еще говорят, что с его смертью договор не был расторгнут, а из поколение в поколение переходит одному из

потомков Жакемара. Болтают, Луиза как раз якшается с чертом.

– Как-то не похоже, чтобы черт благоволил ей, – пробормотала Аннет. – Что ж она не потребует для себя дьявольской красоты и богатства?

– А Ангренажа в качестве преемника договора молва не рассматривает? – с любопытством поинтересовался Максимилиан.

– Ну что вы! – махнула рукой Линда и бесхитростно пояснила. – Ангренаж просто-напросто малахольный зануда. Ну так что, можно мне с вами в библиотеку?

Максимилиан ответил утвердительно, и Аннет ничего не оставалось, как согласиться. Они приготовились покинуть ресторан, когда их планы были нарушены появлением красного от жары рассыльного.

– Госпожа Вик? – обратился он к Аннет. – В десять часов вас ждут у господина Прюка, местного медиума. Пришел вызов от вашей матери. Телеграф вышел из строя во время грозы, поэтому у Прюка много работы. Вы придете, или отменить?

– От матери? – всполошилась Аннет. Неужели что-то случилось дома? – Разумеется, я приду на вызов. Скажите... тема разговора была названа?

– Да, – коротко ответил посыльный. – Семейные дела. Вызов не срочный; думаю, ничего серьезного, – успокоил он, заметив ее волнение. – Вот адрес господина Прюка.

У Аннет отлегло от сердца, но вместе с тем появилось неприятное чувство. Кажется, матери опять взбрело в голову поучить ее уму-разуму. Когда на нее находил воспитательный дух, она писала длинные письма, посылала одну за другой телеграммы с нравоучениями или вела бесконечные разговоры по телефонному аппарату. Вот и услугами медиума решила воспользоваться.

– Я пойду с вами, – сказал Максимилиан.

– Я вас провожу, – быстро отозвалась Линда. – Здесь недалеко.

Прода от 27.05

Господин Прюк жил в двухэтажном доме в переулке недалеко от «Мимезиса».

– В конце улицы наш дом, – пояснила Линда. – А вон там – коттедж Ангренажа. А вот и он сам идет! Добрый день, господин Ангренаж!

Действительно: навстречу им шел городской механик, усталый и

пыльный. Вместо плаща на нем была длинная рабочая куртка и брюки, на руках – перчатки с обрезанными пальцами. В одной руке он нес чемодан с инструментами, другой тяжело опирался на палку. Заметив путников, он оживился.

– Доброе утро, Аннет! Господин Молинаро, Линда!

Подойдя ближе, он долго расспрашивал Аннет о ее самочувствии так, что ей в конце концов стало неловко. Он это заметил и извинился.

– Простите мою назойливость, Аннет. Я очень беспокоился о вас, – он помолчал и мрачно добавил:

– Я много думал, над тем, что произошло. Не хочу вас пугать, но вся эта история и верно странная. Вы приняли правильное решение уехать. Жаль, теперь его никак не осуществить. Я не могу починить эту дорогу, Аннет. Нужны некоторые детали, а их можно достать только во Фрибуре.

Он покосился на Линду, которая отошла поболтать со знакомой, и мстительно произнес:

– Так и надо бургомистру. Сколько раз я просил у него выделить деньги на ремонт и запчасти! Хорошо, что в тот момент в кабине был он и Форс, а не кто-то из туристов; жаль, лишь один из них сломал себе руку. И жаль, что не шею. Аннет! Господин Молинаро! – он быстро сменил тему, потому что к ним вернулась Линда. – Придете ко мне в гости? Я теперь буду вместе со всеми ждать, когда озеро войдет в берега и освободит дорогу. Вы хотели посмотреть книги о Жакемаре...

– Нет, сейчас они идут к медиуму, потом они идут к нам, а потом в библиотеку – капризно заявила Линда. – Но ты, Аннет, если хочешь, иди к Ангренажу. Видишь, как он расстроился! Да и Жакемар тебя интересуется больше картин.

Неожиданно эта идея понравилась Аннет. Вот еще удовольствие: сидеть в доме бургомистра, жевать сухие кексы и смотреть, как Линда заигрывает с Максимилианом! Да еще вдруг ее папаша дома! А если не дома, так Линда начнет опять вести беседы о побеге. Пусть Максимилиан сам с ней разбирается. Он очень любит учить девушек уму-разуму. Особенно блондинок. Ну и пусть его!

– Давайте так и сделаем, – сказала она.

– Нет, – отрезал Максимилиан, – одну вас я никуда не отпущу.

– Вы мне не доверяете? – удивился Ангренаж. – Боитесь, у меня в

доме спрятан злобный автоматон, готовый ее прикончить? Право дело, это так нелепо, я даже не знаю, что сказать.

– Действительно, это лишнее, Максимилиан, – поддержала Ангренжа Линда. – В конце концов, окна нашего дома выходят на его двор. Вы можете даже подсматривать, чем занимаются Аннет и Карл.

Казалось, механика сейчас разорвет от возмущения. Он побледнел, потом порозовел, метнул на безмятежную Линду испепеляющий взгляд и преувеличенно спокойно произнес:

– Чтобы вы не решили, буду вас ждать. Приходите. Если я не услышу стук в дверь, просто зайдите и поднимитесь вверх. Не через главный вход: он фальшивый. Идите через яму.

Аннет вытаращила глаза. Ангренж довольно усмехнулся.

– Вы не ослышались. Именно через яму. Поймете, когда попадете во двор. У меня всегда открыто и часто бывают гости. Ребятишки забегают посмотреть на мои механические игрушки, полюбоваться аэростатом... Да-да, во дворе у меня есть настоящий летательный аппарат! Его начал строить мой отец по чертежам Жакемара, я продолжаю. Кстати, это тот самый коттедж, где когда-то жил наш знаменитый предок. Он так и называется: «Логово Мастера». Вы обязательно должны его осмотреть! Не считите меня хвастуном, но это самый чудесный дом во всем Механисбурге.

С этим словами механик откланялся и ушел, а Линда, Аннет и Максимилиан поднялись на крыльцо дома, где обитал медиум Механисбурга.

Вошли в парадное. На лестнице было полно народу: многие туристы хотели предупредить своих близких о вынужденной задержке. Медиум остался единственным средством связи с внешним миром.

В толпу желающих воспользоваться услугами господина Прюка вышел секретарь – молодой измученный парнишка, – справился по списку и провел Аннет без очереди.

– Подождите здесь, – велел он Максимилиану и Линде.

Господин Прюк оказался полным улыбчивым мужчиной средних лет в белоснежном костюме. Он сидел за столом и неторопливо попивал чай.

– Добрый день, госпожа Вик! – приветствовал он ее густым басом. – Прошу, присаживайтесь. Скоро начнем сеанс.

Аннет устроилась в кресле, и некоторое время наблюдала, как

господин Прюк подливает чай в объемистую чашку, берет серебряными щипчиками сахар и с удовольствием пьет вприкуску, фыркая и отдуваясь.

В желудке барахталось неприятное чувство. Разговаривать с матерью не хотелось. Ничего хорошего она услышать не ожидала. Наконец, часы на стене щелкнули, отворилась дверца, выскочила кукушка и гулко прокуковала десять. С улицы наплыл перезвон: кукушке вторили все часы Механисбурга.

– Пора начинать! – возвестил Прюк. С сожалением отставил чашку, стянул платок с хрустального шара, положил руки на стол и воззрился в сверкающие внутренности. Затем часто задышал, закрыл глаза и откинулся в кресле.

– Аннет! – произнес он так громко, что девушка подпрыгнула. Вместо густого баса из его рта раздался ноющий, тонкий голос, ужасно похожий на голос ее матери. Аннет еще никогда не общалась с родственниками при помощи медиума, и в первый миг оторопела.

– Милочка, куда ты пропала? Я заглянула к тебе, пообщалась с хозяйкой, и что я узнаю?! Ты собралась уволиться из конторы! Подумать только, после всех хлопот, на которые пришлось пойти твоему отцу, чтобы тебя туда устроить! Ужасное легкомыслие! Более того, я узнаю... нет, я решительно отказываюсь этому верить... ты собралась пойти в актрисы! Немедленно возвращайся. Нам надо поговорить лично!

Медиум скорчил плаксивую гримасу, которую Аннет так часто видела на лице матери. Она вздохнула и произнесла:

– Мама, я сейчас далеко, в деловой поездке с шефом, и не знаю, когда вернусь. Кстати, хочу забрать у тебя свои сбережения. Они мне понадобятся. И да, я действительно увольняюсь из фирмы Молинаро.

Она замолчала, в горле у медиума забулькало. Аннет терпеливо ждала. В эту самую минуту, за тысячу миль отсюда, второй медиум передавал ее слова матери.

Наконец, господин Прюк открыл рот и прокашлялся. Когда он заговорил, в искаженном голосе ее матери звучало непривычное смущение, старательно скрываемое резкими словами:

– Уехала, не предупредив! Как это низко! Твоя сестра Мария никогда бы так не поступила. Кстати, о твоих деньгах...

Слова полились потоком, а Аннет сидела, и хлопала глазами,

отказываясь поверить в то, что торопливо произносили полные губы господина Прюка.

Десять минут спустя она сошла по лестнице, осторожно обходя посетителей, которые терпеливо дожидались своей очереди. Аннет была раздавлена полученной новостью, на ее лице застыла бессмысленная улыбка.

Не паниковать. Ничего страшного не произошло. Пустяк на фоне случившегося за последние дни. Но пустяк весьма неприятный. Он разрушил все ее прошлые планы. Теперь придется их перекраивать. Заново писать сценарий к своему фильму, как выразился Молинаро. Вот только сценарий рисовался весьма неутешительный. Как ни крутила, как ни вертела, выходила драма о разбитых надеждах и бессмысленной борьбе с обстоятельствами.

Стоило ей появиться на улице, как проницательный Молинаро сразу понял, что дело неладно. Он весьма невежливо отвернулся от Линды, которая болтала без умолку, и спросил:

– Что случилось? Плохие вести из дома?

– Да нет, новости отличные, – с фальшивым благодушием ответила Аннет. – Сестра выходит замуж. Свадьба через месяц.

– О, свадьба! – оживилась Линда. – Обожаю свадьбы. Как повезло твоей сестре! Нашла мужчину своей мечты и скоро с ним соединится. А вы любите свадьбы, Максимилиан?

– Не очень.

– Вы не собираетесь жениться снова?

Простодушие Линды не знало границ.

– Нет, – ответил он холодно. – Хватит с меня семейной жизни. Предпочитаю свободные отношения. Меньше шансов совершить ошибку, которую сложно исправить.

Линда, как ни странно, обрадовалась.

– Знаете, я тоже пришла к этому выводу! Свободные отношения – это современно. Вызов традициям! Пусть другие выходят замуж, я буду радоваться за них, но для себя выбираю свободу, приключения и отсутствие обязательств!

– Любые отношения накладывают определенные обязательства, – прервал ее Максимилиан. – Аннет, вы что-то недоговариваете. Я же

вижу, как вы кусаете губы и притопываете ногой. Выкладывайте, что случилось.

– Пустяки, – отмахнулась она и неохотно призналась:

– Мать отдала все мои сбережения сестре на приданое. Теперь у меня ни гроша. Даже за квартиру заплатить нечем. Только и остается, что вернуться в родительский дом.

Максимилиан изумленно покачал головой.

– Как понимаю, сделано это было без вашего разрешения. Вас просто поставили перед фактом. У вас в семье прав не больше чем у канарейки?

Аннет ошетичилась.

– Так сложились обстоятельства. Жениху срочно потребовались средства, чтобы вложить в новое дело. Он коммерсант. А у матери свободных денег не было. Она держит швейную лавку, и недавно арендовала новое помещение. Если бы не мои сбережения, свадьбу бы пришлось отложить еще на год. Мария бы ныла с утра до ночи. Конечно, меня это все не радует. Теперь придется поломать голову, что делать дальше...

– Ага, плакали ваши актерские курсы, – мгновенно сообразил Максимилиан. – Они ведь недешево стоят. Не переживайте. Я же обещал вам двойной оклад и процент от сделки. На первое время хватит. А там найдете работу. Слушайте, – оживился он, – может, передумаете увольняться из фирмы? Постараюсь не заваливать вас работой. Будете сидеть в конторе до обеда, а вечером заниматься тем, чем душа пожелает. И жалованье вам повышу.

Его предложение решало все ее проблемы, но соглашаться было нельзя. Во-первых, оно смахивало на помощь из жалости и ставило ее в зависимое положение. Во-вторых, если она его примет, это будет означать, что сама она не способна найти выход и вообще ни на что не годится. В-третьих, останься она в конторе, придется видаться с ним каждый день, близко общаться, и она привяжется к нему так, что потом не будет сил расстаться.

– Благодарю, не стоит, – чопорно отказалась она. Максимилиан мигом понял ее сомнения.

– Не думайте, что я делаю вам одолжение, – строго сказал он. – Это вы сделаете фирме Молинаро одолжение, если останетесь. Помните, у нас теперь нет хронолога. Не бросайте нас.

Аннет упрямо помотала головой.

– Так не получится, – коротко ответила она. – Занятия идут с утра до вечера. Вы легко найдете хронолога куда талантливей меня. Вон, Ванесса предлагала своего кузена. Ну а я лучше устроюсь капельдинершей в ночном электрическом театре. Буду зато бесплатно смотреть все новинки, – закончила она жизнерадостно. Хватит грузить Максимилиана своими проблемами! Она и сама справится. Вот бы найти клад Жакемара! Теперь бы она не отказалась от причитающейся ей доли.

– Мы пришли, – нетерпеливо прервала их диалог Линда. – Вот наш дом, а вот там, в переулке, дом Ангренажа. Он и правда красивый, зато наш побольше и побогаче.

Дом бургомистра был, несомненно, самым роскошным в Механисбурге. Трехэтажный особняк с архитектурой помпезного замка и ажурной оградой, заканчивающейся острыми копьями. Лет пятьсот назад на таких хорошо смотрелись бы головы преступников.

– Аннет, ты с нами или в гости к механику?

– Она с нами, – сказал Максимилиан.

– Я пойду к Карлу, – быстро ответила Аннет. – Ничего со мной не случится. Через час встретимся в библиотеке.

– Пусть идет, – поддержала ее Линда. – Карл безвредный, как муха, и в его доме всегда кто-то толчется.

Максимилиан, не слушая, пошел дальше по переулку, Аннет и Линда бросились догонять.

Глава 16 Логово мастера

За последние дни Аннет повидала в Механисбурге немало диковин, и не удивилась бы, окажись обитель Жакемара спроектирована в виде гигантских часов, или заводной табакерки, или катафалка.

Однако в глубине небольшого сада прятался двухэтажный коттедж из красного кирпича. Самый обыкновенный, за исключением одной детали: он сверкал.

Когда подошли ближе, Аннет надела пенсне и всмотрелась. В цемент, скрепляющий камни стены, были вмазаны тысячи начищенных шестеренок. Солнце разбивалось на их поверхности яркими бликами.

Дом окружали разросшиеся кусты рододендронов, изрядно

побитые вчерашней грозой. Сиреневые и белые лепестки усыпали аккуратные дорожки и лужайки. За кустами виднелись ряды желтых ульев, над ними неспешно кружили пчелы.

На лужайке слева стояла деревянная платформа, над ней на четырех столбах натянут тент. Вокруг носились дети, неподалеку на скамейке сидели их матери. Казалось, жители Механисбурга выбрали двор Ангренажа местом для прогулок. Неудивительно: здесь было очень уютно.

На приподнятой платформе лежало растянутое яркое полотнище и стоял плетеный короб, такой большой, что свободно вместил бы полдюжины человек. Аэростат и гондола, догадалась Аннет. Старый проект Жакемара, который Карл воплощал в жизнь.

Максимилиан окинул двор цепким взглядом разведчика, производящего рекогносцировку, потер подбородок и вынес вердикт:

— Мило. Но вашему душе Ангренажу я не доверяю ни на грош. Нет, нет и нет. Пойдете с нами кушать кексы у бургомистра, а завтра, так и быть, наведаемся в этот сверкающий домик.

Сказано это было невыносимо снисходительным тоном, и в Аннет моментально разыграл дух противоречия. Босс еще и добавил насмешливо:

— Стоит вас предоставить самой себе, вы обязательно учините какую-нибудь глупость. За вами постоянно нужно присматривать.

— Слушайте, господин Молино, — сердито ответила Аннет, — я, конечно, очень вам благодарна за то, что вы так обо мне печетесь. Но право слово, это уже слишком. Подумайте, — продолжала она вразумлять упрямого босса, — Карлу я нравлюсь, со мной он будет откровенен и расскажет мне то, что утаит от вас. Дайте мне проявить себя в нашем расследовании.

Линда наострила уши.

— О чем вы собирались спрашивать Ангренажа? Что за расследование? — поинтересовалась она, но ответа не получила. Максимилиан сардонически поднял брови.

— Вот как? Вы, значит, собрались очаровывать Карла, чтобы разговорить его и вытянуть все секреты? Как в синемаатографическом романе? Ну-ну.

Он был полон яда, и Аннет сменила тактику.

— Обещаю, я буду вести себя осторожно, — мягко, но твердо

сказала она. — Я очень ценю вашу заботу, но прошу, дайте мне немного побыть самостоятельной. Опасности нет. Посмотрите, во дворе много людей, а Карл — уважаемый городской механик. Не думаю, что он заманивает к себе девушек и распиливает их в подвале лобзиком.

— У него и подвала-то настоящего нет, — поддержала ее Линда, -- если не считать подземного входа.

Максимилиан посверлил Аннет глазами, затем еще раз внимательно окинул взглядом двор, коттедж и резвящихся детей. Вздыхнул, поиграл желваками и сухо произнес:

— Ладно, поступайте как знаете, самостоятельная девушка. Идите, чтоб вас. Играйте в шпионку. Очаровывайте, обольщайте, крутите хвостом, ищите неприятностей на свою голову.

Спохватился и добавил сварливо:

— Встретимся в библиотеке в полдень. Не задерживайтесь дольше необходимого и по городу зря не бродите. Если что, кричите во все горло. Я буду поглядывать за домом в окно.

На этом и порешили. Линда подхватила недовольного Максимилиана под руку и повела к воротам бургомистерского особняка. При этом она весьма ловко прижалась к его локтю грудью, что не осталось незамеченным: Максимилиан повернул голову и весьма заинтересовано глянул на свою спутницу. Аннет тут же пожалела о том, что отправила босса развлекаться в компании начинающей художницы. Однако тут же одернула себя: что еще за ревность? Какое ей дело, в конце концов? Он же не ее парень. Пускай его.

Пожала плечами и отправилась искать вход в «Логово Мастера».

Вот и красная дверь под навесом. Аннет протянула руку и тут же отдернула. Дверь оказалась нарисованной на стене. Кажется, Ангренаж говорил, что попасть в коттедж можно через яму. Ну и причуды!

Яма нашлась быстро. Собственно, это и не яма была, а вымощенный кирпичом вход в полуподвал. Спустилась по узкой лестнице, чинно постучала молотком в форме дракона, напоминающего того, что украшал вход в «Мимезис». Ответа не получила. Вспомнила второе наставление хозяина дома и толкнула дверь. Та легко поддалась, над головой залихватски прозвенели колокольчики.

Аннет очутилась в коридорчике, освещенном тусклой лампочкой. Сделала пару шагов и споткнулась: на полу громоздилась куча нужных хозяину предметов, которые тот беспечно свалил у порога. Связка

тонких труб, моток стального троса, деревянные колодки, ремни, доски, ящик с инструментами... Ни дверей, ни люков, лишь узкая лестница наверх.

– Карл! Вы дома? – громко поинтересовалась Аннет в темный проем.

Ответа не последовало. Ах да, он велел ей идти на второй этаж.

Поднялась на один пролет и вздрогнула. На нее пристально уставились глаза на горбоносом, белом как мрамор лице. Аннет рассмеялась: ну конечно, лицо и вправду мраморное. Это же бюст Жакемара! Луиза утверждала, что их в доме видимо-невидимо.

Лестница вывела в просторный вестибюль с огромным камином. На стене напротив висел портрет, на котором отец города был изображен сидящим за водяным органом, в точности, как статуя в живом лабиринте. Окна закрывали плотные ставни. Несмотря на теплый день, в камине буйно пылал огонь.

Подивившись этому обстоятельству, она пошла дальше по коридору, с любопытством заглядывая в комнаты без дверей. Коттедж оказался и вправду занимательным местом и совершенно не соответствовал ее ожиданиям.

Можно было предположить, что человек с внешностью вампира, да еще потомок чокнутого мастера, будет жить в мрачном логове с затянутым паутиной потолком, потемневшими стенами и парочкой рыцарских доспехов в углах. Ничего подобного она не обнаружила. Из увиденного следовало, что в доме обитает весельчак с необычными увлечениями и большой затейник.

В дверных проемах висели занавеси из шнуров, на которых были нанизаны мелкие шестеренки, гайки и колокольчики. Когда Аннет отводила их рукой, занавеси тяжело колыхались и тоненько звенели.

Портьеры были светлые, в цветочек, раздвинутые так, чтобы в высокие окна беспрепятственно лилось солнце. Мебель была недорогой, но изящной. Приятно пахло воском и немного миндальным маслом. Бюстов Жакемара и вправду было в избытке, так же много, как и часов, а часы поражали разнообразием форм. Тиканье наполняло комнаты, и казалось, что каждый столик, каждое кресло и каждый шкаф стрекочет и мерно постукивает.

На стенах висели картины с видами Механисбурга. А еще портреты предков Ангренажа – их она признала по характерным фамильным

чертам. Лица на портретах были зловещими, словно при жизни предки только и занимались тем, что промышляли вампиризмом, некромантией или, на худой конец, подделкой векселей.

Забавным выглядел лишь усатый господин в сюртуке. Левый черный ус был залихватски приподнят, а правый печально опущен. Выяснилось, что круглощекое лицо господина служило циферблатом. За полотном прятался часовой механизм, цифры были приклеены к рамке, а подвижно закрепленные усы показывали время: десять часов двадцать минут. Из-за какого-то сбоя длинный ус нервно подрагивал, словно господин из последних сил сдерживался, чтобы не разразиться сардоническим хохотом. Любопытно было бы глянуть на портрет, например, ровно в шесть вечера.

Однако больше всего Аннет понравились высокие комнатные часы со стеклянными стенками. Внутри крутилась крохотная карусель с яркими осликами, слониками и дракончиками. Ослики прядали ушами, слоники качали хоботами, драконы поднимали и опускали крылья в такт движению маятника.

По полу коридора тянулись миниатюрные рельсы, у стены приткнулся красный паровой локомотив с двумя вагончиками, совсем как настоящий. Аннет ухмыльнулась, представив, как Карл ползает на коленях и играет в паровозики, но тут же одернула себя: вряд ли это просто игрушка. Наверняка механик соорудил домашнюю железную дорогу для каких-то инженерных целей.

Аннет прислушалась: тихо. Тогда решила украдкой осмотреть весь коттедж, пока ее не застукали. Вдруг она увидит что-то, что наведет ее на след преступника или мастерской Жакемара? Вдруг хозяин дома не только возится с аэростатами и паровозиками, но и на досуге строит кукол-убийц?

И опять ее ожидания не оправдались. Кроме вестибюля на первом этаже располагались две скудно обставленные спальни, кухня, библиотека, гостиная и курительная. Она побывала в каждой комнате – даже в ванную заглянула. Здесь, напротив унитаза, стоял еще один бюст Жакемара, повернутый лицом к стене.

Нашлись в коттедже и автоматы, но в них не было ни капли жуткого. На кухне с яркими фарфоровыми тарелками на стенах она обнаружила веселого гнома в красном колпаке. Гном сидел на

деревянном столе и держал в руках медный чайник. Видимо, когда его включали, он разливал чай. Девочкой она бы не отказалась поиграть с таким! В библиотеке она видела похожее на богомола механическое существо, чьей задачей было снимать с высоких полок книги. Этот выглядел пострашнее, но вполне безобидно.

Сверху раздался шум и послышался голос хозяина дома:

– Аннет! Это вы? Ступайте наверх, я в кабинете!

Аннет повиновалась и бегом поднялась по лестнице, чуть не сшибив очередной бюст Жакемара. От столкновения бюст угрожающе закачался.

– Я надеялся, что вы его опрокинете, и он разлетится на куски, – с сожалением сказал встретивший ее наверху лестницы Карл. – Сил моих больше нет лицезреть предка в каждой комнате.

– Зачем же вы их держите? – удивилась Аннет, приводя дыхание в порядок.

– Традиция, – пожал плечами Карл. – Это коттедж – неофициальный музей Жакемара. Приходится оставить некоторые вещи, как есть, хотя они мне и не по вкусу.

– Я думала, вы восхищаетесь вашим предком. Луиза говорила...

Карл поморщился.

– Ах, Луиза... Понятно. Конечно, я восхищаюсь Жакемаром. Но это не означает, что мне нравится любоваться его физиономией с утра до ночи. К тому же лицо на всех этих портретах и бюстах ужасно похоже на мое собственное. Как будто я уже умер и разгуливаю привидением в доме, где чтят мою память. Простите, что не встретил вас внизу. Нога разболелась, я бы спускался по лестнице целую вечность. Идем в мой кабинет, там для вас приготовлен чай. Господин Молинаро не смог прийти? Вот и славно. Не буду скрывать, что я рад. Кажется, он меня недолюбливает. Догадываюсь почему.

– У него просто манера разговаривать такая. Он прекрасно к вам относится, – уверила его Аннет, озираясь.

Кабинет был просторный – да чего там, огромный! – с высоким, сходящимся пирамидой потолком. Прикинула: помещение должно занимать весь второй этаж.

Значит, потайных комнат здесь нет? Чердака, кажется, тоже.

Карл словно прочел ее мысли, потому что сказал:

– Это мой кабинет и мастерская. Здесь я провожу большую часть времени.

Он сделал приглашающий жест рукой: смотрите на здоровье. Аннет медленно пошла вперед. Чего тут только не было!

Огромные окна тянулись вдоль стены, выходящей на бургомистерский особняк. У остальных стен стояли стеллажи, полные всяких любопытных вещей. Инструменты всевозможных размеров и предназначений. Бутылки, склянки, реторты, в которых ползало что-то живое. Лупы в медных оправках, ключи, от крошечных до огромных. На рабочем столе возле окна аккуратно разложены часовые инструменты и длинные пинцеты, а рядом россыпь мелких темно-красных камней, на вид драгоценных, потому что они ярко искрились в лучах солнца. Его в кабинете было в избытке: теплые лучи заливали пол, стены и нагромождение необычных предметов.

Книг было немного: всего-то один узкий стеллаж. Аннет украдкой пробежала взглядом по корешкам и удивилась. Тесно стояли бульварные детективные романы в потрепанных обложках вперемешку с буклетами агентства путешествий «Джонас Кукс и сыновья». На столике рядом лежали открытые справочники недвижимости, которые предлагали в аренду роскошные виллы на независимых островах Фаракии – рая обедневших аристократов и отставных нечистоплотных банкиров.

– Если вы ищете книги о Жакемаре, то их здесь нет, – предупредил Карл. – Они хранятся в библиотеке, внизу.

Он подошел, захлопнул справочники, убрал их на полку, а затем стыдливо пояснил:

– Всю жизнь мечтал путешествовать. В молодости, когда учился в столице, думал: вот закончу обучение, устроюсь на судно механиком и объеду весь свет. Но испугался трудностей, решил, что моя немощь станет серьезным препятствием. Так ничего и не предпринял, вернулся в Механисбург и влачу здесь свои дни в одиночестве. Только и остается, что брать в библиотеке эти каталоги и продолжать мечтать о том, что уже вряд ли осуществится. Знаете Аннет, – он глянул на нее с грустью, – если у вас есть мечта, не думайте о препятствиях. Думайте о цели и идите к ней, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Аннет вспыхнула и кивнула. Удивительно: вот уже второй человек за эти несколько дней говорит ей о мечтах и о том, как не трусить, когда

идешь вперед. Поневоле задумаешься.

Она отошла от стеллажа и продолжила экскурсию по мастерской. Обнаружились и автоматы разной степени собранности. Печально сгорбился монах; рукава рясы сиротливо свисали, а конечности лежали тут же на верстаке рядом с коробкой винтов. Напротив в изящном полуприседе застыла дивной красоты балерина с бесстыдно обнаженной грудью. В груди была открыта дверца, в которой виднелись валики и приводы.

– Вы сделали их сами? – поинтересовалась Аннет. Ангренаж кивнул.

– И того гнома на кухне? Простите, я заглянула, когда искала лестницу наверх...

Ангренаж вновь кивнул, мимолетно улыбнувшись.

– Они великолепны! Ваши куклы не хуже, чем у Жакемара.

– Благодарю, но высот его мастерства мне никогда не достичь, – ответил Карл, небрежно опершись о край стола. – Его автоматы особенные, разве вы не заметили?

– Заметила, – призналась Аннет. – Однако с вашими куклами хочется поиграть, а от его – бежать подальше. Они кажутся живыми. Не уверена, что это мне нравится.

– Вот именно, они как живые, – медленно сказал Ангренаж, криво усмехнулся и продолжил, зловеще понизив голос:

– Говорят, что Жакемар продал душу дьяволу, и когда он создавал новый автомат, окроплял его кровью. Обычно юной девушки. Именно поэтому его творения такие совершенные. словно наделенные собственной душой.

Аннет вздрогнула. Карл заложил большие пальцы в карманы жилета и немного покачался на каблуках с видом человека, принимающего сложное решение.

– Иногда я думаю, – зловещий накал в его голосе усилился, – не попробовать ли мне его рецепт? Капля-другая девичьей крови... и мои творения обретут душу...

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Карл приподнял одну бровь и растянул губы в ухмылке, сверкнув тесно посаженными белоснежными зубами. Аннет оцепенела от ужаса и не могла пошевелиться. Сердце нырнуло куда-то в живот, затем подпрыгнуло и забарабанило в висках.

Что он такое болтает? Он это серьезно?! Да он безумец, как и его предок! Может, заверещать и кинуться наутек? Вот вляпалась! Говорил ей Максимилиан...

Пауза тянулась, обретая невыносимую остроту. Карл не выдержал первым. Он хлопнул в ладоши и задорно расхохотался.

– Простите, простите меня Аннет, – смеялся он, утирая слезы. – Это шутка. Не смог удержаться. А вы ведь поверили, что я готов принести вас в жертву, не отпирайтесь!

Аннет выдохнула и натянуто улыбнулась. И этот туда же, шутник несчастный! Мало ей Максимилиана. Наверное, она кажется мужчинам совсем недалекой дурочкой, которую так приятно разыграть.

– Ну конечно, сию минуту я не собирался делать ничего подобного, – Карл помолчал, провел рукой по прилизанным волосам, прищурился и задумчиво разъяснил:

– Всем известно, что ритуал следует проводить в полнолуние, а до него еще сутки. Придется запереть вас в подвале, пока не пробьет нужный час.

Аннет отскочила и вцепилась в спинку стула. Пусть только попробует приблизиться – она хорошенько огреет его по напмаженной голове, а там будь что будет!

Карл изумленно поднял брови, затем посерьезнел и умоляюще сложил руки.

– Аннет, тихо, тихо! Поставьте стул. Это тоже была шутка. Кажется, я и правда напугал вас, – обеспокоенно сказал он. – Простите, покорнейше прошу. Я знаю, что природа наделила меня внешностью злодея, и у людей обычно складывается неблагоприятное впечатление при встрече со мной. Иногда хочется подыграть. Знаете, меня в детстве часто дразнили из-за моей хромоты и даже прозвали упырем. Из духа противоречия я стал подчеркивать в своей внешности все зловещие черты. Я словно насмеялся над моими обидчиками. Этот образ как защитный панцирь, понимаете?

О, Аннет прекрасно его понимала, однако продолжала крепко держаться за свое оружие.

– Так и повелось, теперь уже поздно менять свои привычки. Да, люди, бывает, относятся ко мне с опаской. И вы поглядывали на меня настороженно... не описать, как это расстраивает. Впрочем, уж кто-кто, а вы всегда относились ко мне дружелюбно. Тем непростительнее мое

поведение. И что мне взбрело устраивать этот дурацкий розыгрыш!

На его щеках выступили розовые пятна, черные глаза смотрели с испугом и беспокойством. Карл выглядел таким несчастным, что Аннет, наконец, расслабилась. Он продолжал рассыпаться в извинениях, и теперь ей пришлось его успокаивать. Она горячо уверила его, что он великолепный актер, шутку она оценила и никакой настороженности не испытывает.

– А это что такое? – спросила она, пытаясь разрядить неловкую ситуацию.

Она указала на россыпь крошечных камешков на столике с часовыми инструментами и пинцетами. Камешки были крошечные, округлые, как драже. Так и хотелось набрать полную горсть и пропустить сквозь пальцы.

– Те самые часовые камни, о которых я вам рассказывал в театре, – пояснил все еще смущенный Карл.

– Они, должно быть, дорого стоят?

– Эти камни синтетические и стоят гроши. Конечно, Жакемар использовал натуральные, однако извлечь их из механизма практически невозможно. Я собираю свои часы на продажу, но не для богатеев. Наш бургомистр их бы нипочем не купил. Он предпочитает роскошь функциональности.

– А там? Это... это же пчелы! Живые!

На соседнем столике лежали лупы, стояли склянки с жидкостями, а на стопке книг была небрежно брошена шляпа пасечника. В пузатой колбе зеленоватого стекла ползали полосатые насекомые.

– Это обитатели ульев, что вы видели внизу. Последние дни мои подопечные вяловаты. Отловил несколько, чтобы исследовать и подлечить, если нужно. Я очень люблю пчел, и не только потому, что они дают мед. О, они могут принести много пользы! В медицине и даже в горнорудном деле. Например, есть предположение, что пчел можно использовать, чтобы определить наличие в воздухе опасных газов.

Аннет посмотрела на колбу с опаской. Мед Механисбурга ей совершенно не понравился, да и местные пчелы тоже доверия не вызывали. Карл тем временем взял колбу, поднес к глазам, встряхнул и принялся разглагольствовать:

– Это удивительные создания. Очень похожи на людей. Они умеют

дружить и умеют убивать. Им не чужд исследовательский дух, они любопытны, но в то же время расчетливы. Вы знаете, что пчелы общаются друг с другом посредством танца? Разве это не поэтично? Их мир подчиняется строгим правилам. У каждого члена пчелиной семьи есть свои функции и роли. Пчелиное общество развивается и меняется. Быть может, однажды они станут умнее людей, создадут свою цивилизацию... быть может, более счастливую, чем наша. Впрочем, – Карл резко отставил колбу и отвернулся, – вряд ли мне нашлось бы место в таком обществе. О слабых и увечных пчелы не заботятся. Выбрасывают их из улья и оставляют умирать. Жестокий закон природы. Среди людей, по крайней мере, я нашел свое место и свое призвание.

Сказано это было с глубокой горечью, и Аннет невольно вздохнула.

Карл покосился на оторопевшую гостью, улыбнулся и замахал руками:

– Кажется, я вас расстроил своими откровениями! Еще раз простите. Плохой я хозяин! Давайте лучше пить чай.

Посреди помещения стоял круглый столик, покрытый зеленой скатеркой с ромашками, на которой исходил паром чайник, белели аккуратные чашечки и тарелочки с печеньем.

К этому столику и повел ее Карл. Аннет все еще поглядывала на него с опаской. Станный он все-таки человек. И, кажется, очень несчастный.

– Вы живете здесь один? – участливо спросила она, пока хозяин разливал чай.

– Да, иногда мне компанию составляет Петр. Ночует в гостевой, помогает в работе, следит за порядком в коттедже. У него золотые руки. Но я обхожусь без экономки. Во-первых, она обязательно что-нибудь переложит или испортит, когда будет прибираться в мастерской, а во-вторых, я не очень богат. Я получаю жалованье как городской механик, еще ремонтирую часы горожан. Однако в Механисбурге каждый житель сам себе механик, поэтому мои услуги требуются нечасто. Все мы, наследники мастера, бедны и ищем способы подзаработать. Луиза водит экскурсии, Петр крутит шарманку, Пендельфедер выращивает овощи на продажу. Впрочем, энтузиазм, с которым он копается в своем огороде, имеет еще одну причину. Наш доблестный полицейский втайне мечтает

отыскать вход в мастерскую Жакемара. Ну а кто не мечтает? Мы все мечтаем. Если кто и найдет эту мастерскую, так это господин-золотые-кльки, то бишь Форс. Вот начнет рыть вдоль и поперек и наткнется на что-нибудь эдакое...

– Тайного хода точно нет в этом доме? – осторожно спросила Аннет, помешивая чай ложечкой. Ангренаж придвинул ей вазочку с медом, но она сделала вид, что не заметила. Хватит с нее диких галлюцинаций.

– Совершенно точно нет. Этот коттедж чуть ли не кирпичику перебрали за эти два столетия. Нашли немало тайников, но ничего похожего на проход в мастерскую. Кушайте мед, Аннет. Он безвредный. Вашему коллеге Вальвазору он пришелся по вкусу.

Карл зачерпнул полную ложку меда, отправил в рот и зажмурился от удовольствия.

– Доктор Вальвазор бывал у вас в гостях? – поинтересовалась Аннет, вновь насторожившись. Нужно расспросить об этом подробнее. В гибели прежнего хронолога фирмы было немало странного. Он пропал на прогулке, тела так и не нашли. И, кажется, не особо усердно ищут.

– Был, и не раз, – пожал плечами Ангренаж и отхлебнул из чашки. – Он пожелал изучить некоторые вещи, принадлежавших Жакемару. Доктор Вальвазор был необычайно талантлив. Он призвал свой дар и описал утро Жакемара, когда тот собирал часы-карусель, что стоят в гостиной. Рассказал, во что тот был одет, сколько картофельных оладий съел на завтрак и какие мелодии насвистывал во время работы. К сожалению, у Вальвазора не было специальных технических познаний, и описать суть манипуляций мастера он не сумел. А так бы с его помощью можно было исследовать тайные механизмы автоматов Жакемара. Здесь бы пригодился сильный, прошедший специальную подготовку репликатор. Но где такого взять! Их всего десять в королевстве, и все служат либо за границей, либо в военном ведомстве.

Аннет осторожно пригубила чай, обожглась, отставила чашку и спросила:

– Не знаете, Вальвазор успел провести экспертизу Лазурного поэта и других автоматов, которых хочет купить Молинаро?

Карл задумчиво потер висок.

– Кажется, он провел предварительную экспертизу, акт не был

подписан. Если вас интересуют детали, расспросите бургомистра. Они близко сошлись, доктор даже остановился не в гостинице, а у него дома.

– Он был доволен результатом? Его ничто не беспокоило?

Механик глянул на нее настороженно.

– Он не говорил. Аннет, вы ведь неспроста это хотите узнать, верно? Вы что-то увидели на той хронограмме... у вас было озадаченное лицо после экспертизы. Вы считаете, что Поэта подделали? Это невозможно, да и зачем?

– Нет, нет, – поспешила уверить его Аннет. – Все было в полном порядке. Просто я не очень толковый хронолог и часто допускаю ошибки. Кажется, мне пора, – спохватилась она и поискала глазами часы. Долго искать не пришлось: в мастерской, как и в других частях дома, их было полным-полно. Пара часов в виде солнца и луны свисали с потолка, дальнюю стену украшали ходики с маятником-черепом, а у окна тикал причудливый агрегат со стрелками, напоминающий механический скелет слона.

– Благодарю за чай и экскурсию, Карл. Ваш дом мне очень понравился.

Карл неожиданно нагнулся, цепко ухватил ее за руку, удержал и проникновенно произнес:

– Послушайте, Аннет... Обещайте, что если вас что-то насторожит... если вы услышите или увидите что-то странное, вы придете ко мне и расскажете. Я живу в этом городе всю жизнь. Я знаю все – или почти все – его тайны. Я могу предостеречь вас и прийти на помощь.

Он отпустил ее и успокоился.

– Простите, не буду вас провожать. У меня было тяжелое утро, разболелась нога. Ну, отправляйтесь к своему господину Молинару. Берегите себя, Аннет. Всего хорошего. Жаль, что ваш визит оказался таким коротким. Мы ни о чем толком и поговорить-то не успели... надеюсь, вы придете ко мне еще раз.

Аннет поднялась, скомкано попрощалась и поспешила вниз по лестнице, все еще недоумевая. Визит в «Логово мастера» принес новые вопросы, но не дал ответа ни на одну из загадок.

Она подошла к выходу, взялась за ручку, но тут же отпустила, крепко хлопнула себя ладонью по лбу, развернулась на каблуках и поспешила обратно. Хороша сыщица! Попила чаю, поговорила о

ерунде, а о главной-то цели своего визита забыла. Она пришла расспросить Карла о брелоках и символах, хотела порыться в его библиотеке! С чем она явится к Максимилиану? Легко представить, как тот будет потешаться над ее забывчивостью! Нужно вернуться и задать Карлу пару вопросов. Но стоит ли? Механик выглядел усталым, измученным и рассеянным, да и сам об этом не вспомнил. Может, прийти в другой раз вместе с Максимилианом?

Постояв секунду в раздумьях, она все-таки пошла к выходу, но, не дойдя пары шагов до вестибюля с камином, замерла, прислушалась и осторожно отступила в тень. В гостиной, которая была абсолютно пустой минуту назад, кто-то расхаживал! Вытянула шею и увидела знакомый клетчатый шарф и седые космы. Петр! Откуда он там взялся? Он не мог войти снаружи: дверь не хлопала, колокольчики молчали. Он все это время прятался в доме? Невозможно. Она бы его заметила, если он только не отсиживался в шкафу или под кроватью, пока она обследовала дом. Нет, и это невозможно. Аннет смутилась, вспомнив, как в порыве любопытства открыла платяной шкаф в спальне и не обнаружила там ничего, кроме долгополых ночных рубашек, колпаков и мужского нижнего белья. Если бургомистр предпочитал кальсоны василькового цвета, то Ангренаж отдавал предпочтение оттенкам сиреневого. Увы, это были вовсе не те секреты жителей города, о которых ей бы хотелось знать.

Со своего наблюдательного пункта она увидела, как Петр, кряхтя и бормоча, поднял с ковра перед камином длинный предмет, завернутый в грязную парусину. Под тканью отчетливо брякнуло.

Шарманщик вызывал острые подозрения. Напавший на нее черный человек (если его не породило одурманенное воображение) был жилист и долговяз. Как и Петр. Шарманщик сбежал в город, но кто докажет, что он не прятался в этот момент где-нибудь в театре? Его внезапное появление в гостиной, да еще с непонятными железяками, не поддавалось разумному объяснению.

Из воздуха он соткался, что ли? Или спустился по каминной трубе? Нет, он бы зажарился в огне, как баран. Может, в комнате есть потайной вход? За портретом органиста, например? Но она бы услышала стук или скрип... не мог же шарманщик воспользоваться им совершенно беззвучно! Остается одно: Петру был ведом секрет его предка. Он умел проникать сквозь стены, не иначе.

Продолжая бормотать, Петр заковылял к выходу. Аннет юркнула глубже в тень, а затем, поразмыслив, тихо последовала за ним.

Глава 17 Тайные дела шарманщика

Изнывая от любопытства, Аннет прокралась за Петром по лестнице до выхода. Подождала несколько минут, потом придержала колокольчики рукой, тихо отворила дверь и вышла во двор. Силуэт шарманщика мелькнул в дальнем конце переулка.

Городские часы в унисон прозвонили половину одиннадцатого. Аннет с сомнением глянула на особняк бургомистра и почесала лоб. До встречи в библиотеке уйма времени: отчего бы не прогуляться по городу? Максимилиан, конечно, запретил ей бродить одной, но кто устоит, когда манит новая загадка? Откуда взялся Петр в закрытой комнате и куда он спешит с этим таинственным свертком на плечах? Вид у него как у человека, задумавшего недобрую шалость.

Мысленно пообещав себе быть осторожной и держаться среди толпы, Аннет поспешила вдоль переулка. Шарманщик выкатил из кустов свой велосипед, кое-как приладил длинный сверток поперек багажника и повел допотопный драндулет за руль, как бодливую корову за рога.

Он шел незнакомыми улочками, новоявленная сыщица неотступно следовала по пятам, стараясь соблюдать безопасную дистанцию. Выяснилось, что слежка, как и всякое дело, требует определенной сноровки.

К счастью, на улицах было многолюдно. Вскоре Аннет получила первый урок: хочешь остаться незамеченной — одевайся в неяркое. Туристы щеголяли в светлых костюмах, и Аннет в зеленом платье и красной шляпке была среди толпы как алый мак на ромашковом поле. Даже пчелы оказались введены в заблуждение. К Аннет пристала настырная полосатая особь. Она упорно следовала за ней, описывала круги и противно жужжала. Аннет с трудом подавила желание взвизгнуть, замахать руками и броситься наутек.

Впрочем, сыщикам приходится сталкиваться с трудностями посложнее, чем дурные насекомые. Каково бы ей пришлось, если вместо пчелы над ухом жужжали бы пули?

Не подозревая о слежке, Петр шагал неторопливо, часто останавливался перекинуться парой слов со знакомыми или поглазеть на витрины. С шарманщиком произошли удивительные превращения.

Он как по волшебству сбросил десяток-другой лет, походка сделалась упругой, плечи расправились, на лице появилось лихое выражение. Он посвистывал владелицам лавок, а одну походя шлепнул по задку. Лавочница игриво взвизгнула и погрозила шарманщику пальчиком, тот залихватски поправил шляпу и что-то сказал, очевидно, непристойное, потому что лавочница возмущенно всплеснула руками, но при этом довольно покраснелась.

Аннет смекнула, что у Петра имелся свой сценический образ. Жалкому полоумному шарманщику подадут охотнее, чем полному сил мужчине. Когда Петр не крутил ручку музыкального ящика и не служил на подхвате у Ангренажа, он преображался. Интересно. Очень интересно.

Лавируя среди прохожих, Аннет вытягивала шею, чтобы не упустить из виду широкополую шляпу и клетчатый шарф. Петр вышел на мощеную улочку, которая взбиралась на холм к Живому лабиринту. Здесь, кроме зазывал и лавочников, трудились два погонщика ослов. Они катали туристов вверх и вниз по улице. Клиентов нынче было много, погонщики усердно тянули за уздечки печальных осликов в ярких пополах, заставляя бежать из последних сил. Чем быстрее осел сделает круг, тем больше туристов удастся прокатить за день и больше денег положить в кошелек.

Шарманщик остановился передохнуть. Снял шляпу, рассеянно окинул взглядом улицу и заметил Аннет. Пожевал губами, нахмурился, вернул шляпу на голову, лихо запрыгнул на велосипед и покатыл прочь.

«Понял или нет, что я за ним слежу? – лихорадочно размышляла Аннет. – Кажется, понял. Сдается, я однажды уже попалась ему на глаза, когда меня окликнул торговец шоколадом. Что делать? Бросить все и идти в библиотеку? Нет уж, дудки».

Выход из положения отыскался сам собой.

– Прокатимся, барышня? – проговорил ей в ухо заискивающий голос, а в локоть ткнулось что-то щекотное. Аннет повернулась и увидела мохнатую ослиную морду, а над ней полное надежд лицо погонщика.

— Вверх по улочке не желаете ли? Всего один кронодор. Зачем идти ножками, когда можно проехаться с ветерком на Леденце?

Леденец мотнул головой и весело запрядал ушами. Он был очень симпатичный, с задорной челочкой и белыми ободками вокруг глаз.

Аннет моментально поняла, что идея была отличной. Она сможет открыто следовать за Петром! Если шарманщик увидит ее, он подумает, что она без ума от ослов и пришла сюда покататься. Так и поступим.

Торопливо порылась в сумочке и сунула погонщику монету. Тот радостно щелкнул пальцами, посадил новоиспеченную наездницу на спину погрузневшему Леденцу, показал, как держаться за специальные штуки на седле, и потянул поводья.

Аннет с трудом выпрямилась. Сидеть было неудобно, юбка задралась, сумка била о бок. Эх, что бы ей надеть утром любимые шальвары!

Ослик ускорил шаг. Аннет одной рукой придержала шляпку и прищурилась. Пенсне пришлось снять, потому что от тряски оно сползало на переносицу. Вот и Петр: далеко не уехал. В гору на велосипеде забираться трудно, но у шарманщика, видать, ноги сильные, как у этого осла. Крутит себе педали без усталости, скоро уже и до конца улицы доберется.

— Можно побыстрее? — нетерпеливо попросила она погонщика. Тот охотно повиновался, и осел припустил с такой скоростью, что Аннет стало не до слежки. Она закачалась в такт рысце, изо всех сил вцепилась в ручку на седле и испуганно задышала. Ко всему прочему вновь появилась пчела, которой втемяшилось, что ее добыча, так сладко пахнувшая фиалкой, собирается ускользнуть. Описывая лихорадочные круги, пчела задела ослиное ухо. Это привело к катастрофе. Ослик взбрыкнул, дернул поводья, вырвал их из рук погонщика и помчался по улице с прытью, достойной резвого скакуна.

Аннет перепугалась до безумия. Ситуация вышла из-под контроля. Погонщик неслся следом, выкрикивая короткие, сочные фразы, от которых краснели барышни. Туристы испуганно шарахались в разные стороны, свистели лавочники. Некоторые зеваки не выдерживали, бросали товары и, охваченные азартом, срывались следом.

Леденец задорно цокал копытами и наслаждался свободой. Стало ясно, что его боязнь пчел — насквозь фальшивая. Пчела лишь предлог, чтобы ненадолго прервать рутину и размять ноги. Наверное, осел представлял себя на косягоре, где беззаботно скакал в детстве среди васильков и сочной травы.

Аннет разделить его радость не могла. Ей грозила опасность потерять шляпку, отбить зад о жесткое седло или сверзиться на

мостовую на потеху зевакам. Незаметная слежка стала похожа на отчаянную погоню в прериях из ленты «Ограбление золотого экспресса», но в этот момент Аннет было не до кинематографических трюков.

— Стой, скотина! — шипела она, клацая от тряски зубами, прильнув к волосатой шее и пытаясь нащупать брошенные поводья.

Петр не мог оставаться безучастным к тому спектаклю, что разворачивался на улице. Он обернулся, слез с велосипеда и, ухмыляясь во весь рот, следил, как резвящийся Леденец пронесся мимо, добежал до конца улицы, повернул и устремился вниз. Возможно, шарманщик был старым знакомым Леденца. Или просто очень ему понравился, потому что восхитительно пах зрелым сыром и пивным солодом. Как бы то ни было, осел описал вокруг Петра не меньше трех кругов. Спотыкаясь и пыхтя, за ослом мчались погонщик, двое упорных подростков и лавочник с метлой наперевес.

— Доброе утро, прекрасная сударыня! — прокричал шарманщик, когда ошалевшая Аннет прогарцевала мимо, а затем стянул шляпу и издевательски поклонился каждому участнику бестолкового забега, а Леденцу дважды.

Наконец, осла крепко схватил за уши задыхающийся и рассыпающийся в извинениях погонщик.

Аннет кулем соскользнула с ослиной спины, ступила на землю и чуть не свалилась без сил. Ноги дрожали, отчаянно болела спина и то, что пониже. Мир крутился и жужжал. Интересно, почему? Ответ узнала немедленно. В шею остро кольнуло, плечо тут же онемело, а следом пришла боль. Аннет взвыла и затрясла головой. Погонщик испуганно подхватил уздечку и быстро увел Леденца. Напоследок осел прокричал что-то издевательское.

Аннет стянула шарф, осторожно ощупала шею и страдальчески зашипела. Проклятая пчела настигла ее. Что за город такой, даже местные ослы и пчелы мечтают ее прикончить!

Она цветасто выругалась и огляделась. Осел все-таки доставил ее на вершину холма. Вон и заросли Живого лабиринта: а вон и пройдоха Петр закатил велосипед в куст, взвалил сверток на плечо и устремился в проход.

В ситуации были свои плюсы. Слежка не провалилась, а наоборот, удалась с тонкостью хитроумнейшей интриги. Аннет была на виду,

однако спокойно — ну, почти спокойно! — проследовала за Петром, не вызывая ни малейшего подозрения, и так просто не отступится.

Потирая распухшую шею и мысленно подвывая от боли, Аннет вошла в зеленую аллею вместе с группой нарядных девушек. Сегодня в лабиринте, как и на улицах Механисбурга, было много гуляющих. Звенели голоса, из переносного патефона лилась задорная мелодия. Казалось, туристов уже не расстраивала задержка в городе; напротив, они от души наслаждались отличной погодой. На лужайках расстелили покрывала и выставили корзины для пикника, в кустах ворковали парочки, дети играли в теннис и запускали воздушных змеев. Были здесь и жители окрестных деревень в своих щеголеватых бриджах и клетчатых пиджаках. Они несли баклажки с пивом, хлопали друг друга по спинам и хохотали. Аннет настороженно вглядывалась, опасаясь увидеть Швица. Со дня встречи у «Корабля-в-бутылке» он ей ни разу не попадался, однако бдительности терять не стоило.

Аннет упорно шла за Петром, стараясь держаться в тени кустарников. Шарманщик вспомнил о своей роли измученного жизнью старика, потому что походка его опять сделалась вялой и расслабленной, голова опустилась на грудь, плечи понурились. Он выбирал узкие, малолюдные аллеи, которые вели в сторону лабиринта, выходящую на заброшенную водную лечебницу.

Петр остановился возле куста, которому садовник придал форму слона, свалил с плеч сверток, снял шляпу и принялся обмахиваться. Аннет притаилась неподалеку за пышным деревцем бузины. При этом она испытывала приятное волнение, хорошо знакомое охотникам и полицейским ищейкам. Нервы были напряжены до предела, в висках стучал пульс, позвоночник щекотал легкий озноб.

Место для подглядывания было выбрано удачно. За этот день она многому научилась. Солнце светило Петру в глаза, красную шляпку Аннет сняла и сунула в траву, поэтому он вряд ли сообразит, что это там такое шевелится среди веток.

Впрочем, шарманщику было не до наблюдений за насаждениями. Он кого-то поджидал. Мимо проходили люди, Петр вытягивал шею, пристально смотрел, а затем разочарованно отступал за зеленого слона, желая остаться незамеченным. Наконец, из-за живой стены послышался хитроумный свист. Петр повеселел, схватил сверток и юркнул в узкий проход. Аннет рванулась было вперед, но тут же остановилась. Во-

первых, незаметной последовать за ним она не сможет. Во-вторых, кто знает, что за свистун там сидит? А вдруг Швиц с дубинкой наперевес?

Решая, что делать, она томила, вздыхала и ковыряла в сырой земле затекшей правой ногой. Потом сорвала былинку и принялась грызть. Все оказалось впустую: ей не удалось разузнать, что за дела проворачивает таинственный шарманщик. Придется идти в библиотеку несолоно хлебавши. Аннет бросила недоеденную былинку на землю, выудила из кустов шляпку и собралась пойти прочь, как кусты затрещали и на полянке опять появился Петр. Свертка при нем больше не было. Не оглядываясь, с видом человека, удачно провернувшего сложное дело, он пошел в сторону главного входа.

Аннет спохватилась и дернулась следом, но тут же замерла как вкопанная. На лужайке появилась высокая женщина. Богатырские плечи, черные волосы, собранные в небрежный узел, внушительный рост: Луиза Соннери, которая должна ждать ее в библиотеке через час! Что она тут делает? Встречалась с Петром? Но почему здесь, в лабиринте?

Лицо у библиотекарши было сердитое. Махая руками, как солдат на плацу, Луиза зашагала прочь по аллее, где несколько минут назад прошел шарманщик.

Аннет хотела выбраться из бузиновых зарослей, но чуть левее прохода, откуда минуту назад появилась Луиза, выпрыгнули два веселых кролика, а затем захрустел гравий, ветки закачались, раздвинулись и выпустили еще одного знакомого субъекта. При виде его Аннет испуганно присела и попыталась затеряться среди листвы. Швиц, легок на помине! Красный, злой и какой-то озадаченный. Уже второй раз она встречает его в лабиринте. Можно подумать, он живет тут где-то тут в шалашике среди лесной живности!

Контрабандист покрутился на месте, увидел удаляющуюся спину Луизы, потоптался в нерешительности, а затем сплюнул, двинулся по аллее в противоположную сторону и растворился в толпе гуляющих барышень с яркими зонтиками.

Аннет от возбуждения даже присвистнула. Ну и дела! Нет, наверное, Петр встречался именно со Швицем! Максимилиан считает, что они хорошо знакомы. Видать, вместе проворачивают какие-то махинации. Но Луиза? Она-то тут причем? Не верится, что суровая библиотекарша решила просто погулять на природе.

Аннет подождала минут десять: нужно убедиться, что Швиц ушел и возвращаться не собирается. Хватит с нее на сегодня приключений. Этот тип пострашнее ослов и пчел.

Наконец, решилась выйти из своего убежища. Вот-вот наступит полдень. Пора в библиотеку, вслед за Луизой! Может, удастся выяснить, что она делала в лабиринте. Впрочем, Максимилиан наверняка бы сказал, что она дает волю воображению, и не нужно выдумывать лишнего. Например, традиция у наследников такая: начинать день с прогулки до статуи органиста и обратно.

Однако успокоить себя не получилось, потому что день приготовил для нее еще одну неожиданную встречу. Аннет торопливо шла по узкой аллее, обгоняя гуляющие парочки. Парочки были увлечены друг другом и ничего вокруг не замечали. Аннет свернула в узкий проход, который, как она помнила, должен был вывести ее на главную аллею, и нос к носу столкнулась с бургомистром Гильоше.

У Аннет неприятно сжалось в животе. Отец Линды ей не нравился. У него были жирные складки на шее, шишковатый лоб, снулые глаза и манеры носорога.

Гильоше застыл столбом, раздул ноздри, а затем сделал над собой нечеловеческое усилие и любезно молвил:

– Доброе утро, госпожа Вик. Рад встрече.

-- Я тоже рада, господин Гильоше, – соврала Аннет и от растерянности изобразила книксен.

Бургомистр кисло посмотрел на нее, посопел и воинственно отчеканил:

– Вот что, любезная, хочу кое-что сказать. Я запрещаю вам дружить с моей дочерью.

– А мы с ней дружим? – удивилась Аннет, невольно сделав крошечный шаг назад.

– Вы дурно на нее влияете, – не обратив на ее слова никакого внимания, бургомистр продолжил предъявлять нелепые обвинения. – Вчера Линда заявила, что собирается оставить родительский кров и уехать в столицу, чтобы учиться художественной пачкотне. Когда я спросил, кто ее надоумил поступить как последняя дура, она назвала ваше имя.

– Я не... – попробовала возразить Аннет.

– Тут у нас другие порядки. Дочери почитают родителей и живут

под их крышей до самой свадьбы, – сообщил бургомистр и рубанул воздух ладонью. – Если я еще раз увижу ее в вашей компании, приму меры.

– Какие такие меры? – спросила Аннет звенящим от напряжения голосом.

Бургомистр на ее вопрос не ответил, лишь глянул исподлобья и буркнул:

– Там поймете.

Он повернулся и зашагал прочь. Оторопевшая Аннет проводила взглядом его широкую спину и задумалась. Кажется, она нажила себе врага. Вот и помогай после этого людям советами. А Линда-то хороша – сдала ее папаше со всеми потрохами!

Кстати, а что делал в лабиринте бургомистр? Еще один любитель утренних променадов? Легче поверить, что Гильоше наткнулся на нее, когда возвращался с тайной встречи. Например, со Швицем, который доставил ему очередную контрабанду.

Аннет огляделась. Зеленый коридорчик, из которого появился нелюбезный градоначальник, показался знакомым. Помнится, он ведет к полуразрушенной беседке. Уж не там ли назначают друг другу свидания контрабандисты, подозрительные наследники Жакемара и нечистоплотные правители города?

Она погрузилась в тревожные раздумья и не заметила, как ноги привели ее к изящному, но изрядно запущенному строению. Здесь было славно: тихо, уютно. Колени дрожали от усталости, руки – от волнения после разговора с бургомистром. Ужаленная шея зудела, нижняя часть спины болела, словно ее хорошенько отшлепали.

Обессилов, Аннет опустилась на мраморную скамью. Тяжела сыщицкая доля! Только теперь, укрывшись в прохладе заброшенной беседки, девушка почувствовала, как сильно измучилась за эти дни. Подперев подбородок руками, она закрыла глаза и погрузилась в оцепенение. Ей очень захотелось оказаться у себя в комнате доходного дома госпожи Файфел. Как же там хорошо! Никаких бургомистров, автоматов, пчел, ослов и маньяков с пилами.

Пахнет подгоревшей стряпней. Из-за стены слева крикает тромбон: сосед-музыкант репетирует перед вечерним выступлением. За стеной справа тромбону фальшиво подпевает пейзажистка Симона. Спокойная, привычная жизнь. Лечь бы в свою кроватку, хорошенько выспаться, а

утром на службу, в милую, скучную контору на Лилак-страда.

Аннет встрепелась. Нет, скучной она больше не будет никогда – с новым-то боссом!

Ей вспомнилась первая встреча с Максимилианом. Он ведь здорово поразил ее тогда! Явился в их сонное болото – яркий, решительный, насмешливый – словно предвестник небывалых перемен. И перемены не замедлили наступить, это верно! Правда, совсем не те, что она ожидала. Интересно, как все сложится дальше, если она вернется в контору? Ведь все будет как-то... по-другому?

И тут фантазия Аннет взбрыкнула и понеслась невесть куда.

Аннет представила, как утром приходит, устраивается за печатной машинкой и напряженно вслушивается: на месте ли господин Молинаро? Слышит за дверью его баритон, и сердце делает кульбит. Он вызывает ее к себе, требует принести кофе или нужные бумаги, в присутствии других служащих обращается к ней официальным тоном. Она заходит в его кабинет, чувствует едва заметный запах табака и хмурится: опять курил украдкой в окно!

Максимилиан замечает ее недовольное лицо и виновато опускает глаза.

За весь день они перемолвятся лишь парой-другой слов, и только по делу. Вечером он сухо прощается и уходит первым. Выждав минут десять, она накрывает машинку чехлом, надевает шляпку, берет сумку и спешит к выходу, замечая косые взгляды других машинисток. Они шепчутся за ее спиной. Конечно, им известен ее секрет. Аннет довольно улыбается.

Она выходит на улицу и заворачивает за угол, где ждет черный автомобиль. Максимилиан открывает дверцу, помогает ей сесть внутрь и, прежде чем завести мотор, нетерпеливо берет ее за подбородок, наклоняется и целует так, что она сразу понимает: как и она, Максимилиан ждал этого момента весь день.

Максимилиан отстраняется и спрашивает: «Сначала в ресторан или сразу ко мне?» Конечно, она выбирает второе. Ни в одном ресторане не подадут такого сырного пирога, который может ей приготовить Максимилиан, а еще она больше не хочет делить его с другими людьми. Ей не терпится остаться с ним наедине.

Они приезжают к нему... Аннет попыталась представить, как выглядит его квартира, и не смогла. Наверняка это строгое и аккуратное

жилище холостяка.

Максимилиан хочет сразу же отправиться на кухню, но Аннет видит, что он устал, и предлагает размять ему плечи. Она хорошо умеет это делать, ее научила сестра. У нее нет дара релаксатора, как у Марии, но он сейчас и не нужен. Максимилиан скидывает пиджак и садится на кушетку. Она кладет руки на его широкие плечи и приступает к делу. Ей нравится касаться его твердой спины, и очень хочется, чтобы под ладонями была не ткань рубашки, а его горячая кожа. Она не выдерживает и распускает ему галстук, затем робко тянется к пуговицам на рубашке. Максимилиан позволяет ей сделать это. Он спокоен и неподвижен, он вглядывается в ее лицо, и она слышит, как его сердце начинает биться чуть-чуть быстрее, потом еще быстрее... Массаж затягивается, потом... потом... Максимилиан больше не может сдерживаться. Он хватает ее за руки, тянет к себе, и на кухню они попадают не скоро...

Аннет вздрогнула, открыла глаза и попыталась приструнить разыгравшееся воображение. Ошалело покрутила головой, приложила ладони к пылающим щекам. Она что, влюбилась? Это никуда не годится. Ну, а почему нет? А потому, что долго такая связь не продлится. Как там выразился Максимилиан? Он не дает пустых обещаний и сразу оговаривает правила игры. Вспомнив это, Аннет поежилась.

Он установит, где и когда они будут встречаться. Поставит условие: не лезть в его жизнь. И, как и Бастиан, будет отправлять ее на ночь домой. Скульптор не терпел делить кровать, и она никогда не имела удовольствия просыпаться рядом с ним по утрам.

Разве она сможет долго удерживать интерес Максимилиана? Она не очень умная. Она взбалмошная. Очень скоро он к ней охладет, и в один прекрасный вечер она выйдет из конторы и увидит, как в его автомобиль садится другая девушка.

Впрочем, он исключительно честен, поэтому заранее сообщит, что между ними все кончено. Легче ей не станет. Сердце ее будет разбито и не оправится так скоро, как после расставания с Бастианом. Тут дело куда серьезнее! Это не пустой, тщеславный скульптор, влюбленный лишь в самого себя и свои статуи. Это Максимилиан Молинаро, заботливый, ехидный и неотразимый.

Нет, нет и нет. Никакого кратковременного романа со своим

боссом она не хотела. Такой роман затянет ее, как в опасную трясиину, из которой выбраться будет совсем непросто. Нужно выбросить его из головы, приказала себе Аннет и решительно встала.

С шеи соскользнул шарф и, подхваченный ветерком, уплыл под скамейку. Аннет чертыхнулась, опустилась на четвереньки и полезла за ним. В щели между плитой и ножками скамьи мелькнуло что-то красное. Аннет протянула руку и не без труда вытащила книгу.

Книга была немного разбухшая от влаги, но в неплохом состоянии. На обложке длинноволосый слащавый субъект с тонкими усиками сжимал в руках пышногрудую девицу. Та откинулась в его объятьях так, словно у нее была переломана спина, лицо искажено не то мучительной страстью, не то гримасой раздражения. Прочитала название: «Приключения маркизы демонов».

Сидя на корточках, Аннет полистала страницы и увидела поблекшую печать городской библиотеки Механисбурга. На заднем форзаце книги была наклеена бумажка, на которой записывали фамилии читателей. Последнюю надпись удалось прочесть без труда: «Л. Гильоше». Аннет покосилась на выцарапанную надпись на стене беседки, которая гласила: «Поль любит Белинду».

Все ясно. Книгу забыла здесь дочка бургомистра. Можно предположить, она часто сюда наведывается, чтобы почитать романы и в одиночестве предаться мечтам о роковых мужчинах. Как пить дать, объект ее последних мечтаний вовсе не похож на этого типа с обложки. Скорее всего, у него глаза разного цвета, четыре пальца на правой руке и невыносимый характер.

Вот и ответ, что здесь делал бургомистр: отслеживал дочку, конечно. Этот противник любовных фильмов и романов наверняка запрещает ей держать такие книги дома, вот она и прячет их в щели под скамьей. А может, папаша надеялся застукать Линду вместе с таинственным Полем, любителем портить культурные наследия пошлыми надписями. Наверное, бургомистр не в курсе, что в этот самый момент Линда развлекает Максимилиана.

Вздохнув, Аннет положила «Маркизу демонов» в сумочку. Нужно вернуть ее в библиотеку. Что за свинство так обращаться с книгами!

Глава 18 Заводные книги

Уже пробило двенадцать, когда Аннет скорым шагом взбежала на крыльцо городской библиотеки, над которым со скрипом

переворачивались страницы огромной механической книги. Максимилиан стоял у дверей, заложив руки за спину, и лицо у него было сердитое. Увидев свою потерявшуюся ассистентку, он прищурился и раздраженно спросил:

— Где вас черти носили? Я заглянул к Ангренажу и узнал, что вы ушли давным-давно. Прихожу сюда – вас нет. Не появившись вы сию минуту, я бы перевернул этот город вверх дном.

– Я немного прогулялась, – повинилась она и торопливо поинтересовалась: – А где Линда?

— Скоро придет, – коротко ответил Максимилиан, продолжая хмурить брови. — У нее урок музыки.

– Вкусные были кексы? – не удержалась от ехидства Аннет, но он не дал сбить себя с толку.

— Кексы были отличные. Оказалось, Линда неплохо готовит. Нет, вы-то о чем думали? Я велел идти сюда, не задерживаясь, а вы где-то ходите, гуляете себе! Решил, вас похитили.

– Вот еще глупости. Я провела весьма продуктивное утро.

— Поиграли в шпионку, как и собирались?

Аннет не смутилась и насмешливо парировала:

— Я тогда пошутила. Мне не чужда самоирония, знаете ли, – и добавила, вспомнив признание бедняги Карла:

– Решила не выбиваться из образа, который у вас обо мне сложился.

Максимилиан изумленно покрутил головой, и Аннет почувствовала удовлетворение.

-- Ну-ну. И чем же вы занимались в «Логове мастера», прекрасная шпионка?

– Немного побеседовала с Карлом по-дружески.

– Полагаю, ваш дорогой дружище Карл с радостью выложил все тайны своего предка?

Аннет скисла.

– Нет, – проямлила она. – Речь об этом не зашла. Нашлись другие темы разговора.

– И какие же? Вы хоть что-то вывели?

– Да так, ерунду. Ангренаж строит игрушечные паровозики, мечтает о приключениях и считает себя пчелой, которую хотят выкинуть из улья. Собственно, это все, что я узнала, – ответила Аннет,

досадуя на себя. Про гонку на осле и приключения в лабиринте она решила умолчать. Все равно результат слежки оказался нулевым. Ну, выяснила она, что Петр промышляет чем-то подозрительным, так это и так ясно. С такими знакомыми, как Швиц, не встречаются просто для того, чтобы накопать червяков для рыбалки.

– Не возьму в толк, почему вы назвали свое утро продуктивным, – удивился Максимилиан. – Ладно. Идем внутрь, нас ждет Луиза. Надеюсь, с ней повезет больше, хотя дама она суровая и не болтушка.

– Я в вас верю. Вы умеете быть очаровательным и в два счета развяжете ей язык.

– Польщен, но в ваши шпионские игры я играть не буду, не надейтесь. Предпочитаю другие методы.

В холле библиотеке было пусто и гулко. В витражные окна лились цветные лучи, воздух радовал прохладой. Здесь стояла церковная тишина, свойственная всем библиотекам мира. Пахло книжной пылью, машинной смазкой и валерьянкой, отчего Аннет показалось, что она попала не то в гараж, не то в лазарет.

Полутемный коридор вывел в зал, заставленный высокими шкафами.

– Есть здесь кто? – громко позвал Максимилиан, и приглушенное эхо ответило:

– ...то, то...

– Не кричите, – грубо потребовали из-за шкафа. – Здесь читальня, а не стадион.

Что-то со стуком упало на пол, вполголоса чертыхнулись, и на свет божий вышла Луиза. В одной руке она сжимала кипу цветных журналов, в другой – гаечный ключ.

– Явились все-таки! Думала, после вчерашнего вы весь день пролежите в кровати с головной болью, – обратилась она к Аннет, пронзая ее недовольным взглядом.

– Знаете, прогулка по зеленым аллеям творит чудеса, – со значением сообщила Аннет. – Свежий воздух – лучшее лекарство. А вы любите гулять? Например, в Живом лабиринте? Там замечательно.

– Терпеть не могу, – отрезала Луиза и подозрительно прищурилась. – У меня ноги не казенные, чтобы бродить туда-сюда без дела. Мне еще экскурсии вечером водить, между прочим. Ну, что вас интересует? Книги Жакемара или книги о Жакемаре? Одни в шкафах слева, другие в

шкафах справа. Ключи к заводным книгам попросите у меня. Ходите, смотрите. Будьте как дома. Надеюсь, вы не попытаетесь что-то стащить украдкой.

С этими словами библиотекарша повернулась и скрылась в лабиринте шкафов.

Аннет огляделась.

В центре прямоугольного зала стояли столы – широкие, основательные, скамьи с резными спинками и лампы под зелеными абажурами, а в дальней части зала – конторка, за которой выдавали книги. Шкафы были установлены по периметру, торцами к центру зала. Подле шкафов возвышались странные механизмы – точные копии того, что она видела в библиотеке Ангренажа. Они походили не то на стальных богомоллов, не то на колодезных журавлей. Под полу бежали рельсы, на них стояли тележки, груженные книгами. Как и другие заведения Механисбурга, библиотека была битком набита достижениями технической мысли.

Заинтригованная упоминанием о ключах, Аннет двинулась налево, Максимилиан направо.

Прошла туда-сюда вдоль шкафа, не веря своим глазам. Книги выглядели странно. Они были очень толстые, с покрытыми металлическими пластинами обложками. Выгравированные на корешках узоры потемнели от времени.

Аннет осторожно вытянула с полки первый попавшийся том и чуть не уронила. Он оказался ужасно тяжелым, а на корешке виднелась узкая скважина. Положила книгу на ближайший столик, открыла обложку и изумленно покачала головой. Внутри не нашлось ни одной страницы. Да и не книга это была, а подобие ларца: внутри, на покрытой эмалью пластине, мастер закрепил ярко раскрашенные фигурки из жести. Паяц и человек в маске стояли друг против друга с занесенными дубинками.

Аннет осторожно потрогала их пальцем. Рука паяца едва заметно шевельнулась.

Сзади раздались шаги и бряканье.

– Вот, – Луиза бухнула на стол ларец, доверху наполненный ключами с прикрепленными бирками. – Что вы там взяли? «Приключения Панчинелло в гареме»? Отличный выбор, – ухмыльнулась она, порылась в ящике, нашла нужный ключ, вставила в скважину в корешке и покрутила. Скрытый в книге механизм

застрекотал, фигурки пришли в движение: принялись мерно поднимать и опускать дубинки, приседать и уворачиваться от ударов. В прорезанном окошечке внизу страницы побежали слова, напечатанные на протянутой под пластиной ленте. «Решил однажды Панчинелло проводить милую свою...»

– Вот это да! – восхитилась Аннет. – Как в синематографе!

– Такие книги делал Жакемар и его ученики, – пояснила довольная Луиза. – Принцип работы тот же, что и в автоматах. Здесь десять страниц. Эту пластину можно перевернуть, там будут и другие сцены.

Луиза протянула руку, но отвлеклась.

– Госпожа Соннери! – позвал жалобный голос из дальнего угла библиотеки. – Где у вас последние выпуски «Биржевого вестника»?

Аннет обернулась и увидела у стеллажа приметную рыжую шевелюру. Форс был в своем зеленом костюме, с забинтованной рукой наперевес, и смотрел на библиотекаршу с неприкрытым восхищением. Вторую руку он прятал за спиной.

– Опять притащился, золотозубый, – пробормотала Луиза не без удовольствия.

Форс улыбнулся щербатым ртом, выудил из-за спины букетик бледных весенних гвоздик и сунул его библиотекарше под нос. Та с отвращением забрала цветы, бросила на столик, схватила золотопромышленника за плечо и без церемоний развернула.

– Вон ваши биржевые сводки. Не докучайте мне.

Аннет не сдержала улыбки. Кажется, Луиза обзавелась поклонником. Что ж, дама она весьма интересная, хоть и на любителя.

Луиза ушла, Аннет поймала взгляд Форса. Тот подмигнул ей, вытянул губы в трубочку, причмокнул, кивнул в сторону удаляющейся библиотекарши и вполголоса произнес:

– Не женщина, а золото! Какая стать, какой характер!

Аннет с готовностью покивала, соглашаясь, затем вернулась к книге. Осторожно подцепила страницу-пластину за проволочную петельку, перевернула и ойкнула.

Следующая ожившая сценка изображала приключения Панчинелло в гареме. На кушетке растопырив ноги развалилась жестяная девица в чем мать родила, а человек в маске, но уже без штанов, пристроился рядом и ритмично двигался.

– Это что, наглядное пособие? – произнес за плечом голос

Максимилиана. – Экая вы любознательная барышня!

Аннет залилась помидорным цветом и торопливо захлопнула неприличную книгу.

– Ну вот, – расстроился Максимилиан. – Я не успел рассмотреть. Там довольно-таки необычная поза...

– Берите, – Аннет сунула книгу ему в руки. – Смотрите, наслаждайтесь. Изучайте, коли вам нужно. С меня хватит жакемаровых поделок. Ну и бесстыжий же он был старикашка!

Аннет еще какое-то время побродила между шкафов, разглядывала корешки, даже поднялась по стремянке к самому потолку. Она с детства не лазила по лестницам и не смогла упустить такую возможность.

Увидев это, Максимилиан встревожился:

– Осторожно, Аннет! Голова идет кругом, когда вы так... порхаете.

Он крепко обхватил пальцами ее щиколотку, и Аннет, глянув сверху вниз на его обеспокоенное лицо, неожиданно развеселилась. С ума сойти, какой заботливый!

– Спускайтесь. Падать отсюда не так высоко, как с дирижабля, но приятного мало.

Он подал ей руку, чтобы помочь, но когда она потянулась к его ладони, подхватил ее за талию и мягко опустил на землю. Аннет несколько смутилась, потому что в момент, когда сильные руки уверенно стиснули ее бока, она испытала острое удовольствие. Максимилиан учтиво кивнул и отправился о чем-то поболтать с Форсом, который, слюнявя пальцы, печально перелистывал подшивку за столиком в дальнем углу. Аннет решила, наконец, взяться за Луизу.

– Госпожа Соннери! – позвала она.

Луиза бросила разгружать тележку с журналами и посмотрела на девушку выжидательно.

– Мне нужны книги о Жакемаре, – взяла Аннет быка за рога. – Про его детство, жизнь при дворе короля Хильдебрандта. Про его изделия. Про его таланты. И про его мастерскую, разумеется.

– Поддались всеобщей лихорадке? – проницательно заметила Луиза. – Мечтаете найти клад? Валяйте, ищите.

Луиза подвела Аннет к высокому шкафу, взялась за рычаги механического богомола и принялась манипулировать. Руки-захваты

поднялись и двинулись вдоль полка, повинаясь движению рычагов. Библиотекарша ловко подвела их к нужной книге, снимала ее с полки и опускала на ближайший столик.

– Думаю, эти подойдут. «Код Жакемара», «Часы и камни», «Улы и удача», «Подземное сердце Механисбурга», «Ходящий под луной»... нет, последняя вам ни к чему.

– О чем она?

– О болезни моего предка. Он был лунатик, – ответила Луиза, нервно заправляя черный локон за ухо. – Да что и говорить, псих он был редкостный. Эту книгу написал его биограф, морфеомант.

– Пойдет, – Аннет выхватила тяжелый томик. – У меня в гостинице тоже есть книга, написанная морфеомантом. «Книга сладких сновидений» называется. Для тех, не может уснуть, но ленится считать баранов.

– Вот как? – заинтересовалась Луиза. – Такие рукописи большая редкость, и немало стоят. Где вы ее взяли?

– Подарили, но она мне ни к чему. Я и так сплю крепко, из пушки не разбудишь, – похвасталась Аннет.

– Везет. Не хотите пожертвовать ее для библиотеки Механисбурга? Или обменять? Забирайте любую другую книгу. Кроме жакемаровых заводных, разумеется.

Луиза выглядела ужасно заинтересованной. Ее бледные щеки разгорелись, глаза заблестели.

– Хорошо, – пожала плечами Аннет. – Сегодня вечером принесу. Вы обещали мне экскурсию, помните? В логово Железнорукого.

– Точно, – Луиза довольно ухмыльнулась. – Обязательно приходите. Лучше завтра-послезавтра. Будет полнолуние, в это время призрак появляется часто.

– Неужели вы в него верите? – скептически спросила Аннет.

– Как же мне в него не верить, когда я дюжину раз видела его своими глазами? – развела руками Луиза. – В присутствии десятка свидетелей. Столичные оккультисты его обожают. Каждое лето приезжают толпами в надежде встретить живую легенду. Ну, не совсем живую, конечно... Железнорукий помер двести лет назад, а вот его призрак с этим фактом смириться не желает.

– Что за легенда? – нетерпеливо спросила Аннет.

– Ладно, слушайте.

Библиотекарьша села за стол, Аннет расположилась напротив. Луиза сцепила пальцы и приступила к рассказу. Лицо у нее стало суровое и вдохновенное.

– Жакемар увлекался многими вещами, в том числе его интересовали тайны человеческого организма, – поведала она замогильным голосом. – Он первым открыл целительные свойства горячих источников, что били окрест Механисбурга, и построил водную лечебницу. Многие годы сюда приезжали богачи с подагрой. Увы, лет пятьдесят назад источники иссякли, и с тех пор лечебница стоит закрытой и заброшенной.

Тесть Жакемара был лекарем. Вместе они пользовали жителей города, не брезговали и экспериментами. Старатели в шахтах частенько теряли руку-другую, и Жакемар полюбил изготавливать механические конечности. Изобрел усовершенствованную модель протезов, но подходящий пациент, чтобы их опробовать, долго не подворачивался.

На свою беду, к тестю Жакемара пришел местный портной, которого покусала собака. Раны на руках и ногах загноились, и лекарь, недолго думая, заявил, что начинается гангрена, и оттяпал бедолаге все, что можно. Однако дело было не в гангрене: лекарю очень хотелось угодить своему влиятельному зятю, вот он и нашел пациента для опытов.

Жакемар изготовил для портного две железные ноги и две железные руки. Усовершенствованный портняжка, однако, обновке не обрадовался. Он разузнал, что лишился своих родных конечностей за здорово живешь, просто по прихоти лекаря. И стал он грозить кровавой местью.

Жакемара и его тестя такая неблагодарность огорошила, но выход они нашли быстро. Заперлись в лечебнице – там у них была операционная – и продолжили свои эксперименты. Одурманили бедолагу и приладили ему железную челюсть, два железных уха, а потом вошли во вкус и заменили бедняге сердце на механическое. Последнего обновления портной не вынес и дал дуба. Но призрак его по-прежнему бродит по заброшенной лечебнице. Он мечтает вернуть себе живое сердце. Тех смельчаков, которые рискнули отправиться в клинику в полнолуние, потом находили с распотрошенной грудной клеткой.

Во время рассказа Луиза вошла в раж. Черные глаза засверкали, а с губ не сходила довольная усмешка. Аннет поежилась, нервно сглотнула и спросила:

– Вы его действительно видели? Этого Железнорукого?

– Так же отчетливо, как и вас. Издалека, правда. Он гигант, а руки у него до колен. На голове носит матерчатый мешок, поэтому стальной челюсти не видно. И слава богу. Ах, да, в груди у него пылает механическое сердце.

– Быть такого не может, – уперлась Аннет. – Вы меня разыгрываете.

– Посмотрим, как вы запоете, когда на него наткнетесь. Вход в лечебницу закрыт на замок, ключ есть только у меня. Но раз вас так интересует Жакемар, можно сходить туда. Там мрачно, но красиво. Витражи, ажурные решетки, а на стене вестибюля медными буквами выложена надпись: «Из сердца гор прими бесценный дар». Первая строка из сочиненного Жакемаром гимна лечебному источнику.

Аннет подскочила на месте, задела локтем и обрушила на стол стопку книг. Максимилиан встревоженно повернул голову на шум, увидел, что все в порядке и возобновил беседу с Форсом.

– «Из сердца гор прими бесценный дар»? Да ведь это та самая строка, которую... – она осеклась и прикусила язык.

– Ну да, весьма известное стихотворение. Теперь это гимн нашего города. Его тут каждая собака умеет насвистывать.

«Строка из гимна и символ механического сердца! – подумала Аннет. – Все сходится!», а вслух произнесла:

– Я очень хочу осмотреть лечебницу. Можно сделать это днем?

– А на ночную экскурсию, стало быть, боитесь идти?

– Боюсь, – решила согласиться с ней Аннет. – Лучше днем, не так страшно. Дадите мне ключ?

Луиза хлопнула по столу ладонями и замотала головой.

– Не дам. Не имею права. Сама с вами схожу в порядке одолжения. Вы обещали мне «Книгу сладких сновидений», а я вам за это – частную экскурсию. Договорились? Не смейте лезть туда самостоятельно. Это опасно. Мало того что Железнорукий шалит, так еще и полы проваливаются. Не лишитесь сердца, так сломаете ногу. А коли останетесь целой, вас арестует и оштрафует Пендельфедер за

осквернение городского дома-музея.

Аннет призадумалась.

– Удивительный человек был ваш предок, Луиза. Мечтал строить карусели, возводил театры, сажал механические розы. Помогал людям, но в то же время мучил их без зазрения совести.

– Не вижу в последнем ничего удивительного, – усмехнулась Луиза. – Все мы так поступаем, просто Жакемар делал это с размахом и фантазией.

– Где он похоронен? – спросила Аннет, подивившись, как этот вопрос не пришел ей голову раньше.

– Это никому не известно, – с удовольствием сообщила Луиза, явно рассчитывая шокировать собеседницу. Впрочем, безуспешно. Жакемар прожил удивительную жизнь, и Аннет не сомневалась, что и завершил он ее экстравагантно.

– Так и знала, что с этим будет связана еще одна тайна! – воскликнула она. – Пожалуй, их слишком много для такого маленького городка. Неужели в Механисбурге нет могилы его основателя? Куда же школьники возлагают венки в день города?

Луиза хохотнула.

– Могила есть, да только в ней никого. В один прекрасный день, будучи глубоким стариком, Жакемар сообщил наследникам, что утром покинет их навсегда. Слово свое он сдержал: утром его постель нашли пустой. Все его вещи были на месте, но мастера больше никто и никогда не видел. Вероятно, перед смертью он удалился в свою тайную мастерскую. Так это или нет, узнает лишь тот, кто найдет вход и брелоки-ключи.

Аннет передернуло. Здорово, конечно, заполучить клад, но наткнуться на останки Жакемара – благодарю покорно.

– Вход в мастерскую когда-нибудь искали в водной лечебнице?

– Ясное дело, искали. Если он там и есть, то только Железнорукий знает, где он.

– Что вам известно о брелоках? А еще о символе орла и цифре пять?

– Про брелоки вы все найдете в книгах, которые взяли. Про орла и цифру пять мне ничего не известно. Впрочем... орел был родовым гербом короля Хильдебрандта, при дворе которого служил Жакемар. Этот герб висит в каюте пирата Рыжебородого Генри на «Корабле-в-

бутылке». Генри был капером с королевским патентом. Жакемар построил несколько аттракционов, «Корабль-в-бутылке» сохранился лучше всего. Была у моего предка мечта превратить Механисбург в самый удивительный город королевства. Он планировал устроить «чертовы горки» над озером и чудо-карусель на Площади роз, да не успел. Я видела чертежи карусели – интересное техническое решение. Представляете, привод паровой, пар поступает из горячих источников, а подшипник...

– Как можно попасть на «Корабль-в-бутылке»? – прервала ее Аннет. – Кто смотритель аттракциона?

– Раньше им занимался Карл, теперь я. Вот туда я вас спокойно могу пустить. Приходите вечером, часов в восемь. Дам ключ, провожу, если захотите. Я живу рядом с Луна-парком, на Гераневой улице. Мой дом легко найти, над дверью висят часы с вороном.

– Спасибо, Луиза, – Аннет прониклась к библиотекарьше глубочайшей признательностью. Вполне милая оказалась женщина. С необычной внешностью и интересным характером. Вон, даже столичный щеголь Форс разглядел в ней изюминку. Ну а что прогуливалась в лабиринте утром – так мало ли какие у нее там были дела. Может, свидание с милым. Уж не Петр ли ее зазноба?

Аннет поднялась, взяла сумочку, подивилась ее непривычному весу и хлопнула себя по лбу:

– Совсем забыла. Я нашла потерянную книгу из вашей библиотеки и принесла, чтобы вернуть.

Она вытащила из сумочки «Приключения маркизы демонов» и протянула Луизе.

– Ее оставила Белинда в беседке.

– Белинда? – Луиза недоверчиво хмыкнула. Аннет пояснила:

– Я прочитала фамилию на вкладыше. Думаю, она прятала эту книгу от господина Гильоше. Мне кажется, он очень суровый отец....

Стоило вспомнить бургомистра, как он тут же и появился.

– Луиза! – громыхнул позади неприятный голос. – Форс здесь? Где он? Надо с ним поговорить.

– Здесь, – Луиза ткнула книгой в угол зала. – Беседует с антикваром.

Бургомистр, однако, не сдвинулся с места. Он смотрел на книгу, зажатую в руке библиотекарьши, и щеки его наливались гневным

багрянцем. Луиза метнула на Аннет заговорщицкий взгляд, и ни с того ни с сего принялась разъяснять, хотя бургомистр ни о чем ее не спрашивал:

– Вот, госпожа Вик нашла и любезно вернула библиотечное имущество.

Гильоше сжал губы, пару раз гневно свистнул носом и пошел прочь. Луиза небрежно метнула книгу на стол, из той выпал тонкий, исписанный карандашом листок. Аннет поспешила его поднять и успела прочесть несколько странных слов:

«Лазурный поэт (перечеркнуто)

Барабанищик 20 тыс. кр

Попугай 10 тыс. кр.

Принцесса с колокольчиком 20 тыс. кр.

Заводной жук-носорог 5 тыс. кр.

Обезьянка-акробатка 12 тыс. кр.»

Луиза проворно выхватила листок и сунула в ящик стола.

– Не забудьте вернуть книги перед отъездом, – строго потребовала она. – Значит, уговор такой: вечером провожу вас на «Корабль-в-бутылке», а послезавтра сходим в лечебницу.

С этими словами она поднялась и быстрым шагом удалилась в дальний конец зала, пока Аннет не начала вновь расспрашивать.

Подошел Максимилиан. Он покорно взял стопку книг и поинтересовался:

– Идем обедать?

– Идем, – согласилась Аннет, у которой основательно свело живот.

– Мне нужно столько вам рассказать! Я выведала у Луизы немало интересного. А еще нам предстоит сделать пару вылазок...

Аннет вполголоса докладывала Максимилиану, тот слушал не перебивая. Вышли на крыльцо.

– Вы уходите! Не дождались меня! – взвизгнул знакомый голосок, и Аннет поморщилась. Семейка бургомистра начала действовать ей на нервы.

– Вы в гостиницу? – поинтересовалась Линда. – Максимилиан, вы помните, о чем мы с вами договаривались? Сегодня в шесть, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Максимилиан.

– Господин Молинаро! – на крыльцо выбежал Форс, – еще на пару слов, прошу! Про акции вашей фирмы на Лиддской бирже...

Они отошли, а Аннет холодно сообщила Линде:

– Я нашла книгу, которую ты забыла на скамейке в беседке. Вернула ее Луизе.

– Какую книгу? – удивилась Линда и часто заморгала.

– «Приключения маркизы демонов».

– Это не моя. Я не читаю книг. Они скучные, и там мало картинок. Я люблю журналы. Те, что разрешает читать папа, – Линда метнула трусливый взгляд через плечо Аннет, та обернулась и мысленно чертыхнулась. Бургомистр был уже тут как тут – стоял за ее спиной и злобно пучил глаза как резиновый пупс, которому сдавили затылок.

Кажется, своими словами она невольно подставила Линду, сообразила Аннет. Теперь ей достанется от папаши за чтение бульварной литературы! Чего доброго, бургомистр не преминет обвинить Аннет в тлетворном влиянии. Ну и пусть его. Что он ей сделает? Однако Линду все же было жалко.

– Наверное, я ошиблась, – быстро произнесла Аннет. – Это кто-то из туристов забыл. Мне пора! Вот и господин Молинаро идет. Всего хорошего!

Она подхватила Максимилиана под локоть и повела прочь, и по пути в гостиницу торопливо закончила рассказ о том, что узнала от библиотекариши.

– Молодец, – похвалил ее Максимилиан. – Мне приходила мысль поискать на игрушечном корабле. Но как я мог забыть про этот гимн! Я ведь слышал о нем раньше, но строки не отложились в памяти.

– О чем вы договорились с Линдой? – поинтересовалась Аннет. – Вы опять встречаетесь с ней сегодня вечером? А как же наши планы?

– Линда говорит, что хочет рассказать нечто важное. Без свидетелей.

– Как пить дать, опять заведет речь о побеге. Если это не так, я готова съесть свою шляпку, – кисло заметила Аннет.

– Почему вы негодуете? – удивился Максимилиан. – Это же ваша идея была, а я теперь расхлебывай. Линда, кстати, оказалась не такой уж пустоголовой. Мы весьма мило поболтали утром. Я даже получил удовольствие от ее компании.

– Чем же она сумела вам потрафить?

– Весьма артистично поведала несколько забавных историй из жизни города, интересовалась моими взглядами на современное

искусство, показала свои акварели... простенькие, наивные, но не без оригинальности. Занятная девчонка.

– И хорошенькая притом.

– Ну да, мужской взор она радует, если вы об этом.

– Вы ей нравитесь, – заметила Аннет, стараясь, чтобы голос ее звучал легкомысленно. Это было непросто, потому что от негодования свело челюсть.

– Да, я заметил, – сухо ответил Максимилиан, но дальше на эту тему распространяться не пожелал. – Мы договорились встретиться в шесть, к семи я рассчитываю вернуться. Тогда и отправимся посмотреть, не спрятано ли что на «Корабле-в-бутылке».

Она зашли в гостиницу. Аннет раздирали неприятные чувства. Максимилиан наклонился, чтобы открыть дверь и вдруг строго спросил:

– Что это такое у вас на плече? Ну-ка снимите шарф.

Не дожидаясь, пока она сделает это сама, он потянул за конец шарфа и присвистнул.

– У вас на шее волдырь размером с мой кулак. Пчелиный укус, так? Неужели вы обыскивали улья Ангренажа?

– Не понравилась одной дурной пчеле, – отмахнулась Аннет. – Пустяки. Меня сто раз жалили у деда в поместье.

– Нужно вытащить жало, – продолжал настаивать Максимилиан. – У вас, полагаю, найдется пинцет? Знаете, тонкий такой. Дамы обычно пользуются им, чтобы выщипывать брови, усики...

– Какие такие усики?! – вспыхнула Аннет. – Нет у меня никаких усиков, и пинцета нет.

– А нашатырный спирт имеется? Дамы обычно держат его на случай, если им станет дурно.

– Мне не бывает дурно. Что за дамы вам попадались – сплошь усатые неврастенички? Ну и вкусы у вас.

Максимилиан улыбнулся.

– Ладно, обойдемся без пинцета. Спирт должен быть в гостиничной аптечке.

Он без приглашения прошел в ее номер, скинул пиджак, бросил на кресло и закатал рукава. Помыл руки в ванной комнате, затем погрел в шкафчике и вышел, сжимая в руках бутылёк с нашатырным спиртом. Сел на кушетку, похлопал по подушке и сурово приказал:

– Садитесь. Поиграем в доктора.

Аннет покосилась на его обнаженные до локтя ручки, послушно села, куда было велено, покорно наклонила голову, чтобы ему было удобно, и тут же вздрогнула: Максимилиан споро расстегнул пуговички на спинке платья и чуть-чуть приспустил ворот. Она не видела его лица, но чувствовала его дыхание на коже, когда он наклонился, чтобы рассмотреть ужаленное место. Потом убрал локон с плеча и зачем-то медленно провел прохладными пальцами по ее шее. Аннет зажмурилась от удовольствия.

– Больно? – спросил он неожиданно брюзгливым тоном, словно рассердившись.

– Ни капли, – ответила Аннет немного дрожащим голосом.

Кажется, он наклонился ближе. Теперь его губы совсем рядом с мочкой ее уха. На предплечьях выступили мурашки, сердце пустилось в пляс, а все правильные решения забылись. Ей отчаянно захотелось, чтобы Максимилиан бросил изображать из себя специалиста по укусам насекомых, а взял ее за плечи и поцеловал. Она не будет негодовать и разыгрывать недотрогу. Ну, может, самую малость, для вида. Пусть он не выпустит ее, пусть он обнимет ее еще крепче, пусть его губы коснутся ее шеи, потом подбородка, потом ... пусть все будет как в тех мечтах, которые сегодня кружили ей голову. Да! Он придвинулся еще ближе! Вот, сейчас это произойдет!

– У вас нет аллергии на пчелиный яд? – скучным голосом спросил Максимилиан ей в макушку.

– Нет, – пролепетала разочарованная Аннет. Напрасно она надеялась, что он подслушает ее мысли.

– Хорошо.

Аннет ойкнула, когда его пальцы сильно ущипнули за шею.

– Вытащил жало, – поставил он ее в известность. Остро запахло нашатырем, и на кожу лег влажный комочек ваты.

– А что это вы такая красная? Вы, часом, не обгорели ли снова? Мне опять идти к повару выклянчивать прокисшие сливки?

– Не надо сливок, – произнесла она упавшим голосом, – я просто устала.

Может, ей самой поцеловать его? Пока она раздумывала, Максимилиан нашел новый повод повредничать.

– От усталости бледнеют, а не краснеют. Почему у вас кожа на шее исцарапана? Кроме пчелы на вас напали дикие коты?

– Укус сильно чесался, – в сердцах бросила Аннет и отодвинулась.
– Не надо со мной возиться. Я и сама могу о себе позаботиться.

– Черта с два вы можете о себе позаботиться.

Он резко поставил бутылёк с нашатырным спиртом на столик, а затем встал, глянул на нее исподлобья и забрал с кресла пиджак.

– Пообедайте в ресторане без меня. Мне нужно заглянуть к Пендельфедеру и договориться с ним о вылазке к месту гибели Вальвазора, если туда можно добраться после вчерашней непогоды.

Аннет не понимала, почему он так разошелся. На улице был мил и любезен, а теперь сердится и придирается.

– Возьмите меня с собой, – попросила она и тут же пожалела об этом. Она не любила навязываться.

– Нет, – отрезал Максимилиан. – Не стоит. Дел много, одному мне будет сподручнее. Оставайтесь в номере, читайте книги. Встретимся вечером.

Аннет моментально вообразила, что терпение его лопнуло, и он просто мечтает избавиться от обузы в ее лице.

Она растянула губы в ослепительной, хорошо отрепетированной улыбке и непринужденно произнесла:

– Да, так будет лучше. Я действительно буду вас стеснять. До вечера!

Глава 19 Корабль-в-бутылке, часть 1

Когда дверь захлопнулась, Аннет скорчила недовольную гримасу. Причины обижаться не было, но все же сердце грызла обида.

Ей очень хотелось пойти с Максимилианом. Утро они провели раздельно — по ее вине, между прочим, – и она успела соскучиться. Вечернее свидание с пронирой Линдой также вызывало не самые добрые предчувствия.

Понравилась ему компания бургомистерской дочки, смотрите-ка! Что еще за новости! Тоже знаток женщин выискался. И прошлый неудачный брак его ничему не научил. Повелся на лстивый язычок да белокурые локоны, как простофиля.

От таких мыслей стало совсем кисло.

Имелось у Аннет несколько проверенных способов поднять настроение: посетить синематограф, купить у модистки новую шляпку, наесться сладкого или занять себя полезным делом. Первые два способа отпадали; придется довольствоваться тем, что доступно.

Вызвала горничную и попросила подать в номер какао и пирожные из лучшей кондитерской города. Максимилиан рассказывал, что столичные сладкоежки специально приезжают в Механисбург, чтобы попробовать малиновое суфле и корзиночки с шоколадным муссом. По слухам, местные кондитеры от отца к сыну передавали секрет, что помогал им превращать любую выпечку в сказочное лакомство.

Какой-то секрет определенно существовал, потому что десерт и вправду сотворил чудо. После лимонной меренги Аннет успокоилась, после эклера в ванильной глазури воспрянула духом, а после двух профитролей с клубничным кремом затеяла мысленный спор с Максимилианом. Даже придумала несколько язвительных ремарок. Нужно записать их, чтобы не забыть. И затвердить на память: не будет же она в разгар перепалки подглядывать в шпаргалку! Глупее ссоры по бумажке может быть только ссора по подсказкам суфлера.

Аннет рассмеялась и окончательно повеселела.

Напившись какао, она забралась на кровать с ногами и взялась листать книги, которыми ее снабдила Луиза.

Из первого сочинения под названием «Код Жакемара» она не узнала ничего полезного. На десяти страницах автор повторял рассказ Ангренажа о брелоках, а на остальных ста заумно рассуждал о природе гениальности.

Вторая книга – «Ходящий под луной» – оказалась куда увлекательнее. Автор исследовал личность Жакемара, его привычки и болезни. Пролистав несколько глав, Аннет принялась размышлять, каково было детям и женам мастера жить подле гениального сумасброда с нездоровыми наклонностями.

Книгу «Часы и камни» хотела закрыть сразу, как увидела на страницах непонятные схемы и чертежи, но решила почитать пояснения, и так увлеклась, что вскочила, нашла в бюро пачку бумаги, достала из сумочки любимый карандаш из мягкой древесины – тот самый, которым Лазурный поэт набросал таинственную схему — и принялась делать выписки. Затем лихорадочно открыла следующую книгу, за ней еще одну...

Очнулась лишь спустя пару часов. Глянула на заметки и почувствовала глубокое удовлетворение, которое тут же сменилось досадой. За эти несколько часов она почерпнула немало интересной и забавной информации. Даже попробовала разобраться в чертежах,

которые иллюстрировали догадки о секретном устройстве автоматов. Автор утверждал, что у жакемаровых кукол был двойной корпус, внешний и внутренний, а еще он предполагал, что каждый автоматон, если проделать с ним некие манипуляции в определенной последовательности, может показать новый трюк. По всему выходило, что Аннет и Максимилиан первыми подтвердили это предположение, заставив Лазурного поэта «разговориться».

Однако она по-прежнему понятия не имела о том, что творится в этом городке и как в эти непонятные дела оказалась замешана она, Аннет Вик, ассистентка антиквара и неопытный хронолог.

В голове крутились разные идеи, щедро приправленные фантазиями, однако в целую картину они не складывались.

Детали картины были следующими.

В последнее время вокруг Аннет происходило немало странного. А когда они начались, эти странности? Может, в тот день, когда в их контору на Лилак-страда пришел новый босс? В момент, когда ей вздумалось поправлять чулок у него в кабинете, а Максимилиану взбрело в голову невесть что?

Аннет покраснела. Нет, тут ничего странного не было. Глупое недоразумение, вот и все.

А закрутилось все на дирижабле. Кто-то — закоренелый преступник Швиц, вот кто! — хотел выбросить ее за борт. Или не хотел, а все это ей померещилось. Да, было дело — она вела себя беспечно, высунулась в окно слишком далеко. Ветер свистел, слышались разные звуки, она приняла их за шаги. А за борт выпала по собственной неосторожности.

Потом в нее полетела стрела механического купидона. Аннет покосилась на черную пасть камина и пустую ныне мраморную полку и поежилась. И опять это могло быть простым совпадением. Но роза? Куда делась роза? Нельзя исключать, что она завалилась куда-то, а горничная потом ее убрала.

Последнее жуткое происшествие: черный человек и Пильщик. Привиделось, или было на самом деле?

Вскочила и принялась ходить по номеру туда-сюда. Может, она заигралась в актрису и теперь видит наяву то, что представляет себе в фантазиях? Проще говоря, съехала с катушек? Это было бы крайне досадно!

А может, кто-то тайком пичкает ее местным медком, что вызывает разные галлюцинации?

Почесала ужаленное место на шее, глянула на поднос, где на многоярусной тарелочке лежало еще несколько крошечных пирожных, потянулась, чтобы взять одно для успокоения нервов, но передумала.

И главная странность: алые точки на хронограмме, которую она сняла с Лазурного поэта, хранителя древней тайны. Что, если все дело в этом? Что, если все загадки закручены вокруг автоматона, который пишет стишки о нагих девах и рисует странные схемы? Кто может быть заинтересован в том, чтобы эта тайна не досталась посторонним?

Наследники Жакемара, разумеется. Один другого подозрительнее. Они избавились от доктора Вальвазора, когда тот с помощью своего дара выведал что-то удивительное. А теперь хотят расправиться и с ней, а потому подстроили все эти несчастные случаи.

Самым подозрительным кажется Карл Ангренаж. Калека с золотыми руками, любитель глупых шуток и механических игрушек. Одинокий, несчастный фантазер. Нет, не может он быть главным злодеем. Настоящие злодеи не станут одеваться так, чтобы весь мир узнал об их темной сущности. Они не носят черные вампирские плащи и не шутят про кровавые ритуалы. Они стараются выглядеть безобидными, как продавцы леденцов.

Дело в том, что безобидным не выглядит никто. Сварливая Луиза Соннери по прозвищу «ведьма». Шарманщик Петр, который только прикидывается юродивым, а сам бойко проворачивает какие-то странные делишки. Толстячок Пендельфедер... да, пожалуй, этот подходит. Он смешон и нелеп, но что скрывается за его нелепостью и невинной любовью к корнеплодам? Он полицейский, и пользуется своим положением, чтобы замять неудобные дела и вопросы. Из кожи вон лезет, чтобы выставить ее непроходимой дурочкой. Да, присвоим ему номер один в списке подозреваемых.

Швиц. Скорее всего, простой наемник, «шестерка». Ему платят, он выполняет грязную работу. Кто платит? Бургомистр?

Так, бургомистр Гильоше и Белинда. О, этих она с радостью запишет в злодеи! Папаша – взяточник и махинатор. Дочка — хитрая, пронырливая манипуляторша. Что за листок выпал из книги? В нем перечислялись названия автоматонов Жакемара. Кто и зачем его составил? Линда или Луиза Соннери? Почерк она не узнала.

По спине Аннет пробежал холодок. Есть еще один подозреваемый. Тот, кто находился все эти дни рядом. Тот, кто решил приобрести Лазурного поэта. Максимилиан Молинаро. Он имел возможность подкрасться к ней на дирижабле, подкинуть розу в номер и завести механизм купидона. Он высокий и сильный, как черный человек, который напал на нее в театре. И что, в сущности, она знала об этом антикваре-авантюристе-поваре? Только то, что он сам ей рассказал. А рассказал он не так уж много. Даже о своих сенситивных талантах предпочел умолчать. А вдруг Максимилиан – опасный маньяк, который не выносит, когда девушки ему отказывают, и избавляется от них разными причудливыми способами?

Аннет приложила к пылающим щекам заледеневшие руки и зажмурилась. И придет в голову такая глупость! Нужно вернуться к главному предположению. Придумать, что делать.

План дальнейших действий сложился мгновенно. Стоит заглянуть в музей и обследовать другие автоматы. Почему бы ей не попробовать еще раз призвать свой дар репликатора? В конце концов, ее жизнь на кону. Нет сомнений, что все тайны связаны с наследием Жакемара.

Аннет хлопнула в ладоши и очнулась. Нужно обсудить идеи с Максимилианом, который, разумеется, никакой не преступник. Он скоро придет: а пока она вернется к книгам. Все равно больше заняться нечем!

Время текло медленно. Прошел час, затем другой. С улицы доносился перезвон часов, звуки патефона и воркование голубей. Где-то заливисто рассмеялась девушка. Люди радовались жизни и прекрасному вечеру, и только в номере было тихо и тоскливо.

Аннет в раздумье бродила по комнате. Готовясь к встрече с Максимилианом, она переоделась в платье на тонких бретельках с пышной, удобной юбкой, а сверху накинула узкий жакет-болеро. Подкрасила губы, взбила кудри. В груди росло нетерпение. Луиза ждет их к семи, чтобы проводить на «Корабль-в-бутылке». До встречи осталось еще полчаса.

Постояла на балконе, затем вернулась в комнату и спустилась на первый этаж. Подожду Максимилиана на улице, решила она.

Пересекла вестибюль, толкнула тяжелую дверь и под звон колокольчика вышла наружу. Полной грудью вдохнула теплый вечерний воздух, свернула за угол, чтобы устроиться в садовой беседке,

увитой шпалерными розами.

Беседка оказалась занята: там разговаривали двое. Женский голос торопливо шептал, мужской отвечал короткими предложениями. Аннет тихонько продвинулась вдоль аллеи и оцепенела. Ей показалось, что на нее опрокинули ведро ледяной воды, а потом тюкнули доньшком по темечку.

В глубине беседки, слившись в поцелуе, стояла парочка. Аннет не потребовалось пенсне, чтобы опознать в высоком мужчине Максимилиана. Он крепко держал за плечи бургомистерскую дочь, которая прильнула к нему всем телом, изящно отставив согнутую в колене правую ножку. Белокурые волосы красиво разметались по спине.

Максимилиан сделал шаг назад, увлекая Линду глубже в беседку. Та опустила ножку и засеменила, не прерывая поцелуя. Тень скрыла парочку от посторонних глаз. Аннет услышала пылкий вздох. Знакомый баритон неразборчиво, но прочувствованно произнес несколько слов. Раздались шорох и возня.

Аннет развернулась на каблуках и бросилась прочь. Грудь сжало, как тисками, стало трудно дышать.

«Нужно прогуляться и остудить голову, — решила Аннет, чувствуя, как бешено, больно колотится сердце. — Что мне делать дальше? Ждать, пока Максимилиан вспомнит о наших планах и отпустит свою белокурую красотку? И как я с ним встречусь после того, что увидела? Нет, я решительно не смогу идти с ним под ручку и болтать, как ни в чем ни бывало!»

В синих сумерках, мимо желтых окон домов Аннет брела по улице, одинокая и несчастная, и страдала.

«Чего мне обижаться? — думала она. — Я ведь получила то, что хотела. Он оставил меня в покое, как и обещал. Нашел себе новую пассию. Конечно, бургомистерская дочь -- не никчемная ассистентка. Эта особа не для интрижек. Ему понравилось ее общество, сам признался. Может, он даже женится второй раз. Совет им да любовь. Уверена, в столицу мы все же будем возвращаться втроем».

Мысль ударила так больно, что Аннет встала и часто-часто задыхалась. В горле застрял колючий комок.

Над головой крякнуло. Девушка подняла глаза: часы с вороном на циферблате и стрелками-крыльями пробили семь. Бой часов звучал заунывно и добавил печали.

Аннет вытерла слезы, вздохнула и огляделась. Ого, куда забрела! Эта улица ведет к старому Луна-парку, где в огромной пузатой бутылке навечно пришвартована игрушечная пиратская каравелла. А это, видимо, дом Луизы Соннери. Она обещала устроить экскурсию на аттракцион, но Максимилиан, кажется, нашел занятие поинтереснее, а Аннет больше ни капли не хотелось проводить в его обществе остаток вечера. Значит, все отменяется.

Пожалуй, стоит предупредить об этом Луизу, раз уж она забрела к ее дому. Аннет подошла к двери и ткнула кнопку старомодного пузатого звонка, похожего на половинку апельсина.

В глубине дома с украшенными геранью и кружевными занавесками окошками раздалась не лишенная приятности трель, но больше ничего не произошло. Аннет вздохнула с облегчением. Луизы нет дома. Однако именно в тот момент, когда Аннет собралась спуститься с крыльца, щелкнул замок, застонали дверные петли, дверь распахнулась и наружу вышла госпожа Соннери.

– Кто это? – произнесла она бесцветным голосом.

Аннет удивилась и даже на миг забыла о своих горестях. Сумерки еще не сгустились, однако Луиза ее как будто не видела. Библиотекарша выглядела странно. Волосы у нее были растрепаны сильнее обыкновенного. Она зябко куталась в черную шаль с бахромой и щурила глаза. Ее длинное лицо опухло, а веки покраснели, словно Луиза либо только что проснулась, либо недавно плакала.

– Это я, – сообщила Аннет с некоторой неловкостью. – Мы договаривались пойти на «Корабль-в-бутылке», помните?

– Помню, конечно, – произнесла Луиза с привычной резкостью. – Идем.

С этими словами она захлопнула дверь и быстро спустилась по ступенькам. Аннет ничего не оставалось, как бежать следом.

– Эй, погодите! Планы изменились.

Попыталась схватить ее за руку и объяснить, но Луиза глянула отсутствующим взглядом и молвила:

– Вы захотели осмотреть аттракцион – я согласилась. Вперед. Быстрее начнем – быстрее закончим. Ночь у меня будет тяжелой. Хочу вернуться домой пораньше.

Озадачив Аннет этим странным заявлением, Луиза ускорила шаг. Недоумевая, Аннет догнала ее и пошла рядом, с любопытством

вглядываясь в ее лицо.

– Что с вами? Вы себя плохо чувствуете? – спросила Аннет, но ответа не получила. Уже стемнело, и верным решением было бы отправиться в гостиницу. Но заговорила совесть: наверное, не стоит оставлять Луизу одну в таком состоянии.

С библиотекаршей определенно творилось что-то неладное. Она шагала широким шагом, глядя перед собой отсутствующими глазами.

На улице было много гуляющих, и Луиза не раз задевала прохожих плечом, однако извинениями никого не удостаивала и на приветствия знакомых не отвечала. Знакомые поглядывали с опаской, но без удивления; видать, перепады настроения городской библиотекарши по прозвищу «ведьма» были им не в новинку.

Несмотря на поздний час, в городе кипело веселье. Аннет вспомнила, о чем утром толковали туристы в ресторане гостиницы. В Механисбурге чтит старинную традицию – отмечать день первого летнего полнолуния. В этот раз из-за аварии на празднике будет меньше гостей, чем обычно, но отменять его не пожелали, напротив – хозяева приложили все усилия, чтобы гости не вспоминали о том, что, по сути, они остаются пленниками города, а наслаждались каждой минутой своего заточения.

Группы механисбуржцев и туристов весело переговаривались, гремели бутылками и подзывали к себе торговцев печеными яблоками и мороженым. Уличные музыканты грянули польку. Появились артисты на ходулях и погонщики ослов (Аннет поморщилась). В странных конструкциях, похожих на бочки из ажурно переплетенных стальных прутьев, разожгли костры. Время от времени распорядитель в смешном берете с помпоном бросал в огонь горсть порошка, и тогда пламя меняло цвет, становилось пурпурным или лазурным, а то и переливалось как радуга. Под визг и улюлюканье запустили потешные ракеты. На улице воцарилась легкая атмосфера карнавала. В синих сумерках все казалось ненастоящим, мелькало, словно кадры на экране синематографа.

Луиза шагала среди этого великолепия с чудным выражением на лице, в котором смешались гадливость и отстраненность. Вечерний ветерок развеивал длинные черные пряди, которые выбились из небрежного пучка на затылке. Иногда она поднимала глаза и с опаской смотрела на небо, словно ожидая, что желтый шарик луны вот-вот

лопнет и рассыплется фейерверком.

От Луизы сильно несло валерьянкой. Запах этот привлек парочку уличных котов. Один оказался старым знакомцем: его Аннет встречала раньше в компании шарманщика Петра. Коты бежали следом, заунывно орали, тыкались головами в подол Луизы, а Аннет едва поспевала за ними, испытывая сильнейшее недоумение.

Ей совершенно не хотелось идти исследовать аттракцион в компании библиотечарши, которая с каждой минутой вела себя все чуднее. Но на Максимилиана рассчитывать не стоит: он так занят, что ему не до поисков мастерской Жакемара. Вспомнив, чем именно ее босс занят в этот самый момент, Аннет почувствовала новый болезненный укол в сердце. Господину Молинаро больше нет дела до своей ассистентки. И ей до него нет никакого дела! Теперь они каждый сам по себе. Вернутся в столицу и расстанутся навсегда.

Городские часы принялись отбивать время, и Аннет стало горько, словно они отсчитывали последние минуты до расставания с кем-то очень дорогим и близким.

Мало-помалу удалось успокоиться. Что ж, она проводит Луизу – и сразу обратно. Находиться среди толпы безопасно. На улицах дежурят отряды добровольцев-распорядителей, они бдительно следят за порядком и не допускают безобразий. Да и царящее вокруг веселье помогало ей отвлечься от печальных дум.

Тем временем улица закончилась, показались разросшиеся кусты и заржавленные остовы каруселей старого Луна-парка. Здесь народу было меньше. Двое молодых людей пытались стронуть с места заржавевшие качели, да компания подростков на покосившейся скамье обсуждала свои дела.

Луиза уверенно прошла по узкой аллее. Окруженный кустами пятачок возле гигантской бутылки пустовал.

В синем вечернем небе мерцали звезды. Ветер приносил обрывки мелодии уличных музыкантов. Возле аттракциона стояла бочка с пылающим костром. Огненные отблески плясали в зеленоватом стекле гигантской бутылки. Заключенная внутри каравелла выглядела как корабль-призрак, который закончил свой путь в возведенной злым волшебником тюрьме.

Аннет обхватила себя за плечи и посмотрела на Луизу.

– Что дальше? – спросила она.

Луиза не ответила. На нее опять напал ступор. Она смотрела прямо перед собой, глаза не выражали ничего, губы широкого рта были плотно сжаты и побелели.

– Луиза?

Молчание. Аннет деликатно предположила:

– Мне кажется, вы себя плохо чувствуете.

За кустами раздался пронзительный скрип петель качели. Вызывающий зубную боль звук привел Луизу в себя. Она переступила с ноги на ногу, медленно повернула голову, глянула на Аннет, затем выудила из кармана и протянула ей длинный ключ с витой резьбой и ручкой-перекладиной. Ключ поразительно походил на штопор.

– Идите, – приказала Луиза мертвенным голосом, – откроете пробку и попадете внутрь.

– Пробку? Вот этим штопором? – с недоумением переспросила Аннет.

Луиза неожиданно взбеленилась. Она сверкнула глазами и резко произнесла:

– Вы что, глухая? Я же сказала – откроете дверцу и заходите.

Аннет помотала головой и протянула ключ обратно, но Луиза его не взяла.

– Как хотите, – обронила она, поплотнее закуталась в шаль, опустилась на скамью возле кустов и замерла.

– Луиза, – позвала ее Аннет, чувствуя растущую тревогу. – Проводить вас домой?

Луиза откликнулась не сразу.

– Я посижу, отдохну. Тут тихо, хорошо, – пробормотала она еле слышно. – Много воздуха, много неба. Жаль, луна светит слишком ярко. Полнолуние – страшное время в Механисбурге. Железнорукий любит полную луну.

Аннет стало жутко. Она осознала, что люди далеко, а сумерки сменились ночью. Праздничный костер в железной ажурной бочке бросал на гравий красные отблески. Мелодии и голоса, треск фейерверков доносились словно из другого измерения. А здесь, на этом пятачке, было темно и неудобно. Тут могло случиться все что угодно.

– До свидания, – произнесла Аннет, решительно повернулась и пошла прочь по аллее, мимо кустов шиповника, которым в этот момент вздумалось зловеще покачаться под порывами ветерка.

Девушка прошла несколько шагов и почувствовала укол совести. Она бросила Луизу одну. Библиотекарше явно нездоровится. Может, она провела вечер за бутылкой игристого или медового пунша? Или перебрала валерьянки? Что же так тревожит местную библиотекаршу, что она вынуждена постоянно утешать свои нервы?

В любом случае ей нужна помощь.

Аннет поспешила обратно, но, к ее великому удивлению, скамья уже опустела. Вероятно, Луиза ушла дальше по аллее, вглубь старого Луна-парка. Нет, туда ходить не стоит. Скелеты качелей и полусгнившие карусельные лошадки выглядели жутковато даже при свете дня; теперь же они казались останками неизвестных монстров. Луиза знает это место как свои пять пальцев, ничего с ней не случится.

Устав от хождений туда-сюда, Аннет повернулась спиной к гигантской бутылке и двинулась к выходу. Пора в гостиницу. Она проскользнет незаметно в свой номер, ляжет в кровать и вдоволь поплачет в подушку.

Темнота за пределами круга света от костра казалось непроницаемой. Аннет ускорила шаг, чувствуя, как сильно бьется сердце. Ей захотелось оказаться среди людей. Вот уже и конец аллеи, осталось совсем чуть-чуть! Где-то тут подростки качаются на качелях. Хоть бы они еще не ушли!

Узнать этого не удалось, потому что впереди вырос темный силуэт. Аннет вздрогнула, по позвоночнику пополз могильный холодок. Возникший словно ниоткуда высокий человек в шляпе и черном плаще до пят очень походил на того, кто напал на нее в театре.

Он стоял совершенно неподвижно, и почему-то это было страшнее всего. За его спиной горел фонарь, по гравию простерлась бесконечная тень, густая как чернила.

«Так, – подумала Аннет, – кажется, влипла».

Сглотнула, сделала шаг назад, затем второй, повернулась и на цыпочках бросилась наутек. Мысли скакали как безумные. Заметил или нет ее черный человек? Он охотится за ней? Он крался за ней по улице или поджидал здесь? Или это ненормальная библиотекарша решила ее напугать? Нет, этот человек выше Луизы! Что там она болтала о Железнуруком? Это он? Нет, описание не сходится. Да какая разница, кто это! Бежать, быстрее бежать!

Пулей пронеслась мимо костра, мимо громады бутылки и нырнула

во вторую аллею, которая вела вглубь Луна-парка. Замедлила ход, прислушалась: под тяжелыми шагами отчетливо захрустел гравий. Но звук доносился спереди, из-за акации подле груды металлолома, бывшего когда-то пружинной качелью.

Луиза? Аннет хотела позвать на помощь, но вовремя одумалась и шагнула в тень. Жаль, нельзя спрятаться в кусты, как в Живом лабиринте! Шиповник здесь рос очень густо и отличался колючками невероятной длины. Если она туда сунется, ей не поздоровится.

Из-за кустов вышел мужчина. Разглядеть его лицо в темноте было невозможно, но это и не потребовалось. Эту дородную фигуру Аннет узнала бы повсюду. Швиц!

Аннет охватило отчаяние. Обложили, со всех сторон обложили! Некуда деваться.

Шаги приближались, Аннет запаниковала и принялась отступать. К счастью, на пяточке подле бутылки было пусто; черный человек, вероятно, остался поджидать ее в конце аллеи. Но вот-вот сюда выйдет Швиц и увидит ее! Что делать? Закричать? Люди недалеко, но услышат ли? Музыка стала громче, все чаще раздавались хлопки петард и взрывы хохота. Ее крик может привлечь и разозлить преследователей, и тогда ей придется совсем туго. Где найти укрытие?

Решение явилось внезапно. Пригибая голову, Аннет бросилась к лесенке, которая вела прямо к горлышку бутылки размером с бочку, в два счета вскарабкалась, сунула ключ-штопор в скважину отделанной пробкой дверцы, провернула до щелчка, а затем потянула на себя железную ручку.

Дверца бесшумно отворилась, Аннет нагнулась, юркнула в стеклянную пещеру, плотно закрыла за собой дверь и торопливо заперла. Готово! Она будет сидеть в бутылке до рассвета, если понадобится. Дверь крепкая, стекло толстое. Здесь она в безопасности.

Влажный воздух окутал Аннет, как ватой. Городские звуки – треск фейерверка, шум голосов и мелодия скрипок – стали глухими, далекими. Пахло сыростью и машинной смазкой.

Осторожно прошла по узкому, пружинящему под ногами деревянному мостику и ступила на палубу. Днем причудливый аттракцион выглядел забавно, но теперь, изнутри, да еще в сумерках,

казался зловещим.

Толстое стекло рассеивало отблески костра, и они падали на палубу неровными желтыми пятнами. Палуба тускло блестела, на ней застыли черные силуэты механических морячков. Автоматоны торчали на подставках подобно фигурам на шахматной доске. Вдоль бортов стояли ряды миниатюрных пушек, а сверху нависала громада парусов.

Аннет подняла голову и вгляделась сквозь пузатые стеклянные стены. Палуба располагалась над землей довольно высоко, корабль словно плыл над старым Луна-парком и готовился войти в город как в гавань.

Страшных преследователей видно не было. Это немного успокоило. Чернели кусты, за кустами поднимались далекие остроконечные крыши, за крышами распускались яркие цветы фейерверков, а над ними повис кругляшок луны.

Аннет двинулась вдоль палубы, осторожно обходя игрушечных морячков и уклоняясь от парусов и свисающих канатов. Нужно попасть в каюту Рыжебородого Генри и посмотреть, как там все устроено. Да и дополнительное укрытие не помешает. Здесь она как на ладони.

Передвижение давалось Аннет непросто. Каждый неверный шаг мог повлечь мелкие, но досадные неприятности. Можно было зацепиться юбкой о сабельки морячков, споткнуться о рельсы, поскользнуться на гладких досках или удариться головой о рею... да мало ли что еще могло случиться в этом странном месте!

Наконец, Аннет достигла кормы и потянула на себя дощатую дверцу. В тишине раздался резкий скрип; в черноту за проемом упал тусклый квадрат света, выхватил край низкого столика, на котором – вот удача! – стояла обычная керосиновая лампа, а рядом лежал спичечный коробок.

Она осторожно ступила внутрь каюты и дрожащими руками зажгла лампу. Свет оказался таким ярким, что она зажмурилась, а когда открыла глаза, чуть не взвизгнула.

В углу роскошно обставленной каюты, на широком кресле, закинув ногу на ногу, сидел скелет. Он был одет в ботфорты, белоснежные штаны и богатый зеленый камзол. Из-под пены кружев на обшлагах торчали унизанные перстнями костяные пальцы. На черепе заливчатски сидела треуголка с павлиньим пером. Череп ухмылялся крепкими зубами сквозь заросли густой рыжей бороды. В глазницах

потусторонним светом горели стеклянные шарики, отражая огонь лампы.

– Фу-ты ну-ты! – дрожащим голосом поразилась Аннет. Скелет, разумеется, был ненастоящий: гипсовый или деревянный. Однако Аннет уже немало знала о нездоровых пристрастиях Жакемара, чтобы засомневаться: а вдруг перед ней Генри собственной персоной, а игрушечный корабль – склеп, который канонир, ставший впоследствии искусным механиком, соорудил для своего капитана?

Стараясь не обращать внимания на жутковатого хозяина каюты, Аннет приступила к поиску того, что могло дать ответ на загадку рисунков Лазурного поэта.

Первым делом подошла к гербу на стене. На гербе растопырил крылья орел, немного походивший на того, что изобразил Лазурный поэт.

Ощупала каждый гвоздик, каждое деревянное перышко, нажала на глаз и загнутый клюв – ничего не произошло. Лишь один раз громко щелкнуло и коротко застрекотало, но за этими звуками ничего не последовало.

Пришлось обыскивать каюту. Здесь был шкафчик, в котором стояли пустые пузатые бутылки (разумеется, при жизни Генри, как и всякий уважающий себя пират, не мог обходиться без рома). На стене красовалась абордажная сабля. В углу висел гамак. Под гамаком стоял сундук. Большой такой, основательный, с железными накладками и петлями. Именно в таких сундуках пираты имели обыкновение прятать карты с координатами острова сокровищ или награбленное золото.

Аннет не без труда откинула тугую крышку и хмыкнула. Создатель аттракциона проработал все детали. Сундук был доверху наполнен золотыми монетами. Максимилиан говорил, что золото было не настоящим. Она запустила руку в сверкающую россыпь, вытащила одну монету, повертела ее перед глазами и ойкнула.

Старинный кронодор, на одной стороне выбита крупная цифра пять. Пять! На другой – герб с изображением орла. И этот орел выглядел точь-в-точь как на рисунке Лазурного поэта!

Таких монет в сундуке было очень, очень много. Что это: простое совпадение или ключ к загадке? Кто наполнил сундук – Жакемар? Поколебавшись, Аннет стыдливо спрятала одну монету в карман жакета. Ничего, от старины Генри не убудет. Она глянула на скелет и

содрогнулась. Ей показалось, что он вот-вот укоризненно покачает головой и погрозит ей костяным пальцем.

На всякий случай Аннет простучала пол, понажимала на доски потолка – благо он был так низок, что она почти задевала его головой. Больше ничего интересного в каюте не нашлось.

Села на низенькую табуретку и перевела дух. Придется провести здесь ночь. Утром она выберется наружу и помчится в гостиницу. Пока по парку бродит Швиц и черный человек, она из бутылки ни шагу не сделает.

Здесь довольно уютно, попробовала убедить себя Аннет и покосилась на капитана. Скелет щерился ехидным оскалом. По рыжей бороде проползла белесая ночная моль, похожая на привидение бабочки.

Аннет несколько секунд смотрела на нее, пытаясь справиться с нарастающей паникой. Фитиль в фонаре громко затрещал.

Стремительно вскочила на ноги, обливаясь холодным потом, стукнулась головой о низкий потолок и застонала. Показалось, что воздух стал невыносимо густым, стены каюты сдвинулись и вот-вот раздавят ее всмятку.

Нет! Она не сможет находиться здесь ни минуты. Она должна попасть наружу, к людям! Вот бы Максимилиан спохватился, отправился на поиски и пришел к ней на выручку! Ах да, он же подлый предатель. Нет, теперь она должна рассчитывать только на себя.

Тяжело дыша, сняла со стены абордажную саблю. Сабля была настоящей, увесистой, остро заточенной. Крепко сжимая ее в руке и обливаясь холодным потом, Аннет чуть-чуть приоткрыла дверь каюты, высунула нос и вгляделась сквозь стекло. Костер в железной бочке понемногу умирал, на площадке возле аттракциона было по-прежнему пусто, а вот за дальними кустами мелькали головы людей и время от времени ярко загорались петарды. Нужно попасть туда!

Глава 20 Корабль-в-бутылке, часть 2

Аннет ступила на палубу, быстрым шагом прошла вперед и застыла, не в силах поверить тому, что видели ее глаза. Зажала саблю под мышкой, достала из сумочки пенсне и надела: нет, ничего не изменилось. Мостик между палубой и горлышком бутылки исчез, а отделанная пробкой дверца открыта нараспашку.

Кто-то приходил сюда, пока она отсиживалась в каюте! Человек, у

которого был свой ключ к аттракциону. Может, он до сих пор здесь прячется? Но где? На палубе никого, кроме автоматов, похожих на уродливых гномов.

И тут Аннет осознала, что теперь покинуть бутылку она не сможет. С носа корабля не перепрыгнуть на платформу в горлышке бутылки — слишком далеко.

— Да когда это кончится! — простонала Аннет. Абсурдность ситуации сводила ее с ума. Такого не показывали ни в одном синемаатографическом романе. Подумать только, неизвестный маньяк загнал ее в ловушку — и не на заброшенный завод, не в отель с хозяевами-людоедами, не на кладбище, а на глупый детский аттракцион!

Нет, так просто она не сдастся. Нужно найти доску. Перекинуть на платформу, выбраться наружу и дать деру.

Со всех сторон раздался резкий скрип. Аннет вздрогнула. Уже догадываясь, что увидит, она обреченно огляделась.

Автоматы на палубе ожили. Кто-то включил механизм! Зачем, с какой целью? Ответ на этот вопрос искать было некогда.

Матросик с красным платком на голове резким движением поднес к фарфоровым губам боцманскую дудку. Раздался тоненький свист. Слева зажужжало: Аннет еле-еле успела отпрыгнуть в сторону. Наперерез стремительно покатился морячок в тельняшке и подвернутых штанах. Лицо у него было мерзкое: круглые глаза без век и безгубый рот, полный острых, блестящих зубов. В руках он держал швабру, которой возил туда-сюда. Деревянная палка больно стукнула по ноге, Аннет отскочила в сторону. Дальше ей пришлось совершать очень много разнообразных движений, потому что началось светопреставление.

Механические морячки доставали ей лишь до пояса, но носились по переплетениям рельсов на палубе так беспорядочно, что увернуться от них было непросто. Аннет словно очутилась посреди затеянной гномами драки.

Две куклы с приклеенными черными усами изображали матросский танец. Они ритмично дергали руками и поочередно поднимали ноги. Аннет зазевалась и больно получила по лодыжке жестким носком ботинка.

Аннет подпрыгнула; что-то лязгнуло и потянуло подол юбки. Две

куклы в треуголках затеяли бой на саблях. Небольшая, но острая сабелька зацепила платье. На ткани выше колена появился длинный разрез.

Кругом трещало, стучало, жужжало и свистело. Слева и справа наезжали куклы, пинались, махали руками, клацали зубами. Аннет едва успевала уворачиваться, спотыкалась, больно ударялась! Саблю она давно обронила, да еще и пенсне потеряла, и теперь металась по палубе, как слепая мышь.

Зловеще погромыхая, надвинулся чернобородый автоматон с широко расставленными руками, словно намереваясь душевно обнять гостью. Аннет в панике попятилась; низкий борт ударил под колени. Она потеряла равновесие, опрокинулась и полетела за борт.

Под ногами исчезла опора, мир сделал кульбит, в спину стукнуло, стекло закрипело под ладонями и Аннет скатилась по пологой стенке, как по ледяной горке.

Под днищем каравеллы едко пахло чистящими средствами и немного плесенью. Было довольно темно, на деревянной обшивке плясали отблески костра. В корабельной утробе глухо жужжали механизмы. Однако шум мало-помалу стихал. Завод кончился, автоматоны один за другим застывали на своих местах.

Аннет кое-как приняла вертикальное положение и поднялась на ноги, ухватившись за деревянную стойку. Стоять было неудобно. Пол был изогнутым, как желоб, и ужасно скользким. Аннет споткнулась о трубу, которая через специальное отверстие была подведена к бутылке снаружи и тянулась по полу.

Подпрыгнула, пытаясь достать до днища корабля. Не удалось. Затем потрясла одну из стоек, посадила в ладонь занозу и задумалась.

Как же отсюда выбраться?

Приблизилась к горлышку бутылки и медленно пошла наверх. Подъем становился все круче, пришлось опуститься на четвереньки и упереться в стекло ладонями. Сделала шаг, второй, третий; затем подошвы поехали, и Аннет соскользнула вниз. Раз за разом она предпринимала тщетные попытки, пока не обессилела.

Над ухом затрещало, Аннет испуганно шарахнулась в сторону и увидела ночную моль; вероятно, соскучившись в пыльной бороде Генри, она выбралась наружу вслед за Аннет. Глупое насекомое билось о стекло, не соображая, где выход.

Аннет зазнобило. Она почувствовала себя муравьем, который сдуру забрался в пустую бутылку из-под ликера и теперь проведет в ней остаток своих коротких дней. Моль имела перед ней определенные преимущества. У той были крылья, и рано или поздно она сообразит, что ей всего-то следует взлететь наверх, чтобы обрести свободу. А вот глупой девушке придется сидеть тут до утра, пока кто-нибудь не вызволит ее – в лучшем случае. В худшем случае придет тот, что открыл дверцу, убрал доску и включил автоматы. Черный человек, или Швиц, или ведьма-Луиза. Теперь ничто не мешает загадочному врагу спокойно расправиться со своей беспомощной жертвой.

Аннет сжала виски, надеясь отыскать хоть какое-то решение.

Шли минуты, ничего не происходило. В стеклянной тюрьме стояла тишина. Время от времени трещали крылья моли. Упорное, но бестолковое насекомое раз за разом налетало на прозрачную стену. Аннет подавила желание поступить точно так же — побиться лбом о толстое стекло.

Что-то едва слышно зашипело — словно воздух, что выходит из проколотой шины. Аннет вскочила и огляделась. Снаружи по-прежнему безлюдно, тени кустов неподвижны. Шипело внутри.

Она замерла от страха, не зная, что ожидать. Шипение сменилось журчанием, которое усиливалось с каждым мгновением. Ногам стало холодно и мокро. Она опустила глаза и увидела, что стоит в ручейке, который вытекал из подведенной трубы. Труба захрипела, напор усилился, ледяные брызги попали на лицо и обожгли разгоряченную кожу.

Аннет тупо понаблюдала, как поток расползается, заливая носы туфель. На бурлящей поверхности дробились отблески костра. Плеск звонко отражался от стен стеклянной пещеры. Девушка потрясенно выругалась, нагнулась, зачем-то потрогала воду пальцем — убедиться, что ей не померещилось – и, наконец, поняла, что произошло.

Включился механизм, наполняющий бутылку водой. Скоро она поднимется... как высоко? Глянула на стеклянную стену и похолодела.

По стенке – куда выше макушки незадачливой узницы! — тянулась мутная полоска, которую нерадивый Петр не достал своей шваброй во время уборки. Именно до этого уровня поднимется вода, когда наполнит бутылку. Когда это произойдет? Через час, через два, через пять?

Вот какую участь уготовил ей таинственный враг — он хочет утопить ее!

Аннет бросилась к горлышку и сделала несколько новых попыток подняться по стеклянному склону. В этот раз получалось хуже: руки и подошвы намокли и скользили, издавая противный скрип.

Аннет с трудом подавила истерический смех. Она заключена в гигантской бутылке вместе с кораблем, на котором капитан — скелет, а матросы — механические гномы! Вот-вот она утонет в искусственном море и понятия не имеет, как избежать этой участи. Утренних гостей Луна-парка будет поджидать весьма неприятный сюрприз.

Может, попытаться вскарабкаться по деревянной опоре корабля? Бесплезно. Стойка упирается в днище. Забраться на борт не получится, а когда вода поднимется, она скроет ее с головой.

Аннет в отчаянии пнула по стойке изо всех сил. Раздался неприятный треск. Аннет перепугалась: не хватало еще сломать стойку! А вдруг корабль рухнет и раздавит ее?

Надежда одна: вдруг в эту часть Луна-парка забредет поздний прохожий, увидит ее и принесет лестницу! Но где он раздобудет ее, эту лестницу?

И тут Аннет осенило. Ну конечно, лестница! Удобная, лакированная, с широкими перекладинами, как в библиотеке Луизы. С крюками наверху, чтобы зацепиться за платформу у выхода.

Аннет прикинула расстояние. Затем шумно выдохнула, подобрала руками промокший подол платья, сосредоточилась и, представив лесенку в мельчайших деталях, призвала талант репликатора.

Талант откликнулся сразу. Воздух словно сгустился, перед глазами заплесали синие искры, затем вытянулись в серебристые нити. Нити принялись сплетаться, и через миг в полусумраке стеклянной пещеры соткалась призрачная лестница. Боковые рейки потянулись вверх; перекладки вспыхивали одна за другой. Сначала Аннет мысленно считала их — это помогало ей держать образ — затем бросила. Светящийся контур становился плотнее, пока не стал вполне осязаемым. Теперь лестница казалась изготовленной из полированного серебра.

Аннет всхлипнула от облегчения. Невозможно поверить, но ей удалось проделать трюк, который под силу лишь опытным репликаторам! Страх обостряет чувства, раскрывает подсознание и

усиливает сенситивный талант. Суровый, но действенный способ быстрого обучения!

Отпустила подол и положила ладонь на перекладину перед глазами. Она была холодная как лед, и, к счастью, такая же твердая.

Уверенно уперлась раскисшей подошвой на нижнюю перекладину и, быстро-быстро перебирая руками и ногами, двинулась наверх.

Внизу плескалась вода, Аннет старалась не думать, что произойдет, если ее талант откажет. Она уже чувствовала слабость и головокружение. До платформы оставалось совсем немного, на лицо повеял ветерок, когда правая нога провалилась в пустоту. Лесенка теряла плотность; поверхность под ладонью на миг стала вязкой, Аннет судорожно протянула руку и ухватила за следующую, пока еще твердую перекладину. Глянула вниз и обомлела: нижняя часть лестницы начала меркнуть и таять. В ушах все сильнее гудело, и Аннет не могла понять, был ли то шум воды в насосах, или же это шумела кровь в ее измученной голове.

Наконец, пальцы уцепились за деревянную доску. Аннет охнула, навалилась грудью на край платформы и подтянулась. Реплика, которая к этому моменту окончательно утратила материальность, рассыпалась искрами и растаяла. Из последних сил Аннет выползла наружу.

Она стояла у распахнутой дверцы и жадно хватала ртом ночной воздух. Сердце бешено колотилось, но замерло, когда Аннет увидела, как от кустов отделилась черная высокая тень, скользнула за пределы освещенного костром круга и растворилась в темноте. Выходит, все время, пока Аннет билась в стеклянной тюрьме, за ней наблюдали, холодно и отстраненно, ждали, когда закончится борьба за жизнь, победителем в которой окажется глупая девушка, которая сует свой нос, куда не следует! И злоумышленник видел, как она создала реплику лестницы и спаслась.

Впрочем, сделав это открытие, Аннет не очень испугалась. Сейчас она не боялась ни таинственного преследователя, ни самого дьявола. Они были опасностью неподтвержденной, той, с которой можно сладить. А вот утонуть, как жук в тазу -- смерть неминуемая, глупая и нелепая. Но она ее избежала, она справилась!

Осторожно спустилась по лестнице и, ступив на землю, осторожно огляделась.

Затем, в припадке отчаянной смелости, смешанной с яростью,

двинулась к кустам. Попадись ей сейчас Швиц, она бы сотворила реплику тяжелой дубины и треснула его по башке. Попадись ей оживленный магией автоматон-убийца, она бы силой своего дара разметала его механизм на кусочки, вот! А выйди ей навстречу Максимилиан, она бы от души залепила ему пощечину.

Но Аннет без всяких неожиданностей прошла к выходу из Лунпарка, и по пути ей никто не встретился.

Точно призрак самого Жакемара мчался за ней по пятам, пролетела до конца аллеи и выскочила под свет фонарей.

Оглянулась и с облегчением перевела дух. Здесь она в безопасности. Праздник еще не закончился, и на улице полно народу. Шумели голоса, приглушенно звонили городские часы. В черном небе над озером вспыхивали дымовые ракеты. Пахло порохом от фейерверков, жженым сахаром и пивом.

Гости праздника занимались разными веселыми делами и на растрепанную девушку в мокром платье внимания не обращали.

Несмотря на позднее время, было душно; камень мостовой щедро отдавал дневной жар. Туфли скоро перестали хлюпать, высохла и тонкая ткань платья. Аннет брела среди толпы, обхватив себя за плечи, и размышляла.

«Со мной происходят кошмарные вещи, – угрюмо думала она. – Я словно на съемки приключенческой ленты попала! Однако до такого бредового сценария не додумается ни один режиссер. Но если кто-то взаправду хочет меня убить, то почему он делает это такими странными и ненадежными способами?»

Подошла к костру в ажурной клетке и застыла, наблюдая за танцем оранжевых языков. Двигаться не было сил. Прошло немало времени – полчаса, или час, или вечность. Ее толкали, весело извинялись, предлагали выпить на брудершафт, но она ничего не замечала. Мысли крутились, как водоворот.

Итак, кто-то хочет расправиться с ней. Однако, если поразмыслить, каждая невероятная вещь, что случилась с ней за последние дни, походит на дурной розыгрыш.

Механический купидон выстрелил, когда она нагнулась, и стрела пролетела мимо. Пильщик... довел бы он свое дело до конца или нет? Он сломался сам по себе или так было запланировано? А приключения в бутылке? У злодея был ключ от аттракциона. Он мог войти, затаиться и

по-тихому придушить ее, не затевая весь спектакль с механическими морями и утоплением. Несомненная гибель грозила ей, лишь когда она выпала с дирижабля – но это могло произойти случайно, по ее собственной неосмотрительности.

Значит, все остальное было понарошку? Может, цель злоумышленника – просто напугать ее? Зачем?

При этой мысли Аннет ужасно разозлилась. Шутка?! За такие шутки нужно снимать с шутника штаны и публично пороть. Но где его отыскать, этого шутника? Кто из ее новых знакомых мог задумать и повернуть такое? Ангренаж? Или Луиза? Или все наследники скопом? Или кто-то иной?

«Ничего, – распалялась Аннет, скорым шагом направляясь к гостинице. – Я вам покажу. Будете знать, как выставять меня дурочкой. Я вас всех выведу на чистую воду, вот увидите. Больше не хочу быть жертвой. В этом спектакле я сыграю главную роль, но по своим правилам».

От мысли этой она приободрилась. Злость придала сил, усталости и ломоты в теле как не бывало. Погрузившись в планы мести, сама не заметила, как вышла к площади с фонтаном-часами, откуда было рукой подать до «Заводного купидона».

Неподалеку разом выпустили несколько дымовых ракет, небо вспыхнуло, заставив померкнуть луну. Толпа заголосила, трижды прогудел горн. Праздник закончился, и Аннет от души надеялась, что и ее сегодняшние злоключения также подошли к концу.

Однако ее надежды не оправдались. Из-за фонтана стремительным шагом вышел Максимилиан. В первый миг, увидев его, Аннет ужасно обрадовалась: милый, надежный, строгий, насмешливый и благоразумный Максимилиан, наконец-то он нашел ее, теперь все будет хорошо! Она была готова упасть к нему на грудь и разрыдаться от облегчения. Однако в следующий миг она здорово струхнула, потому что вид у благоразумного босса был свирепый. Пиджак расстегнут, галстук съехал набок, рот превратился в тонкую линию. Увидев ее, Максимилиан подлетел к ней и сделал такое зверское лицо, что Аннет икнула от ужаса.

Сейчас он будет на нее орать, подумала она и задрала подбородок – приготовилась к стычке.

– Я тебя сейчас убью, – тихим и оттого особенно страшным

голосом пообещал он. Затем схватил ее за предплечье стальными пальцами и, прищулив глаза, спросил: – Где ты была?

– Эй, полегче! – возмутилась Аннет. Пальцы сжались крепче, а Максимилиан повторил вопрос еще более зловещим тоном, чем прежде.

– Где ты была?!

Аннет фыркнула, кое-как выдернула руку и с вызовом ответила:

– Гуляла.

Максимилиан шумно выдохнул и произнес сквозь сжатые зубы:

– Опять гуляла! Гуляла. Дышала свежим воздухом, любовалась на звезды, наслаждалась праздником. Забыла, о чем мы договаривались? Ты не дождалась меня, ушла! На ночь глядя! Одна! Идем в номер. Там поговорим.

Аннет дернула плечом, повернулась и пошла к дверям гостиницы. Максимилиан легонько подталкивал ее в спину.

Как арестант в сопровождении злющего конвоира, она прошла в вестибюль гостиницы, забрала ключ у зевающего портье, поднялась по лестнице и, кое-как отперев замок, ворвалась в номер. Максимилиан очень тихо прикрыл дверь, сложил руки на груди и хмуро сообщил:

– Я вернулся и обнаружил, что твоя комната пуста. Сначала ждал в гостинице. Потом отправился искать. Люди видели тебя в живом лабиринте, и в компании Луизы, но Луиза давно вернулась и улеглась спать, и толком не смогла рассказать, куда ты делась. Лишь припомнила с трудом, что от экскурсии на Корабль-в-бутылке ты отказалась. Все же я сходил в старый Луна-парк...

Аннет насторожилась.

– ... и застал там кучку злых горожан и Ангренажа. Он клял хулиганов на чем свет стоит и возился с аттракционом. Во время праздника кто-то из гуляк забрался в бутылку и сломал механизм.

Разминулись, сообщила Аннет. Жаль, Максимилиан не появился там чуть раньше. Ладно, посмотрим, как он запоет, когда узнает правду.

Рассказать ему или нет о том, что случилось? Она вела себя неосмотрительно и попала в ловушку. Пожалуй, Максимилиан будет очень-очень зол, когда узнает все подробности.

Она мельком глянула на него и вспыхнула. Максимилиан нахмурился и сердито потер шею, а когда убрал руку, стало видно, что ворот его рубашки был испачкан розовой помадой оттенка, которым пользовалась Линда. Самый модный тон в этом сезоне, «Веселая

пастушка» называется.

Аннет почувствовала раздражение пополам с горечью. И он еще смеет обвинять ее!

Она немедленно возжелала скандала. Максимилиан подался вперед и открыл рот, чтобы продолжить допрос, но она опередила его:

– Простите, что ушла одна, не дождавшись, когда вы вернетесь со свидания с Линдой, – проговорила сладким голосом, медленно расстегивая жакет. Ткань отсырела, и пуговицы застревали в петлях. – Полагаю, все прошло чудесно, не так ли? Я видела вас в беседке в саду за гостиницей, но вы были так увлечены вашим... важным разговором, что я не посмела вас тревожить и отправилась побродить по улицам.

– Ты нас видела? – удивился Максимилиан и саркастически спросил: – А раз видела, то почему не пришла на помощь?

– Какую помощь?! Зачем?! Линда вас что, грабила? – возмутилась Аннет, бросив сражаться с неподатливой пуговицей. – У вас все было мило и распрекрасно, разве нет?

– Ну ты же вступилась за ту девушку на дирижабле. А мне, между прочим, пришлось куда хуже.

– Что за бред! – вскипела Аннет, в досаде так сильно дернув за края жакета, что пуговица отлетела и покатилась по полу к камину.

Максимилиан ухмыльнулся, а потом развел руками и пояснил:

– Целый час Линда морочила мне голову. Мы сидели в кафе на площади. Она болтала о пустяках. Ничего важного у нее выяснить не удалось. Потом я пошел в гостиницу, она навязалась провожать. Мы уже распрощались, когда она начала мяться, мычать, а потом призналась, что хочет сообщить что-то очень-очень важное. Предложила пройти в беседку, чтобы поговорить вдали от чужих глаз. Я, простофиля эдакий, повелся. Стоило зайти туда, как она кинулась мне на шею и полезла целоваться. Черт, у нее руки цепкие, как у обезьяны! Никак не мог ее оторвать от себя, не причиняя боль. А потом наша юная художница потребовала, чтобы я немедленно отвел ее в свой номер – предаться греховной страсти.

Максимилиан рассказывал беззаботным тоном, однако уши у него чуточку покраснели. Аннет с интересом посмотрела на него и насмешливо спросила:

– И что же было дальше?

Максимилиан сильным, очень мужским жестом распустил узел

галстука, дернул за ворот рубашки и со вздохом признался:

– Стыдно сказать, но я ужасно растерялся. В такую ситуацию я попал впервые.

– Впервые? Быть того не может. С вашим-то опытом по женской части!

– Бывало, дамы проявляли инициативу, но с такими юными и агрессивными девицами мне ранее дел иметь не приходилось.

У Аннет от облегчения в груди стало легко и приятно. Она вспомнила упреки Максимилиана, которыми он осыпал ее во время памятного разговора на дирижабле, и, не давая себе труда сдержаться рвущееся на волю ехидство, сообщила:

– Ничего удивительного. Вы вели себя как шалопай. Вскружили бедной девушке голову, бросали на нее свои тигриные взгляды. Надеюсь, вы не залепили ей пощечину, когда она покусилась на вашу честь?

– Я поступил еще хуже: прочитал нотацию и сказал, что ее следует хорошенько выпороть за такое поведение. Вместо того, чтобы устыдиться, Линда так обрадовалась идее с поркой, что чуть не принялась раздеваться прямо в беседке. Я сбежал в гостиницу, вызвал портье и велел ему отвести ее домой. Когда она уходила, посмотрела на меня столь многозначительно, что теперь я боюсь с ней встречаться. Пожалуй, весь этот эпизод станет самым позорным в моей биографии.

– Ничего, будет вам хороший урок. Не удивлюсь, если утром в гостиницу заявится ее папаша с дробовиком и поведет вас под прицелом к алтарю, – сказала Аннет, улыбаясь. Она наклонила голову, чтобы Максимилиан не прочел на ее лице глупого счастья, и принялась стаскивать жакет. Максимилиан поспешил на помощь.

– Ты какая-то сырая и холодная, – озадаченно произнес он, дотрагиваясь до ее обнаженного плеча.

– Со мной случилось очень странное и страшное происшествие..., – пробормотала Аннет, вздрагивая. В комнате было прохладно, ее охватил легкий озноб, и рука Максимилиана была приятно теплой.

– Почему-то я не удивлен. Упала в фонтан? Или в озеро? – спросил он очень сурово и Аннет сразу ошетибилась.

– Не скажу.

Аннет отвернулась, аккуратно повесила жакет на стул и хотела пройти в ванную комнату, но Максимилиан преградил ей путь. И

двигался при этом точь-в-точь как тигр, загоняющий добычу в ловушку, подумалось Аннет.

– Это еще почему? Что за детские недомолвки?

Она выпрямилась и с честью выдержала взгляд в упор.

Его глаза остро блеснули из-под полуприкрытых век – один глаз зеленый, другой ореховый, и это было красиво, но до головокружения странно – словно перед ней не один, а два разных человека.

– Ты будешь сердиться. Ненавижу, когда ты на меня сердишься, – неожиданно для самой себя выпалила она, да еще добавила от растерянности: – И ненавижу, когда ты ведешь себя как строгий начальник и начинаешь выговаривать и поучать.

– Когда это я делал тебе выговоры? – он сделал шаг и оказался очень близко. – К тому же я и есть твой начальник.

Аннет насмешливо фыркнула. От его близости она разволновалась, но пыталась не сдавать позиции.

– Я пересмотрю свое поведение, – сообщил он и вдруг взял ее за локти и немного притянул к себе. – Мне вовсе не нравится тебя расстраивать. Мне хочется тебя радовать.

Аннет подняла голову, вдохнула исходящий от него аромат гвоздики и вишневого табака и разволновалась еще сильнее.

Неяркий свет лампы упал на его лицо. Аннет уставилась на него и никак не могла отвести взгляд. На его щеках и длинном подбородке золотилась дневная щетина. Шея была крепкой, грудь в распахнутом вороте рубашке сильной и загорелой.

За эти дни он перестал быть чужим, но все еще оставался новым и неизведанным, как экзотический континент. И ей ужасно захотелось исследовать его: потереться виском о заросший подбородок, коснуться его щеки, потрогать жесткие складки у губ. Пришлось отвернуться и сжать ладонь в кулак, чтобы не поддаться порыву.

Максимилиан положил ладони ей на плечи и легко провел большими пальцами по ключицам. Аннет затаила дыхание и осторожно глянула ему в лицо. Он смотрел на нее странным взглядом: ей казалось, что она угадывает досаду, а еще нежность и вожделение, и хотела, но никак не могла в это поверить.

– Руководство компании «Раритеты Молинаро» всегда чутко реагирует на потребности и проблемы служащих, – серьезно произнес он и от его глубокого голоса, и от тяжести его рук у Аннет в животе

стало холодно и тревожно, как бывает, когда взмываешь на качелях на опасную высоту, а потом летишь вниз. – Еще замечания, госпожа младший хронолог? Или просьбы?

Она зажмурилась и потребовала:

– Поцелуй меня.

Он молчал мучительно долгую секунду. Аннет ужаснулась своей храбрости. Что он о ней подумает? Она ведет себя в точности как Линда!

Аннет открыла глаза и набрала воздуха, чтобы сказать хоть что-нибудь – отпустить легкомысленную остроту, перевести разговор на другое – но в этот миг он наклонился и поцеловал ее.

Максимилиан накрыл ее рот горячими губами, и в груди Аннет вспыхнуло счастье, яркое, как блики на озерной глади. Сердце глухо забилося, а потом замерло и опять забилося, а кожа стала очень чувствительной.

Это было куда восхитительнее, чем тогда, в волшебном бумажном лесу! Теперь не было никакого расчетливого соблазнения. Он целовал ее жадно, нетерпеливо, и теперь она точно знала, чего хотела: получить его всего, целиком, прямо сейчас!

Сначала она положила руки ему на шею и запустила пальцы в волосы на затылке; легко гладила спину, трогала, узнавала, а затем осмелела. Торопливо стягивала с него пиджак; неловко расстегивала пуговицы рубашки; прижималась к нему всем телом, чувствуя, как его жесткие ладони скользят по ее спине, ласкают плечи, касаются шеи.

Кровать была рядом; Аннет потянула его, заставляя опуститься, но Максимилиан внезапно отстранился и спросил охрипшим голосом:

– Послушай... ты уверена, что хочешь этого?

– Я хочу этого с того самого момента, как ты зашел в наше отделение на Лилак-страда и я заглянула в твои разноцветные глаза.

Признание далось легко, а когда его лицо вытянулось от удивления, она чуть не рассмеялась. Максимилиан взял ее за подбородок и серьезно сообщил:

– Я весь день вспоминал, как ты сидела рядом, когда я вытаскивал жало. У тебя билась жилка на шее, и я тогда чуть не поцеловал ее... и у тебя веснушки возле носа, и их мне тоже хотелось поцеловать. Но ведь я обещал, что... Слушай, если ты...

Аннет мимолетно закрыла ему рот кончиками пальцев, пока

Максимилиан не сказал что-нибудь такое, что все испортит.

– Ты слишком много болтаешь, – сообщила она с легким раздражением.

– Не больше твоего, – ответил он, а потом взял за талию, притянул и поцеловал нетерпеливыми губами, и у нее гулко застучало в висках, а тело словно прошили электрические искры, а что происходило потом, отложилось в ее памяти лишь отдельными ослепительными картинками.

Глава 21 Ценитель поэзии

Проснулась Аннет поздно. Жаркие лучи били в окна, небо слепило лазурью, оглушительно верещали птицы. Через открытую балконную дверь тянул свежий ветерок, в комнате пахло молодой листвой и ландышами.

Аннет накинула на голые плечи одеяло, села в кровати и с силой потерла глаза. Этой ночью она видела фантастические сны, поразительно похожие на реальность, и теперь никак не могла сообразить, кончились они, или все еще продолжаются.

Сначала снилось страшное. Потом кошмар закончился, и пригрезилось что-то другое, от чего кипела кровь и душа звенела от счастья. Сон был бесстыдный, полный восхитительных подробностей, как будто все происходило на самом деле.

Во сне она вела себя очень смело. Она помнила жар мужского тела, прерывистое дыхание и вкус поцелуев. Аннет разругалась, облизала пересохшие губы и улыбнулась. Она слишком много думала о своем невыносимом боссе в последнее время, вот что. Теперь он не оставляет ее в покое ни днем, ни ночью. Неловко подумать, но как же жаль, что все происходило не наяву!

Впрочем, нет, ни чуточки не жаль, строго одернула себя Аннет.

Внезапно она встрепенулась и насторожилась. Хлопнула дверь душевой, и в комнате появился Максимилиан, благоухающий свежестью и мылом, полностью обнаженный, не считая полотенчика на бедрах. Он подошел к оцепеневшей девушке, нагнулся, чмокнул ее в щеку, а затем преспокойно улегся на кровать и сладко потянулся. Аннет уставилась на него дикими глазами.

Это был не сон! Они провели эту ночь вместе, и, помнится, первый шаг сделал вовсе не Максимилиан. Вчерашние неприятности лишили ее остатков разума, не иначе!

— Выспалась? – спросил Максимилиан, широко улыбаясь. Он

окинул ее особым плотоядным взглядом, всю, от нечесанных волос и до босых ног, и Аннет сразу поняла, что у него на уме, и покраснела.

– Д-д-да, – протянула она, натягивая на плечи одеяло и мечтая спрятаться под него с головой. Аннет была сконфужена, потому что понятия не имела, что теперь будет и как ей себя вести дальше.

Попробовала вспомнить подходящую сцену из фильма – ей нужна подсказка! — но ничего не вспомнила. Может, расплакаться и велеть ему убираться из ее комнаты? Аннет ужаснулась этой мысли. Или рассмеяться и начать беззаботно болтать о погоде? Нет, не настолько она хорошая актриса, чтобы делать вид, что все в порядке и ничего особенного не произошло!

А он продолжает смотреть так... странно. Наверное, ужасно доволен собой. Ведь все вышло, как ему хотелось с самого начала!

Ему и невдомек, что для нее это никогда, никогда не будет пустяковым эпизодом, который приятно вспомнить, сплетничая с подружками, и который начисто выветривается из памяти год или два спустя! Для Аннет уже все зашло... слишком далеко. В последние дни она старательно убеждала себя, что вовсе не влюблена в Максимилиана. Просто он интересный мужчина, он будоражит ее воображение, и лишь поэтому в его присутствии ее сердце бьется быстрее.

В глубине души она, разумеется, понимала, что лукавит. Дело было плохо, а теперь все станет еще хуже.

От Максимилиана не укрылись ее душевные терзания. Приподнявшись на локте, он пристально изучал ее, но на помощь прийти не спешил.

Аннет кое-как выдавила жалкую улыбку, прикидывая, как бы ей отыскать свою одежду и сбежать в ванную.

Наконец, Максимилиан ее пожалел. Вздохнул, едва заметно качнул головой — что с тобой поделаешь! — а затем схватил за руку и потянул на себя, пока Аннет не упала ему на грудь. Ей волей-неволей пришлось смотреть ему прямо в глаза — очень серьезные, пытливые. Аннет заморгала, попробовала вывернуться — куда там! Максимилиан вздохнул еще раз, с сочувствием, и очень нежно поцеловал ее в кончик носа, а потом и в губы.

И это все решило. Аннет с облегчением ответила на поцелуй и развеселилась. Что тут думать: она влюблена по уши и ни капли об этом не жалеет! Это было неправильно, и шло вразрез со всем, что она для

себя решила накануне, но страдать и сомневаться больше не хотелось. И не хотелось вспоминать, и сравнивать, потому что ничего подобного ей раньше испытывать не приходилось. Он самый прекрасный мужчина на земле. Где ей устоять перед его магнетизмом! Теперь они вместе, и точка.

Из гостиницы вышли, когда солнце забралось высоко. Расположились в ресторанчике у озера, завтракали, вели неспешную беседу.

Аннет рассказывала Максимилиану о жизни в квартале «Десять муз», о своих друзьях — художниках, музыкантах и артистах. О том, как они летними вечерами забираются на крышу, чтобы любоваться ночной столицей, хохотать, угощаться дешевым вином и мечтать о славе. О том, как во время учебы в Академии она подрабатывала гардеробщицей в королевской оперетте и посетила все до одной генеральные репетиции, и представляла, как в один прекрасный день сама выйдет на сцену под гром аплодисментов. Рассказала, как однажды ей довелось попасть на роль статистки в мелодраматическом фильме, и как было весело в съемочном павильоне, и оператор сказал, что она отлично смотрится в кадре.

Аннет нравилось пускать Максимилиана в свой мир и делиться тем, что она любит. Он слушал внимательно, и скучно ему явно не было.

В свою очередь, она узнала, что родители Максимилиана отошли от дел фирмы и теперь живут за границей, сестер и братьев у него нет. Детство он провел в частном пансионате с суровым укладом и мечтал о пони. Умеет жонглировать тремя апельсинами, любит спать на свежем воздухе и не выносит фортепианную музыку. Аннет сообщила, что он обязательно изменит свое мнение о фортепиано, когда она сводит его на концерт знакомого музыканта. Максимилиан пообещал сходить при условии, что она не будет его будить, когда он уснет в кресле посреди пьесы.

Они смеялись, подшучивали друг над другом. Аннет неотрывно наблюдала за Максимилианом и получала от этого огромное удовольствие. Ей нравилось в нем абсолютно все: как он прищуривает глаза, когда слушает ее болтовню, как улыбается — немного криво, правым уголком губ, — как крошит хлеб длинными пальцами и бросает его уткам.

Максимилиан поглядывал на нее с открытой нежностью. Он

подвинул стул ближе, чтобы было удобнее обнимать Аннет за плечи. На счастливую парочку, завидуя, поглядывали официанты и другие посетители ресторана. И все было прекрасно, пока Аннет не решила поведать Максимилиану о своих вчерашних приключениях в Луна-парке.

Рассказывала безо всякой серьезности, небрежно опускала детали и старалась представить все как смешную нелепицу. Действительно, что за бред: испугалась невесть чего и забралась на игрушечный корабль с матросами-коротышками, где рыжебородый скелет в камзоле охраняет фальшивый клад! Да еще потом за борт свалилась, вот неуклюжая! И промокла насквозь, и, растерялась, а потом все же нашла выход и сделала то, на что вообще не считала себя способной! Правда, она молодец?

— Молодец, — согласился Максимилиан таким тоном, что Аннет перестала улыбаться и осеклась.

Его словно подменили: брови сошлись на переносице, лоб прорезала вертикальная складка, а глаза метали молнии.

— Молодец, -- повторил он, бросив салфетку на стол и сцепив пальцы. — Не послушалась меня и среди ночи отправилась с ненормальной Луизой в заброшенный парк, где чуть не погибла. Как понимаю, инстинкт самосохранения у тебя отсутствует напрочь?

— Прекрати, Максимилиан! Помнится, кто-то вчера пообещал никогда не устраивать мне сцен? Да и было бы о чем сердиться! Все это недоразумение. Чья-то глупая шутка, я теперь в этом уверена! Посуди сам: если бы меня хотели убить, давно бы убили. Все это отдает детской игрой, согласись! Посиди я в бутылке подольше, думаю, появился бы и сам шутник или его сообщник и вызволил меня. Я почти жалею, что не дождалась его и не вывела на чистую воду.

— Даже если это и игра, то мы не знаем, кто и зачем ведет ее и чего желает добиться. Ты действительно могла вчера погибнуть. И позавчера, в театре, и два дня назад.

— Не думаю.

— Ты вообще редко думаешь, — заметил Максимилиан, и Аннет возмущенно замолчала.

— Сегодня я иду с проводником на место гибели Вальвазора, — продолжил он, словно не замечая ее негодующего лица. — Не знаю, что я рассчитываю увидеть, но побывать там стоит. Говорят, дорога туда уже

вполне проходима, а после обеда можно будет добраться и до Фрибура. Озеро и река вошли в берега. Сегодня наш последний день в Механисбурге.

Аннет ничего не ответила – чтобы Максимилиан хорошенько почувствовал, как сильно он ее обидел своей резкостью. Независимо дернула плечом и отвернулась. Если хочет, чтобы она отправилась с ним на прогулку в горы, пусть извинится и уговаривает.

– Мне придется оставить тебя одну, – сказал он, хмурия лоб. – Обещай, что запрешься в номере и никуда не выйдешь. С собой не возьму, не проси: туда три мили в одну сторону по гористой местности.

Сначала разочарование хлестнуло ее, как кнутом, но после его последних слов Аннет встревожилась:

– А если с тобой случится то же, что и с Вальвазором?! – воскликнула она. – Ты же подозреваешь, что его гибель – не случайность. Максимилиан, прошу, не ходи. Давай проведем этот день вместе. А еще мы хотели исследовать заброшенную лечебницу. Я уверена, что вход в потайную мастерскую именно там! Ужасно хочется найти клад. Ну, пожалуйста, Максимилиан!

– Прости, – он взял ее за руку и покачал головой. – Я обещал родственникам Вальвазора, что побываю на месте его гибели. В лечебницу мы не пойдем. Поиграли в кладоискателей и хватит. Глупости это все. Я свой клад уже нашел, – он улыбнулся и поцеловал ее пальцы. – Обещаю, в столице я о тебе позабочусь. Решу все твои проблемы. Тебе не о чем беспокоиться!

Аннет понурилась, но спорить не стала. Ей стало неприятно: позабочусь – что это значит? Уж не собирается ли он сделать ее своей содержанкой? Вот еще выдумал! Это гадко и возмутительно. Знакомые девушки из квартала «Десять муз» – натурщицы, хористки, начинающие актрисы – грезили о том, чтобы найти щедрого, состоятельного «папочку», который будет их всячески баловать и оберегать от невзгод. Аннет подруг за это слегка презирала, а своей независимостью гордилась. Она не знала, как сложатся ее отношения с Максимилианом в столице, и размышлять пока об этом не собиралась. Сейчас все хорошо, а разочароваться она всегда успеет.

– Давай сходим в музей, – попросила она.

– Зачем? – удивился Максимилиан. – Думал, ты сыта автоматами по горло.

– Я их просто ненавижу, – горячо призналась Аннет. – Но вчера я читала о Жакемаре, и мне пришла в голову одна мысль. Хочу ее проверить. Использовать свой талант, вдруг увижу еще что-то интересное.

– Хорошо, – согласился Максимилиан, доставая бумажник, чтобы рассчитаться с официантом. – А я бы хотел побеседовать с Луизой. Любопытна ее роль в том, что случилось с тобой вчера, и почему она вела себя так странно.

– Мне кажется, я знаю, почему, – нахмурила лоб Аннет, – а еще мне кажется, что ей в жизни сильно не повезло. Будь с ней помягче, ладно?

Максимилиан неопределенно хмыкнул, подал Аннет руку, и они двинулись к театру «Мимезис».

Жизнь в городе текла своим чередом. Неспешно прогуливались нарядные господа, дворники махали метлами, убирая остатки конфетти с мостовой, продавец мороженого прикладывал к вспотевшему лбу брикет льда, а часы вызванивали привычные мелодии. Было жарко, воздух дрожал над мостовой, будто тысячи привидений бродили по городу, невидимые под ярким солнцем.

Когда они подошли к похожему на волшебный ларец зданию, в котором разместились городской театр, библиотека и музей, их ждало разочарование.

Дверь в библиотеку была заперта без всякого объявления с объяснением причин, на стук никто не отозвался. Запертым оказался и вход в музей.

– Идем, – Максимилиан потянул Аннет прочь.

– Погоди, – отмахнулась она и поманила его за собой. – Давай-ка заглянем в окно со стороны розового сада...

Они забрались вглубь колючих зарослей. Максимилиан поглядывал на Аннет с любопытством, но пока ни о чем не расспрашивал. Однако когда она встала на цыпочки у окна и потянула за деревянную ставню, встревожился:

– Не кажется ли вам, госпожа Вик, что вы заигрались в шпионку? Лезть в запертый музей без приглашения – плохая идея. Это называется «проникновение со взломом». Из тюрьмы я тебя вытаскивать не буду, не надейся.

– Ты скучный, нудный, пыльный антиквар, – пробормотала она. – Мне кажется, я здорово в тебе ошиблась. Где твой авантюрный дух? Не

разочаровывай меня. О, повезло! Окно не заперто. Стой на страже, я быстро.

Он чертыхнулся и протянул руку, чтобы схватить ее и силой увести, но она поставила ногу на выбоину в кладке, уцепилась за подоконник, подтянулась, в два счета оказалась внутри и рассмеялась от удовольствия, глядя на негодующее лицо Максимилиана.

– Мне кажется, я в тебе тоже здорово ошибся, – произнес он с оттенком восхищения. – Не думал, что свяжусь с преступницей. Давай быстро, пока не вернулся смотритель с полицией! Пендельфедер тебя схватит и в наказание заставит полоть огород. И поделом.

Аннет на цыпочках прошла по полутемному залу, ежась под недружелюбными взглядами стеклянных глаз. «Ненавижу кукол! – думала она. – Если у меня будет дочь, не куплю ей ни одной. Пусть играет кубиками и бьет окна из рогатки».

Она подошла к нарядной принцессе с колокольчиками. Принцесса была белокурая, похожая на Линду, и точно так же таращила круглые глазенки. Аннет помнила, что этот автоматон упоминался в странном списке, что выпал из найденной в беседке книге. Ну, с нее и начнем!

Она призвала талант, но долго исследовать жакемарову куклу не смогла: раздался гнусный вопль, по ноге мазнуло что-то мягкое и Аннет рывком выбросило из транса. Она сердито глянула вниз: у автоматона кругами вился местный музейный кот.

– Пошел прочь! – отпихнула она его ногой, но тут за окном коротко свистнули, и голос Максимилиана позвал:

– Выходи. Тут Петр.

Она едва-едва успела выбраться в окно и выскочить из розовых кустов, как к дверям музея приблизился растрепанный и недовольный шарманщик. Он встал, сгорбившись и засунув в руки в карманы, и проводил быстро удаляющуюся парочку преступников подозрительным взглядом.

– Успела? – полюбопытствовал Максимилиан.

– Только один автоматон. Пастушку. Я использовала таланты репликатора и хронолога одновременно. Было сложно, но я опять увидела алые точки.

– И что это означает?

– То, что кто-то из горожан ведет нечестную игру. И что кто-то из них очень жадный. И что твоего клиента может ждать неприятный

сюрприз. Чтобы понять окончательно, я должна еще раз заглянуть в те книги о жакемаровых автоматах.

– Знаю, ты очень умная, – похвалил ее Максимилиан. – И очень любопытная. В столице мы обсудим твои догадки. Пригласим специалиста и во всем разберемся. А пока хватит авантюр. Посиди сегодня в номере.

– Может, я все-таки схожу с Луизой на экскурсию в лечебницу? Все равно нужно с ней повидаться. Потребовать объяснений, отдать обещанную книгу... да, и ключ от аттракциона.

– Запрещаю, – категорично сказал Максимилиан. – Книгу отдашь утром, перед отъездом. Объясняться с Луизой будешь в моем присутствии. Приказ не обсуждается.

– Помнишь, я говорила, что ненавижу, когда ты корчишь из себя сурового босса? – сказала Аннет с отвращением. – Уж извини, но в такие моменты тянет поступать тебе наперекор.

Он глянул на нее грозно, покачал головой, а потом улыбнулся и ласково потрепал по щеке.

Когда вернулись в гостиницу, Максимилиан отвел Аннет в ее номер, и через полчаса зашел попрощаться.

– Проводник уже тут, Пендельфедер выделил одного из своих помощников, – пояснил он. – Не переживай, все будет хорошо. Вернусь поздно. Пока собери вещи. И помни, – он внушительно помахал у нее перед носом пальцем, – ни шагу из номера! Запри дверь. Сиди тихо, как мышь.

– Да поняла, поняла, – раздраженно ответила Аннет и поскорей поцеловала его, потому что его нотации ей до чертиков надоели.

Когда Максимилиан ушел, Аннет некоторое время листала книги и делала выписки, удовлетворенно кивая. Туманные догадки постепенно превращались в твердую уверенность. Суть преступления вырисовывалась, но личность преступника пока скрывалась в тумане.

Потом она собрала чемодан, а «Книгу сладких сновидений» переложила в сумочку, надеясь все же увидеться с Луизой с утра. Нашла запасные очки и тоже сунула в сумку. Встала, чтобы положить сумку на стол, и замерла.

В затылке неприятно кольнуло, и по позвоночнику пробежал холодок, словно в комнате был невидимый посторонний и следил за каждым ее движением. Это было ложным ощущением: разумеется, в

номере не могло быть никого постороннего! Здесь даже спрятаться негде, все двери закрыты! Бояться нечего: по коридору ходят горничные, смеются, переговариваются с постояльцами – радостные и возбужденные гости готовятся к отъезду!

Аннет огляделась – пусто – и мысленно упрекнула себя за расшатанные нервы. А затем услышала за спиной чужое дыхание.

Она повернулась на каблуках, к ней метнулась черная тень. Единственное, что успела – выбросить вперед правую руку с сумочкой, защищая голову, но это не помогло. Одна чужая ладонь крепко сжала ей горло, другая облепила рот и нос влажной, гадкой тряпкой. Аннет непроизвольно всхлипнула, в ноздри потек отвратительный запах. Мир закружился, заплесал, потом померк.

Аннет тонула в ледяной проруби, чувствуя, что погружается все глубже. Грудь давило, воздух заканчивался в легких. Потом ее толчком выбросило наверх; она торопливо задышала и вернулась в реальный мир. Несколько мгновений лежала неподвижно, пока не осознала, что находится не в океане, не в озере, и даже не в луже; однако место, где она очутилась, было лишь немногим приятнее.

Стараясь не поднимать головы, Аннет приоткрыла веки, прислушалась к собственным ощущениям, а затем осторожно скосила глаза. По итогам наблюдений удалось сделать кое-какие выводы.

Итак, она лежит на каменном полу на куче тряпья. Помаргивающая лампочка освещает потрескавшийся потолок, ржавые остовы кроватей и лохмотья паутины. За пределами круга света смыкается темнота. Здесь холодно и сыро. Щерится темный провал – печь или камин. Похоже на подвал, куда стащили всякую рухлядь.

Стиснула зубы, покрутилась и сумела кое-как принять вертикальное положение. Сделать это было непросто, потому что руки не слушались. Во рту стоял тошнотворно-сладкий вкус с примесью ацетона; он-то и помог Аннет вспомнить, что произошло. На нее напали в ее собственном номере! Злоумышленник появился словно ниоткуда. Он накинулся на нее сзади и прижал к лицу тряпку, пропитанную какой-то гадостью. А затем притащил ее сюда. Кстати, сюда – это куда? Где она вообще находится? И как негодяю удалось вывести ее из гостиницы, не привлекая внимания? Или она сидит в подвале «Заводного купидона»?

Аннет решила поразмышлять об этом позже; теперь ее волновали

более серьезные вещи. Например, как дать деру, пока не вернулся преступник.

Она опустилась на тряпки и прислушалась. Сначала в тишине раздавалось лишь монотонное потрескивание лампочки, но потом донесся шорох и шаги. Накатил липкий страх и вытеснил все мысли кроме одной: преступник здесь, рядом! К ней кто-то приближался, и, судя по шагам – тяжелым, уверенным, – этот кто-то не был ее спасителем. Этот кто-то обладал немалым весом, но был проворен и силен. Среди ее недавних знакомых имелся человек, к которому прекрасно подходили все эти характеристики.

И Аннет не ошиблась: в круг света вступил Швиц – контрабандист, мошенник и ее таинственный преследователь. Он был одет в свой излюбленный клетчатый пиджак и короткие брюки, картуз залихватски сполз на одно ухо. Поправить он его не мог, потому что обеими руками прижимал к груди рассохшийся деревянный ящик. Словно не замечая оцепеневшую девушку, бухнул ящик неподалеку, уселся, широко расставив ноги, снял картуз и аккуратно пристроил на торчащий из стены железный крюк. Затем достал трубку и принялся набивать, сопя волосатыми ноздрями. Физиономия у него была самодовольная и умиротворенная.

Некоторое время Аннет наблюдала за его манипуляциями, а затем с максимально возможным в такой ситуации спокойствием поинтересовалась:

– Что вам от меня нужно?

Толстые пальцы Швица, приминающие табак в трубке, замерли.

– Пришла в себя, сестренка, – радостно констатировал он.

– Что вам нужно? – Аннет повторила вопрос, хотя голос перестал повиноваться и прозвучал жалко.

Швиц нахмурил мохнатые брови и почесал затылок, словно размышляя, стоит ли отвечать, а потом снизошел:

– Лично мне от тебя ничего не надо, сестренка. А вот заказчику требуется, чтобы ты кое-что сделала.

Швиц чиркнул длинной спичкой и задымил. От едкого запаха табака накатила тошнота, и тогда Аннет кое-как поднялась на колени. Сделав несколько судорожных вдохов, она справилась с дурнотой и похвалила себя за самообладание. Ничего, она вывернется. Не впервой. Она репликатор. Сейчас что-нибудь придумает. Соберется с силами,

призовет свой дар и создаст реплику... пистолета? И застрелит Швица.

Нет, не выйдет. Она никогда не держала пистолета в руках и понятия не имеет, как он устроен. Да и реплику пороха создать невозможно, если ты не пиромансер. Нужно что попроще, хорошо знакомый предмет. Молоток, например. Стукнуть негодя по темечку и сбежать. Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, но тут кулак сильно толкнул в плечо, и она опять повалилась на спину.

– Давай договоримся, голуба, – миролюбиво произнес Швиц. Теперь он возвышался над ней и смотрел сверху вниз. Утонувшие под бровями глазки шарили по ее ногам. – Я знаю, что ты эта, как ее... репликатор. Только попробуй начать колдовать, и я в два счета выбью из тебя дурь. Лежи себе тихохонько, и все обойдется.

Аннет не послушалась: лежать, как подбитый заяц, было унижительно. Она опять поднялась и села на колени. Швиц вернулся на свой ящик и продолжил пыть трубой. Откуда он знает, что она репликатор? А вот откуда: он сидел в кустах рядом с бутылкой-аттракционом и видел, как она сотворила реплику лестницы.

– Меня сейчас стошнит, – сдавленно сообщила она. – Выпустите меня на свежий воздух

– Нет, – мотнул головой Швиц. – На вот тебе платок.

Он положил трубку на пол и взял в руки сумку, ту самую, которой Аннет пыталась отбиваться при нападении. Швиц неторопливо открыл ее, порылся, но платка не нашел. Выудил запасные очки Аннет и покрутил в руках.

– Твои? – поинтересовался он. Аннет сглотнула и кивнула.

Кряхтя, Швиц приподнялся и аккуратно нацепил очки Аннет на нос, при этом задев ее щеку липкими пальцами. Девушка содрогнулась. Швиц, как ни в чем ни бывало, уселся на место.

– Зачем вы хотели убить меня на дирижабле? – спросила Аннет. Она надеялась болтовней усыпить его бдительность.

– Прости, сестренка, – искренне извинился Швиц. – Заказчик мне потом чуть башку не оторвал. Просьба была убрать тебя так, чтобы комар носа не подточил. Я поторопился и чуть все не испортил. Зашел в салон, смотрю, спина твоя в окне торчит, рядом никого... ну как было пройти мимо? Хотел по-быстрому с делом покончить. Сильно я был на тебя сердит, кстати. Ты чего полезла ко мне в столовой? Я бы и без тебя с Беллой разобрался. Она бы позлилась немного, да и оттаяла, а ты меня

на посмешище выставила. Обидно, понимаешь. А я парень горячий, легко из себя выхожу. Жалею потом.

– Белла? – туповато переспросила Аннет.

– Ну да, девчонка моя, подавальщица на «сосиске», – пояснил Швиц, весело пыхнув трубкой.

Аннет догадалась, что под «сосиской» он имел в виду дирижабль. Белла? Его девчонка?

– Она что, ваша подружка? – кисло уточнила она.

– Да я о том и толкую, – нахмурился Швиц и хлопнул рукой по жирной ляжке. – Белла заводная, но жадная. Обиделась, понимаешь, что я ей колечко с изумрудом не купил, вот и дулась. Разыгрывала из себя недотрогу. А тут удачно все получилось: я как раз подрядился за тобой следить и на «сосиску» попал, где она служит. Что ж, думаю, работа работой, но шанс нельзя упускать. Хотел с Беллой помириться, да ты вмешалась. Ей потом нагоняй от старшего был за скандал в благородном обществе. Не стоило тебе вмешиваться в чужие отношения, сестрица, – нравоучительно закончил он. – Как сказал поэт, «в чужую жизнь не лезь ты дланью грязной, не разобравшись, чья вина».

– Какой, к дьяволу, поэт?! – вскричала Аннет, чувствуя, как голова идет кругом.

– Не ругайся, барышне не пристало, – обиделся Швиц. – Какой поэт... такой, Горациус Анненский, конечно. Ты что, голуба, в школе не училась, что ли? Классику надо знать.

– Где мы находимся? – Аннет попробовала зайти с другой стороны.

– В надежном месте. Тут тихо и безопасно.

– Кто ваш заказчик?

– Скоро сама увидишь, – ухмыльнулся Швиц.

– Зачем ему моя смерть?

– Теперь незачем, – пожал плечами негодяй и разъяснил: – Сначала заказ был тебя убрать. Взялся я за него безо всякой охоты. Я человек чувствительный, крови не выношу. Как кровь увижу, – Швиц поморщился, – так у меня в голове помутнение делается. Плохая вещь при моей профессии, что и говорить. Но ничего не попишешь. Пистолет, нож я не использую. Веревка, дубинка – другое дело. Думал несчастный случай подстроить, да потом лень стало возиться. К чему? За тебя обещали хорошо заплатить. Сделаю дело, уеду с Беллой к морю,

и ищи-свищи меня, полиция. Да не волнуйся ты так, – успокоил Швиц, заметив, что Аннет при его словах стала судорожно хватать воздух ртом. – Заказчик намерен разнюхал, что ты репликатор, и сразу заказ изменил. Теперь ты живьем нужна. Наколдуешь одну вещь, какую велят.

– Какую вещь? – одеревеневшими губами спросила Аннет.

– Старинную, – коротко усмехнулся Швиц. – Она несметные богатства открыть может.

– А потом? Вы меня убьете?

– Ну, это уж как прикажут, – уклончиво ответил Швиц. – Может, договоришься с заказчиком, умаслишь. Понимаю ведь, помирать никому неохота. Я человек подневольный. Зла на тебя не держу. Помнишь стих? «Ты за добро добром всегда получишь плату, а зло убыток лишь несет». Тоже Горациус Анненский, кстати. Толковый был парень! Жаль, с размерами у него порой беда. Ямб не всегда идеальный, да и хорей подкачал. Я-то больше дактиль предпочитаю, как у Викториуса Бульмы. У меня дома все его сочинения на полочке в гостиной стоят, вот как! А вот стихи отца-основателя, Жакемара то бишь, не люблю. Непристойные они.

Аннет оторопело потерла лоб. Разговор с каждой минутой все больше напоминал бред.

– Пожалуйста, отпустите меня, – она умоляюще поднесла руки к сердцу. – Меня будут искать. Мой... мой босс, Максимилиан Молиаро, заплатит столько, сколько потребуется. Давайте я напишу ему записку, а вы передадите?

– Нашла дурачка! – засмеялся Швиц и помотал головой. – Молиаро впутывать в наши с тобой дела незачем. Он фраер серьезный, и ребята у него в агентстве толковые, но нам он не помешает. Заказчику, главное, в срок успеть, а там у Молиаро руки короткие будут нас достать. Со стариком мы легко проблему уладили. Кто ж знал, что Молиаро ему замену так быстро подберет! Зря ты, сестренка, в Механисбург приехала.

– Почему? – в отчаянии вскрикнула Аннет. – Кому я помешала?

– Не спрашивай у меня. Погоди немного, скоро придет заказчик, все тебе объяснит.

Швиц выколотил трубку о каблук, вздохнул, потянулся, а затем рассеянно запустил руку в сумку Аннет, которую все еще держал на

коленях.

– У тебя перекусить не найдется? Конфетки хотя бы? С утра во рту росинка маковой не было, – пожаловался он.

Аннет, часто дыша, смотрела на него вытаращенными глазами и лихорадочно размышляла.

«Старик – это, должно быть, доктор Вальвазор, – сообразила она. – Наверное, с ним расправились. Он был хронолог, как и я. Этому самому заказчику мешают хронологи, но нужен репликатор. Я должна потянуть время!»

– Послушайте, господин Швиц, у меня есть предложение – вежливо начала она, но Швиц ее прервал:

– А это что такое? – спросил он, вертя в руках книгу, которую вытащил из ее сумки. Поднес к носу и с выражением прочитал:

– «Книга сладких сновидений, сочинение господина Дормируса, морфеоманта». Не знаю такого писаку. Из новомодных, чтоль? Которые пишут ни в склад, ни в лад, и задницу в каждой строке поминают?

– Я обещала отдать книгу Луизе Соннери, – пробормотала Аннет и, не веря в успех, попробовала закинуть удочку:

– Может, вы отнесете ей эту книгу? Она очень ее ждет.

– Луиза Соннери, – Швиц причмокнул и вздохнул. – Для этой дамы я готов на многое. Обещаю, она ее получит, – он зловеще хохотнул и раскрыл книгу на первой странице: – Ну-ка, посмотрим, о чем тут пишут.

Аннет приободрилась: в голову пришла блестящая мысль.

– Это очень интересная книга, – сказала она как можно равнодушнее. – Такому тонкому ценителю изящного слога как вы, господин Швиц, она понравится.

– Не пудри мне мозги, голуба, – отрезал Швиц, однако послунывил пальцы, перевернул первую страницу, прищурил глаза и начал читать, бормоча под нос. Аннет следила за ним в волнении. Ну же, господин Дормирус, морфеомант, не подведи! Сейчас Швиц начнет клевать носом, а потом его сморит сон и она получит шанс сбежать!

Швиц перелистнул страницу, широко раскрыл рот и зевнул, издав собачье поскуливание. Аннет радостно встрепенулась. Ее затея начала приносить успех!

– Что за чертовщина! – рявкнул Швиц. – Как можно читать такой бред? Льет, льет воду, а все без толку! Поучился бы у Горациуса или

Викториуса, пес бездарный!

Швиц с треском захлопнул обложку, и сердце Аннет упало. Ничего не вышло! Но вдруг Швиц ойкнул, поднес палец к глазам и уставился на него, как на ядовитого скорпиона:

– Кровь!

От волнения его голос сорвался на фальцет, а лицо стало белым как бумага.

– Я порезался! – взвизгнул он истерически, уронил книгу на пол и затряс рукой. – Кровь, кровь! Не выношу крови!

С этими словами Швиц закатил глаза и повалился с ящика на землю как набитое соломой чучело. Несколько мгновений Аннет смотрела на него, пытаясь понять, что произошло. Швиц не шевелился. Он лежал, откинув руку, и на указательном пальце алела крошечная капля крови.

Не может быть! Страницы книжки изготовлены из толстой мелованной бумаги. Швиц порезался о край страницы и от этого упал в обморок! Он говорил, что боится крови.

Ну, дела! Неслыханная удача, что ей попался преступник с такой чувствительной нервной организацией!

Аннет быстро вскочила на ноги. Нельзя было терять не секунды. Она подавила порыв бежать куда глаза глядят и заставила себя приблизиться к валяющемуся в бессознательном состоянии любителю поэзии.

Брезгливо ткнула в бок носом туфли: Швиц не шевелился. Вряд ли такой обморок продлится долго: Аннет приготовилась отскочить при первых признаках опасности. Вздрагивая от напряжения, она быстро сорвала с шеи Швица платок чудовищно-пестрой расцветки, сдвинула руки преступника вместе, торопливо обмотала запястья и завязала концы бантиком. Узел вышел не ахти, но избавиться от пут одним махом Швиц не сможет. Пока Аннет возилась, он не подавал признаков жизни: уж не помер ли? Аннет прислушалась. Дышит. Жаль.

Тогда она, пыхтя от напряжения, залезла Швицу под пиджак и сняла подтяжки. Подтяжками спутала ему ноги. Выпрямилась и полюбовалась. Преступник хрюкнул и тоненько застонал, однако в себя не пришел. Тогда Аннет осмелела и обшарила карманы клетчатого пиджака. Нашла кисет, спички, кошелек, удавку и электрический фонарик. Фонарик она сунула в карман, а удавкой обмотала руки

Швица поверх платка – для надежности. Отлично. Скорее бежать!

Глава 22 Призрак Железнодорожного

Аннет бросилась в темноту и наткнулась на железную дверь. Рывком открыла, понеслась вверх по узкой лестнице и выскочила в каменный закуток. Слабый свет из подвальной двери освещал кусок грязной стены и кусок не менее грязного пола. Пахло древесной гнилью, плесенью и немного карболкой. Стало ясно, что Аннет находится в старом, заброшенном здании.

Поспешно захлопнув дверь, нащупала и накинула железный крючок. Квадрат света исчез, наступила крошечная тьма. Аннет сделала пару шагов и потеряла ориентацию, но вовремя вспомнила о фонарике. Щелкнула кнопкой, дрожащий луч прыгнул в черноту и выхватил горы мусора и стены с обвалившейся штукатуркой.

Осторожно двинулась вперед. Желтый круг провалился в проем, за которым угадывалось просторное помещение. Там могли таиться новые опасности. Идти туда не хотелось, но выбора не было. Девушка отлипла от косяка, сделала несколько шагов и замерла. Пульс стучал в висках крошечными молоточками, руки застыли от страха.

Она попала в большой зал. Сумрак здесь не был беспросветным: от высоко расположенных окон исходило синеватое свечение, словно они открывались в иной мир. На стеклах чернели мозаичные силуэты: парочка скелетов и человек в длинноклювой маске чумного доктора. Несколько секунд Аннет стояла, онемев от изумления, пока не сообразила, что видит витражи. Снаружи была ночь, сияла полная луна, она-то и заставляла витражи светиться потусторонним светом.

Что это за место? Аннет терялась в догадках. По лунной дорожке, тянувшейся от окна, она прошла вглубь зала, ступила в тень и поводила фонариком направо-налево. Луч чиркнул по стене, зацепился за затянутый паутиной кособокий стеллаж, вознесся вверх и выхватил блеснувшую медью надпись. Выложенные в камне буквы складывались в слова: «Из сердца гор прими бесценный дар». Под надписью посверкивал ажурный символ размером с ладонь Аннет. Приглядевшись, она узнала механическое сердце, сплетенное из шестеренок и скрепленное винтиками — то самое, что нарисовал Лазурный поэт!

Собственное сердце Аннет застучало, как паровой молот. Швиц притащил ее в заброшенную водную лечебницу! Как пить дать, вход в

тайную мастерскую где-то здесь – не зря отец города установил эту надпись и этот символ, ох, не зря!

А еще, говорят, в лечебнице водится страшный Железнорукий. Все по правилам: клад должен охраняться призраком. Впрочем, сейчас главной опасностью для Аннет был не выходец с другого света, а преступник из плоти и крови, который может в любую секунду вырваться из подвала. Нужно скорее выбираться отсюда и бежать к Максимилиану!

Аннет быстрым шагом прошла к дальней стене где, по ее расчетам, должна быть входная дверь. Дверь нашлась где положено, но оказалась надежно запертой засовом снаружи. Если бы окна находились ниже, можно было бы попробовать разбить стекло и выбраться. Опять создать реплику лестницы? Аннет прислушалась к собственным ощущениям. От гадкого средства, которым ее одурманил Швиц, все еще кружится голова и мелко подрагивают колени. Пожалуй, если она призовет талант, то свалится в обморок. Да и лестница должна быть раза в два выше той, что она сотворила вчера. Если талант подведет Аннет на середине пути наверх, она рухнет так, что костей не соберешь. Кроме того, окна снаружи закрыты решетками.

Ничего не попишешь, придется искать другую дверь, через которую ее сюда притащил Швиц. Интересно, как ему удалось пронести бессознательную жертву через весь город и не попасться? Может, он нес ее в мешке через плечо как поросенка?

Раздвигая темноту лучом фонаря, Аннет прошла в узкий коридор, который, по ее расчетам, вел в левое крыло здания. Однако вскоре луч уперся в баррикаду из обломков мебели, досок и обрушившихся балок. Продираться сквозь гору хлама Аннет не решилась.

Вернулась в вестибюль и двинулась направо – туда, где удалось разглядеть ступеньку широкой лестницы, – но тут случилось неприятное происшествие. Расшатанная доска звонко скрипнула под ногой, затем хрустнула, а потом Аннет провалилась в пролом до середины бедра. Сердце чуть не выскочило от страха. Она выронила фонарь и принялась извиваться ужом, торопясь выбраться из ловушки и ожидая, что сейчас какой-нибудь укрывшийся под полом монстр вцепится зубами ей в лодыжки.

Однако обошлось без серьезных потерь; отделалась парой царапин и порванным подолом.

Наконец, удалось доковылять до лестницы. Луч фонаря прыгал со ступеньки на ступеньку, а вокруг клубилась темнота, которую можно было не только видеть, но и слышать, и чувствовать. Она пробегала по спине холодными липкими пальцами, отчего кожа покрылась мурашками, и звенела в ушах комариным писком. Под ногами стонали ступени, но больше никакие звуки тишину не нарушали.

Аннет уговаривала себя двигаться. Очень хотелось свернуться в комочек, забиться в угол и ждать, когда за ней придет Максимилиан. Наверняка он уже поднял на ноги весь город, он найдет и спасет ее!

Лестница закончилась, Аннет попала в длинный коридор. Поколебавшись, пошла направо в надежде отыскать еще одну лестницу вниз, которая приведет ее к выходу в другом крыле здания.

Воздух здесь был куда более затхлым. Луч фонаря жалко дрожал. Высокие потолки терялись в темноте, на стенах виднелись покосившиеся двери в палаты. Не исключено, что там ждали свою жертву хитроумные ловушки или обитали страшные больничные привидения.

Не в силах выносить неизвестность, Аннет рывком открыла ближайшую дверь, опасливо заглянула внутрь и увидела тесную комнату без окон. В комнате стояли ржавые койки. С погнутых спинок свисали истлевшие ремни. Возможно, именно здесь встретил свою участь несчастный пациент Жакемара, превратившись призрака, известного как Железнодорожник.

Аннет тут же пожалела, что вспомнила об этой городской легенде. Легко не верить в призраков, когда ты сидишь солнечным днем в компании друзей! А вот в темноте заброшенной клиники, где творились страшные преступления, мысли принимают другой оборот.

И тут, словно отклик на ее суеверные опасения, в глубине коридора раздались мерные шаги. Каждый шаг сопровождался металлическим поскрипыванием.

Бум – скрип — тишина. Бум — скрип — тишина.

Аннет поняла, что настоящего ужаса она до сего момента, по сути, и не испытывала. Разом ослабев, она опустила фонарик. Под ногой предательски брякнула какая-то железяка. Шаги и скрип на миг замерли, но тут же возобновились, и стали раздаваться чаще и громче, а затем в черной глубине коридора замерцало красное пятнышко света. Оно приближалось, росло, и Аннет невольно попятилась и опять

зацепила каблуком выдавший ее местоположение железный предмет.

Предмет гулко прокатился по полу и оказался помятым ночным горшком; не раздумывая, она нагнулась и схватила его за круглую ручку – какое-никакое, а оружие! Горшок был ржавым, тяжелым и вселил в нее некоторую уверенность, которая моментально испарилась и сменилась тупым оцепенением, когда Аннет увидела, кто – или что — приближается к ней по коридору.

Если бы кошмар вырвался в реальность, чтобы пугать людей наяву, он выбрал бы облик существа, которое предстало перед Аннет.

Это был очень высокий человек на неестественно длинных ногах. Одет он был в мешковатые штаны и рубаху. Сквозь прорехи на рукавах и брючинах блестел металл. Из-под обшлагов веером, как зубья грабель для листьев, торчали железные пальцы. На голове у существа красовался мешок с двумя круглыми дырами на месте глаз и прорезью на месте рта. И дыры, и прорезь были аккуратно обметаны крупными стежками.

Аннет прекрасно рассмотрела все подробности, потому что от груди Железнорукого распространялся красный мерцающий свет, как будто под рубахой на месте сердца горел сигнальный фонарик.

Инстинкт подсказывал затаиться; авось, Железнорукий не заметит ее в тених. Остатки же разума возразили, что такая затея обречена на провал, поскольку ночное видение наверняка входит в число базовых навыков любого призрака. Инстинкт с разумом согласился и настоятельно велел дать стрелкача.

Одурев от страха, не разбирая дороги, с фонариком в одной руке и тяжелым горшком – в другой, Аннет бросилась прочь.

— Буууу! — загудел монстр и ринулся следом.

Туфли Аннет лихорадочно стучали по полу, им вторил металлический скрип механических суставов. Поначалу призрак не особо спешил, как будто ленился набрать нужную скорость, чтобы схватить глупую жертву и вырвать у нее сердце. Однако мало-помалу шаги участились, до Аннет донесся звук мерного дыхания преследователя. Судя по всему, в течение минувших двух столетий призрак поддерживал себя в отличной спортивной форме.

Коридор заканчивался, прыгающий луч выхватил приоткрытую дверь, за которой показалась лестница вниз. Аннет неслась к цели, и лишь в последний миг ей удалось затормозить перед препятствием – в

полу перед дверью темнел широкий пролом, в который она непременно бы сверзилась, если бы не заметила вовремя.

Аннет повернулась на пятках и ахнула. Прямо над ней склонилась голова в мешке, подсвеченная снизу алым светом. В прорезях глумливо блеснули глаза.

– Буууу! -- что было сил завыл призрак ей в лицо. Между стен заметалось жуткое эхо.

Не раздумывая, Аннет изо всех сил приложила горшком по обтянутому серой мешковиной лбу.

Призрак взмахнул руками-граблями, сделал пару шагов назад, покружился на месте, словно решив станцевать вальс, а затем осел на пол, лязгнув сочленениями.

Аннет выронила из руки горшок и ахнула. Железнорукий лежал навзничь, циркулем раскинув длинные ноги. В груди его продолжало помаргивать пятно света. Алые отблески плясали на стенах и потолке и придавали всей картине inferнальный вид.

Железнорукий оставался недвижимым недолго; кряхтя, он оперся на локти, сел и произнес непечатное слово. Голос показался знакомым, что было странно: раньше с привидениями Аннет не водилась.

Дальнейшего развития событий она ждать не стала; с ловкостью перемахнула через пролом в полу, рванула на себя дверь и кинулась вниз, прыгая через две ступени.

Достигнув конца лестницы, притормозила и прислушалась: тишина. Железнорукий ее не преследовал, но это могло быть лишь временной передышкой. Нельзя забывать и о втором враге, который вполне мог ждать ее внизу.

Аннет вылетела в захламленный коридор, как две капли воды напоминающий тот, где произошла встреча с призраком. Прикинула: это левое крыло на первом этаже, куда она не смогла попасть из вестибюля.

Прислонилась к стене, стараясь отдышаться, а когда отдышалась, неожиданно для себя прыснула в кулак.

Нет, как хотите, но призрак Железнорукого – это чересчур! Глупые грошовой ужасы, сочиненные без особой фантазии. Будем надеяться, что она хорошенько его проучила. Теперь дважды подумает, прежде чем показываться людям на глаза.

Отсмеявшись, Аннет поудобнее перехватила фонарик и смело

двинулась по коридору. Теперь она была настроена решительно и испытывала нечто похожее на азарт. Поэтому когда услышала голоса, наутек не бросилась, лишь фыркнула: подумать только, в этой заброшенной лечебнице народу больше, чем на базаре в воскресный день!

Ну, что еще приготовил для нее неведомый шутник?

Прошлась на цыпочках и прислушалась. За одной из дверей беседовали двое мужчин. Первый спрашивал, второй неторопливо разъяснял. Первый хохотнул, второй хмыкнул. Разговор тек неспешно, словно два друга сидели перед камином и обсуждали результаты скачек, попыхивая трубками и потягивая шерри. Такие дружелюбные, уверенные интонации свойственны людям порядочным, хорошо воспитанным и к дурным поступкам не склонным. Неужели ей наконец повезло, и она нашла тех, кто выручит ее из беды? Как знать. Швиц вон тоже оказался любителем классической поэзии.

Погасила фонарик, тихо потянула за ручку и заглянула в узкую щель, откуда сочился слабый свет. Аннет была уверена, что теперь-то уж ничто не сможет ее удивить, однако картина предстала столь поразительная, что захотелось протереть глаза и недоуменно выругаться.

За дверью прятался просторный зал, когда-то служивший комнатой для водных процедур. Рядами стояли низкие ванны, по темным углам свалены погнутые лоханы, а вдоль стен тянулись ржавые трубы.

А посреди, на расчищенном от мусора пятачке, был разбит миниатюрный походный лагерь. Весело мигал огонек газовой горелки, на горелке кипел чайник. На полу два спальных мешка, подле громоздились походные мешки, фотоаппарат на треноге и непонятное оборудование. На раскладном табурете, смешно задрав колени, сидел черноусый господин. Он был уютно закутан в клетчатый плед, а в руках держал дымящуюся кружку.

Второй господин согнулся в три погибели. В вытянутой руке он держал мел. Пыхтя от усердия и блестя лысиной, господин вычерчивал на полу непонятные знаки. Наконец, он выпрямился, удовлетворенно хмыкнул и принялся вытирать руки платком. На полу красовалась кособокая пентаграмма, схематический череп с костями, астрологические символы и прочая абракадабра.

Лысый был сутул, длиннонос и мрачен; черноусый же был

краснощекий, осанистый здоровяк.

– Думаешь, сработает, Вальдемар? – скептически поинтересовался черноусый, глядя на меловые рисунки на полу. – Железнорукий ответит на зов и придет?

– Явится, как миленький, – отрезал лысый. – Это же символы из древнего трактата «Потаенное царство»! Призраки слетаются на них, как мухи на конфитюр.

– Только бы не подвел фотоаппарат! – забеспокоился черноусый. – Редактор клялся, что заплатит по сто кронодоров за снимок.

– Вы ждете Железнорукого? – Аннет подала голос сквозь дверную щель, окончательно уверившись, что два чудака опасности для нее не представляют.

Лысый уронил платок и схватился за сердце. Черноусый ахнул, выплеснул на себя содержимое чашки и вскочил.

– Вы из «Эха эзотерики»? – поинтересовался он нервно. – Подите прочь, любезная. Кыш, кыш! Сегодня мы вас опередили. Железнорукий наш, а вам ничего не светит.

– Не прогоняйте меня, – попросила Аннет и зашла в зал. – Меня похитил преступник, привез сюда и запер в подвале. Я сбежала, потом встретила Железнорукого в коридоре и треснула его ночным горшком.

Мужчины уставились на нее круглыми глазами.

– Эммм... что-что вы сделали? – поразился лысый, а затем гневно втянул щеки и спросил: – Кто вы такая? Мне кажется, я видел вас в ресторане «Заводного купидона». Вы журналистка?

– Нет, я не журналистка, – объяснила Аннет, – Я вас тоже видела. Вы член столичного кружка оккультистов, верно?

– Вальдемар Кроули, к вашим услугам, – наклонил голову лысый. – Президент общества «Тени и тайны», – затем подумал и строго разъяснил: – По основному роду деятельности я оптовый торговец бакалеей, но по призванию – исследователь непознанного и первопроходец потусторонних троп.

– Эрменеджильдо Блаватски, журналист «Вестника оккультизма», – шаркнул ножкой черноусый, поправил плед и кокетливо добавил: – Зовите меня просто Эрми.

Аннет представилась и пустилась в объяснения. Она битых четверть часа живописала свои приключения с момента, когда кто-то набросился на нее в номере. Оккультисты слушали, не перебивая, и на

их лицах росло скептическое выражение. Когда она закончила, господа многозначительно переглянулись.

– Итак, вы не журналистка? – ласково уточнил Эрми. – Вы так складно залива... ох, то есть, излагаете эту... эту весьма странную историю, что я...

– Вы думаете, я сочиняю, – вздохнула Аннет. – Уверяю вас, все правда до последнего слова. В подвале сидит преступник, а ваш Железнодорожник бродит по второму этажу. Никакой он не призрак. Для выходца из иного мира у него слишком крепкий череп.

– Физиология привидений изучена мало, – недовольно возразил лысый. – Сегодня мы надеемся провести наблюдения и добыть новые факты в этой области. Эта вылазка должна принести богатые плоды.

– Как вы попали в лечебницу? Как отсюда выйти? – поинтересовалась Аннет, прислушиваясь; ей показалась, из подвальной части здания донесся шум.

– Мы здесь с позволения госпожи Соннери, – сообщил журналист. – Она долго упиралась, не хотела пускать нас сюда одних... но нам удалось уговорить ее нарушить правила. – Эрми многозначительно пошевелил пальцами, словно отсчитывая банкноты. – Она привела нас сюда и заперла входную дверь, чтобы в лечебницу не забрались другие любопытствующие или мои конкуренты-репортеры из «Эха эзотерики». Сказала, выпустит нас ближе к рассвету. До полуночи осталось полчаса. Железнодорожник пока не явился. Неужели вы видели его собственными глазами, госпожа Вик? Прошу, опишите его в мельчайших деталях, ничего не упускайте! Может, согласитесь дать интервью? По десять кронодоров за строку!

Аннет в отчаянии всплеснула руками.

– Как вы не понимаете! Нужно скорее выбраться отсюда. Мне грозит опасность!

Лысый запыхтел, как чайник. Он был угрюм и не настроен любезничать.

– Голубушка, умоляю, – решительно сказал он, – не мешайте нашим планам. Я не знаю, что за дела привели вас сюда и зачем вы потчуете нас сказками о преступниках и похищениях, но я знаю одно: не увидев Железнодорожника, я из лечебницы не уйду.

– Постой, Вальдемар, – урезонил его журналист. – Мы должны помочь даме, попавшей в беду.

– Да какая вам разница, где ждать призрака? – спросила Аннет. – Давайте перейдем в вестибюль. Может, удастся выломать дверь или добраться до окна. Я сбегаю в город и вернусь с полицией.

– Не надо полиции, – испугался черноусый. – Полиция неправильно истолкует наши намерения. Эта лечебница – городской дом-музей, здесь нельзя бывать просто так, без сопровождения гида.

– Скажите это Швицу, который приволок меня сюда по приказу какого-то психа, – пробормотала отчаявшаяся Аннет.

– Ладно, – внезапно согласился бакалейщик. – Будь по-вашему. Все равно в этом помещении энергетическая аура не слишком благоприятна. У меня звенит в левом ухе, а это верный признак. В вестибюле будет сподручнее. Эрми, – скомандовал он, – бери фотоаппарат. Перезагружаем.

Эрми подхватил фотоаппарат и мощный фонарь, Вальдемар взял странный агрегат, похожий на бидон из-под керосина. К бидону был присоединен шланг с раструбом на конце, а у горлышка прилажен манометр («Духоловка, собственное изобретение Вальдемара!» – похвастался Эрми).

Аннет предполагала, что придется вновь подниматься по лестнице и тащиться через коридор, а потом спускаться, но, к счастью, удалось попасть в вестибюль через первый этаж. Злополучный завал миновали просто: между разошедшимся шкафом и обвалившимся куском балки имелся проход.

Сумрак в вестибюле теперь выглядел еще таинственнее, чем прежде. Витражи горели холодным синим светом и отбрасывали на пол причудливые мозаичные тени. В зыбких лунных лучах медленно кружились пылинки, а в углах зала стояла непроглядная тьма. Аннет показалось, что она попала на сцену, на которой вот-вот развернется драматический спектакль.

Пока Аннет прикидывала, как ей подвинуть стеллаж и дотянуться до окна, исследователи непознанного развили бурную деятельность. Эрми установил фотоаппарат на треноге, а Вальдемар, осторожно поставив духоловку в угол, принялся чертить на полу символы.

– Вот бы поймать хоть одного, самого завалящего призрака! – помечтал вслух Эрми, глядя на духоловку с некоторым сомнением. – Академия Наук и Одаренных обещала премию в сто тысяч кронодоров.

– Железнорукий – призрак довольно крупный. В ваш бидон он не

поместится, – язвительно заметила Аннет, и тут ей пришла в голову блестящая мысль.

– Лучше заманить его в западню, как волка. Вон там, чуть подальше, проломились доски в полу. Давайте замаскируем эту дыру. Если Железнорукий придет полюбоваться на ваши оккультные символы, он наступит на доску и провалится. Тогда вы сможете изучить потусторонний феномен поближе.

Недолго повозражав для порядка, Эрми и Вальдемар сдвинули над проломом доски и бросили сверху пустой мешок; западня была готова.

– До полуночи осталось всего десять минут! – объявил Эрми. – Госпожа Соннери уверяла, что в день первого летнего полнолуния он появится со стопроцентной вероятностью. Ровно в полночь призрак обходит лечебницу в поисках того, кто лишил его конечностей и сердца.

– Местные болтают о туристах с разорванной грудной клеткой, но это чушь, – авторитетно заметил Вальдемар. – Кровожадные привидения – не более чем досужие вымыслы. Большинство призраков робки и пугливы как горные серны.

– Робки? Не думаю. Во время нашей встречи Железнорукий вел себя довольно развязно, – сердито сказала Аннет и вновь попросила: – Помогите мне выбраться наружу! Если мы все вместе разбежимся и ударим в дверь...

Однако от нее отмахнулись.

– Госпожа Вик, подождите хотя бы часик! – умоляюще сказал Эрми. – Позже, все позже! Преступники, похищения... все это ерунда. Сейчас очень важный момент. Мы можем упустить Железнорукого, пока будем возиться с вами! Сядьте в уголок, отдохните. Смотрите, Вальдемар уже читает заклинание, которое поможет привлечь призрака!

Вальдемар действительно нацепил на нос очки в толстенной роговой оправе, вытащил из кармана мятую бумажку, встал подле рисунков на полу и дрожащим от волнения тенорком принялся нараспев читать на непонятном языке.

Аннет топнула ногой от досады. Ей было невозможно ждать, пока явится разъяренный Швиц или прикидывающийся призраком шутник с мешком на голове. Поэтому, махнув на оккультистов рукой, она решила заняться делом: попробовать добраться до надписи на стене и изучить ее поближе. Нет сомнений, она скрывает тайну жакемаровой мастерской!

Очень удачно под надписью стояли покосившиеся остатки стеллажа, где, должно быть, пятьдесят лет назад хранились карточки пациентов. Можно забраться на него, а оттуда дотянуться до медных букв. Нажать их одну за одной, а там, глядишь, и откроется потайная дверка.

Попытка увенчалась успехом. Аннет перемазалась пылью и трухой, но сумела кое-как вскарабкаться на верхнюю полку стеллажа. Встала на цыпочки, потянулась и крякнула от досады: пальцы доставали лишь до механического сердца, вделанного в стену пониже слова «гор». Она ощупала зубцы шестеренок, крепко ухватила за край и дернула. Медное сердце неожиданно легко поддалось; громко треснуло, посыпалась пыль, и вся надпись, которая, на первый взгляд, крепилась к камню прочно, буква за буквой осыпалась вниз. В стене зияли безобразные дыры. Охнув от досады, Аннет сунула в карман механическое сердце, которое осталось у нее в руке.

Вот тебе и раз! Пыль да труха, и никакого секретного входа в мастерскую.

– Нельзя ли потише! – сердито прикрикнул Вальдемар. – Вы распугаете всех призраков в округе!

Аннет почувствовала, что очень устала. Она уселась на полку, свесив ноги, и задумалась. Отсюда было удобно наблюдать за происходящим внизу – как из театральной ложи.

На импровизированной сцене все было готово к приему потустороннего гостя. Вальдемар покончил с заклинанием и напряженно прислушивался. Лунный луч отражался от его лысины и подсвечивал бледное, одухотворенное лицо.

Эрми застыл подле фотоаппарата и каждую секунду сверялся с часами. Он рассчитывал на пунктуальность призрака.

В заброшенной клинике воцарилась давящая тишина, какая бывает перед наступлением драматических событий. Точь-в-точь как в мистической пьесе «Каменный командор».

И вот с улицы донесся приглушенный толстыми стенами звон; городские часы били двенадцать.

– Вот, сейчас! – восторженно прошептал Вальдемар. – Слышите?

И Аннет услышала.

Застонали ступени лестницы, а затем прозвучал знакомый механический скрип.

– Он идет! – дрожащим голосом проговорил Эрми. Вальдемар восторженно всплеснул руками. Лицо у него стало такое счастливое, будто ему было семнадцать, и он влюбился в первый раз в жизни.

Темноту прорезал луч красного света, и лестница озарилась отблесками адского пламени. С величавостью, вполне достойной театрального Каменного Командора, по ступеням спускался Железнорукий. Вид у него был поистине жуткий. Его пылающее под рубахой сердце, неестественно длинные ноги, железные пальцы и мешок на голове глубоко впечатлили исследователей потустороннего.

Эрми присел, словно пытаясь спрятаться за треногой фотоаппарата. Вальдемар мелко задрожал и попятился.

Теперь Аннет наблюдала за Железноруким с безопасного расстояния и отметила несколько любопытных вещей. Во-первых, на том месте, где у людей находится лоб, под тканью мешка отчетливо вырисовывалась крупная шишка (Аннет удовлетворенно хмыкнула).

Во-вторых, походка у призрака стала слегка неуверенной; его мотало из стороны в сторону, длинные ноги заплетались, а из кармана рубахи высунулась початая бутылка. Гордо выпрямив спину, призрак шагнул с лестницы на пол, оступился, взмахнул руками-граблями и пробормотал незатейливое ругательство.

– Вы слышали? Он ругается! – дрожащим шепотом изумился Вальдемар.

– Кажется, он помянул распутную чертову бабушку, – ослабевшим от волнения голосом подтвердил Эрми и торопливо добавил:

– Исследователи еще ни разу не регистрировали случаи сквернословия среди привидений. Это сенсация, дорогой Вальдемар! Редактор меня озолотит.

Вальдемар охнул и направил на призрака подрагивающий указательный палец:

– Посмотрите, посмотрите! Он достает из кармана... он достает бутылку шнапса!

Сделать это протезами было непросто, однако призрак справился. Пробубнив что-то невнятное, он ткнул железным пальцем в пробку, вытащил ее, как штопором, а затем сделал попытку промочить горло. Мешок на его голове сбился набок, и прорезь для рта оказалась под правым ухом. Безуспешно потыкав горлышком в нижнюю часть лица, призрак нашел блестящий выход: он оттянул ткань мешка так, что

дырка для левого глаза сползла вниз, сунул в дырку горлышко и, откинув голову назад, жадно забулькал.

– О боже! – потрясенно молвил Эрми, высовываясь на миг из-за фотоаппарата. – Он пьет... пьет... глазом? Это невыносимо. Ужасное, но при этом поразительное зрелище!

– Физиология призраков изучена мало, – напомнил Вальдемар, стуча зубами. – Полагаю, этот призрак вынужден использовать другое отверстие в голове, чтобы влить в себя требуемую жидкость. Челюсть-то у него железная, помните?

– Я должен это заснять! – спохватился Эрми и, подпрыгнув от волнения, вцепился в фотоаппарат обеими руками.

Аннет наблюдала за нелепой сценой со шкафа и не знала, плакать ей или смеяться.

И вдруг она словно ослепла. Полыхнула вспышка магния, на мгновение все вокруг озарилось белым светом, на стенах проступили вытянутые тени. Эрми выпрямился за фотоаппаратом и радостно потер руки, а потом началась безумная кутерьма.

Железнорукий издал жуткий вой, выронил бутылку, хищно вытянул руки-грабли и гигантскими шагами бросился вперед. При этом его механические суставы скрипели и гроыхали так зловеще, что Вальдемар не выдержал: тоненько взвизгнул и кинулся наутек.

Эрми растерянно смотрел на несущегося на него монстра и не мог сдвинуться с места. От ужаса его шевелюра – и даже густые усы – встали дыбом. Вероятно, журналист решил, что Железнорукий твердо намерен вырвать из его груди живое, бьющееся сердце.

Каков бы ни был план призрака, он потерпел неудачу: затрещали доски, и, сделав очередной шаг, Железнорукий со страшным грохотом провалился под пол.

Воцарилась недолгая тишина. Пыль танцевала в лунном луче. Оккультисты осторожно приблизились к зияющей черной дыре в полу. Вальдемар нес в руках духоловку раструбом вперед. Эрми направил в пролом яркий луч фонаря. Снизу донеслась такая забористая ругань, что оккультисты мигом отпрыгнули назад, но тут же спохватились.

– Это не призрак, – с горькой обидой произнес Эрми. – Опять обман! Мошенничество! Я буду жаловаться.

Дошло, наконец, злорадно подумала Аннет.

– Но кто..., – начал было Вальдемар, но договорить не успел.

Загремел засов, входная дверь распахнулась, в темное помещение ворвались лучи фонарей, свежий порыв ветра и сердитые голоса. Через миг в вестибюле лечебницы сталолюдно, как на вокзале. Впереди, выпятив грудь, семенил Пендельфедер; у него из-за плеча выглядывала угрюмая Луиза Соннери. Замыкали процессию несколько взволнованных горожан и рабочих Форса.

Сердце Аннет радостно подскочило, но тут же упало: Максимилиана среди них не было. Она хотела слезть со стеллажа, но вместо этого отодвинулась в тень. Кто знает, зачем явились эти люди? На лицах новоприбывших читалось множество эмоций: досада, гнев, раздражение, любопытство, но ни сочувствия, ни дружеского участия, Аннет увидеть не удалось.

– Кто вы такие, господа, и что тут делаете? – потребовал объяснений полицейский. – Рабочие донесли, что из лечебницы доносится шум, крики, а в окнах видны вспышки света.

Вальдемар и Эрми одновременно пожали плечами.

– Мы поймали Железнорукого, – объявил журналист и горделиво подкрутил ус.

– Что? – выпучил глаза полицейский, а Луиза мастерски присвистнула. Свист этот передавал гамму разнообразных чувств.

Полицейский украдкой пихнул ее в бок, и Луиза вновь приняла скорбный и отстраненный вид.

– Но это оказался не призрак. Это мошенник, – тоном судебного обвинителя произнес Вальдемар.

Он смело наклонился над проломом, протянул руку и через миг выпрямился, гордо помахивая мешком. Снизу донесся протестующий возглас.

– Я узнаю его! – продолжил резать правду Вальдемар. Аннет вытянула шею и затаила дыхание.

– Это местный шарманщик!

Над ямой показалась голова с сизым носом и растрепанными седыми космами.

– Идиот! – с чувством произнесла Луиза. – Напился и все испортил!

Пендельфедер вновь ткнул ее локтем, на этот раз куда чувствительнее. Луиза охнула и замолчала. Горожане недовольно зашушукались.

– Выходит, госпожа Соннери, – отдельно произнес Эрми, –

легенда о Железноруком – чистый вздор, обман туристов и выколачивание денег. Я это так не оставлю. Я напишу разоблачительную статью в «Вестнике оккультизма». Посмотрим, сколько туристов приедет в вашу дыру в следующем году!

– И кто вас надоумил ловить призрака? – расстроенным голосом спросил один из прибывших; Аннет узнала в нем портье из «Заводного купидона». – Это нечестно, вам лишь разрешили посмотреть на него издали!

– Эту блестящую мысль нам подала вот эта умненькая барышня... госпожа Вик, – с готовностью откликнулся Вальдемар и повертел головой налево-направо, а затем радостно указал: – Вон она, прячется на шкафу!

Все лица повернулись к Аннет; она не придумала ничего лучше, чем приветственно помахать господам. Затем повернулась и неловко сползла со шкафа на землю.

– Так-так! – зловещим голосом произнес полицейский. – Нехорошо, госпожа Вик. Незаконно забрались в охраняемый дом-музей и подстрекаете туристов на хулиганство!

– Где Максимилиан? Мне нужно к нему! Послушайте, господин Пендельфедер, – затараторила Аннет. – Меня похитили! Здесь, в подвале, сидит Швиц. Я его заперла!

– Хватит врать, – с отвращением сказал полицейский и даже зажмурился: так неприятно ему было смотреть на Аннет. – Я прекрасно знаю Швица. Он мелкий жулик, а похищение – это слишком, знаете ли... Кроме того, я встретил Швица час назад. Он беседовал с владельцем гаража об аренде автомобиля, чтобы с утра пораньше добраться до Фрибура, если дорога высохла после наводнения.

– Не может быть, – ахнула Аннет. – Значит, он выбрался из лечебницы через потайной ход и собирается сбежать! Подумайте только, какой наглый, самоуверенный, закоснелый преступник!

– В лечебнице нет никакого потайного хода, а за оговор невинных граждан предусмотрено наказание, – отрезал Пендельфедер, потом подумал и решительно заявил: – Я вас арестовываю. Всю честную компанию. Вас господа, за незаконное проникновение в дом-музей.

– Но нам позволила госпожа Соннери! – оскорбился Вальдемар. – За хорошую мзду.

– Поди докажи, – усмехнулась Луиза.

– И вас, госпожа Вик.

– А меня за что? – Аннет была потрясена до глубины души.

– О! – закатил глаза Пендельфедер и многозначительно погладил кобуру. – Список ваших проступков весьма внушителен, будьте уверены.

– А его вы разве не арестуете? – негодуя поинтересовался Вальдемар и кивнул на Петра. Фальшивый призрак выбрался из ямы и теперь сидел на полу, задрав брючины, и отстегивал от ног хитрые приспособления, напоминающие механические ходули. От рук-граблей и фонарика, изображающего пылающее сердце, он уже избавился.

– Что взять с городского дурачка? – развел руками Пендельфедер. – Петр развлекается, как может. К тому же он официально считается помощником смотрителя достопримечательностей, а значит, может находиться на территории вверенного ему имущества в любом виде, в каком пожелает. Да и за душой у него ни гроша... а вот вас, господа, ждет внушительный штраф.

– Вы не посмеете! – возмутилась Аннет. – Это произвол! Я жертва, а не преступник. Отведите меня к господину Молинару! Где он?

– Вернулся с экскурсии в горы и отдыхает у себя в номере, – злорадно доложил Пендельфедер. – Не беспокойтесь, ему сообщат, что вы в участке. Идем!

Полицейский кивнул, Аннет и оккультистов взяли под ручки недружелюбно настроенные горожане и повели наружу.

Глава 23 Из сердца гор прими бесценный дар

Аннет и исследователей потустороннего повели по залитым лунным светом улицам до ратушной площади. Незадачливые охотники на привидений громогласно возмущались. Аннет молчала, лишь механически переставляла ноги и горько вздыхала. Ничего, близок конец мучениям, успокаивала она себя. Скоро придет Максимилиан и заберет ее в гостиницу.

Но пока нелепое представление продолжало идти своим чередом, хотя зрителей у него было немного. Рабочие Форса вернулись в лагерь, горожане разбрелись по домам, Луиза незаметно отстала, и в участок арестованных доставил лишь Пендельфедер, его помощник — молодой робкий парнишка – да двое добровольцев из городской общественной дружины.

Полицейский участок располагался в одноэтажном здании, давно

не выдавшем ремонта. Раздувшись от чувства собственной важности, Пендельфедер усадил арестованных на занозистые деревянные скамьи, сам занял стол напротив.

Первым делом принялся допрашивать мужчин. Оккультисты спорили, негодовали, грозили оглаской. Полицейский свирепел и не уступал. Он по памяти цитировал подходящие строки из королевского уложения о защите памятников архитектуры и мелком хулиганстве.

В конце концов, стороны пришли к соглашению. Городские власти в лице Пендельфедера милостиво согласились ограничиться штрафом. Эрми и Вальдемар решили покончить с делом немедленно: достали чековые книжки и выписали нужную сумму. Полицейский просиял и спрятал чеки в карман, забыв отдать квитанцию. Затем попросил помощника проводить господ на выход.

Жадно и недальновидно, отметила Аннет. Толстяку стоило вести себя иначе. Не ругаться с нарушителями, а умаслить их в обмен на обещание держать язык за зубами, а журналистское перо под замком. Тогда удалось бы и дальше морочить суеверным туристам голову и драть с них денежки за возможность поглазеть на несуществующего призрака.

— Ну-с, а теперь поговорим с вами, госпожа Вик, — наконец, обратился Пендельфедер к Аннет, и та вздрогнула, вырванная из собственных мыслей. — Боюсь, вы так просто не отделаетесь. Ваши нарушения куда существенней, чем у этих столичных хлыстов. Мне только что доставили записку от бургомистра, — полицейский кивнул на листок бумаги, который несколько минут назад положил на стол его помощник. — Господин Гильоше просит отнестись к вам со всей строгостью. Город предъявляет вам ряд обвинений...

Аннет не верила своим ушам. У нее дух захватило от возмущения, и она целую минуту беззвучно разевала рот, не в силах найти подходящие слова.

— Какие обвинения?! — выдавила она. — Это я жертва! Меня похитили и чуть не убили в вашем городе!

— Обвинения таковы, — Пендельфедер выставил руку и принялся загибать пухлые пальцы. — Нарушение общественного порядка — раз. Незаконное проникновение на территорию памятника архитектуры с причинением ущерба — два. Нанесение телесных повреждений господину Петру Колезвару — три. Ну, и главное...

Полицейский убрал руку и нахмурился.

-- Своими бездумными действиями и подстрекательством вы убили городскую легенду о Железноруком. Ту сказку, что привлекала толпы туристов и кормила Механисбург не одно десятилетие.

Помощник полицейского охнул, а представители общественной дружины возмущенно засопели.

– Это не легенда, а надувательство, – отрезала Аннет. – Вы тут все отъявленные жулики. У меня тоже есть, что предъявить вашему городу.

– Утром разберемся, – полицейский зевнул. – Боюсь, вам придется провести ночь в камере. На это было особое указание бургомистра. Знаете, он вас крепко недолюбливает.

– Немедленно пошлите за господином Молиаро, – потребовала Аннет. – Он оплатит штрафы. Вызовет из столицы своего адвоката...

– Зачем нам адвокат? – развел руками Пендельфедер. – Не надо адвоката. Мы и так все решим. Разумеется, я отправлю записку в «Заводной купидон» и приглашу господина Молиаро. Утром. А пока прошу...

Полицейский встал и кивнул помощнику. Тот потянул Аннет за локоть, чтобы проводить в камеру в конце коридора.

Камера освещалась крошечной лампочкой. На полу и на деревянной койке стояли пустые ящики из-под рассады, в углу – мешки с удобрениями, от которых шел противный запах птичьего помета. В узкой нише притулился жестяной рукомойник и прочие примитивные удобства.

– Здесь давненько никого не держали, – извинился Пендельфедер. – В Механисбурге живут законопослушные граждане. Вот я и использовал помещение под свои нужды... погодите-ка, сейчас наведем порядок. Устроим вас не хуже, чем в «Заводном купидоне».

Он отдал помощнику распоряжение, и через пару минут камера была готова принять постоялицу. В порыве гостеприимства Пендельфедер сбегал к себе домой в соседний переулок и вернулся с теплым покрывалом, подушкой, термической флягой с горячим какао и полудюжиной пирожков.

– Госпожа Пендельфедер просила передать, – пояснил он. – Ну-с, располагайтесь, и не говорите потом, что в Механисбурге не привечают приезжих. Мы с уважением относимся ко всем гостям, даже к тем, кто всячески стремится навредить нашему прекрасному городу. Утром

быстренько разберемся с вашим делом, и вы вернетесь в столицу. Надеюсь, вы извлечете правильный урок из произошедшего.

Полицейский вышел в коридор и захлопнул тяжелую дверь. Прогремел ключ, Аннет осталась одна.

В камере было прохладно, от едкого запаха удобрений слезились глаза, но испортить настроение эти обстоятельства уже не могли.

Аннет забралась на койку с ногами, прислонилась спиной к стене и принялась гипнотизировать дверь. Она ждала появления Максимилиана с минуты на минуту. Он должен, он обязан прийти! Он вернулся в гостиницу, увидел, что ее нет, и начал искать. Скоро он ее отыщет, он весь город вверх дном перевернет! Негодяи еще пожалеют, что связались с ним.

Шли минуты, городские часы тихо пробили час, потом два – спаситель не появлялся. Вскоре веки налились свинцом. Ключнув пару раз носом, узница сдалась: зевнула, поплотнее закуталась в покрывало и повалилась на мягкую подушку. Уснула в один миг.

Утром ее разбудило лязганье ключа и шум голосов. Аннет подскочила и хлопнула глазами, не сразу сообразив, где находится. В зарешеченное оконце лился яркий свет.

Дверь открылась, и в камере появился Максимилиан в сопровождении Пендельфедера.

– Пришел! – обрадовалась Аннет и тут же накинулась с упреками. – Я тебя всю ночь ждала. Неужели ты обо мне ни капли не беспокоился?

– Я вернулся поздно. Горничная сказала, ты заперлась у себя в номере и спишь. Решил не тревожить. Понадеялся, что ты сдержала свое обещание не влипать в новые неприятности, – ответил Максимилиан сухо. – Я принес одежду. Господин Пендельфедер сказал, что тебе она понадобится после ночных приключений.

Аннет издала возмущенное восклицание. Надо же, поверил всему, что про нее наплели эти подлые механисбуржцы!

Максимилиан укоризненно цокнул языком. Он выглядел до отвращения бодрым. Сегодня он надел не привычный костюм, а серые брюки с безупречными стрелками, белую рубашку, темный вязаный джемпер без рукавов и щеголеватое клетчатое кепи. Его ботинки слепили блеском и восхищали. Холеный состоятельный господин на отдыхе, да и только. Образец элегантности. Хоть сейчас на цветной разворот журнала «Дельцы и денди».

А вот фотографию Аннет можно было поместить в этом же журнале как иллюстрацию к статье про обитателей столичных трущоб. Перепачканное грязью платье, драные чулки, на голове воронье гнездо. И разит от нее как от вороньего гнезда – едкий запах пендельфедеровских удобрений прочно въелся в кожу и одежду.

Она с негодованием вырвала у Максимилиана из рук бумажный пакет и вернулась в камеру, чтобы умыться и переодеться.

О, он принес ее шальвары и любимую розовую блузку. Тот самый наряд, в котором впервые увидел ее. Ладно, хоть здесь сумел угодить.

Впрочем, никакой другой одежды у нее не осталось, вспомнила Аннет. Приключения в Механисбурге имели печальные последствия для ее гардероба. Порванного в театре нарядного платья, измазанного травяной зеленью летнего костюма, безвозвратно погибшего жакета на шелковом подкладе и превратившейся в лохмотья юбки, что она надела нынче утром, было безумно жаль.

Учитывая, что Аннет осталась без сбережений и работы, порадовать себя дерзкими обновками из модного салона госпожи Жанель она больше не сможет. Теперь ей придется щеголять в унылых нарядах из магазина готовой одежды для трудящихся дам. Отчего-то эта мысль огорчила сильнее, чем все беды, что обрушились на нее в эту ночь.

Когда арестованная появилась в приемной полицейского участка, Максимилиан не удостоил ее взглядом. Он стоял у окна и с рассеянным видом крутил на пальце цепочку с жакемаровым брелоком. Пендельфедер жадно следил за движениями золотого кругляшка, вытянув губы трубочкой и поглаживая кобуру у пояса.

– Все улажено, господин Молинаро? – подобострастно поинтересовался он. – У вас нет претензий к городским властям? Я полагаю, господин Гильоше объяснил все доходчиво и привел нужные доказательства...

– Да, да, все в порядке, – нетерпеливо прервал его Максимилиан. – Я могу забрать ее?

– Конечно, конечно, – засуетился полицейский. – Как видите, госпоже Вик не на что жаловаться. Вы не в обиде на нас, госпожа Вик? Вот ваша сумочка. Мы нашли ее в лечебнице и вернули в целости и сохранности со всем содержимым. Книга, карандаш, кошелек... все на месте, до единого кронодора. И бумажечка... хм, какое интересный

рисуночек, похоже на план лабиринта... что это?

Аннет выхватила из пухлых рук схему, что нарисовал Лазурный поэт, сунула в сумку и, не оглядываясь, пошла к выходу.

– Приятного пути в столицу! Приезжайте к нам еще! – крикнул в спину Пендельфедер.

Когда вышли на улицу, Аннет зажмурилась от яркого света и сладко потянулась. Утро было прекрасное, теплое. Жизнь налаживалась.

Хрупкое состояние покоя было прервано неожиданным образом. Драматически взмахнув полами черного плаща, из-за угла выскочил городской механик.

– Дорогая Аннет, что случилось?! – взволнованно спросил он, трепетно касаясь ее плеча бледными пальцами. – До меня дошли странные слухи. Будто вы хулиганили ночью в заброшенной лечебнице, избили Петра, выломали часть стены... и Корабль-в-бутылке... тоже ваших рук дело?

– Все враки, – отрезала Аннет. Максимилиан уставился на механика тяжелым немигающим взглядом.

Ангренаж не смутился. Он лихорадочно провел ладонью по шевелюре, облизал губы и твердо произнес:

– Мне нужно с вами поговорить, Аннет.

Покосился на насупившегося Максимилиана и с вызовом добавил:

– Наедине. Вы должны узнать кое-что, перед тем как уедете. Это вопрос жизни и смерти.

– Что такое? – заинтересовалась Аннет.

– Выкладывайте сейчас и в моем присутствии, – потребовал Максимилиан. – У сотрудников фирмы «Раритеты Молинаро» не может быть тайн от своего начальства.

– Прошу извинить меня, – склонил голову Ангренаж. – но, по моему скромному мнению, ваша бесцеремонность переходит все границы, любезный господин Молинаро.

– Не стоит извиняться, Ангренаж. Плевать мне на ваше скромное мнение.

Максимилиан схватил Аннет за локоть и увел прочь. Девушка обернулась и увидела, как Карл подает ей таинственные знаки. Механик трагически задрал брови, сложил руки у сердца, словно собирался спеть арию, затем схватил себя за горло. Подмигнул, сложил пальцы щепотью, покрутил рукой в воздухе и кивнул в сторону переулочка, где

стоял «Заводной купидон».

Озадаченная Аннет поморгала, соображая, что он пытается сообщить своими манипуляциями. «Свяжу вам шарфик? Нарисую ваш портрет? А, ясно! Вам грозит опасность. Напишу вам записку и оставлю гостинице!», наконец истолковала она.

Карл тем временем вытянул из кармана свои удивительные часы, щелкнул крышкой, озабоченно взгляделся в циферблат, хлопнул себя по лбу и, прихрамывая, но довольно резво помчался в сторону ратуши.

В молчании перешли на другую сторону улицы.

– Ангренаж выглядел встревоженным. Интересно, что он хотел? – неуверенно произнесла Аннет.

– Признаться тебе в любви или выложить страшную тайну города. Первое тебе выслушивать незачем, а второе у него вытрясет агент Биркентон, когда придет в Механисбург. Я уже отправил телеграмму. Связь восстановлена, дорога открыта, после обеда мы отправимся в столицу, – отрывисто сообщил Максимилиан и поинтересовался: – Наверное, ты голодна?

– Вовсе нет. Все что мне нужно – это немного свежего воздуха. Максимилиан, я так рада, что ты вытащил меня из тюрьмы! Ночь выдалась ужасной. Давай немного прогуляемся, и я расскажу, что произошло.

– Да уж, будь добра. Хотелось бы услышать твою версию событий.

Аннет заподозрила неладное.

– Сначала ты расскажи, – попросила она. – Когда ты вернулся? Что узнал о гибели Вальвазора? Почему не приходил за мной так долго? Как уговорил бургомистра отпустить меня?

Они медленно двинулись вдоль улицы, ведущей к Живому лабиринту.

– Ничего нового на месте обвала я не обнаружил. Вернулся очень поздно. В твоем номере не горел свет, дверь была заперта. Горничная сказала, ты у себя. Решил не будить. Непростительная ошибка с моей стороны. Меня вызвали к бургомистру только утром, – ответил Максимилиан ровно, не выказывая никаких эмоций, но на его лице Аннет ухитрилась прочесть сильное неудовольствие. Да что случилось?!

– Бургомистр поведал о твоих подвигах. Во всех деталях.

– А! – облегченно выдохнула Аннет. – Полагаю, Гильоше врал без

отдыха. И что же он такого наговорил?

– Во-первых, обвинил тебя в поломке городского аттракциона «Корабль-в-бутылке». Рассказал, что ты забралась туда без спроса...

– Меня пустила Луиза, ты же знаешь!

–... и включила механизм в каюте.

– Я ничего не включала!

– В каюте есть потайная кнопка за гербом. Полагаю, ты нажала на нее случайно, когда устроила обыск. Мне сообщили, что ты покорежила пару автоматов, сломала стойку и погнула трубу. Каравелла сильно пострадала. Эти подробности ты от меня утаила. Бургомистр потребовал огромный штраф.

– Да как Гильоше вообще узнал, что там была я? Уж не он ли со своим подельником Швицем загнал меня в ту бутылку?

– Там нашли твоё пенсне. То, что ты потеряла на палубе. Луиза, кстати, утверждает, что никакого ключа тебе не давала.

– Вот подлая! Впрочем, она наверняка не соображала, что вытворяла. Знаешь, я ведь поняла, в чём дело. Она...

– Погоди. Я настаивал на твоей версии событий. Далее. По словам бургомистра, ночью ты забралась в лечебницу и нанесла непоправимый ущерб этому захудалому памятнику архитектуры. Выломала из стены историческую надпись, напала на сторожа – то есть Петра, надругалась над городской легендой. Помнится, накануне ты очень хотела попасть туда и намекнула, что готова поступить мне наперекор. Признаюсь, я был несколько обескуражен, когда решил, что своё намерение ты все-таки выполнила.

Аннет была потрясена. Она ждала сочувствия и утешений, и вот что получила. Она схватила его за локоть, заставив остановиться, и громко возмутилась:

– Все было не так!

Максимилиан страдальчески вздохнул. Она от бессилия топнула ногой, спугнув стаю голубей. Голуби взмыли в воздух, продавщица мороженого – бойкая фигуристая девушка – оторвалась от подсчета мелочи и с интересом посмотрела на ссорящуюся парочку.

Аннет, наконец, заметила, что они стояли посреди площади Роз. Едва слышно жужжали механические цветы, тень от шпиля солнечных часов подползала к цифре «одиннадцать». Солнце ослепительно отражалось от медного узора на плитах.

– Послушай, Максимилиан, – произнесла с показным спокойствием. – Я понимаю, все это звучит очень странно. Расскажи мне кто о таких приключениях, я бы сама не поверила. Ожившие автоматы, Пильщик, черный человек... бред какой-то. Знаешь, – она печально улыбнулась, – в детстве моя сестра была ужасной фантазеркой. Постоянно сочиняла истории. Придет с прогулки в грязном платье, мама ее спрашивает: «В чем дело? Ты опять прыгала по лужам, негодная?», а Мария рассказывает, что ее любимого медвежонка утащил одноногий угольщик, и ей пришлось гоняться за ним по подвалу. И так убедительно рассказывала, с подробностями, в лицах. А когда ее стыдили за ложь, ужасно обижалась и стояла на своем до последнего. Дети так часто делают: сочиняют и сами верят в свои выдумки. Я кажусь тебе таким ребенком, верно? Вру напропалую, хитрю, изворачиваюсь, разыгрываю спектакли, лезу куда нельзя. Для детей подобное поведение нормальное, а вот для взрослой девушки, конечно же, нет. И поэтому ты считаешь меня непроходимой дурой, а то и чокнутой. Верно, Максимилиан? Жалеешь, что связался со мной?

– Так его, подруга! – задорно выкрикнула продавщица мороженого. – Задай ему жару! Если он твой парень, то должен верить тебе во всем. А если нет – гони его в шею.

Максимилиан сверкнул на продавщицу гневным взглядом, затем повернулся к Аннет и открыл рот, чтобы что-то сказать, но та перебила его:

– Уйдем отсюда. На нас весь город смотрит. Пока не говори ничего. Выслушай меня, а затем делай выводы.

Они пошли по узкой улочке, что вела к Живому лабиринту. Аннет принялась рассказывать о похищении и ночи, проведенной в лечебнице. Она говорила довольно несвязно, потому что в груди росла тревога и мешала ей блеснуть красноречием. При этом на Максимилиана она старалась не смотреть: боялась, что сообразит и разревется, если опять увидит на его лице тень холодного разочарования.

– ... думаю, Швиц сбежал, поэтому его видели в городе в то время, когда я еще была заперта в лечебнице вместе с этими двумя ненормальными и призраком-самозванцем. Теперь он удрал из Механисбурга, и кто его нанял – неизвестно, – она закончила рассказ, когда они подошли к входу в лабиринт.

– Отдохнем, – Максимилиан указал на скамью возле пышного

розового куста. Аннет опустилась на самый краешек. Максимилиан сел рядом, закинул ногу на ногу и положил руку на спинку скамьи. Побарабанил пальцами по дереву, чертыхнулся вполголоса. Снял кепи, взлохматил пятерней волосы, опять выругался, и лишь тогда немного успокоился.

– На тебя весь город ополчился, – сообщил он, не глядя на Аннет. – Говорят, ты лишила их важных источников дохода. Туристов в лечебницу теперь не привести. Наследники хотели продать каравеллу столичному музею, чтобы погасить часть аренды и отсрочить передачу земель компании Форса, но и этот план ты им сорвала. Я оплатил все штрафы, которые потребовал бургомистр, иначе тебя бы не выпустили так скоро.

– И этому жадюге-бургомистру ты веришь больше, чем мне, – горько заключила Аннет.

Максимилиан секунду помолчал, поиграл желваками, и только затем произнес:

– Разумеется, я верю тебе.

Аннет решила, что ослышалась.

– Что-то непохоже.

– Теперь верю, – поправился Максимилиан. Вздыхнул, потер висок и разъяснил с едва скрываемой досадой: – Про похищение я впервые слышу от тебя. Ни бургомистр, ни полицейский об этом не упомянули. Впрочем, были подозрения, что мерзавцы что-то недоговаривают. Однако признаюсь – когда я узнал, где ты провела ночь, был разочарован. На миг решил, что ты меня все же обвела вокруг пальца. Ненавижу, когда врут. Моя жена постоянно изворачивалась, плела ложь, были и другие... любительницы полуправды.

Аннет хотела обидеться и замкнуться в гордом молчании, но тут же поняла, что это лишит ее возможности выяснить отношения раз и навсегда.

– Хорошо, Максимилиан. Обещаю, что никогда не буду тебе лгать. Но и ты обещай, что всегда будешь мне верить.

Он взял ее за подбородок, повернул ее лицо к себе и серьезно сказал:

– Я всегда буду на твоей стороне, Аннет. Прошу, прости. У тебя выдалась ужасная ночь, да еще я тебя огорчил. Решила, что я готов обвинить тебя во всех грехах, верно? Это не так. Я виню только себя. За

тобой нужно приглядывать каждую секунду, а я ушел и бросил тебя одну в гостинице. Четвертовать меня за это мало! Обещаю, я отыщу Швица. Места живого на нем не оставлю. Направлю лучших ребят из «Сыскаго агентства Молинаро», чтобы выяснить, кто в действительности стоит за нападениями. Больше ты не попадешь ни в какие ужасные приключения. Хватит с нас этого безумного городка. Дорога на Фрибур открыта, сегодня вечером мы уедем на автомобиле, сядем на поезд, а через пару дней будем в столице.

Он обнял ее за плечи и привлек к себе. Аннет уткнулась лицом в его шею, а он оперся подбородком о ее макушку.

Аннет вздохнула.

– Жаль уезжать, так не разгадав тайну послания Лазурного поэта... слушай, я уверена, что вход в мастерскую где-то в лечебнице. Не зря же там на стене висит эта надпись! Может, заберемся туда сегодня днем? Ты столько заплатил бургомистру, что он будет счастлив лично тебя туда проводить. Если найдем клад, я со своей доли верну тебе то, что ты потратил на мой выкуп. Да и мне деньги ох как понадобятся...

Максимилиан погладил ее по спине.

– Ты неисправимая авантюристка. Не переживай о деньгах. Пока мы вместе, я позабочусь о тебе. Сниму хорошую квартиру в престижном квартале, рядом со своим домом. В квартал «Десять муз» тебе возвращаться не придется. Публика там не самая приличная. Но я оплачу твои актерские курсы, не сомневайся. Директор столичной оперетты – давний клиент фирмы Молинаро. Поговорю с ним, сделаю пожертвование театру, и тебе будут давать лучшие роли. Ты быстро добьешься успеха! Я еще буду гордиться, что водил знакомство с великой актрисой.

Он выложил все это тоном человека, который привык командовать, брать на себя ответственность и легко распоряжаться чужими судьбами, не обращая внимания на протесты насильно облагодетельствованных.

Аннет оцепенела. «Пока мы будем вместе...» Эти слова ей очень не понравились. Максимилиан словно установил время, которое был готов потратить на нее. Точный срок не назвал, но Аннет подозревала, что долгим он не будет. «Сниму квартиру рядом со своим домом...». А этими словами он установил границы, которые ей не следовало переступать. «...буду гордиться, что водил знакомство...» – Аннет живо представила, как лет десять спустя он является на ее бенефис в

компании прекрасной аристократической блондинки и с легким вздохом и мечтательным выражением признается: «Милая, а ведь я знавал когда-то эту актрису, госпожу Вик, и даже стоял у истоков ее успеха...».

В груди стало тесно от обиды, в ушах тоненько зазвенело.

Она вырвалась из его объятий, медленно встала. Задрала голову, полюбовалась небом, натянула улыбку, как перед выходом на публику, и поинтересовалась сладким голосом:

– Я правильно поняла – ты решил, я думаю только о деньгах и поэтому затеяла этот разговор о кладе, чтобы вытянуть из тебя обещание оплачивать мои счета и продвигать на сцене? Хочешь взять меня на содержание?

Максимилиан озадаченно моргнул.

– Начинающие актрисы обычно имеют своего покровителя. Это суровая правда жизни. Одного таланта редко бывает достаточно. Что плохого в том, чтобы принять помощь, когда ее предлагают от чистого сердца? Теперь ты моя девушка, я несу за тебя ответственность. Все же ты не очень самостоятельная, согласишься? Я буду помогать, пока ты не встанешь на ноги...

– Мне ничего этого не нужно!

От возмущения Аннет покраснела. Максимилиан поднялся и сделал к ней шаг: она отступила.

– А я-то думала, ты хорошо меня понимаешь, – она горестно вздохнула и помотала головой. – Ты казался таким рассудительным, проницательным, умным...

– Конечно, я умный, – усмехнулся Максимилиан. – А ты упрямая. И при всем своем выдающемся уме я не умею читать мысли. Да ни один менталист не возьмется угадать, что у вас, независимых барышень, творится в голове. Что тебя тревожит? Расскажи. Хочу быть тебе полезным. Не буду давать пустых обещаний, но что пообещаю – обязательно выполню. Скажи, что ты желаешь получить от наших отношений, и мы это обсудим.

Несмотря на показное спокойствие, он был взволнован. Его глаза сверкали, а скулы немного порозовели. Кажется, она его уязвила. Задела самолюбие, не иначе.

– Мне ничего от тебя не нужно, – повторила она, замолчала и задумалась.

Что она хотела от их отношений? Многого. Того, что не могла

получить.

Аннет растерянно посмотрела на Максимилиана. Он стоял близко, но между ними словно пролегла пропасть.

У них нет, и не может быть ничего общего. Никакого будущего.

Максимилиан из уважаемой и состоятельной семьи, наследник знаменитой династии Молиаро, которых – как он тогда выразился? – так тянет заключать браки со знатью. Аннет Вик – дочь небогатого университетского профессора и лавочницы.

Ладно, дело не в том, что они стоят на разных ступенях социальной лестницы. Он – зрелый, неглупый мужчина, который немало повидал в жизни. Знал немало женщин. Был женат и теперь предпочитает свободу. Она – сумасбродная и недалекая девчонка с дурацкими мечтами. Без гроша за душой. Ни лоска, ни утонченности. Только ветер в голове, непредсказуемые поступки, русые кудряшки да зеленые глаза.

Что она может дать ему? Ей бы хотелось стать для него особенной. Единственной и незаменимой. Быть всегда подле него, любить его, утешать, поддерживать в трудную минуту, вместе решать проблемы. И не только ее проблемы. Ведь бывают же и у него какие-то сложности!

Но разве ему нужна ее поддержка? Такие мужчины, как он, близко к себе не подпускают. Не влюбляются без памяти и не дают строить напрасных надежд.

Ответственный и великодушный Максимилиан заботится о женщинах, за которыми ухаживает, а когда роман заканчивается, дарит им роскошные подарки и продолжает помогать. Он очень честный. Когда придет время расстаться – расстанется с ней без недомолвок и без сожалений. В один прекрасный день он исчезнет из ее жизни, и ей придется жить, как раньше.

Нет, не как раньше: будут новые хлопоты, тяжелый труд. Новые знакомые. Рано или поздно будет успех. Яркие афиши, признание, букеты, поклонники.

Однако в этой жизни не будет Максимилиана с его странными глазами, уверенными руками и кривым носом. С его ароматом гвоздики и табака, чрезмерной любовью к идеальным стрелкам на брюках и дорогим ботинкам. С его резкостью и снисходительностью, трогательной заботой и скользкими шутками, проницательностью и типично мужской твердолобостью. Не будет чувства внутренней свободы и дерзкого азарта, которые она получала от стычек с ним, и не

будет радости от его поцелуев.

Это будет унылая жизнь.

Кончится безумное приключение в городе механических дикунов, они вернутся в столицу и там все будет по-другому. Он будет иногда приезжать к ней на съемную квартиру – когда у него найдется для нее время. Будет давать ей деньги и рекомендации нужным людям. А потом чмокнет в щечку на прощание и больше не появится. Аннет с самого начала прекрасно понимала, что это не навсегда.

Ладно. Она хорошо сыграет роль, которую он ей отвел, но в своей интерпретации. Первой расставит все точки. Скажет те слова, которые так боится услышать от него в недалеком будущем.

Аннет вздохнула, сцепила пальцы, прокашлялась и выпалила легкомысленным тоном:

– Знаешь, ты был прав, когда рассуждал на дирижабле о двух видах эмансипированных дам. Помнишь? Пожалуй, я и правда принадлежу ко второму типу. Только вчера это поняла. Я из тех, кто..., – она нахмурилась, вспоминая его слова, а затем процитировала: – «не любят бессмысленных ритуалов вроде цветов и конфет». Да-да, именно так. Не надо мне от тебя ни цветов, ни конфет, ни съемной квартиры рядом с твоим домом, ни ролей в театре. Мы прекрасно провели время вместе! Спасибо, это было чудесно. Но когда мы вернемся в столицу нам, наверное, лучше не встречаться. У каждого из нас свой путь. Мне не хочется иметь покровителя. Во-первых, это пошло. Во-вторых, это лишит меня радости добиться хоть чего-то самостоятельно. В-третьих... покровитель станет помехой.

Видишь ли, я надеюсь встретить мужчину, который будет ... партнером, равным мне во всем. Который не будет относиться ко мне снисходительно. Которого я захочу добиваться, чтобы стать важной частью его жизни. Его спутницей и правой рукой. А он будет... моей правой рукой.

Аннет понесло. Она заговорила с неистовыми интонациями Клары Перкин, чью лекцию о мировоззрении «новых женщин» она посетила накануне отъезда из столицы. Говорила, и сама себе поражалась.

– Я сама приду к такому мужчине и сама предложу... – она замешкалась, – быть со мной до конца дней, – закончила она слабым голосом.

Ей не верилось, что она все это сказала. Боже, что на нее нашло!

Это он виноват. Он вывел ее из себя.

Максимилиан ошарашенно молчал.

– Что ж, твоя позиция заслуживает уважения, – молвил он, наконец, – и выступление было впечатляющим. Готов аплодировать. Но прошу, дай мне время переварить все, что ты на меня вывалила. Только потом я смогу высказаться разумно. Пока не знаю, что мне хочется больше: хорошенько наорать на тебя или напиться до беспамятства. Пожалуй, совмещу оба приятных занятия.

Аннет махнула на него рукой. Пусть думает о ней, что хочет. Она-то решила, что он в нее влюблен. Ничего подобного. Она его развлекает и занимает своей взбалмошностью, вот и все.

Ужасно хотелось разреветься. Аннет отвернулась и пошла прочь.

У входа в лабиринт появилась знакомая долговязая фигура. Петр разложил подставку для шарманки, кряхтя, водрузил на нее свой инструмент. Снял шляпу, перевернул, опустил на землю. Подумав, бросил на засаленный подклад пару медяков – намек для туристов не жмотиться и помочь бедному шарманщику. Затем поплевал на ладонь и повернул ручку пару раз. Шарманка всхлипнула и заныла.

Аннет решила подойти к нему. Ей не хотелось оставаться с Максимилианом наедине и продолжать ненавистный спор, который ни к чему не приведет.

– Аннет, хватит. Ты придумала неизвестно что, сделала странные выводы, – говорил Максимилиан ей в спину, а она шла и не оборачивалась.

– Добрый день, господин Колезвар! – звонко приветствовала она шарманщика. – Как ваша голова? Не болит? Мне жаль, что я так сильно приложила вас горшком. Однако сами виноваты. Напугали меня до чертиков. Призрак из вас получился очень страшный, нужно отдать вам должное.

Петр глянул на нее с неприязнью и машинально потер наклеенный на лоб пластырь. Аннет порылась в сумке и высыпала в шляпу горсть мелочи. Петр приободрился и закрутил ручку шарманки быстрее. Полилась тягучая мелодия. Максимилиан чертыхнулся и взял Аннет за локоть

Она стряхнула руку Максимилиана, шагнула к Петру и торопливо спросила:

– Что за мелодию вы играете?

Шарманщик прокашлялся, сплюнул и буркнул:

– Гимн города. Его Жакемар сочинил. Исполнял на чем угодно: на клавесине, на скрипке, на водяном органе, на коровьих колокольчиках и на бутылках. Очень он ему нравился. Писал, что это самое его совершенное музыкальное творение, так-то вот.

И Петр запел надтреснутым голосом, отчаянно фальшивя:

– Из сееердца гор примиии бесценный дааар! Он слааадостью наполнит дууушу!

Прогуливающиеся неподалеку туристы деликатно зааплодировали, в шляпу полетела мелочь.

– Исполнял на органе, говорите? На гидравлосе? – вскрикнула Аннет и подалась вперед так стремительно, что шарманщик испуганно отшатнулся и глянул опасливо. Голова у Аннет закружилась от внезапно свалившегося озарения. Она так разволновалась, что даже ссора с Максимилианом, боль в разбитом сердце и утраченные надежды отступили на второй план.

Водный орган! Вот оно, вот! Неужто это и есть ключ?

Аннет повернулась и кинулась прочь.

– Куда? – вскричал Максимилиан.

– Я знаю, где вход в мастерскую Жакемара, – бросила она на ходу.
– Вперед! Проверим мою догадку.

– Какую догадку? – он схватил ее за руку и заставил обернуться.

– Органист. Гимн, – коротко произнесла она и увидела, как на его лице вспыхнуло понимание.

– Вот оно что. Но погоди, ты хочешь прямо сейчас...

– Да. Прямо сейчас. Нельзя терять ни минуты.

Глава 24 Бронзовый органист

Аннет спешила по аллеям и тропкам, гравий хрустел под ее ногами, ветерок обдувал разгоряченное лицо. Максимилиан размеренно шагал рядом и вопросов не задавал.

Этим утром круглая лужайка в сердце лабиринта выглядела по-праздничному. Органист сверкал свеженачищенной бронзой, над его треуголкой кружились бабочки, а по вытянутым над клавишами пальцам прыгали пичужки. В сторонке была выставлена дюжина низких скамеек и прилавков для продажи прохладительных напитков.

Аннет обошла лужайку, постояла возле незапертой деревянной будочки, пошарила рукой в переплетении труб и рычагов, с помощью

которых запускался механизм гидравлоса.

Максимилиан следил за ее передвижениями с непроницаемым лицом, лишь один раз покачал головой и что-то пробормотал под нос. Аннет демонстративно не обращала на него внимания.

Среди кустов акации возился молодой парнишка в комбинезоне садовника. Он привязывал к ветвям ленты длинного транспаранта.

— Эй, любезный! – позвала его Аннет. – Тут что-то намечается?

Парнишка оглянулся и не спеша спустился со стремянки.

– Сегодня выходной, – объявил он, вытирая кепкой пот с румяного лица. — После полудня состоится праздник и гуляние для общественности. Городской механик запустит Органиста. В последний раз.

— Почему в последний? — полюбопытствовал Максимилиан.

– Завтра городские земли отойдут компании Форса, – охотно пояснил парнишка, радуясь возможности отдохнуть за болтовней. — Слышали про условия земельной аренды? Город не сумел собрать нужные средства, чтобы продлить договор. Скоро в Механисбурге будет новый хозяин и новая жизнь. Вот-вот лозоходцы Форса начнут разведку. Коль повезет, не только золотые залежи найдут, но и жакемаров клад.

– Это мы еще посмотрим, — пробормотала Аннет, приглядываясь к статуе. Казалось, органист с удовольствием подслушивал разговор и судя по ехидной усмешке скептицизм Аннет вполне разделял.

— Сейчас горожане на собрании в ратуше, – продолжил парнишка. – Судят да рядят, как дальше жить. Убираться отсюда или приспособливаться.

-- Их владения тоже отходят Форсу? Дома, земли? – допытывался Максимилиан.

Аннет юридические тонкости аренды не интересовали и она нетерпеливо вмешалась:

– Какие мелодии исполняет органист, когда его включают? Он играет гимн города?

– Нет, – помотал головой парнишка. – Он исполняет три мелодии. Сонату «Ода горести», романс «Буря в стакане» и интермедию «Полет комара». Ну, как исполняет... на водно-паровом органе особо не разыграешься, но смотреть интересно. Головой качает, глазами крутит, пальцами забавно перебирает... вы погодите, скоро придет Ангренаж,

откроет вентили паропровода, сами все увидите и услышите.

Аннет сильно разволновалась. Да, да! Так она и думала! Однако Ангренажа дожидаться нельзя ни в коем случае.

– Спасибо, любопытно! – жизнерадостно сообщила Аннет и сунула парнишке кронодор. – Вот, выпейте за процветание Механисбурга, пока не вернулся мастер.

– Всегда пожалуйста, – парнишка подмигнул и поспешил прочь.

Дождавшись, когда его картуз последний раз мелькнул в конце аллеи, Аннет повернулась к Максимилиану и приказала:

– Действуем быстро, пока сюда никто не заявился! Можешь запустить эту штуку?

Она кивнула на будку с трубами, которые подавали пар в гидравлос.

– Ты что задумала? – насупил брови Максимилиан. – Мало тебе каравеллы и лечебницы, хочешь на прощание сломать Органиста? Жители города тебе не простят.

– Простят, когда я принесу им сокровища Жакемара на блюдечке. Я в двух шагах от разгадки тайны! Смотри...

Она подошла к хитроумному устройству, подумала, прикинула, и взялась обеими руками за самый большой и самый блестящий вентиль. С усилием прокрутила несколько раз. Стрелка на медном циферблате задрожала и уверенно поползла к красному делению.

– Что же дальше? – спросила себя Аннет и сама же себе ответила: – Попробуем повернуть этот рычаг...

– Стой! – перехватил ее руку Максимилиан. – Не этот рычаг, а тот рубильник. И не до конца, а лишь на два деления. В отличие от тебя, я внимательно слушал, что рассказывал Ангренаж.

Стоило передвинуть ручку, как за спиной протяжно загудело на одной ноте, потом звук сменился и стал басовитее.

Аннет и Максимилиан стремительно повернулись. Бронзовый органист принялся поднимать и опускать руки и шевелить пальцами, надавливая на клавиши.

– Заработало! – захлопала в ладоши Аннет. – Но это не то, не то! Нужно его остановить. Ну-ка, а если так...

Она сдвинула рубильник на одно деление вверх, и органист застыл, подняв согнутые в локтях руки и задрав к небу острый подбородок, будто собираясь помолиться.

– Ты играешь на органе или хотя бы на пианино? – Аннет спросила Максимилиана.

– Боюсь, нет.

– Надо же, я думала, ты умеешь все на свете. Ладно, сама справлюсь. В детстве пришлось ходить на уроки музыки, пока меня не стошнило на стул репетиторши. Она была вредная и ужасно пахла нафталином, но кое-чему научила...

Не колеблясь, Аннет быстро вскочила на постамент и протиснулась к клавиатуре гидравлоса. Было неудобно, пришлось устроиться на коленях органиста.

– Ми... или фа? Нет, соль... Как там... «из сееердца гор примиии...» – напела она, тыкая по клавишам. Орган издавал жуткие звуки, стонал на все лады, внутри гудел нагнетаемый пар, булькала вода. Птицы закатили истерику, их чириканье заглушало какофонию.

– У исполнительницы отличный слух и голос, но техника подвела. Сейчас на твой кошачий концерт сбежится весь Механисбург, – заметил Максимилиан игривым голосом. Он от души забавлялся, глядя на ерзающую за клавишами Аннет.

– Очень приятно знать, что ты меня поддерживаешь. Всегда мечтала о такой отзывчивой аудитории. Вот, вот, я знаю как! Ну-ка, господин органист, как вам это?

Аннет уверенно пробежала пальцами по клавишам и извлекла очень заунывную и очень громкую мелодию. Как только последняя нота замерла в воздухе, раздался скрип. Колени органиста завибрировали, Аннет чуть не упала.

Медленно и торжественно статуя начала поворачиваться вокруг своей оси, а затем отъехала вбок вместе с основанием. Аннет спрыгнула на землю и ахнула. Под статуей открылся зев каменного колодца.

Осторожно заглянула внутрь – дна не видно. По краям растет серый мох, и трепещут лохмотья паутины. В кладке стены выбиты ступени, покрытые толстым слоем пыли, которую совершенно определенно никто не смахивал последние лет двести. Именно так в представлении Аннет и должен выглядеть лаз в подземелье, скрывающее страшные тайны и сокровища.

Ее охватил безудержный восторг. Получилось! Она догадалась, она нашла!

– Ты молодец! Не устаю восхищаться тобой, – Максимилиан сжал

ее плечи. – Храбрее и сообразительнее девушки я не встречал.

Она вспыхнула от его похвалы.

– Что теперь? – спросила с трепетом в голосе. Предчувствие удивительных тайн пьянило, как крепкое вино. Хотелось забыть об осторожности и ринуться навстречу приключениям.

– Нужно поставить в известность власти города. Пригласить полицейского, собрать команду исследователей, чтобы спуститься туда. Археологов, хронологов, лозоходцев. Ты понимаешь, что твоё открытие значит для города?

– Да, – протрезвела Аннет. – Мы так и поступим. Позовем подмогу. Это правильное, разумное... и очень скупное решение.

Она повернулась и умоляюще сложила руки.

– Пожалуйста, Максимилиан, давай заглянем туда. Одним глазком?

– Опасно, – покачал он головой. – Иногда в подземельях скапливаются ядовитые газы.

– Не думаю, – Аннет подошла к люку. – Сейчас туда поступает свежий воздух. Вниз ведет лестница. Этот колодец ждет посетителей.

Максимилиан тяжело вздохнул и сдался – подозрительно быстро.

– Хорошо. Спустимся на пару ступеней. И сразу наверх.

Аннет отломила ветку от пышного куста бузины, смахнула паутину и, облизывая пересохшие от волнения губы, поставила ногу на первую ступень.

Пахнуло земляным, прелым теплом. Ступени вели вдоль стены по спирали, вниз, в темноту. Сделав один шаг, Аннет не нашла в себе силы остановиться. Касаясь рукой шершавой стены, она продолжала спуск; Максимилиан шел следом.

– Довольно! – позвал он и коснулся ее плеча. – Идем назад.

– Прощу, еще немного! Я вижу дно.

Над головой ярко горел круг люка, но стоило Аннет ступить на площадку внизу лестницы, свет начал стремительно меркнуть.

– Что за..., – ругнулся Максимилиан и рванул наверх. Поздно! Со страшным скрипом статуя органиста встала на свое место. Навалилась крошечная, душная тьма.

Несколько мгновений стояли неподвижно, пытаясь осмыслить произошедшее.

– Мы в ловушке! – наконец произнесла Аннет. Паника сжала ей горло.

– Не беспокойся, – голос Максимилиана прозвучал совсем рядом, а затем теплая рука коснулась ее плеча. – Мы выберемся. Дыши спокойно, не паникуй. Воздуха здесь достаточно.

Было тихо, лишь гудел пар в невидимых трубах, да гулко колотилось сердце. А потом раздалась единственная низкая нота, как зов горна. Аннет подпрыгнула.

Темноту пронзили тусклые лучи, похожие на те, что проникают сквозь крошечные грязные окна подвала. Они шли из отверстий в каменной кладке колодца.

– Зеркальные световоды, – пояснил Максимилиан. – Жакемар все продумал.

– Наши приключения начинаются, – прошептала Аннет. – Что происходит?

Они стояли на круглой металлической платформе с перильцами, из середины которой торчал толстый штырь с винтовой резьбой. Под ногами дрогнуло, раз, другой.

Платформа качнулась, закрутилась и пошла вниз, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее. Каменные стены ползли вверх, над головой тянулся черный колодец, вспыхивали лучи световодов. Басовито жужжали шестеренки, тонко гудели паропроводы.

– Это винтовой лифт! – выкрикнула Аннет, чувствуя, как к горлу подступила тошнота и сердце барахтается где-то в животе. – Сдается, он доставит нас прямо в мастерскую Жакемара!

Максимилиан ободряюще сжал ее локоть и покачал головой.

– Наверняка путь к мастерской будет куда сложнее. Не зря Лазурный поэт так старательно рисовал ту схему. Думаю, скоро мы узнаем, что она означает! Не бойся. Это будет незабываемое приключение – почище, чем в твоих любимых синематографических лентах.

– Я не боюсь, – соврала Аннет и зажмурилась.

Платформа лязгнула и остановилась. Послышалась мелодия из трех нот, похожая на бой поломанных часов.

– Нас приглашают идти дальше, – сказал Максимилиан. – Примем приглашение?

Будто у них был выбор!

– Да! – отозвалась Аннет и храбро шагнула вперед.

Они оказались в тесном коридорчике с высоким потолком. Лучи

редких световых колодцев едва-едва рассеивали мрак. В стенах кое-где чернели узкие, похожие на щели проходы. Выяснить, куда они вели, пока не хотелось.

Подземный воздух был влажным и теплым, и пахло, как в общественных купальнях – нагретым камнем и паром. Под ногами хрустели крошки известняка, едва слышно гудели трубы под потолком.

– Интересно, мы глубоко? – спросила Аннет. Ее шепот многократно отразился от стен, прошелестел с разных сторон, словно вопрос задали десятки робких привидений.

– Не очень, – от баритона Максимилиана эхо зашлось гулом и обрело уверенность. – Метров тридцать-сорок.

– Мы прямо под городом! Это тот самый лабиринт. Видишь, как коридор ведет в сторону? Он не прямой. А впереди развилка! Куда же нам идти?

– Достань схему, – велел Максимилиан. – Сейчас разберемся.

Они встали под световодом и прищурились, пытаясь впотьмах разобрать рисунок Лазурного поэта.

– Логично предположить, что нужно попасть в центр, – решил Максимилиан. – Но неизвестно, в какой точке лабиринта мы сейчас. Ничего, выясним.

– Можно использовать правило левой руки, – важно сообщила Аннет. – Я читала о нем в детском журнале. Следует всегда держаться левой стены, так мы рано или поздно придем, куда нужно.

– Это годится только для односвязных лабиринтов, – огорошил ее Максимилиан. – Тех, где нет замкнутых маршрутов. Погляди на схему: тут петли. Как будто один лабиринт поместили внутри другого. Если следовать правилу левой руки, мы будем ходить по кругу. Нужно отметить крестом каждый проход, куда мы свернем. Если он заканчивается тупиком, мы покидаем его и ставим второй крест. Все просто.

Максимилиан поднял с пола камешек и нацарапал на стене кривобокий крест.

– Какой ты опытный! – похвалила его Аннет. – С тобой не пропадешь. Но долго ли нам придется блуждать?

– Недолго. Я скоро пойму, где мы находимся. Если Поэт нарисовал точную схему, мы выйдем к центру. Ты отыщешь свой клад и сказочно разбогатеешь.

– Дело не в деньгах, – упрекнула его Аннет. – Меня толкает вперед не жажда денег, а аромат приключений.

– Аромату приключений часто сопутствует запах легкой наживы, – усмехнулся Максимилиан. – Именно он манит большинство авантюристов, а не всякая романтическая дребедень.

– Фу, какой ты приземленный, – скривилась Аннет.

– Согласись, ты вполне заслужила кое-какую компенсацию от этого города. Ладно, там увидим, что нас ждет – приключения, клад или груда ржавых механизмов.

Или смерть, подумала Аннет, а вслух призналась:

– Мне немного страшно.

– Только страшное приключение бывает по-настоящему интересным, – улыбнулся Максимилиан.

Они двинулись вперед. Коридор петлял, сбивал с толку неожиданными поворотами, и у Аннет скоро голова пошла кругом. Максимилиан педантично отмечал маршрут и выбирал направление все увереннее.

Аннет понемногу успокоилась, и даже признала, что место, в которое они попали, было довольно уютным.

Шаги звучали гулко в таинственной тишине, в рассеянных лучах световодов кружилась пыль, по стенам крались зыбкие тени. Коридоры лабиринта вели к секретам безумного мастера и несметным сокровищам. Аннет чувствовала себя настоящей авантюристкой, бесшабашной и решительной. Сама собой выпрямлялась спина, походка приобретала упругость.

– Смотри под ноги, – заметил прозаичный Максимилиан. – А то расквасишь нос. На полу есть выбоины. И не беги вперед. Пока я не вижу признаков того, что здесь установлены ловушки, но это не значит, что их нет.

Восторг Аннет схлынул, а вскоре по спине пробежал ледяной холодок. По коридору пронесся сквозняк и странные звуки: стук, шорох, похожий на смех и обрывки слов.

– Звук идет вон из того прохода в стене, – озадаченно заметил Максимилиан.

Такие проходы – узкие, вырубленные в камне – попадались им по пути уже несколько раз. Внутрь не заглядывали: там было темно. Теперь Максимилиан твердо решил узнать их тайну.

В его руке вспыхнула спичка, он осторожно, боком, протиснулся в щель. Аннет осталась снаружи и ужасно за него боялась.

– Мы слышим звуки города, – сообщил Максимилиан, выныривая из прохода минуту спустя. – Там тупик, из него наверх ведет шахта. Жаль, по ней нельзя забраться. Может, выше устроен подъемник или скобы, но их не видно без фонаря. Я разглядел детали механизмов. Сдается, из города в лабиринт есть несколько путей.

– Как Жакемар все это сделал в одиночку? – поразилась Аннет.

– В его распоряжении была армия рудокопов. А эти коридоры, вероятно, переоборудованные забои и катакомбы.

– С трудом верится, что никто из горожан не обнаружил их ранее.

– Думаешь, не обнаружил? – усомнился Максимилиан.

Аннет поежилась. Предположение Максимилиана ее встревожило. Она так и не выяснила, кто ее враг и почему он жаждет ее смерти. Эта тайна могла быть связана с тайной подземного лабиринта.

Тревога усилилась через несколько минут и десятков новых поворотов коридора, когда Аннет почудились крадущиеся шаги.

– Стой! – она крепко схватила Максимилиана за руку. – Слышишь?

Некоторое время он слушал звуки лабиринта – шорох, гудение, обрывки голосов с поверхности – а затем нахмурился.

– Либо этот звук доносится сверху, либо за нами кто-то идет, – констатировал он. – Когда я спускался в люк под статуей, заметил человека в дальнем конце аллеи. Однако если этот человек последовал за нами, вряд ли он воспользовался ходом под Органистом. Как мы уже убедились, в лабиринт можно проникнуть иначе.

– Что же делать?

– Идти дальше и надеяться, что наш преследователь рано или поздно явит себя или отстанет, и что он не задумал что-нибудь гадкое.

Еще через два поворота нашлось неоспоримое доказательство того, что о существовании лабиринта было прекрасно ведомо и кому-то из горожан.

Максимилиан присел на корточки. Аннет подошла к нему и присвистнула. На полу лежала обгоревшая спичка, рядом несколько целых, словно кто-то просыпал их из коробки.

– Это спички Жакемара? – спросила Аннет.

– Нет. Тогда производили другие спички, фосфорные. Эти современные.

Он поднял голову и с шумом втянул воздух.

– Пахнет дымом. Сквозняк идет отсюда...хм, и как будто отблеск света...

Они протиснулись в нишу, за которой открылось ответвление – совсем узкая кишка, по которой приходилось пробираться боком.

– Останься там! – приказал Максимилиан.

Аннет не послушалась и через пару шагов уперлась в спину Максимилиану. Встала на цыпочки, заглянула ему через плечо и не смогла удержать удивленного возгласа.

В каменной стене открылся зев огромного камина, в котором уютно пылал небольшой огонь. Пламя отражалось в зеркалах, наклонно установленных по бокам очага.

– Кто его разжег? Когда? Зачем? – вскричала Аннет. – Для чего здесь зеркала?

– Еще один световод. Но не такой, как в лабиринте. Подобное приспособление используют цирковые иллюзионисты, – разъяснил Максимилиан. – Видишь, над очагом есть шахта? У кого-то из горожан в камине пылает огонь. Ненастоящий, его отражение, которое передается через систему зеркал и может ввести в заблуждение кого угодно. Это замаскированный потайной ход. Думаю, все те шахты, что мы видели ранее, ведут в каминные горожан. Вот как Жакемар проникал в городские дома! И, по крайней мере, один из механисбуржцев об этой тайне отлично осведомлен. Более того: он всю ей пользуется. И он недавно был здесь.

– Теперь я поняла, как Швиц утащил меня из гостиницы, и как злоумышленник проник в мой номер, чтобы подбросить розу – через камин! – ахнула Аннет. – Жакемар оплел город системой тайных каминных ходов. Ух, гадкий паучара!

Максимилиан осторожно заглянул в шахту, стараясь избегать языков пламени.

– Вижу выемки в кладке, – сообщил он. – Думаю, там скрываются скобы, но рычаг, чтобы выдвинуть их наружу, находится наверху, в том самом доме, где жители поддерживают иллюзию огня в камине. Если наложить карту города на карту лабиринта, то можно...

– Идем, – Аннет потянула его за рукав. – Мне здесь не нравится. Я начинаю жалеть, что сунула нос в тайны Механисбурга. В этом лабиринте нас может ждать нечто страшное.

– Как вовремя ты это осознала! – он не удержался от сарказма, но тут же потрепал ее по щеке. – Не переживай. Мы уже ухватили тайну за хвостик, и скоро вытащим ее наружу, а злоумышленника накажем.

Следующая мрачная тайна обнаружилась нескоро. Они шли не меньше пятнадцати минут и, по подсчетам Максимилиана, почти приблизились к центру лабиринта.

Сначала Аннет почувствовала неприятный запах, а затем увидела... человека?

– Стой! – прошептала она. – В той нише кто-то сидит. Видишь ноги в ботинках?

Они замерли, вглядываясь в тени.

– Эй! Кто тут? – позвал Максимилиан, но ответило ему лишь эхо. Он сделал успокаивающий жест рукой и смело пошел вперед, а затем словно споткнулся и чертыхнулся.

– Не ходи сюда! – вскричал он, заслышав шаги Аннет за спиной, но было поздно – она уже увидела.

Мертвец сидел, удобно устроившись в каменной нише и сложив руки на животе. Как это бывает в подземельях, тление мало тронуло его, поэтому нельзя было сказать, сколько дней или лет назад бедолага распрощался с жизнью. Он был одет в кардиган, твидовые брюки и горные ботинки с толстой подошвой.

Сначала Аннет и не поняла даже, что видит перед собой труп – она решила, что человек спит, или одурманен и нуждается в помощи, но когда увидела его лицо, поняла, что помочь тут уже ничем нельзя. Лицо было отечным, перекошенным, и странно знакомым.

– Это Жакемар? – спросила она жалким голоском, борясь с приступом тошноты.

– Это доктор Вальватор, – угрюмо ответил Максимилиан. Он достал из кармана носовой платок и прикрыл лицо несчастного хронолога.

– Что с ним случилось?

– Не знаю. Следов насильственной смерти не видно. Может, забрался сюда и на радостях получил сердечный приступ.

– Он какой-то... распухший.

– Не стоит ожидать, что через два месяца после смерти человек останется красавчиком. Надо признать, Вальватор и при жизни здорово смахивал на покойника. Мне кажется, он почти не изменился, разве что

похорошел.

– Прощу, оставь свои циничные шутки, Максимилиан.

Аннет несколько раз сглотнула. В горле стоял комок желчи пополам со слезами.

– Прости, – Максимилиан коснулся ее руки. – Боюсь, я несколько очерствел за военные годы и во время своих путешествий. Ты очень побледнела. Это видно даже в темноте. Обопрись о мою руку, если чувствуешь дурноту.

– Ничего, – ответила Аннет тонким голоском. – Я в порядке. Все же Вальвазора сложно узнать. Лицо сильно искажено. Мне кажется, это необычно даже для... его состояния. Мне очень жаль его. Он был добрый и безобидный человек.

– Мне тоже жаль доктора, хотя особой симпатии я к нему не испытываю. Недавно я выяснил, что ваш добрый и безобидный доктор успешно обкрадывал фирму Молинаро на протяжении нескольких лет. Путался с подпольными торговцами антиквариатом и не брезговал перепродажами подделок. Признаться, были подозрения, что он подстроил свою гибель и сбежал. К сожалению, это оказалось не так.

– Теперь ты не сможешь предъявить ему обвинения.

Аннет бросила последний взгляд на тело доктора Вальвазора. Сердце болезненно сжалось. Лишь два месяца назад она видела беднягу живым. Помнится, во время своего последнего дня в конторе доктор сильно страдал от приступа сенной лихорадки и чихал так, что рамы в окнах тоненько дребезжали, а рассыльные пугались и роняли из рук бумаги. И вот теперь бывший управляющий, оказавшийся жуликом, лежит тут, в темноте, не похожий на самого себя... но что привело его сюда? Уж не преступные ли махинации с антиквариатом? Что ж, карьера любого мошенника полна невзгод, и конец ее непредсказуем. Всегда есть шанс завершить ее в тюремной камере, а то и в цементных ботинках на дне столичного залива либо в забытых туннелях глубоко под землей.

У ног Вальвазора что-то блеснуло. Аннет наклонилась и подняла осколок толстого зеленоватого стекла, немного выгнутый. Промелькнуло смутное воспоминание. Что-то кто-то говорил... или она что-то такое видела... Так, так, это важно!

– Любопытно, – Максимилиан забрал осколок и положил себе в карман. – Идем дальше, Аннет. Вальвазора пока придется оставить

здесь. Мы известим его родных и вернемся за телом, когда закончится наше приключение. Центр лабиринта за поворотом. Надеюсь, мы найдем там выход наружу.

– А если не найдем?

– Тогда будем кричать в одну из шахт, пока нас не услышат. Здесь часто бывают люди. Мы не пропадем, Аннет. Верь мне.

– Я верю, верю, – уныло отозвалась она.

Глава 25 Пчела, часы и колокол

— Последний поворот, – ободрил Максимилиан, справляясь со схемой. – Дойдем до конца этого тоннеля, минуем переход, и готово – мы в центре лабиринта.

Аннет кивнула. Встреча с останками доктора Вальвазора ее удручила. Задора как не бывало, в горле засел липкий, холодный ком. Не давали покоя неприятные мысли.

Уж не потому ли доктор навсегда остался в подземелье, что не смог найти выход на поверхность?

Аннет искоса глянула на Максимилиана. Он выглядел спокойным и уверенным и, кажется, ни капли не сомневался, что все закончится хорошо. Стало чуточку легче.

Шли в молчании. Тоннель понемногу стал расти ввысь и вширь, ниши и лазы в камины горожан больше не попадались. Под потолком появились покрытые пылью трубы паропровода. Они удивительно неплохо сохранились за истекшие две сотни лет, однако время от времени из стыков со свистом вырывались струи пара.

Через пару минут искатели приключений вышли в круглый зал. Из центра куполообразного потолка падал неяркий столб света. На полу тускло поблескивал узор – выложенная медной проволокой роза.

— Двери! — воскликнула ошеломленная Аннет. — Сколько их! Одна, две, три...

Она крутилась на месте и считала, загибая пальцы. Пальцы скоро кончились. Двери располагались по всей окружности стен, через равные промежутки, совершенно одинаковые: покрытые невыразительной зеленой краской, с медными ручками, без намека на скважину или замок.

– Двадцать! Полагаю, нам нужно пройти в одну из них... но в какую?

Аннет подошла наугад к ближней двери и дернула за медную

шишечку. Дверь не открылась.

– Не трудись, — сказал Максимилиан, медленно обходя помещение. – Приглядишься: они фальшивые. Нарисованы на стене, как в доме Ангренажа.

— Но что все это значит? Хотя бы одна из них должна открываться, как ты думаешь?

— Возможно. Каждая дверь — это часть стены. Если найти потайной механизм, панель может отъехать в сторону и открыть проход. Но замаскирован он очень здорово. Я не вижу ни щелочки.

– А это что такое?

Аннет провела пальцем по стене. Каменная кладка была утыкана затянутыми паутиной медными шпёнками. Иногда Аннет казалось, что она угадывает некую закономерность в их расположении, но стоило приглядеться повнимательнее, и иллюзия исчезала. Шпёнки были установлены совершенно хаотично.

Максимилиан прошел в центр зала и опустился на корточки. Провел по плитке пола пальцем, поднес его к глазам и задумчиво изучил. Встал и отряхнул руки.

-- Пыль покрывает пол неровно, — сообщил он. — Здесь были люди. Не так давно.

– Да понятно, что первооткрыватели тайны лабиринта — не мы, — согласилась Аннет, дергая и выкручивая медные ручки. Тут ее осенило и она чуточку оживилась.

– А ведь я могу призвать свой талант репликатора и посмотреть, что прячется за этими дверцами!

– Не стоит. Нам сюда. Проход здесь, — уверенно сообщил Максимилиан и подошел к одной из дверей, которая, на первый взгляд, ничем не отличалась от остальных.

– Откуда ты знаешь?

– Поэт заботливо поставил на схеме точку.

– Спасибо ему. Но этого мало.

– Думаю, он сообщил нам все, что следует. Наша задача понять, что именно. Жакемар не хотел, чтобы его клад достался тугодумам. Прекрасно его понимаю. Ну-с, что там дальше на схеме?

– Символ механического сердца. Вот этот, — Аннет достала из кармана и передала Максимилиану железяку, которую вырвала из стены вестибюля лечебницы.

– Смотри, сердце состоит из оправы и скрепленных шестеренок и выглядит как часть механизма. В середине каждой шестеренки есть отверстие. Некоторые шпеньки совпадают с этими отверстиями по размерам...

Он принялся так и эдак прилаживать сердце к шпенькам возле двери. Крутил, вертел, щурился впотьмах, хмурился и чертыхался.

– Вот! Село как миленькое!

Действительно: ему удалось найти несколько шпеньков, которые идеально вошли в отверстия шестеренок, из которых складывалось сердце.

Сначала ничего не происходило. Максимилиан подвигал оправу, пошевелил – раздался щелчок, и шестеренки – медленно и неохотно, а затем все быстрее – принялись вращаться!

Гудение пара в трубах усилилось, потом задрожал пол, тихо закрипело, но больше ничего не произошло. Дверь не двинулась с места.

– Дьявол! – выругался Максимилиан. – Ну, и где же этот проход?

– Еще одна обманка! – рассмеялась Аннет. – Вот же он, за твоей спиной!

Плитки посреди зала разошлись по медным линиям, образующим контур розы. Лепестки раскрылись, как диафрагма фотоаппарата; в середине зала, точно под линзой световода, показался лаз; ступени каменной лестницы уходили во тьму.

– Ишь ты! – восхитился Максимилиан. – Жакемар уводит нас все глубже.

– Расчетливо заманивает в ловушку, – отозвалась Аннет, и поспешила за Максимилианом вниз.

Они начали спуск, который оказался не слишком глубоким; они будто перешли с одного этажа на другой и попали в очередной узкий коридор, заканчивающийся железной дверкой.

Как только Аннет ее увидела, то сразу поняла, что впереди ждет очередная неприятность. Обязательно ждет. Несомненно. За последнюю неделю у Аннет здорово развилось шестое чувство, предупреждающее ее о гадостях всякого рода. А тут дверца просто кричала о том, что за ней искатели сокровищ не найдут ничего хорошего.

На двери красовалась большая медная пчела. Зловещая, собранная из деталей часового механизма, с огромным жалом и шестью

длинными пружинными лапами. Похожая на полосатого и крылатого паука. На схеме Поэт изобразил куда более симпатичную медоноску, а не это чудище.

– Думаю, нам понадобится твой брелок.

– Я догадался, – кивнул Максимилиан. – А вот и замок, куда его нужно вставить. Видишь, круг и контур пчелы под крылышком этой громадины? Все просто.

– Погоди! – Аннет удержала его за руку. – Ничего не просто. Как ты думаешь, что нас ждет внутри? Ульи с пчелами-убийцами?

Она невольно почесала на шее шишку от пчелиного укуса.

– За двести лет они давным-давно погибли.

– Тогда с механическими пчелами-убийцами. Позволь, я сначала посмотрю...

Аннет опасливо приложила руки к двери, сосредоточилась и призвала талант. В голове загудело, дверь и стены словно стали прозрачными; их сменили схематичные контуры валиков, труб, цепей, шатунов и всяких других непонятных вещей.

– Бесполезно, – вздохнула она, вернувшись к реальности. – Жакемар нафаршировал эти помещения механизмами, в которых я ничегошеньки не понимаю.

– Ничего, – Максимилиан ободряюще похлопал ее по плечу. – Сейчас разберемся.

Он приложил выпуклое изображение на брелоке к контуру на двери и надавил. Дверь моментально щелкнула, скрипнула и легко поддалась под нажимом.

За дверью обнаружилось длинной узкое помещение, довольно ярко освещенное шестиугольными световодами, которые усеивали потолок подобно сотам. Посреди тянулась узкая дорожка, выложенная черной плиткой.

– Вот и пчелы-убийцы! – дрожащим голосом произнесла Аннет и вцепилась в рукав Максимилиана, который стоял на пороге и даже не думал войти внутрь. И не зря: вдоль дорожки, как почетный караул на королевском пути, стояли гигантские медные статуи, по шесть с каждой стороны.

Механические пчелы, похожие на ту, что украшала дверь, но в несколько раз страшнее. Они походили на загробных стражей из древних пирамид, о которых Аннет читала в детстве. Позеленевшие от

патины шестеренки в теле чудовищ имели остро заточенные зубья, лапы заканчивались клешнями, а самым противным в их облике были мерзкие фасетчатые глаза, собранные из тусклых коричневых стекляшек. Каждая пчела стояла, опершись на задние лапы и изогнувшись так, чтобы длинное жало на брюшке было направлено точнехонько на дорожку, по которой будут вынуждены пройти искатели приключений. Пробраться вдоль стен или иным путем было невозможно.

Максимилиан поколебался и сделал шаг вперед. Раздалось мерное жужжание и автоматоны ожили: одновременно, дерганым движением пчелы повернули головы в сторону непрошенных гостей и с щелчком раскрыли крылья из тонких листов меди. В рассеянных лучах взвились облака пыли.

– Мне кажется, я знаю, что произойдет, стоит нам войти внутрь.

– Да, я тоже догадался, – ответил Максимилиан. – В нас полетят эти жала, по шесть на каждого. Это будет неприятно, особенно если учесть, что они похожи на острые спицы и наверняка пропитаны ядом. Но ты не беспокойся. Совершенно неоригинальная смертельная ловушка. Мне уже попадалась такая в усыпальнице фараона в Но-Амоне. Пройти такую – раз плюнуть.

– Я все забываю, что ты искатель приключений со стажем, а не просто холеный бизнесмен в дорогом костюме. И что же ты вынес из той усыпальницы?

– Ровным счетом ничего. Я сопровождал даму-археолога из королевского института наук.

– Она была красивая?

– Да как сказать... на любителя. Стандартный набор прелестей. Длинные белокурые волосы, синие как море глаза, губы как кораллы и огненный темперамент, груди как... кхм, короче, совершенно не в моем вкусе.

– Хватит болтать! – Аннет хлопнула Максимилиана по руке. – Лучше поскорей обезоружь этих пчел.

– Проще простого. Дай-ка свою сумочку.

Аннет сняла ремешок с плеча и протянула сумочку Максимилиану. Тот секунду порылся в ней и вытащил «Книгу сладких сновидений».

– Она однажды уже спасла тебе жизнь. Дадим господину Дормиусу, морфеоманту, шанс выручить нас еще раз?

– Ты собираешься почитать механическим пчелам вслух, чтобы они заснули? – поразилась Аннет. – Это не сработает.

Максимилиан усмехнулся, взял книгу за край, хорошенько прицелился, размахнулся и швырнул ее в дальний конец зала.

Пчелы задержались, раздался дробный стук, и когда книга упала у стены, она походила на тощего дикобраза. Острые спицы вошли в толстую обложку, как в масло.

– Вот и все, – удовлетворенно отметил Максимилиан. – Ровно двенадцать жал. Смело идем вперед. Видишь – там нас ждет очередная дверь.

– Для нее потребуется еще один брелок! – догадалась Аннет, не без опасения ступая на черную дорожку. Однако пчелы-автоматы выполнили свою задачу и признаков жизни больше не проявляли. – Брелок с изображением часов у Ангренажа. А брелок с колоколом пропал навсегда!

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – отмахнулся Максимилиан.

Из комнаты с пчелами вышли в недлинный коридор, заканчивающийся новой дверью. Разумеется, запертой. На медных панелях хаотично рассыпались выгравированные изображения цифр и стрелок, а там, где на обычных дверях находится замочная скважина, красовалось круглое углубление.

– Вот и все, – сказала Аннет. – Приехали, называется. Дальше хода нет. Тут нужен брелок Ангренажа. Тот, на котором изображены часы.

– Без него никак, – согласился Максимилиан, осторожно дергая дверь. – Я всегда ношу с собой армейский перочинный нож со ста лезвиями. Постараюсь вскрыть этот замок.

Максимилиан выудил из заднего кармана брюк элегантный инструмент с серебряной рукояткой и принялся поочередно выщелкивать лезвия причудливых очертаний.

Он атаковал замок шилом, штопором, крючком, стропорезом, отверткой, пассатижами и вилкой для устриц. Хмурился, вполголоса ругался и вытирал ладонью пот со лба. Когда очередное лезвие звонко щелкнуло и переломилось пополам, он загнул такое страшное ругательство, что Аннет поморщилась, а потом звонко хлопнула себя по лбу и заявила:

– Я тупица.

Максимилиан так удивился, что даже перестал горевать.

– Потому что доверилась криворукому неумехе? – полюбопытствовал он выпрямляясь.

– Не наговаривай на себя. Твой ножичек не справится с секретами механизмов Жакемара. Я тупица, потому что репликатор.

– Час от часу не легче.

– Я держала брелок Ангренажа в руках. Я хорошо запомнила его контур и поверхность. Попробую создать реплику из силовых полей!

Максимилиан одобрительно хмыкнул и спрятал покалеченный нож в карман.

– Ты справишься, – коротко сказал он и сделал шаг в сторону, давая доступ к двери.

Аннет глубоко подышала, настраиваясь на успех. От избытка кислорода закружилась голова.

А собственно, чего ей настраиваться, когда рядом тот, кто настроит ее так, как нужно?

– Максимилиан, помоги! – скомандовала она. – Призови свой талант сенситива, чтобы я почувствовала себя увереннее. Раскрой мое подсознание! Создать реплику брелока с часами будет непросто. На нем много мелких деталей, нужно ничего не упустить.

Максимилиан с готовностью кивнул, положил ей руку на плечо, ласково сверкнул разноцветными глазами и улыбнулся.

– Я создам реплику прямо в замке, – пробормотала Аннет, чувствуя, как по телу прокатилась теплая волна. – У тебя будет минута, чтобы открыть дверь.

Она прикрыла глаза, вызывая в памяти внешний вид брелока, его тяжесть и гладкость металла.

В углублении двери вспыхнул призрачный контур, затем уплотнился. Силовые поля заискрились. Это было восхитительно! Только что здесь не было ничего – пустота. И вот, словно сказочная волшебница, она, Аннет Вик, создала из этой пустоты кругляшок, который так красиво мерцает и переливается! Есть чем гордиться!

Максимилиан торопливо толкнул дверь, та без малейшего скрипа распахнулась, открывая проход в новое помещение. Реплика в замке вспыхнула так ярко, что Аннет зажмурилась, а когда она открыла глаза, брелок уже растаял.

– Подожди, – она удержала Максимилиана за руку. – Мне нужно

отдышаться. Из меня словно всю энергию выкачали. Знаешь, реплику лестницы было создавать легче. Она большая, но простая, две доски да дюжина перекладин.

– Ты моя самая талантливая, смелая и находчивая сотрудница, – улыбнулся Максимилиан.

– Спасибо, босс. А как же «самая красивая сотрудница»?

– Это само собой разумеется.

Они вошли в новое помещение и огляделись.

– Часы! – воскликнула Аннет. – Так и знала.

Собственно, само помещение и было часами. Круглая комната, хорошенькая, как фарфоровая шкатулка. Стены украшал цветочный орнамент. На белоснежных плитах пола по периметру выложены блестящие цифры от одного до двенадцати. В центре комнаты закреплены стрелки. Когда Аннет их увидела, почувствовала первый укол тревоги.

Стрелки были одинаковой длины, их кончики упирались в выточенный в стене паз, который опоясывал все помещение. Края стрелок остро заточены, словно у великанских двуручных мечей.

– Что-то мне не хочется туда идти, – засомневалась Аннет, сделала шаг назад и ойкнула: дверь оказалась закрытой. Она захлопнулась совершенно бесшумно.

Комнату наполнило равномерное тиканье, которое становилось громче с каждой секундой.

– Очередная ловушка, – успокаивающе произнес Максимилиан. – Все идет по плану. Нам нужно попасть в ту дверь напротив. Догадываешься, что сейчас произойдет?

– Чего тут догадываться – оно уже происходит! Осторожно!

Стрелки дернулись и начали вращаться с головокружительной быстротой.

Максимилиан потянул Аннет за руку:

– Прыгай!

Она взвилась в воздух; под подошвами просвистела первая стрелка, и Аннет едва успела сделать новый прыжок, чтобы избежать второй. Стрелки описали круг с невероятной скоростью. Они двигались неравномерно, иногда замирали на миг, потом срывались с места. Мелькали остро наточенные лезвия. Так легко представить, как они соприкасаются с голенью, перерубают кожу, мускулы, сухожилия,

вонзаются в кость...

Аннет скоро выдохлась. Сердце бешено стучало, по спине струился пот.

Максимилиан подпрыгивал, элегантно выпрямив спину, согнув руки в локтях и сжав кулаки, словно разминался перед схваткой на ринге. Он порхал как бабочка и был готов жалить как оса. Смотреть на него было одно удовольствие. Впрочем, какое тут может быть удовольствие, когда твои ноги вот-вот останутся на полу?!

– Ты отлично справляешься, – сказал он жизнерадостным голосом. – Вспомни, как в детстве ты прыгала через скакалку.

– Это... было... сто лет назад! – пропыхтела Аннет. – Еще чуть-чуть, и мне конец. Та дверь закрыта, нам не выбраться!

– Пять с четвертью.

– Что?

– На часах на брелке пять с четвертью. Нам нужно встать на нужные плиты. Я встану на цифру пять, и ты на цифру три. Вперед!

И они поскакали в разные стороны. Максимилиан – легко, словно пританцовывая, а Аннет – как цыпленок, решивший научиться летать. Она помогала себе руками, старалась не упускать из виду смертельные лезвия. Пряди падали на исходящее жаром лицо и мешали, в легких кололо, мышцы на ногах налились свинцовой тяжестью.

Наконец, она ступила на плитку с цифрой три, но тут же подпрыгнула, чтобы избежать прикосновения лезвия.

– Аннет, стой! Стой! Не двигайся! – прокричал Максимилиан. Он был в двух минутных делениях от цифры пять, а стрелка неслась в его сторону. Вторая была совсем близко от ног Аннет. Вот она уже промчалась над единицей, миновала двойку, и когда до ног Аннет оставалось одно минутное деление, она не выдержала, взвизгнула и подскочила. Стрелка чиркнула и срезала набойку на каблуке.

– Стой! Не двигайся! – грозно повторил Максимилиан. – Мы должны оставаться на плитках одновременно!

Стрелки описали круг, Максимилиан подпрыгнул и встал по стойке «смирно». Аннет зажмурила глаза, чтобы не видеть, как приближается лезвие. Она даже не пыталась призвать талант репликатора, чтобы вывести часы из строя: войти в транс в этот момент и разобраться с механизмом было все равно, что качаться на качелях и пытаться вышивать, не исколов пальцы.

Она закусила губу и старалась не думать о своих красивых лодыжках, на которые, возможно, ей больше никогда не придется натягивать шелковые чулочки, потому что ее ноги ниже колена скоро останутся лежать на этом полу, вымощенном белой плиткой.

Тиканье оборвалось, а потом раздался скрип. Аннет разлепила веки. Стрелки застыли, обе двери в круглом помещении гостеприимно распахнулись.

– Ну вот и все, – сказал Максимилиан. – Ты сильно запыхалась. Когда вернемся в столицу, отправишься в гимнастический зал госпожи Лорелеи. Занятия четыре... нет, шесть раз в неделю, каждое утро пробежка в центральном парке. И каждое утро буду будить тебя на рассвете, заставляя делать зарядку и обтирать ледяной водой.

У Аннет не было сил спорить. Она шумно дышала и была красная как рак.

– Я даже готова заняться боксом, если выберемся отсюда, – наконец произнесла она. – Пользы будет больше, чем от гимнастики. Я научусь раздавать врагам апперкоты и антрекоты, и больше никто не посмеет меня обижать.

Максимилиан засмеялся.

– Антрекотами ты точно сразишь противника наповал.

Затем развел руки, указывая на открытые двери:

– Вперед или назад?

– Вперед, только вперед! Чувствую, осталось совсем немного.

Победа над часами-убийцами наполнила Аннет новыми силами, и она почти бегом миновала очередной коридорчик, в конце которого искателей сокровищ ждала бронзовая, гладко полированная дверь с выгравированным изображением колокола, парящего над морскими волнами.

– Моя фантазия иссякла, – сообщила Аннет, дотрагиваясь пальцем до гравировки. – Не могу представить, что нас может ждать внутри. Уверена в одном – что-то не менее смертельное и ужасное, что и в предыдущих двух комнатах.

– Мы узнаем это, если сумеем открыть дверь.

Максимилиан достал свой знаменитый нож и так и эдак примерялся к узкой дырочке подле косяка.

– Здесь замок без изысков, речный, как в деревенском амбаре. Помнишь описание последнего брелока? Он похож на гвоздь или винт.

Это ключ. Сделаешь реплику?

– Конечно! – с энтузиазмом кивнула Аннет и приготовилась призвать талант, но через пару секунд смешалась и помотала головой.

– Ничего не получится, – сообщила она помертвевшим голосом. – Во-первых, мне нужно прийти в себя после последнего вхождения в транс и танцев в комнате с часами. Во-вторых, я никогда не видела этот брелок и не держала его в руках. Я не смогу создать его реплику. Я могу покопаться в энергетических линиях замка, но толку не будет. Тут нужно вникать, понимать... а я ничего не знаю. Я не слесарь.

Максимилиан ободряюще похлопал ее по руке.

– Ты и так сделала все возможное. Попробую выбить дверь, а если не получится – пойдем назад и вернемся с горожанами и подходящим инструментом. Мой нож больше ни на что не годится.

– Неизвестно, как скоро нам удастся отсюда выбраться. Получится ли докричаться до людей на поверхности? И не забывай, в лабиринте бродит человек с неясными помыслами. Может, он крадется за нами и ждет удобного момента, чтобы напасть. А еще в лабиринте лежит... доктор Вальвазор, и мы не знаем, как он сюда попал и что его сгубило.

– Вижу, ты пала духом, – произнес Максимилиан сочувственно.

– Я немного устала и хочу пить, – призналась она нехотя, и ту же пожалела. Она ненавидела ныть.

– Идем назад, – твердо сказал он.

– погоди! – взмолилась Аннет. – Скоро я восстановлю силы и попробую поколдовать с замком. Это мое приключение, и я хочу дойти до конца во что бы то ни стало.

– В каждом приключении нужно знать, когда вовремя остановиться. Иногда для решения повернуть назад требуется не меньшая храбрость, чем для того, чтобы продолжить путь. Мы были на краю гибели несколько раз. Ты измучена. Пора звать на помощь.

Аннет горестно покачала головой, всматриваясь в замочную скважину, затем замерла, крепко стукнула себя по лбу и начала рыться в сумочке.

– Мы откроем эту дверь и пойдем вперед!

– Ты носишь с собой слесарный инструмент? – любопытствовал Максимилиан. – Я знаю, что в дамской сумочке, если поискать, можно найти все что угодно, вплоть до кувалды или кондитерского шприца.

– У меня есть кое-что получше. Вот это!

Аннет выудила свой любимый карандаш из мягкой красной древесины. Когда она вложила его в руку Лазурного поэта несколько дней назад, даже представить не могла, во что это выльется.

– Реечный замок, говоришь? Так, – скомандовала она, – дверь открывается внутрь. Значит... придави ее хорошенько.

Максимилиан повиновался без слов, глядя на нее с веселым любопытством.

– Теперь смотри.

Аннет осторожно вставила кончик карандаша в отверстие, а затем со всего размаха хлопнула по торцу, глубоко вогнав внутрь. Осторожно пошевелила; замок радостно щелкнул, и дверь с силой распахнулась, а Максимилиан с трудом удержался на ногах.

– Что ты сделала? Где ты такому научилась? – поинтересовался он, вздернув брови.

– Сестра научила. Она ловко вскрывала сарай с яблоками у деда в поместье. Правда, использовала для этого морковку, но и карандаш отлично сработал. Древесина мягкая, но плотная, она вошла внутрь и отжала нужные пазы. Я понятия не имею, как это работает, но это работает.

– Надо же! – изумился Максимилиан. – Вы все больше восхищаете меня, госпожа Вик. Даже не предполагал, что морковку любят не только зайцы, но и взломщики.

Они осторожно заглянули в следующее помещение, каждую секунду опасаясь попасть в очередную ловушку, и увидели узкий коридорчик, заканчивающийся простенькой дверью. Перед порогом лежала каменная плита. Стоило на нее наступить, как дверь бесшумно скользнула в пазах и открылась.

– Подозрительно легко и невинно, – заметил Максимилиан, оставаясь у косяка. – Хорошо бы заблокировать дверь, прежде чем соваться туда. Жаль, не вижу ни кирпичей, ни валяющихся без дела камней.

– А может, у Жакемара иссякла злобная фантазия и теперь все будет легко? – жизнерадостно предположила Аннет, подталкивая спутника в спину.

Через миг она убедилась, что ее предположения были ошибочными.

– Придется играть с Жакемаром по его правилам, – вздохнул

Максимилиан и с сомнением на лице перешагнул порог. Аннет метнулась следом. Дверь стремительно закрылась, да так плотно, что нельзя было определить ее края.

Аннет и Максимилиан стояли в помещении, более походившим на цилиндрическую камеру. На круглых цементных стенах располагались линзы световодов, похожие на иллюминаторы, а на потолке – не очень высоко – висели четыре больших бронзовых колокола. Если бы Аннет села на плечи Максимилиана, то смогла бы дотянуться до них рукой.

У самого пола в стенах виднелись отверстия величиной с мяч. Аннет запаниковала, представив, как из них устремляется полчища крыс, или ядовитых жуков или иной пакости.

В подzemелье обязательно должны водиться крысы и пауки. Пока ни одной мерзкой твари заметить не удалось, но это не значит, что их не было. Самое время им появиться.

– Где вторая дверь? – спросила она Максимилиана, испуганно озираясь. – Во всех комнатах была вторая дверь наружу.

– Вон там, – Максимилиан указал на потолок. Оказалось, что четыре колокола висели по окружности крышки металлического люка.

– И как же его открыть? Не вижу ни ручки, ни скважины. Может, нужно сыграть на рындах мелодию гимна?

И тут зал заполнило гудение. Оно отражалось от стен, стены едва заметно завибрировали, колокола над головой издали похоронный перезвон, осыпая пыль. К гудению примешивалось дребезжащее рокотание, которое порой раздается в домах со старым водопроводом.

Из первого отверстия упала капля. Затем потекла тонкая струйка. Потом зажурчало во второй трубе, и третьей. Скоро из труб хлестали мощные потоки воды.

Аннет моментально покрылась пупырышками от осознания того, что уготовил Жакемар. Он планировал утопить охотников за сокровищами, у которых хватит ума зайти в его смертельном лабиринте так далеко. Всего два дня назад она была в похожей ситуации, когда свалилась на дно бутылки-аттракциона.

Вода прибывала стремительно и неотвратимо, в считанные минуты залила туфли и поднялась к коленям. Водичка была приятно теплой, мутной от пузырьков, и немного пахла серой.

– Вода из подземных источников, – заметил Максимилиан без особого волнения. – Тот самый бесценный дар из сердца гор, о котором

поется в гимне города. Представь, что мы принимаем целебную ванну. Если бы мы страдали от артрита, то нам бы значительно полегчало.

– Эта ванна избавит нас и от артрита и от всех других горестей, потому что мы просто-напросто утонем, и беспокоиться нам больше будет не о чем! – проговорила Аннет, в отчаянии чувствуя, как вода щекочет бедра.

– Ты умеешь плавать?

– Немногим лучше топора.

– Значит, в столице добавим к гимнастическому залу и пробежкам занятия в городских купальнях на реке.

– Да какая разница, умею я плавать или нет! Вода дойдет до потолка, мы захлебнемся как мыши в банке с компотом!

– Жакемар предусмотрел, чтобы попавшие в лабиринт не оказывались в безвыходной ситуации, это очевидно. Из каждой его ловушки можно выйти без потерь. В этой ключ к спасению прямо под носом. Точнее, над носом.

– Что?!

Вода подбиралась к груди, брызги попадали на лицо, Аннет отплевывалась и беспорядочно плюхала руками по воде; потоки воды были так сильны, что почти сбивали ее с ног.

– Расслабься, не делай лишних движений. Когда вода поднимется до лица, плыви. Не бойся, тебе не придется барахтаться долго, а я тебя поддержу на поверхности.

Рука Максимилиана легла ей на талию. Аннет не могла поверить своим глазам: он улыбался!

– Но что нам делать?

– Помнишь, что мне предсказал Петр?

– Много чего. Что ты хочешь меня съесть, и что тебе придется примерить бронзовый колпак. Какое из двух предсказаний ты собрался выполнять?

– Не отказался бы от первого варианта. Ты изумительно аппетитно выглядишь в намокшей блузке. Ее как будто вовсе нет.

– Прекрати!

– Ладно, прости. Мы примерим эти бронзовые колпаки – колокола. Когда вода поднимется до потолка, под ними останется пузырь воздуха, и мы сможем дышать.

– Как долго? Минуту, две? А потом конец!

– Готов поспорить на все свои оставшиеся девять пальцев, что жакемаров механизм не даст нам утонуть.

– С подобной ловушкой ты тоже имел дело?

– Конечно. Не беспокойся. В гробнице царицы-ундины Амрат. Все будет хорошо. Купайся и получай удовольствие.

– А если что-то пойдет не так?

– Ну что тут может пойти не так? Жакемаровы механизмы сработаны на века. Давай, плыви!

Поток подхватил Аннет, ноги оторвались от пола. На миг она ушла под воду с головой, но руки Максимилиана дернули ее под мышки, и она выскочила на поверхность как поплавоч, отплевываясь и фырка.

– Сюда! – Максимилиан сделал пару мощных гребков и подтянул ее к одному из колоколов.

– Задержи дыхание! – велел он, и едва-едва Аннет успела выполнить его приказание, как широкая ладонь надавила ей на макушку, заставив опять уйти под воду, а затем переместилась на плечо и толкнула вверх.

Аннет открыла глаза и поморгала, сгоняя влагу с ресниц.

Ее голова была внутри колокола, снаружи глухо плескало, бронзовые стенки тонко гудели. Аннет обеими руками вцепилась в край колокола, чувствуя, как вода затопила плечи, шею и пошла выше, к потолку.

Где-то рядом был Максимилиан: его рука мягко скользнула по ее плечу, пожала локоть, затем донесся его приглушенный толщей воды голос:

– Ты в порядке?

– Пока да! – крикнула она изо всех сил и закашлялась.

– Береги воздух, дыши неглубоко! – посоветовал он ей и замолк.

Аннет сразу же захотелось дышать глубоко и часто. Резкий запах серы ударил в нос, перед глазами мелькали красные мошки. Намокшая одежда сковывала движения и превратилась в неудобный мешок. Хотя вода была теплой, все мышцы свело, а по телу прокатилась дрожь. Ей стоило огромных усилий не поддаться панике. Никогда, никогда ей больше не захочется лезть в подземелья на поиски сокровищ! Жизнь дороже. Не факт, что удастся ее сберечь в этот раз.

Сухими из воды мы точно не выйдем, мысленно скаламбурила Аннет и поразились, что у нее остались силы шутить.

А затем ее мягко потянуло вниз; держаться за края колокола стало трудно, тело налилось тяжестью. Вода отступала. Все получилось так, как предсказал Максимилиан!

Через минуту ноги Аннет коснулись пола, а затем ее схватил за руку Максимилиан и притянул к себе.

– Ну вот и все, – сказал он, убирая мокрую прядь с ее лба. – Говорил же – ничего оригинального в этой ловушке нет. Она в точности как та, в которую я когда-то попал в гробнице царя-тритона Амона.

Аннет закашлялась, сплюнула и настороженно произнесла:

– Постой-ка... какого царя, говоришь? В прошлый раз ты называл другое имя, и это была царица. Ты все наврал, чтобы успокоить меня! Ты впервые столкнулся с такой западней! Ах ты...

– Ничего подобного. Я не врал, просто забыл. Давно дело было.

– А вот и врал.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Да какая разница?! Я догадался, как она работает и знал, что все будет хорошо. Ты молодец, не запаниковала и справилась.

– Нет худа без добра, – ответила Аннет, выбивая зубами дробь. – Пить больше не хочется, да и бодрости после купания прибавилось.

– Не передать, как мне нравится твой неиссякаемый оптимизм. Смотри!

Люк над их головами уже был открыт – крышка бесшумно отъехала в сторону, пока они были заняты перепалкой. Однако дверь наружу осталась запертой. Теперь они могли идти только в одном направлении – вверх. Остатки воды с чавканьем и бульканьем уходили в отверстия в полу, с потолка звонко капало.

– Как мы туда заберемся?

– Поднимусь первым и осмотрюсь, – решил Максимилиан.

Он разделся до пояса, неторопливо отжал рубашку и накинул, не застегивая. Хлюпая ботинками, подошел к краю люка, высоко подпрыгнул, ухватился за край и в два счета подтянулся. Аннет ждала внизу, обхватив себя руками за плечи, и переживала.

Наконец, его лицо показалось в проеме.

– Иди сюда. Тут... удивительно.

Он протянул руки и крепко ухватил ее за кисти. Аннет на миг почувствовала себя рыбой, которую подсекает рыбак. Она не успела

опомниться, как уже стояла в самом удивительном помещении, какое ей когда-либо доводилось видеть. Не было сомнений: они попали в легендарную мастерскую Жакемара.

Глава 26 Подземная карусель

Аннет боязливо огляделась. Ей вспомнились все зловещие легенды об основателе города, и она опасалась того, что могла увидеть.

Мастерская оказалась большой и странной. Нет, не так — невероятно большой и до жути странной.

Зал, в который попали искатели приключений, размерами не уступал просторному заводскому цеху и напоминал театральное закулисье, где рабочие сцены сваливают ненужный реквизит и отслуживших свое марионеток.

Высоко на потолке из светового колодца падал тусклый луч и рассеивался, не достигая пола, отчего в мастерской стоял сумрак ржавого оттенка. Приглядевшись, Аннет различила верстаки, набитые чертежами шкафчики и горы пыльной металлической рухляди. Затхлый воздух имел отчетливый сернистый привкус.

Поодаль из теней выступали безжизненные фарфоровые лица. Из стены слева на гостей таращился огромный медный глаз с изумрудным зрачком. Из каменной кладки справа торчали шарнирные руки с хищно растопыренными пальцами.

В стенах имелось множество окошек и проемов. За ними виднелись шестерни и поршни. Из прорези в полу торчала половина махового колеса. Повсюду тянулись ржавые рельсы и трубы.

Чуть в стороне от световода на уходящем в потолок толстом штыре висела гигантская птичья клетка. К ней можно было подняться, воспользовавшись подвесными мостиками, к которым с обеих сторон зала вели стальные лесенки.

— Какое прекрасное место! — восхитился Максимилиан.

Это как сказать, подумала Аннет, откинула мокрый локон со лба и вздохнула. Гениальный мастер и большой пакостник наверняка устроил в этом прекрасном месте с полдюжины отборнейших ловушек, которые только и ждут своего часа.

Дальняя часть зала пряталась в темноте и разглядеть, что она скрывала, было невозможно. Не исключено, что свои самые неприятные творения Жакемар разместил именно там.

— Не помешал бы фонарь, — заметил Максимилиан и огляделся.

Рядом в стене обнаружился рубильник.

— Думаю, этот рубильник зажигает вон те лампы подле верстаков — предположила Аннет и боязливо дотронулась до истертой костяной рукоятки. — Или включает устройство для превращения непрошенных гостей в фарш.

— Рискнем, — усмехнулся Максимилиан и опустил рукоятку.

Аннет не ожидала, что после стольких лет механизм сработает, однако зал моментально преобразился. Его наполнили звуки и свет. В потолке один за одним распахнулись люки новых световодов. В сумрак вонзились десятки бледных лучей. Трубы мелко завибрировали, в воздух поднялись облака пыли. Ржавая динамо-машина чихнула и застучала. Рассыпался ворох искр, древние дуговые лампы подле верстаков загудели и вспыхнули.

Мастерская ожила!

Маховое колесо и шестерни в темных арочных проемах с шорохом начали вращаться. По залу пронесся горячий сквозняк. Послышалось уханье, какое издают кузнечные мехи.

Аннет крутилась на пятках, пытаясь не упустить ни одной детали, и обмирала от удивления. Даже Максимилиан изумленно присвистнул. Они словно вернули мертвеца к жизни, и этот мертвец оказался вполне бодр, дееспособен и полон сюрпризов!

Суставчатые руки, крепившиеся к камню стены, приветственно взмахнули, издав жуткий скрип.

Аннет подпрыгнула и метнулась в сторону. А ну как схватят в стальные объятия и задушат!

Но она мигом позабыла о жутких конечностях, когда медный глаз в стене моргнул похожим на опахало веком. Напротив лязгнула челюстью позеленевшая от времени зубастая и носатая маска Панчинелло.

Теперь зал больше не напоминал заброшенный театр с отслужившими свое декорациями. Ярмарка, которую бродячие цирки открывают возле своих шатров, вот что это такое! Полная диковин, пугающих и привлекательных одновременно! Не хватает лишь хозяина, распорядителя ... он давно ушел или прячется? Может, он все еще здесь — в виде призрака, который управляет всем этим безумием?

Лучи из колодцев, как прожекторы, осветили дальнюю часть зала, явив ошалевшим гостям два богато украшенных трона. Драгоценные камни на спинках и подлокотниках таинственно мерцали. На каждом

троне восседало по кукле, обряженной в полуистлевшие тряпки. У подножия навывтяжку стояла пара скалящихся автоматов в ливреях и париках.

Искатели приключений осторожно двинулись вперед; под ногой Аннет щелкнула подвижная плитка, и в тот же миг механические лакеи медленно склонили спины, затем выпрямились и злобно сверкнули рубиновыми глазами.

— Мамочки мои! — произнесла Аннет дрожащим голосом и юркнула за спину Максимилиана.

— Это всего лишь автоматы, — успокоил он. — Не стоит их бояться.

Но Аннет всё-таки полагала, что автоматов стоит бояться. Этот урок она усвоила на личном опыте. Она бы с радостью держалась от творений старого мастера подальше, но Максимилиан потянул ее вперед.

-- Владелец мастерской приветствует нас, — произнес он торжественно и немного грустно. — Это никто иной, как Жакемар со своим драгоценным оракулом. Мастерская стала последним пристанищем мастера. М-да, выглядит он похуже бедняги Вальвазора.

Максимилиан уверенно шел вперед, Аннет робко двинулась следом и, наконец, рассмотрела, что на троне слева расположился автомат в богатом восточном костюме, с лицом-маской из желтого блестящего металла, — знаменитый механический оракул, ценный не столько своими предсказаниями, сколько материалом, из которого был сделан. Справа от оракула восседала иссохшая мумия в камзоле и парике. Великий, гениальный и зловещий мастер Жакемар!

Аннет споткнулась. Мурашки по спине забегали так, словно их ошпарили кипятком.

— Нам обязательно туда идти?

— Мне любопытно. Но если у тебя нет желания познакомиться с мастером поближе, давай оставим его в покое.

— Ладно, — через силу произнесла Аннет. — Давай глянем, что это за оракул такой.

Они поднялись по трем ступенькам, устланным пыльным ковром, и оказались лицом к лицу с повелителями подземного лабиринта.

Любопытство оказалось сильнее брезгливости. Аннет собралась с духом, в упор посмотрела на мумию основателя Механисбурга, и

нашла, что даже в смертном облиии Жакемар сохранил ужасно ехидный вид.

Тонкие пальцы с длинными ногтями крепко обхватывают подлокотники. Иссохший рот кривится в усмешке. Острый подбородок, впалые щеки и клювообразный нос обтянуты потемневшей кожей. Верхнюю часть лица скрывают свалывшиеся пряди парика и круглые очки с зелеными стеклами. Аннет представила, что под ними прячутся живые, блестящие глаза, которые следят за каждым ее движением, и быстро отошла к соседнему трону.

Драгоценный оракул выглядел так, как и все автоматоны Жакемара – жутковатая пародия на человека. Золотая маска была выполнена очень искусно. Мастер снабдил ее пухлыми щеками и умильно сложенными губками, а в раскосые глаза вставил рубины. Физиономия куклы была полна лукавства: ни дать ни взять, злобный дух из восточной сказки, который любит морочить путникам головы.

На подлокотнике под правой рукой у оракула лежала грифельная доска. Пальцы сжимали остро наточенный стилус. В левой руке четки с крупными рубиновыми бусинами.

На фарфоровом животике в распахнутом халате виднелась скважина, из которой торчал золотой ключ.

– Попросим оракула предсказать нам судьбу? – спросил Максимилиан. – Вдруг он посоветует что-то стоящее.

– Давай!

Она бесстрашно взялась за ключ и несколько раз повернула. Автоматон загудел, мелко затряс головой. Из-под маски выскользнула длинная сколопендра и, извиваясь, уткнулась под ворот халата. Аннет содрогнулась.

Изящные пальцы оракула быстро задвигались, заскрипел грифель, и от этого звука по коже продрал мороз и заныли зубы. Аннет и Максимилиан затаив дыхание следили, как на доске появлялись витиеватые буквы и складывались в слова. Что поведаст оракул, молчавший долгие столетия? Какую удивительную тайну он откроет? Предскажет победу или смерть?

Автоматон вывел пару строк четким почерком и замер, не прекращая трясти головой.

– Ну-ка, что он начертал?

Аннет, преодолев страх, зашла со стороны, нагнулась к доске и,

запинаясь, прочитала:

– О дева дивная, готов тебя в стихах воспеть, дозволю лишь... перси юные твои узреть.

Она перевела растерянный взгляд на мумию Жакемара. Ей показалось, или неугомонный труп стал улыбаться еще более ехидно?

– Старый блудодей! – гневно выпалила она. – Делал автоматов себе под стать! Этот драгоценный болван хочет, чтобы я... чтобы я показала ему...

Аннет вспыхнула и быстро запахнула ворот блузки.

– Он хочет, чтобы я свернул ему его механическую челюсть! – внушительно проговорил Максимилиан, сжал кулак и сунул его под нос невозмутимому оракулу. Затем усмехнулся собственному порыву и успокоился.

– Попробуем еще раз. Вам, господин оракул, стоит постараться и дать нам хорошее пророчество, если не хотите превратиться в грудку железяк. На этот раз позвольте мне покрутить ваш ключик...

Максимилиан скорчил зверскую гримасу, взялся за ключ и завел пружину резким движением, каким палач ввинчивает в тело осужденного орудие пытки. Тут даже самому тупому механическому болвану стало бы ясно, что шуточки кончились.

Рука автомата вновь пришла в движение. Грифель двигался чуть быстрее, словно оракул и впрямь испугался угрозы и стремился поскорее отделаться от недовольного клиента. Когда он закончил, потрясенные Аннет и Максимилиан увидели на доске несколько слов, написанных лесенкой, одно под другим:

«Крутись!

Вертись!

Сквозь камни!

Твердь пронзи!

И ввысь

стремись!»

– Опять белиберда! – возмутилась Аннет. – Ну почему эти пророки и оракулы не могут выражаться как обычные люди! Загадки, недомолвки – поди разберись, что они имеют в виду!

– Да нет, – задумчиво протянул Максимилиан, – в это раз наш игривый оракул высказался вполне определенно.

Он задрал голову и посмотрел на потолок.

Аннет фыркнула и с негодованием отвернулась от Жакемара и его оракула.

– Это автоматон. Он всего лишь в случайном порядке выдает глупые цитаты, которые заложил в него его создатель. А у создателя в голове творился бедлам.

– Жакемар ничего не делал просто так. Вспомни Лазурного поэта. Уверен, последняя цитата полна важного смысла.

– Возможно. Однако лучше хорошенько осмотрим мастерскую и поищем выход.

Они спустились и двинулись по огромному залу, в котором хранилось множество удивительных вещей.

На верстках лежали плоскогубцы, клещи, стамески, молотки и тысячи других инструментов. Громоздились бочки – с машинным маслом, судя по пожелтевшим этикеткам. В деревянных ящиках россыпью хранились винты, гайки и шестеренки. Пузырьки и бутылки с давно высохшим содержимым стояли аккуратными рядами, укутанные в паутину, как в вату.

В мастерской обитало множество механических «детей» Жакемара. Автоматоны болтались на стальных тросах, сидели свесив ноги с верстаков и шкафов и лежали навзничь на полу. Не всем куклам посчастливилось получить человеческий облик. Аннет сильно перепугалась, увидев механического скрипача, у которого имелись лишь кисти рук, да два стеклянных глазных яблока, прикрепленных к проволочной конструкции.

Время от времени исследователи натыкались на поленницы золотых и серебряных слитков, прикрытых ветхой холстиной. Неограниченные драгоценные камни были засыпаны в бочки, как яблоки в кладовке у рачительной хозяйки. На ювелирном столике зарастали пылью прекраснейшие изделия, которые мастер не успел закончить при жизни.

– Городу больше не придется бедствовать, – заметил Максимилиан, поднимая с верстака золотую маску с вкраплениями изумрудов и сдувая с нее серое облако. – Жакемар забрал с собой основную часть добытого на горных приисках вблизи Механисбурга. Не берусь даже оценить все эти сокровища. Смотри, здесь есть кое-что интересное...

Аннет поражалась его спокойствию. Он уверенно расхаживал по мастерской как у себя в гостиной, полуодетый и взъерошенный, все

подмечая цепким, пытливым взглядом. Приблизился к большому хрустальному сундуку, начинка которого блестела и переливалась сквозь мутное стекло, и поднял крышку.

– Награда для кладоискателей. Рубины, бриллианты, изумруды. Богатства, добытые из недр Механисбурга. Форс будет в восторге.

Он выудил из сундука длинное ожерелье в виде скрепленных виноградных гроздей, приложил к шее Аннет и осторожно щелкнул замочком.

– Оно твое.

Аннет потрогала пальцем тяжелые камешки и вздохнула.

– Отлично смотрится на моем промокнутом и изорванном наряде. Нет, я не могу принять это ожерелье. Оно принадлежит городу или наследникам Жакемара.

– У нас, авантюристов и искателей сокровищ, есть неписаное правило: «Кто нашел, тот забирает». Не снимай. Зеленые камни под цвет твоих глаз.

Аннет не стала спорить.

– Максимилиан, слышишь, как страшно гудят трубы паропровода? Боюсь, что это неспроста. Вдруг будет взрыв?

– Трубы питают механизмы паром из подземных источников. Мастерская ожила впервые за две сотни лет. В лабиринте люди бывали, но лишь мы прошли все ловушки и попали в тайное убежище Жакемара. Удивительно: его изобретения не сломались и не рассыпались в прах за все это время. Полагаю, и трубы выдержат.

– Луиза дала мне книгу под названием «Подземное сердце города». Все, что мы видим вокруг, и есть подземное сердце Механисбурга! Все эти трубы, сложнейшие технические конструкции... Жакемар обладал не только талантом репликатора, но и лозоходца. Он изучал гидрологию и заставил горячие источники служить городу и себе лично. Непременно нужно разгадать тайну этих руин! Эх, если бы я имела инженерную подготовку, которую проходят репликаторы... но ничего: здесь много чертежей. Уверена, Ангренаж или кто-то еще во всем разберется.

Аннет опять вздохнула. Она попеременно восхищалась и ужасалась. Обстановка мастерской действовала на нее угнетающе. Невозможно забыть, что за каждым движением непрощенных гостей следили мертвые глаза повелителя царства механизмов.

Не удержавшись, покосилась на сверкающий трон в дальнем конце зала и содрогнулась. Слишком часто она в последнее время оказывается в компании покойников. Вальватор, Жакемар... сдается, что и старина Рыжебородый Генри отнюдь не из гипса был сделан. Чтобы заглушить неприятное чувство, быстро заговорила:

– Несмотря на причуды, Жакемар был гением! Эта мастерская – памятник всему, что он сумел достичь. Однако здесь не все в порядке. Смотри: в том углу какое-то время назад произошел обвал. Часть стены рухнула, камни передавили трубы. Эти похожи на водопроводные. Помнишь, Луиза говорила, что минеральные ключи иссякли пятьдесят лет назад? Думаю, после обвала вода пошла другим путем. Если все здесь починить, установить насос, лечебница опять начнет принимать пациентов. Для горожан это предприятие станет неплохим подспорьем.

– Уверяю тебя, этот источник дохода городу не понадобится, – усмехнулся Максимилиан. Он изучал свисающее со стены странное приспособление: золотые крылья, связанные системой приводов со стальной упряжью. Ощупал ловкими пальцами хитроумный механизм, подкрутил пару шпенок, и крылья раскрылись со щелчком, показав инкрустированные сапфирами перья.

– Когда все сокровища будут подняты наверх, механизбуржцы могут больше ни дня не работать. Хм, полагаю, и твои финансовые проблемы будут решены раз и навсегда. Сможешь открыть собственный театр или синематографическую компанию.

Будь Аннет настоящей, жадной авантюристкой и искательницей сокровищ, она бы с ума сошла от радости. Но сейчас ее больше волновали другие вещи. Она только что увидела кое-что любопытное.

– Максимилиан, посмотри – в той стене, над верстаком, где лежат механические лошадиные ноги, есть отверстие шахты. Полагаю, она ведет прямо в камин какого-нибудь городского дома. Его жители очень удивятся, когда мы заявимся к ним в гости.

Максимилиан сбросил медные бабки и копыта на пол, забрался на верстак и заглянул в шахту.

– Вижу что-то... подъемник или лестницу, но дотянуться невозможно. Все заросло пылью и паутиной. Должен быть механизм, который их опускает, но он спрятан. Ничего, поищем и найдем. Смотри, вон люк подле медного глаза в стене, и еще за троном механического оракула. Здесь полно выходов наружу.

Аннет посмотрела на черный зев с нескрываемым сомнением.

– Давай поднимемся к той птичьей клетке под потолком. Над ней тоже есть шахта. Круглая и очень большая. В нее уходит штырь, на который насажена клетка.

– Если эта штука – птичья клетка, то предназначена она для очень большой птички. Размером с динозавра. Внутри что-то есть... какие-то фигуры. Не могу разглядеть, темно, и решетка слишком частая, – поделился наблюдениями Максимилиан, когда они поднимались по лесенке к потолку.

Лесенка страшно тряслась и гремела, но идти по подвесному мостику на высоте двухэтажного дома оказалось страшнее. Рядом с мостиком тянулись трубы паропровода. На стыках с шипением вырывались струйки пара.

Мастерская лежала под ногами как на ладони. Древние механизмы стучали и скрипели, клокотали трубы, двигались автоматы. И тут, среди облачков пыли, метнулась быстрая тень и скрылась за верстаком. Аннет прищурилась. Игра воображения? Еще одна ожившая кукла? Крыса? Призрак Жакемара?

Аннет обежала мастерскую внимательным взглядом. Ни крыс, ни призраков она не увидела, но ей стало сильно не по себе.

Наконец, мостик привел к круглой клетке из ажурно переплетенных прутьев. Штырь пронзал ее насквозь и уходил в шахту в потолке, где виднелись части мощного механизма.

Дверца клетки была закрыта. Аннет подергала ее и прижалась лицом к решетке.

– Максимилиан, глазам своим не верю! – ахнула она. – Это же карусель! Вон ослик, а там лошадка! Еще слоник и дракончик! Что-то это мне напоминает... где-то я видела подобное... точно! В часах в доме Ангренажа. А еще я читала про паровую карусель, которую Жакемар хотел установить на площади Роз. Но почему эта карусель спрятана под землей? Да еще под потолком мастерской? Как Жакемар собирался вытащить ее наружу? И как попасть внутрь?

– Нужно заплатить, как в настоящем парке аттракционов. Вот автомат, который принимает плату. Видишь щель для монет? Черт, у меня с собой только чековая книжка, да и та вымокла. А ты отдала всю мелочь Петру.

– Любая мелочь здесь не подойдет. Нужна старинная монета в пять

кронодоров с изображением орла. Помнишь рисунок? Так получилось, что у меня завалилась одна монетка, – победно сообщила Аннет и пояснила, – старина Рыжебородый Генри поделился.

– Однако дорого Жакемар берет. Пять кронодоров, подумать только! Цена сигары из хорошего вергинского табака, – заметил Максимилиан, наблюдая, как Аннет открывает мокрую и грязную сумочку от мадам Жанель (больше похожую теперь на котомку побирушки) и извлекает монету, позаимствованную в каюте Корабля-в-бутылке.

Аннет с трепетом опустила монету в узкую щель. Кругляшок провалился внутрь, прогремел среди невидимых железяк. Раздался звон, дверца гостеприимно распахнулась. По окружности карусели вспыхнула дюжина дуговых ламп в разноцветных стеклах. Вид у карусели сделался праздничный. Ожил невидимый паровой органчик и издал мелодию одновременно залихватскую и унылую.

– Ого, неужели нас действительно прокатят? – изумилась Аннет. – Нам сейчас не до развлечений, честно говоря.

– Думаю, у карусели иная задача, – предположил Максимилиан и вошел первым.

Аннет восхищенно трогала карусельных лошадок за уши, дракончика – за крылья, а от ослика держалась подальше. Все звери были собраны из металлических деталей и изумительно раскрашены.

– Интересно, как запустить этот аттракцион? – задумчиво проговорила Аннет, обходя карусель по кругу. – Не пойму, зачем Жакемар ее построил, да еще под землей. И всех этих автоматов в мастерской... какой в них толк?

– Он развлекался. Ему было скучно. Мастер до старости оставался ребенком – жестоким, любопытным и талантливым. А еще Жакемар был влюблен в театр, как и ты, – улыбнулся Максимилиан. – Он превратил свой город в театральные подмостки и распоряжался его жителями как марионетками.

– Похоже на правду. А вот и рубильник. Карусель запускается изнутри. Попробуем повернуть?

– Что нам терять? Попробуем, конечно. Есть у меня предположение, что второе предсказание оракула относится именно к этой штуке...

Аннет решительно дернула рубильник. Наверху, где располагался

мотор, раздался металлический скрежет, карусель вздрогнула, но больше ничего не произошло. Девушка подвигала рукоятью туда-сюда. Тишина.

– Увы, – вздохнула она. – Не доведется нам покружиться над мастерской на воздушной карусели. Двигатель сломан. Но если...

Договорить она не успела, потому что произошло несколько пугающих событий.

Звонко хлопнула дверца, по мостику загрели чужие шаги.

– Что происходит? – Аннет метнулась на противоположную сторону карусели, ее обогнал Максимилиан, но было поздно.

По мостику не спеша удалялась высокая фигура в длинном плаще и черной шляпе. Движения фигуры были равномерными, немного неуклюжими, и сопровождались легким поскрипыванием, как будто это был один из оживших автоматов – обитателей мастерской.

Аннет сразу узнала черного человека, который хладнокровно бросил ее под пилу в театре и позднее загнал в ловушку на Корабле-в-бутылке.

Это он крался за ними по лабиринту! Но кто, кто скрывается под зловещим плащом и шляпой? Петр? Карл? Луиза? А может, смешной толстяк Пендельфедер? Или бургомистр? Или же его дочь, двуличная проныра Линда?

Аннет всматривалась, пыталась уловить знакомые жесты, характерную осанку – бесполезно. В фигуре и движениях Черного человека было что-то слегка неестественное. Иногда ей казалось, что она уже видела это разворот плеч, манеру склонять голову набок... нет.

– Эй, любезный! Не дури. Открой-ка дверь! – громко и уверенно позвал Максимилиан и дернул стальные прутья. Не помогло. Дверца не пошевелилась, а Черный человек даже не обернулся.

– Ты кто такой? – спросил Максимилиан недобрый тоном и добавил: – Вернись или мне придется немного... воздействовать на тебя. Тебе это не понравится.

Аннет показалось, что она услышала смешок, за которым последовал странный всхлип. Черный человек пошатнулся, но тут же быстро-быстро преодолел оставшееся до лестницы расстояние и замер, словно пытаясь отдышаться.

– Черт, далеко встал, не достать!

Аннет не поняла, что произошло, но сообразила, что дело плохо.

Максимилиан гневно раздул ноздри.

– Какой же я беспечный болван! – проговорил он сквозь зубы. – Решил, что тот, кто шел за нами по лабиринту, застрял в комнатах с ловушками. Ан нет – мерзавец не отстал. Перехитрил меня. Сумел проникнуть за нами в мастерскую! Ладно, он еще об этом пожалеет.

Незнакомец тем временем уверенно дернул установленный в стене рычаг. Стальные тросы дрогнули, подвесные мостки плавно поехали в сторону. Теперь покинуть карусель было невозможно, даже если бы удалось открыть дверцу.

Черный человек спустился по лестнице, громыхая ступенями. Не спеша прошелся по мастерской туда-сюда. Задержался подле шкафа с чертежами, вытащил несколько, небрежно просмотрел, смял и бросил под ноги. Перешел к ювелирному верстаку, сгреб блестящие камешки и драгоценные заготовки, откинул полу плаща и засыпал полные карманы. Взвесил на руке пару слитков и тоже спрятал под плащ. Поднялся к трону с мумией Жакемара, сделал шутливый реверанс. Ощупал лицо восседающего на соседнем троне механического оракула, достал из кармана плаща стамеску и хладнокровно выковырял из золотой маски глаза-рубины. Забрал из руки оракула драгоценные четки.

Узники карусели следили за его перемещениями, как замороженные.

– Теперь я могу с уверенностью сказать, что это самый настоящий человек из плоти и крови, а не оживший автоматон. Куклы, даже механические, не бывают такими жадными! – проговорила с отчаянием Аннет и заголосила: – Господин хороший, как-вас-там! Вернитесь, пожалуйста! Выпустите нас! Забирайте все и уходите. Нам ничего не нужно! Мы забудем, что видели вас. Мы лишь хотим выбраться на волю!

Черный человек, словно только вспомнив о пленниках, задрал к потолку укутанное в шарф лицо. Немного постоял, затем задумчиво походил туда-сюда, изучая тянущиеся вдоль подвесного мостика трубы. Понаблюдав, как из-под клетки со свистом вырывается облачко пара, а затем потер руки жестом завязанного злодея и подленько хихикнул.

Манипуляции незнакомца не предвещали ничего хорошего.

Он кивнул, словно приняв какое-то решение, и поспешил своей странной, размеренной походкой к трубе подле лестницы. Положил

руки в перчатках на огромный красный вентиль и закрутил его до отказа. Пересек зал, поднялся к вентилю у второй лестницы и вывернул в противоположную сторону. Сразу отчаянно загудели трубы, усилился стук – быстрее заработали насосы, карусель ощутимо трянуло и окутало облаком пара.

Аннет вскрикнула. Она испугалась, что клеть сейчас сорвется и рухнет. Черный человек расхохотался булькающим смехом, повернулся и поспешил к верстаку, над которым открывалась шахта. Огляделся, пошарил под верстаком и потянул за невидимый сверху рычаг. Жакемаровы механизмы и уловки были ему отлично известны.

Из отверстия шахты посыпалась пыль и выехала лесенка. Черный человек неловко ступил на первую перекладину и подтянулся. Его ноги плохо сгибались, и Аннет показалось, что он вот-вот упадет. Он с трудом забрался выше и вскоре скрылся. Спустя несколько секунд раздался грохот, из шахты вывалились два предмета. Аннет напрягла глаза и разглядела нечто похожее на колодки с прикрепленными ремнями. Дальше рассматривать странные предметы, от которых избавился Черный человек, она не стала: следовало заняться делами более насущными. Например, найти, как спастись из карусельной клетки, которая с каждой секундой подрагивала все сильнее.

– Максимилиан, что происходит? Трубы гудят. Он перекрыл вентиль, а это значит...

– Это значит, когда давление поднимется до нужного уровня, раздастся взрыв, а нам сильно не поздоровится, – быстро сказал Максимилиан, впрочем, не теряя самообладания. – Я не очень понимаю, как работает эта система парораспределения, но могу догадаться, что стык трубы с механизмом под каруселью – слабое место. Черный человек сообразил это с первого взгляда и решил устроить нам красочную гибель. Дело за тобой, Аннет. Можешь использовать свой талант репликатора и исправить ситуацию? Открыть вентиль? Починить трубу?

– Нет, – ответила онемевшими губами Аннет. – Ты переоцениваешь мои способности. Чтобы сделать такое, нужно хорошо разбираться, как тут все устроено. Я понимаю еще меньше твоего. Черный человек видел, как я спасовала перед механизмами в лабиринте. Он знал, что я не справлюсь и здесь.

– Попробуй создать реплику вентиля и перекрыть трубу. Это

просто.

– Слишком далеко. Мне не дотянуться своим... талантом. Мы пропали.

– Нет. Мы найдем выход.

Максимилиан оглядел карусель, подошел к решетке, взялся за хитро переплетенные прутья и потянул в разные стороны. От напряжения его лицо перекосилось и покраснело, но потом металл уступил его силе. Совсем немного.

Трубы стучали все сильнее, дребезжание усиливалось, облака пара густели. Пот с Аннет лил градом.

Максимилиан схватил ее за плечи и подтолкнул.

– Ты сумеешь протиснуться в эту щель. Заберись на крышу карусели. Там может найтись выход. Когда... если произойдет взрыв, наверху будет безопаснее, чем здесь. Карабкайся выше и выше. Уцепись за что-нибудь. Карусель может упасть, и тогда...

– А ты?

– Щель слишком узкая для меня. Я попробую ее расширить и пролезть вслед за тобой. Ты иди сейчас. Времени в обрез!

Шум в мастерской нарастал. Невидимый двигатель громко стучал. Трубы гудели тоненько и очень страшно, как горны, объявляющие тревогу.

Аннет просунула голову между прутьями и посмотрела наверх.

Ось карусели и верхняя часть круглой клетки уходили в отверстие шахты в потолке. В темноте угадывались очертания большого механизма. Наверное, именно он приводил карусель в движение. Но он не сработал. Поломка? Зачем мастер Жакемар устроил карусель под потолком подземной мастерской? Более странного места для аттракциона сложно придумать!

Она читала про планы Жакемара соорудить карусель на площади Роз. В книге «Код Жакемара», что дала Луиза, а еще в книге «Подземное сердце Механисбурга». Автор давал чертежи предполагаемого устройства карусели. Она старательно пыталась в них разобраться. Ей было интересно. Она делала выписки, пыталась копировать рисунки...

– Давай же! – нетерпеливо подтолкнул в спину Максимилиан.

Карабаться наверх по скользким прутьям, рискуя сорваться вниз, да еще оставить Максимилиана на верную гибель совершенно не

хотелось, поэтому приказа она не послушалась, а вместо этого перебросила на живот ремень сумочки и выудила мокрую, растрепанную записную книжку. Осторожно открыла, и, стараясь не порвать раскисшие листки, нашла нужную страницу и впилась в рисунок взглядом.

– Аннет, что ты делаешь! – Максимилиан с силой потянул ее за плечо. – Бегом наружу! Счет пошел на секунды!

– Я собираюсь призвать талант репликатора и разобраться со всей этой чепухой, – твердо ответила Аннет и захлопнула книжку. – Не мешай! Я знаю, что делаю. Я справлюсь.

Не дожидаясь ответа, она глубоко вздохнула и нырнула в призрачный мир.

Перед глазами тотчас предстала начертанная голубоватыми светящимися линиями схема мастерской со всем содержимым. Аннет почувствовала себя как неопытный путешественник, внезапно перенесенный в дремучие джунгли. Она потеряется, сгинет! Где ей со всем этим разобраться за минуту до гибели!

Она лихорадочно изучала переплетение контуров, одновременно вызывая в памяти подсмотренные в книге чертежи, и когда увидела знакомые очертания, обрадовалась, как заблудившийся путешественник, когда находит на небе созвездие Медведя и яркую Северную звезду.

Била дрожь – не от холода, в мастерской было жарко и промокшая одежда почти высохла, – а от напряжения и дикого волнения.

Она с усилием погасила призрачную картинку и произнесла ослабевшим от переживаний голосом:

– Кажется, я поняла в чем дело. Там такая штука... не помню, как она называется. Фланец, или сланец, или шланец... один черт. Короче, он неплотно примыкает. А еще беда с эдакой круглой подвижной штукой. Она треснула и расшаталась. Попробую залатать. Сделаю силовые реплики. Карусель начнет вращаться, и мы спасемся. Это необычная карусель. Это сюрприз, который Жакемар приготовил для города, но не успел довести идею до конца. Вот увидишь, Максимилиан. Помоги. Ты сенситив-эмпат, ты сможешь заставить меня ... сконцентрироваться.

– Конечно. У нас все получится. И не в таких переплетах бывали!

Он улыбнулся и положил руки ей на плечи. Аннет сжала кулаки и

сосредоточилась так сильно, что, казалось, в голове закипели мозги. Она почувствовала, как по губе побежала горячая струйка – носом пошла кровь. Как сквозь туман услышала голос Максимилиана:

– Аннет, полегче! Сбавь темп. Ты знаешь, что бывает с сенситивами, которые не умеют вовремя остановиться?

– Знаю, – прошептала она. – Они исчерпывают свой талант до капли и теряют его навсегда. Вот уж о чем точно не буду плакать! Талант хронолога – самый никчемный. А талант репликатора я готова потерять, лишь бы он спас нас сейчас.

– Не только. Дело может кончиться лопнувшим сосудом в голове. Хватит, довольно!

Но она уже не слышала, потому что очутилась в бесконечной крошечной тьме. Миг – и вокруг вспыхнули голубые линии, схематично намечающие соцветия шестеренок, ожерелья подшипников, струны тросов и цепей, ритмично танцующие шатуны и поршни. Участки, где требовалась ее помощь, она увидела сразу. Они горели ярко-алым, темнота вокруг шла легкой рябью. Именно здесь время, стихия или неловкие руки нарушили первоначальный замысел мастера.

Аннет мысленно сузила поле зрения и приблизила часть призрачной схемы. Ее никто не учил этому, однако все выходило уверенно и безошибочно. Подумалось: пожалуй, она на редкость даровитый репликатор! Впрочем, без помощи сенситива-эмпата, который своим талантом раскрыл ее подсознание и усилил инстинкты, такие фокусы она проделывать бы не смогла. Она не изучала ни физику, ни аналитику состава материалов, ни теорию энергетического эфира, ни основы управления тепловым движением молекул, ни контроль вероятностей... ничегошеньки она не знала и не умела.

Осознав это, Аннет на миг дрогнула, однако тут же вновь сосредоточила внимание на дефектах в энергетических линиях. Мысленно касалась их рукой, ласково, но настойчиво, пытаясь вернуть им первоначальный вид.

Это оказалось непросто. В голове усилился гул, контуры прыгали и тянулись как резиновые. Однако мало-помалу эфирные силовые поля подчинялись ее воле и уплотнялись. С самоуверенностью невежды Аннет перекраивала законы физики. Она жонглировала молекулами, отдавала приказы атомам, и те весело маршировали и выстраивались в нужном порядке! Она вытягивала из пустоты нужный материал и

лепила его на энергетические контуры деталей, как гончар наносит глину на проволочную основу заготовки.

Готово – все участки призрачной схемы засияли! Да так ослепительно, что голову пронзила мучительная боль как от удара хлыста.

Прочь, обратно, в реальный мир!

Колени Аннет подогнулись; Максимилиан едва успел поддержать ее одной рукой. Второй рукой он был вынужден крепко обхватить за шею железного дракончика, потому что карусель пришла в движение. Пол задрожал, раздался металлический стук и шипение пара. Послышался громкий скрежет, карусель дернулась, закружилась, и медленно поплыла вверх, выдвигаясь из клетки.

– Вот видишь! – счастливо проговорила Аннет, кое-как поднимаясь и вытирая рукой кровь на лице. – Это подъемник, наподобие винтового лифта, что спустил нас в подземелье. А теперь он принесет нас на поверхность! Механизм сработал и запущен. Я пока поддерживаю реплику, и это куда проще, чем казалось! Слушай, я поняла... пожалуй, чтобы сделать что-то важное, не всегда нужно ждать и готовиться много лет. Нужно просто очень захотеть и сделать!

В этот момент раздался громкий хлопок, в лицо ударила горячая волна. Аннет и Максимилиан отшатнулись, и в последний миг, перед тем как карусель скрылась в шахте, увидели, что творилось внизу.

Труба, не выдержав давления пара, лопнула; одна за одной согнулись стальные стойки, и вся секция со страшным грохотом обрушилась вниз. Но этим дело не кончилось: часть стены, из которой выходила труба, дрогнула и осыпалась. Во все стороны полетели камни, хлынул кипящий поток, огромный зал затянули облака пара. Вода ударила в динамо-машину, заплясали искры. С ревом взметнулось пламя из бочки с машинным маслом; пламя соприкасалось с водой и к клубам белесого пара примешались черные облака гари. Стена продолжала разрушаться, поток превратился в бурлящий водопад.

– Мастерской конец! Черный человек не рассчитал, к чему приведет его желание покончить с нами! – ужаснулась Аннет. Что произошло в мастерской дальше, они не увидели, потому что подъемник полностью ушел в шахту.

Карусель вращалась с бешеной скоростью. Аннет крепко вцепилась в рубашку Максимилиана, опустила голову и глубоко задышала, иначе

бы ее стошнило. Вокруг стучало, гудело и грохотало, и среди шума раздавалось нервное гудение и хлопки: это догорали и лопались праздничные дуговые лампы. Отблески выхватывали стремительно уплывающие вниз фермы, балки и прочие детали ошеломляющего подземного сооружения.

– Я не знаю, как карусель выйдет на поверхность! – взволнованно прокричала Аннет, стараясь перекрыть шум и треск. – Эта часть замысла мастера мне не открылась!

Ответ на свой вопрос она получила через миг. Подъемник замедлил ход. Последние лампы погасли, и они очутились в полной темноте. Сверху раздался пронзительный скрежет и невыносимый грохот, словно сотня трудолюбивых гномов водила железом по стеклу, а другая сотня катила точильные камни по брусчатке.

Карусель дернулась в последний раз и, медленно совершив последний оборот, поднялась на поверхность.

Глава 27 Площадь Роз

Ударил ослепительный свет, Аннет зажмурилась и чихнула. В носу отчаянно першило от каменной пыли. Паровой органчик ожил и проиграл коротенький приветственный гимн, но до конца мелодии не дотянул: завел тягучую ноту и заглох. Несколько секунд стояла полнейшая тишина, затем в отдалении послышался топот десятков ног и многоголосый гомон.

— Что... что это такое, дьявол меня раздери? – ужаснулся звенящий от избытка чувств мужской голос.

Невидимая толпа взволнованно загудела.

– Похоже на карусель. Внутри люди. Это госпожа Вик и господин Молинаро, – выкрикнул второй голос, очень озадаченный.

– Госпожа Вик? Та самая, что сломала Корабль-в-бутылке и буянила в лечебнице? — уточнил вредный третий голос.

— Да, — громыхнул бас бургомистра Гильоше. – А теперь негодяйка превратила центр города в руины.

Аннет осторожно приоткрыла один глаз, затем второй, проморгалась и увидела следующее.

Карусель вынырнула из подземелья прямехонько на площадь Роз. В нужный момент потайной механизм сдвинул плиты над шахтой. Возможно, мастер Жакемар допустил ошибку в расчетах либо задумал вредительство изначально; как бы то ни было, появление карусели-

подъемника имело для площади печальные последствия.

Клумба погибла, механические розы превратились в медные обломки. Россыпь шестеренок весело поблескивала среди земляных комьев и осколков плитки. Шпиль солнечных часов рухнул. К счастью, никто из гуляющих не пострадал, но напуганы все были изрядно.

Со всех сторон мчались наперегонки горожане и задержавшиеся в Механисбурге туристы. Они спешили собственными глазами увидеть подземную карусель, которая как по волшебству выскочила из-под земли в центре города.

Работая локтями, сквозь гудящую толпу пробрался толстячок Пендельфедер, да так и застыл, когда увидел, что стало причиной суматохи. Его глаза вылезли из орбит, пухлогубый рот принял очертания буквы «о».

Широкоплечая Луиза плыла сквозь столпотворение, как ледокол. Она бестрепетной рукой отодвигала тех, кто оказывался у нее на пути. Библиотекарша злорадно усмехалась, как будто растерянность жителей города немало ее забавляла.

Вразвалочку подошел шарманщик, снял шляпу и озадаченно почесал лохматый затылок.

Из первого ряда взволнованных зевак, припадая на хромую ногу, выскочил запыхавшийся Карл Ангренаж. Он неверящим взглядом уставился на изувеченные механические цветы, о которых заботился долгие годы. Несколько раз сжал и разжал кулаки, сделал глубокий вдох и лишь потом повернул голову в сторону дивной карусели. Понемногу в его глазах загорелось беспокойство.

— Нужен доктор! — громко и отдельно произнес он, свел брови и шагнул вперед. — Девушка ранена. Видите, у нее кровь на лице! Аннет, — позвал он и приблизился к карусели, стараясь не наступать на уродливые трещины в земле. — Вы можете идти? Позвольте, помогу вам спуститься и отведу к врачу. Господин Молинаро, кажется, в порядке? Ран на нем не видно.

— Я тоже в порядке. Не надо доктора, — отозвалась Аннет. Она отцепилась от Максимилиана, сбросила с плеча мешавшую сумочку, подошла к краю карусели, спрыгнула на мостовую и чуть не упала. Ноги задрожали, в голове приключилась свистопляска. Максимилиан спустился следом и придержал измученную искательницу приключений за локоть.

-- Господин Молинаро, я требую объяснений! – вскричал бургомистр Гильоше. Во вверенном ему городе творилось невообразимое, отчего градоначальник потерял свой непрошибаемый вид: бахромка волос у залысины встала дыбом, лицо побагровело. Из-за левого плеча градоначальника выглядывала тощая бургомистерша, из-за правого посверкивала любопытными глазенками Линда.

– Посмотрите, во что вы превратили центральную площадь города! – взревел Гильоше, потрясая кулаками. – Бардак! Катастрофа! Ущерб на сотни тысяч кронодоров!

– Тише, тише, Люсьен! – зашипела бургомистерша. – У тебя приключится изжога, если станешь волноваться. Подумаешь, площадь! Эти механические цветы мне никогда не нравились. Поставим вместо клумбы торговые палатки. Столичные господа за все заплатят. Только не продешевят.

– Катастрофа – не наша вина, – ответил Максимилиан, и, услышав его звучный голос, толпа притихла. – Мы нашли мастерскую Жакемара, но стали жертвой покушения.

Теперь механисбуржцы были само внимание. Аннет показалось, что от любопытства глаза зевак стали вдвое больше, а носы заострились. Стоявший неподалеку Эрми, журналист «Вестника оккультизма», мигом выудил из кармана пиджака блокнот и карандаш и бойко застрочил. Его черные усы подрагивали, словно он принюхивался к аромату великолепнейшей горячей сенсации.

Видимое спокойствие сохраняли лишь несколько человек. Ковыряющий землю носком ботинка шарманщик, полностью оправившийся от первого шока полицейский, внезапно побледневшая библиотекарьша, да городской механик, который, напротив, покрылся неровным румянцем.

– Вы... нашли... мастерскую Жакемара?! – проговорил Ангренаж запинаясь. – Как? Где? Это та самая карусель, которую он планировать соорудить на площади Роз, так? Невероятно! Как вы подняли ее на поверхность?

– Госпожа Вик сумела сделать это. Ей под силу управлять механизмами, даже теми, которые пришли в бездействие за сотни лет. Мы спаслись только благодаря сенситивному таланту Аннет. Но в подземелье мы были не одни. Нас преследовал враг, – Максимилиан сделал многозначительную паузу и веско добавил: – Кто-то из вас,

господа.

Публика молчала, оглушенная его последними словами, и изучала приезжего антиквара с робостью. Максимилиан растерял весь свой утренний шик. Брюки измятые и грязные, жилет остался в подzemелье, рубашка расстегнута, однако он выглядел уверенным и сильным, его голос был полон недоброй энергии, и его хотелось слушать и слушаться.

– Погодите, погодите! – опомнился и замахал руками Пендельфедер. – Прошу по порядку! Итак, вы нашли путь в мастерскую? Где? Как?

– Под статуей Органиста.

– И что там, в этой мастерской? Вы видели сокровища? – перебил его бургомистр.

– Да. Слитки, драгоценности, изделия Жакемара, чертежи. Золотого оракула.

– Врете, поди, – не поверила Луиза. – Потомки Жакемара, значит, искали-искали двести лет и ни беса не нашли, а вы только приехали, раз – и готово?

Люди принялись возбужденно переговариваться.

– Милый, – тонким голосом проговорила бургомистерша, обращаясь к мужу. – Посмотри, что это такое на шее у девчонки? Ожерелье в виде гроздей винограда! С фирменной жакемаровой подвеской в виде пчелы. Это не стекляшки, нет! Очень уж ярко блестят. Эти господа говорят правду. Ты должен немедленно распорядиться, чтобы...

– Сокровища нужно достать! – из толпы вынырнул Форс и деловито затараторил, сверкая зубами. – Я мигом пригоню технику и десяток-другой ребят. Патентованные насосы для откачивания воды, камнедробилки, крепеж... все организуем. Но мне нужна ваша подпись, бургомистр, чтобы получить полное право. Прошу, закончим эту сделку прямо сейчас, пока нас не опередили!

– Да погодите вы! – отмахнулся бургомистр. – Условия изменились. Мне нужно подумать, поразмышлять. Послушаем, что еще скажут эти господа.

– Боюсь, добраться до сокровищ будет непросто, – подала голос Аннет. – Часть пещеры обрушилась. Подземные воды затопили мастерскую. Виновник катастрофы сумел сбежать и подняться наверх

другим путем. Он теперь стоит среди вас.

Услышав эти слова, механисбуржцы перестали шуметь. Они начали недоуменно переглядываться и многозначительно поднимать брови. Некоторые открыто встревожились. Затесавшиеся в толпу чужаки-туристы смотрели на местных с жадным любопытством.

– Что вы такое опять несете! – возмутился Пендельфедер. – Почему вы стремитесь без конца обвинить горожан в нападениях на вашу драгоценную особу?

– Да кому ты сдалась, истеричка, – пробормотал Гильоше. Линда прыснула в ладошки.

– Потому что один из вас очень не хотел, чтобы я использовала свой талант хронолога и раскрыла махинации с наследием Жакемара. Когда преступник узнал о моих... других способностях, он решил воспользоваться ими, чтобы добраться до мастерской. А еще этот человек виновен в гибели доктора Вальвазора. Тело все еще лежит в подземном лабиринте. Один из вас, господа, не только мошенник, но и хладнокровный убийца.

Толпа ахнула.

– Я вас арестую за поклев, – пригрозил Пендельфедер и полез в кобуру.

– Я вам шею сверну, Пендельфедер, если приблизитесь к ней хоть на шаг, – пообещал Максимилиан.

– Угроза убийством полицейскому при исполнении, до трех лет каторжных работ, – буркнул толстяк и спрятался за Гильоше, потеснив бургомистрскую жену и дочь.

– Аннет, погодите, – встревожился Ангренаж. – Это серьезное обвинение. Вы многое пережили. Слушайте: навестим-ка доктора. Он вас осмотрит, даст успокоительное. Вы отдохнете, а потом изложите ваши соображения на бумаге, а Пендельфедер их изучит.

– Кузен дело предлагает, – подал голос полицейский из-за спины бургомистра.

– Не затыкайте ей рот! Пусть рассказывает! – азартно выкрикнул Эрми и его горячо поддержали туристы и местные молодые люди.

Аннет не знала, как поступить. Преступник стоял на расстоянии нескольких шагов от нее. Подлый и двуличный. Нет никаких доказательств его вины, одни домыслы, чушь, глупые фантазии! – шептали ей страх и неуверенность. Однако желание высказаться,

вытащить правду наружу разгоралось все сильнее. Аннет внезапно обнаружила в себе бездну упрямства. Она больше не боялась вступить в схватку, затеять бурный скандал и настоять на своем. И не важно, что за этим последует – победа или поражение.

Она обернулась и глянула на Максимилиана. Он смотрел на нее сосредоточенно и немного удивленно. А затем негромко поинтересовался:

– Ты уверена на все сто? Хочешь рассказать о своих выводах всем и прямо сейчас?

Она кивнула.

– Аннет, погоди. Подумай, к чему это может привести. Мне кажется, это не лучшее решение.

– Плевать. Пора с этим покончить. Надоело, что меня выставляют кругом виноватой дурушкой. И кто знает, что еще задумал преступник! Нужно задержать его, пока он не удрал. Ошеломить. Спутать планы. Выбить почву из-под ног.

Максимилиан с сомнением покачал головой, но потом едва заметно улыбнулся и посмотрел на нее своим особенным пронзительным взглядом, который обладал силой вызывать у нее уверенность.

– Хорошо. Давай. Ваш выход, храбрая госпожа Вик, Публика ждет.

Аннет повернулась к толпе и решительно заговорила.

– Все началось в день, когда мы отбыли из столицы. На дирижабле на меня напал ваш земляк Швиц и хотел выбросить за борт. Тогда я сочла это несчастным случаем, и лишь вчера из уст самого Швица узнала о том, что некий заказчик поручил ему задержать или убрать хронолога, который должен прибыть из столицы для проведения экспертизы перед продажей автомата «Лазурный поэт». Предыдущий хронолог фирмы, господин Вальвазор, пропал в Механисбурге без вести, когда наведалься сюда, чтобы исследовать Поэта по собственному желанию.

– Швиц? – с недоумением переспросил из толпы господин Туррель, управляющий «Заводного купидона». – О-ла-ла, госпожа Вик, умоляю, пересмотрите свою точку зрения! Не будем отрицать, Швиц – пакостник известный. Но все, на что он способен — это приторговывать контрабандой, впаривать туристам фальшивые хронометры и декламировать дурные стишки в кабаке после пары кружек нефильтрованного. Давно бы сидеть ему в тюрьме за мелкое

мошенничество, кабы не его дружок-бургомистр.

– Я вас попрошу! – рявкнул бургомистр. Управляющий невозмутимо продолжил:

– Но убийство? Нет, нет, и нет. Швиц никогда раньше этим не занимался!

– Все бывает в первый раз, господин Туррель, – развела руками Аннет. – Жажда денег заставила вашего любителя поэзии согласиться на убийство. Он сам признался.

– В стихах, поди, признался? – саркастически спросил Пендельфедер. По толпе пробежал жиденький смешок. – «Тебя убить я захотел, но оплошал и в лужу сел?»

– Кажется, вы мне не верите, – растерялась Аннет.

– Не верим, – отрезал полицейский.

– Отнюдь! Мы просто недоумеваем! – поспешно возразил Ангренаж.

Аннет сердито глянула на близстоящих горожан. Те поскуchnели и отвели глаза.

Внезапно она дрогнула и оробела.

Это как в театре, попробовала приободрить себя.

Вот актриса. Она стоит на сцене и играет роль хитроумной Шейлы Фукс, сыщицы с улицы Пекарей. Ничего особенного. Не самая сложная роль. Знай себе, прищуривай глаза многозначительно и завершай каждую реплику словами: «Банально, друг мой!» Публика должна поверить в созданный образ.

Нет! Ей куда сложнее. Сыщица Шейла Фукс разоблачала преступников в тесном кругу. Где-нибудь в загородном поместье, перед уютно горящим камином, одетая с иголки и причесанная как на бал. А тут приходится выступать перед целым городом, и все смотрят на тебя, а одежда у тебя сырая и порванная, на лице грязь, и даже помады на губах нет!

В театре проще. На сцене ты отделена от публики. Они там, в темноте: прислушиваются к каждому твоему слову, затаив дыхание. Ты чувствуешь их поддержку, она дает тебе силы, и ты будто паришь. Здесь же сотни глаз смотрят на тебя недобро, насмешливо... того и гляди, полетят гнилые помидоры. Ишь, думают, чужачка, столичная штучка, приехала совать нос в наши тайны!

А один зритель не просто недоброжелатель. Он враг. Пока он не

принимает ее всерьез, но начинает беспокоиться.

За спиной сердито кашлянул Максимилиан. Аннет пришла в себя и подобралась.

– Ладно, – сказала она твердо. – Слушайте дальше. Я расскажу все, что случилось, и к каким выводам я пришла, а дальше разбирайтесь сами.

Итак, я впервые приехала в ваш город и узнала о наследии мастера Жакемара. Он называл своих кукол «сундучками с сокровищами». Никто не знает их подлинной ценности. Предполагалось, что автоматы скрывают куда больше, чем видно на первый взгляд. При изготовлении механической начинки мастер использовал драгоценные камни и металлы. Чтобы убедиться в этом, куклу следовало разобрать, но сделать это означало уничтожить сложнейший механизм. Здесь мог помочь репликатор. Репликаторы умеют видеть схему первоначального замысла создателя механизма, определять материал... Однако найти репликатора непросто. В королевстве всего десять... одиннадцать известных репликаторов. Все служат в военных и промышленных ведомствах. И уж конечно, у них есть дела поинтереснее, чем копаться во внутренностях старых кукол. Поэтому автоматы Жакемара продолжали хранить свои тайны.

Желающих приобрести автоматы было мало. Фирма Молинаро согласилась купить Лазурного поэта, но сумма была явно занижена, – Аннет повернулась и с упреком глянула на Максимилиана. Тот пожал плечами: «Бизнес есть бизнес».

– По условиям завещания, продать кукол мастера можно только с согласия всех наследников и бургомистра. Вырученная сумма делится поровну между всеми. Кроме фирмы Молинаро сделка не приносила ощутимой выгоды ни одному заинтересованному лицу.

– Нам это прекрасно известно, – нетерпеливо сказал бургомистр. – Хватит излагать прописные истины. Давайте лучше решим, что нам...

Аннет повысила голос.

– Во время проведения экспертизы некто, владеющий даром глушителя, попытался подавить мой дар. Этим «некто» мог быть лишь кто-то из присутствующих, а именно: бургомистр Гильоше, полицейский Пендельфедер, мастер Ангренаж, госпожа Соннери либо Петр Колезвар.

– Глушитель? – вскричал полицейский. – Незарегистрированный?

Один из нас? Что за чушь!

– Необязательно один из нас, – с подленькой усмешкой произнес бургомистр. – Вы забыли упомянуть господина антиквара. Кто знает, что за мошенничество он затеял у себя в фирме?

– Вам очень не хотелось продавать Поэта, не так ли, бургомистр? – ласково спросил Максимилиан.

– На что вы намекаете? – рявкнул Гильоше. Его свиные глазки забегали влево-вправо.

– Скоро узнаете, – улыбнулась Аннет. – Итак, во время экспертизы я увидела кое-что любопытное. Признаюсь, я не очень хороший хронолог. И я неумелый репликатор. Я не умею отделять один талант от другого, и во время экспертизы я призвала оба.

– Репликатор? – ахнула Линда и возмущенно добавила: – Чушь! Женщины не бывают репликаторами!

Петр и Луиза переглянулись и усмехнулись.

– Ух ты! – удивился полицейский. Ангренаж смотрел на Аннет со смесью восхищения и ужаса.

– Несмотря на усилия глушителя, я увидела, что как хронологическая, так и энергетическая схема автомата нарушены. Кто-то возился в его внутренностях. Кто-то заменил часть деталей автомата на другие, изготовленные в наше время. Скорее всего, заменил драгоценные камни фальшивыми. Этот кто-то – очень искусный механик, раз сумел обойти защиту, которую установил Жакемар.

– Ну, известно, кто у нас самый искусный механик, – простодушно сказал стоявший слева погонщик ослов, старый знакомый Аннет. – Мастер Ангренаж, само собой.

Сопровождающий погонщика Леденец согласно мотнул мохнатыми ушами.

– Не скажи, не скажи, – подкрутил ус владелец ресторана «У Часовой Башни». – Петр ничуть не хуже. И Луиза. У Пендельфедера руки тоже из правильного места растут. Помните его самоходный сорнякоудалитель? Хоть сейчас на Всемирную выставку!

– А бургомистр отлично разбирается в механизмах часов, – заметил Карл с кривой усмешкой.

– Оставьте ваши подлые инсинуации, Ангренаж, – насупился бургомистр. – У меня только и хватит умения, что заднюю крышку

снять.

С любопытством послушав, как горожане перебрасываются обвинительными предположениями, Аннет продолжила:

– В тот же вечер на меня было совершено второе покушение. Кто-то проник в мой номер, подбросил розу и настроил заводного купидона так, чтобы он проткнул меня стрелой, как только я взяла цветок.

– Да-да, было дело! – обрадовался господин Туррель из «Заводного купидона», как будто вовсе не он уверял Аннет несколько дней назад в том, что она стала жертвой собственной глупости.

– В тот же вечер мы с господином Молинаро исследовали Лазурного поэта и заставили его «разговориться». Нам удалось запустить секретный механизм, и тогда Поэт открыл нам тайну...

Аннет сделала драматическую паузу. Горожане затаили дыхание, глаза загорелись любопытством даже у самых недоверчивых.

– Он начертил на бумаге таинственную схему.

Аннет достала из сумочки изрядно потрепанный листок и жестом фокусника продемонстрировала его толпе. Толпа разом выдохнула и зашумела. Все четверо наследников Жакемара уставились на листок как замороженные.

– На следующий день на меня напали в театре. Преступник – человек, скрывающийся под черным плащом и шляпой, – уготовил мне страшную смерть под пилой автоматона! Признаюсь, был момент, когда я уверилась, что Черный человек и сам автоматон! Он так странно двигался и поскрипывал...

Аннет попробовала изобразить, как именно двигался Черный человек: прошлась на негибających ногах туда-сюда, наклонила голову, грозно пошевелила руками. Самые юные зрители взвизгнули от восторга, остальные смотрели скептически.

– В следующий раз меня заперли на Корабле-в-бутылке и хотели утопить. Каждое нападение напоминало театрализованную постановку с участием жакемаровых заводных кукол. Это было крайне странно!

Аннет обвела толпу горящим взглядом и громко спросила:

– Почему таинственный преступник пытался расправиться со мной такими удивительными способами? Ответа на этот вопрос у меня до сих пор нет. Как он умудрился проникнуть в мой номер незамеченным? А вот это мне стало ясно. Он использовал систему каминных ходов, которую соорудил мастер Жакемар и очень умело скрыл. Но есть люди,

которые разузнали о ней и досконально изучили.

– Да, были слухи о тайных ходах, были, – подтвердил дюжий владелец лодочной станции, похожий на боцмана в отставке. – Еще мой дед рассказывал. Не зря в завещании Жакемар строго-настрого запретил ремонтировать дома – те, что он сам спроектировал и построил. Не хотел, видать, шпенек старый, чтобы его секрет даже после его смерти всплыл, шестеренку ему в глотку!

– Тайные проходы в каминах? Ну, дела! Это что же, значит, ваш преступник мог забраться в любой дом и прирезать нас всех ночью в постели? – добродушно возмутился господин Прюк, медиум, и всплеснул руками.

– Преступник не наш, а ваш, – уточнил Максимилиан с недоброй усмешкой. – Один из жителей города. Тот, с кем вы здороваетесь каждый день. К кому вы ходите в гости. И который ни во что не ставит ни родной город, ни его историю.

– Да кто же это? Один из наследников Жакемара, разумеется? – спросил Эрми и в нетерпении закусил карандаш белыми зубами. – Не томите, госпожа Вик, дальше, дальше, умоляю!

Глава 28 Наследники мастера

Аннет подходила к самой сложной части рассказа и здорово волновалась. Она облизала пересохшие губы, поправила челку — слипшиеся в сосульки волосы лезли в глаза и мешали.

– Под подозрением были все, кто присутствовал на экспертизе Лазурного поэта, – произнесла она решительно. – Начнем с шарманщика Петра Колезвара. Его не было в театре в момент, когда на меня напали за кулисами. Предположительно, он удрал в город, но как знать, не вернулся ли он в «Мимезис» тайным ходом?

Петр слушал внимательно, а в ответ на риторический вопрос Аннет одобритительно кивнул. Что было у него на уме – понять невозможно.

— Это накануне грозы? Помню, чудный выдался денек, — хмыкнул владелец ресторана. — После представления Петр надрался так, что повздорил с лодочником, а затем свалился в городской фонтан. Вряд ли успел бы до этого сыграть роль Черного человека.

– Скоро сюда прибудет агент Биркентон, он проследит передвижения Петра по минутам, если потребуется, – пообещал Максимилиан.

— Петр вызывал подозрения еще по ряду причин, – подхватила

нить Аннет. — Я видела, как он словно ниоткуда появился в гостиной дома Ангренажа со странным свертком в руках. Я проследила за ним до Живого лабиринта, где у него была назначена встреча. Полагаю, Петру прекрасно известна система тайных ходов. Именно из него он пробрался в гостиную механика. А в лабиринте он встречался с госпожой Соннери. По-видимому, они договаривались о своем маленьком предприятии в заброшенной лечебнице и проверяли маскарадный костюм Железнорукого...

— Подлецы, мошенники! — прорычал из толпы Вальдемар Кроули, бакалейщик и охотник за привидениями. Его глаза горели благородной яростью, солнечный свет блестел на лысине подобно нимбу.

Петр поглубже нахлобучил шляпу. Лицо его было виноватым, но глаза смеялись. Луиза, подбоченилась и насупилась так грозно, что ее соседи отошли в сторону на полшага.

— Костюм Железнорукого включал ходули и приспособления наподобие внешнего скелета, -- продолжала Аннет. — Под плащом Черного человека наверняка скрывались похожие устройства, которые делали его выше и сильнее. Поэтому такие признаки, как рост и стать, совершенно бесполезны. В любом случае, Петр стал первым подозреваемым.

Вторым стала, разумеется, госпожа Соннери...

Луиза вздрогнула и выпрямилась.

— Во время городского праздника Луиза заманила меня на аттракцион и всучила ключ. Вела себя при этом крайне странно. Однако позднее я сняла с нее часть вины, когда поняла причину ее необычного поведения. Итак, Луиза постоянно пьет успокоительные капли, и она очень хотела получить «Книгу сладких сновидений»...

— И что с того? — резко произнесла Луиза. Аннет глянула ей в лицо и осеклась. У Луизы жалко задрожали губы, а взгляд стал затравленный.

— У госпожи Соннери... некоторые проблемы с нервной системой, — скомканно закончила Аннет, не желая публично раскрывать тайну библиотечарши. — Знаете, бывает такое, когда очень много работаешь и переутомляешься. Расстройство сна, рассеянность, спутанное сознание... Так или иначе, я считаю, что госпожа Соннери напрямую не виновата в моих несчастьях. Черным человеком в парке была не она. Она ушла домой и легла спать. Давайте я лучше расскажу вам о...

— Раз уж взялись разоблачать — разоблачайте до конца.

Выкладывайте, в чем дело с нашей Ведьм... кхм, госпожой Соннери, – потребовала бургомистерша.

– Да ладно! – махнула рукой девушка-мороженщица. – Всем эта тайна прекрасно известна, кроме вас, госпожа Гильоше. Ну, вам всегда было наплевать на жителей города. Вы же у нас дама утонченная, фу-ты ну-ты, не то, что мы.

Луиза посерела и бросила на мороженщицу ледяной взгляд.

– Нет никакой тайны. Я в порядке, слышите?! – прорычала она басом.

– Не волнуйся, Луиза, – успокаивающе сказал управляющий гостиницей. – Мы все прекрасно знаем, что ты лунатик. Как и твой предок Жакемар. В полнолуние бродишь по городу, как привидение. Бывает, вытворяешь такое... в прошлом месяце я снял тебя с крыши булочной. А зимой ты забралась в лодочный сарай, уселась в прогулочный баркас и махала веслами. Иногда разговариваешь, как нормальная, а утром ничего не помнишь. Но мы тебя Ведьмой не за это прозвали. Ты ж не виновата в своем недуге. Мы тебя опасаемся потому, что у тебя язык словно поганое помело, а не потому, что ты во сне фортели выкидываешь. Не бойся, в обиду тебя не дадим. Нет, госпожа Вик, наша Луиза не преступница. Она хоть и выглядит как молотобоец, и ругается как капрал, на деле и мухи не обидит.

Толпа одобрительно зашумела.

Луиза хлюпнула носом, но тут же взяла себя в руки и пробормотала:

– Катись ты к дьяволу, Туррель, со своими комплиментами.

Потом обвела толпу беспомощным взглядом и спросила:

– Так вы все знали?

– Да, голубушка, – участливо пророкотал господин Прюк. – Мы видели, что ваш недуг вас сильно огорчает, и делали вид, что все в порядке. Вы боялись, что мы на вас ополчимся, верно? Что за чепуха, право слово! Теперь вы съездите в столицу, понаблюдаетесь у докторов, вам пропишут хорошие снотворные и успокоительные...

– На какие шиши, интересно, – опять взъерепенилась Луиза.

К библиотekarше подошел Форс, ласково придержал ее под локоть и погладил запястье. Луиза уставилась на него, как на лягушонка, который возомнил себя крокодилом – со смесью брезгливости и удивления.

– Госпожа Вик, прошу, продолжайте, – грозно призвал Эрми и помахал растопыренной пятерней, привлекая внимание. – Мы ждем дальнейших разоблачений. Я уже придумал название статьи! «Маньяки Механисбурга», как вам? Живо рассказывайте, что же случилось дальше!

– Дальше я решила провести повторную хронограмму. Я тайком пробралась в музей...

– Взломщица! – сдавленно ахнул Пендельфедер.

– ... и убедилась, что некто порылся и во внутренностях автоматона под названием «Принцесса с колокольчиками». Напомню, что мастер Жакемар любил использовать нефункциональные часовые камни. Он пихал их внутрь своих изделий... просто так, потому что мог. Я подозреваю, что таким образом он дразнил своих наследников и всех грядущих потомков. Они знали о его богатстве, но добраться до него не могли, как не могли найти вход в мастерскую. Но все же не менее искусный мастер сумел открыть его «сундучки с сокровищами» и тайно обогатиться.

Полагаю, извлечь камни было непросто. Для этого нужно было время и отсутствие свидетелей. Злоумышленник пробирался в музей по ночам. Либо имел возможность возиться с ними беспрепятственно и не вызывая подозрений. Сколько автоматов лишились своей драгоценной начинки? Все или лишь некоторые?

И вот, позавчера утром я наткнулась на книгу, спрятанную под скамейкой в Живом лабиринте. А в книге я нашла интересный список... перечень автоматов. Кто его туда положил? Зачем составил? Два автоматона из списка – Лазурный поэт и Принцесса – несомненно пострадали от действий мошенника.

При этих словах бургомистра перекошило. Аннет даже стало страшно за его здоровье. Впрочем, больным он не выглядел, лишь до крайности взбешенным.

– На книге был указан последний читатель – Л. Гильоше. Разумеется, я решила, что Линда прихватила первый попавшийся листок со стола отца, чтобы сделать закладку. Сегодня утром я видела послание от бургомистра. Он передал его Пендельфедеру, требуя, чтобы меня задержали в участке и затем оштрафовали. Итак, я убедилась, что почерк принадлежал бургомистру и список был составлен его рукой. Более того...

Аннет злорадно усмехнулась.

– Думаю, что и книгу читала не Линда, а бургомистр. Жена только что назвала вас по имени. Вас зовут Люсьен. Книгу «Маркиза демонов» взял бургомистр Л. Гильоше. Достопочтенный бургомистр – кремень-мужчина, поэтому предпочитает скрывать свое постыдное увлечение низкопробными эротическими романами... наслаждается ими в укромной беседке и там же прячет. Вот такой вот у него маленький секрет. А какой же его большой секрет?

Этот список может не значить абсолютно ничего, но может оказаться важной уликой. Как бы то ни было, я считаю, что бургомистр вовлечен в махинации с автоматами. У него есть сообщник. Вместе с вашим подельником вы потрошите кукол, господин Гильоше? А потом вы что-то не поделили, и он решил вас убить, сломав дорогу, а заодно не выпустить нас из города?

Мясистое лицо бургомистра налилось кровью.

– Это возмутительно! – взорвался он, брызгая слюной и потрясая кулаками. – Я вынужден стоять тут и выслушивать голословные обвинения какой-то ... какой-то пустозвонки, столичной прохвостки! Я, который столько лет служил на благо города! Да, – бургомистр обвел площадь вызывающим взглядом. – Я беру эту возмутительную чепуху в библиотеке. И читаю ее! Зачем? Чтобы лучше понять свою дочь, найти с ней общий язык! Я боюсь, как бы она не стала такой, как эта... – он брезгливо ткнул пальцем в Аннет. – Никакого уважения к устоям! Нарушение всех норм! Попрание любой морали! Вы как героиня этих... синематографических постановок, этих книжонок! Никого не боится! Работает наравне с мужчинами! Носит... вы только посмотрите, что она носит! Ведет себя как распутница! Дурно влияет на мою дочь!

– Распутница? Да что вы такое говорите! – с нервным смешком вымолвила Аннет и покосилась на Линду, которая приняла преувеличенно скромный вид. Минуту назад она глазами поедала обнаженную грудь Максимилиана, который в своей лихо распахнутой рубашке словно выскочил из кадра приключенческого фильма про авантюриста-археолога Монтану Смита.

Бургомистр замолчал, чтобы перевести дух. Он весь вспотел от возмущения. Жена заботливо помахала ему на затылок веером. Гильоше шикнул на нее и продолжил, рубя воздух стальной ладонью.

– Да, я составил этот список. Но я понятия не имел, что с этими

куклами что-то не так! Я из кожи вон лезу, чтобы пополнить городскую казну. Продажа наследия Жакемара – один из способов получить хоть какие-то деньги. Но попробуй-ка поладить с этими упертыми наследниками! Нужно получить согласие их всех, чтобы сплавить антикварам самую захудалую куклу! Пендельфедер любит пастушку, Петр ведет беседы с попугаем, а Ангренаж вообще всех кукол готов целовать и класть с собой в постель. Еле-еле уговорил продать Поэта. С обещанием, что он перейдет в частные руки и не будет выставлен на аукционе. Чем-то наследникам фирма Молинаро приглянулась. Я вел с другими антикварами переговоры о продаже остальных автоматов из списка, только и всего.

– За нашей спиной? – возмутился Ангренаж.

– Да, за вашей. Это не запрещено условиями завещания.

– Послушать вас, так вы само благородство и спаситель города, – саркастически заметила Луиза. – А между тем я просмотрела этот список и припомнила, что двух упомянутых там автоматов – заводного жука-носорога и обезьянку – я давненько не видела в запасниках. Надо проверить, там ли они еще. Сдается, вы сплавите их втихую через вашего посредника Швица. Потом, поди, рассчитывали инсценировать ограбление?

– Мы это расследуем, – успокоил Луизу Максимилиан. – Не беспокойтесь, господин Гильоше. Вы должны быть рады возможности обелить ваше имя. Если вы ни в чем не виноваты, мои агенты это подтвердят. Госпожа Вик публично принесет извинения, и мы с радостью возместим вам ущерб за клевету! В противном же случае...

Секунду назад бургомистр был красен лицом, но тут враз побледнел, и весьма сердито, но не очень внятно, прорычал: «Пустяки, я не в обиде... зачем столько беспокойства уважаемому господину Молинаро? ... найдутся куклы, куда денутся... сейчас другое важнее... мастерская... »

Аннет смутилась. Он действительно могла ошибаться насчет бургомистра. Однако ее уверенность в отношении другого человека лишь росла.

– Так, вы меня совсем запутали, – громогласно пожаловался Эрми и сердито дернул себя за ус. – Бургомистр мелкий жулик. Это мы поняли. Но убийца не он, так? Не он послал к вам Черного человека? Кто же?

– Я продолжу, с вашего разрешения, – негромко сказала Аннет. Ее

душевный подъем начал падать, накатила усталость.

Солнце нещадно жарило, с озера веял приятный ветерок, и Аннет очень хотелось туда – к блестящей прохладной глади. Сидеть бы за столиком, в нарядном белом платье, любоваться на разноцветные лодки и зеленые горы, да пить кофе с хрустящими вафлями! И чтобы Максимилиан сидел рядом и рассказывал веселое.

Она тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Во рту вновь ощутился вкус крови и серы, а перед глазами вновь предстала пыльная, израненная площадь и сотни настороженных лиц.

– Вчера Швиц проник в гостиничный номер через каминный ход, одурманил меня и притащил в подвал в лечебнице, – продолжила Аннет твердым голосом. – Тот, кто заказал похищение, больше не желал моей гибели. Он узнал, что я репликатор. Когда я попала в ловушку на Корабле-в-бутылке, я ухитрилась создать реплику лестницы и выбраться наружу.

Эрми уважительно присвистнул, а Ангренаж тяжело вздохнул.

– Тебе немало пришлось повозиться с каравеллой, – сочувственно заметил Пендельфедер, повернувшись к механику. – А ты еще не верил, что это она нахулиганила!

– Преступник в облике Черного человека наблюдал за мной. Когда я избежала очередной красочной гибели, которую он уготовил мне в искусственном море, он понял, что может использовать мой талант, чтобы найти вход в мастерскую Жакемара. Исследовать механизмы либо создать реплику ключа-брелока. Однако мне удалось ускользнуть от Швица. Я провела весьма плодотворную ночь в лечебнице. Разоблачила призрака...

Вальдемар одобрительно крикнул, а Петр опять потупился.

– ... сломала стену...

– Вы за это ответите, – пробормотал бургомистр.

– ... и получила механическое сердце, которое открыло нам доступ к мастерской.

Аннет коротко рассказала о том, как ей удалось найти ход под Органистом и попасть в лабиринт, а оттуда – в мастерскую. Публика едва не прыгала на месте от восхищения. Все слушали ее рассказ с открытыми ртами.

– В лабиринте мы наткнулись на тело доктора Вальвазора. Кто-то заманил его в лабиринт – один из жителей, хорошо знающий секрет

тайных ходов – и хитроумно убил. Я поняла, как он это сделал, – пояснила Аннет, поворачиваясь к Максимилиану. – Лицо доктора было искаженным и распухшим. Мы подобрали странный осколок из толстого зеленоватого стекла, слегка выгнутый. И тут я кое-что вспомнила...

Аннет замолчала и перевела дух, готовясь сказать главные слова и достойно встретить все, что за этим последует.

Толпа зашумела.

– Осколок. Толстый, зеленоватый, слегка выгнутый... – как зачарованный повторил Ангренаж, затем явственно вздрогнул и запинаясь произнес: – Понял. Вы вспомнили мой рассказ про часы бургомистра, которые он разбил неизвестно где. С толстым, слегка выгнутым стеклом на циферблате.

Он в ужасе перевел взгляд на Гильоше. Тот опять сменил расцветку щек на багровую и принялся по-сомьи открывать рот.

– Нет, Карл, – печально произнесла Аннет. – Я вспомнила ваших пчел.

Ангренаж так изумился, что несколько секунд лишь хлопал глазами. Он несколько раз пробовал заговорить, но из его рта вылетал лишь жужжащий звук, как будто он сам обратился в насекомое.

– Причем здесь мои пчелы, позвольте поинтересоваться? – растерянно спросил он.

– У доктора Вальвазора была сильная аллергия на ряд продуктов. И на пчелиный яд. Вам это было известно. Вы заманили его в лабиринт. Вы принесли с собой пчелу в колбе из толстого зеленоватого стекла. Я видела такую в вашей лаборатории. Затем вы сделали так, чтобы пчела ужалила доктора. С ним приключился шок, и он умер. Я почувствовала неладное еще в тот момент, когда вы упомянули, что доктор любил ваш мед. Дело в том, что из-за своей аллергии он никогда не ел сладкого, и тем более меда. Полагаю, когда вы упомянули о пристрастии Вальвазора к вашему меду, вы сыронизировали. А еще шутить со мной вздумали... про кровавые подношения куклам. Только, сдается, не шутки это были вовсе.

– Оооо! – только и выговорил Ангренаж, облизал губы и растерянно провел рукой по голове, приглаживая волосы привычным жестом. Затем он огляделся, вернул взгляд на Аннет. На его лице была горькая обида и разочарование.

– Вы ошибаетесь, дорогая, – сказал он мягко. – У вас богатая фантазия, но это... это слишком. Зачем мне убивать его? Мы были едва знакомы.

– Вы потрошили кукол вашего предка. Извлекали драгоценные камни и заменяли их подделками. Обнаружить это не мог никто, кроме хронолога, репликатора или еще более искусного механика, чем вы. Полагаю, вы занимались этим давно. Вероятно, сколотили неплохое состояние. В вашем доме хранятся рекламные проспекты. Собирались уехать из этого города, так? Купить домик на островах, где вас бы не достало правосудие. У вас был сообщник, который помогал вам сбывать камни. Доктор Вальвазор, так? Он не был честным человеком. Обкрадывал фирму Молинаро. Возможно, вы сотрудничали с ним, а затем поссорились. Он пригрозил разоблачением, и вы его убили. Это лишь догадки, разумеется. Возможно, доктор не был в курсе ваших махинаций, а когда узнал о них, используя талант хронолога или биогноста, подписал себе смертный приговор.

Затем приехала я и поставила ваш план под угрозу. Сначала вы поручили Швицу убрать меня. Интересно, как вы узнали о моем приезде? У вас был осведомитель в конторе? Тот, кто помогал вам –и, возможно, Вальвазору – сбывать драгоценные камни, извлеченные из автоматов? Итак, Швиц оплошал. Я приехала. Вы перепугались и пытались обезвредить меня во время экспертизы. У вас есть талант глушителя.

– Нет у меня никакого таланта глушителя! – впервые по-настоящему рассердился Ангренаж и гнев его выглядел подлинным. – Что за бред!

– Когда вы поняли, что в музее я увидела тайну Поэта, то решили убить меня. Пробрались в мой номер через каминный ход. Соседи подтвердили, что вы носа из дома не высывали, в то время как остальные подозреваемые были на виду. Вы завели ловушку и с присущим вам артистизмом подложили розу в качестве приманки. Я чудом избежала гибели.

Следующую попытку вы предприняли в театре. Переоделись в костюм Черного человека и напали на меня. О, это гениально! Вы создали себе нечто вроде внешнего скелета, который исправляет ваши физические недостатки и делает вас выше и сильнее! Самое забавное, что вы даже плащ не передевали. Этот плащ, что сейчас на вас,

Ангренаж, отлично удлиняется. Видите, как топорщатся складки лишней ткани у коленей и торчат нитки? Думаю, стоит за них потянуть, как плащ делается длиннее.

Ангренаж судорожно сжал в кулаке полу плаща, словно ожидая, что его сейчас сорвут с его кривых плеч.

– И опять я избежала гибели. Благодаря своему таланту репликатора, а может, благодаря халатности Петра, который не смазал Пильщика. Следующий раз вы загнали меня на каравеллу и попытались утопить. Зрелищно, ничего не скажешь! Любопытно, почему вы каждый раз организовывали такой спектакль, вместо того, чтобы просто отравить меня... или задушить... или...

Аннет содрогнулась, отметив, как с внешностью Карла стали происходить кое-какие изменения. Губы механика исказила дерзкая усмешка. В глазах появился нагловатый блеск, как у бузотеров, что крутятся подле столичных кабаков ближе к полуночи. И даже осанка его изменилась: он выпрямился, угрожающе склонил голову набок, а одну руку небрежно сунул в карман плаща.

– Узнав о моем таланте, вы приказали привести меня в лечебницу, чтобы принудить помочь. Полагаю, потом бы вы меня убили. Однако и здесь мне повезло, а ваш план потерпел неудачу.

И вот, на следующий день, нам удалось найти вход в лабиринт. Вы шли следом. Решили посмотреть, сумеем ли мы войти в мастерскую, которая была для вас закрыта. Этот код Жакемара оказался вам не по зубам. Но мы прошли и обезвредили все ловушки, а когда попали в мастерскую и легкомысленно забрались на карусель, вы вознамерились избавиться от нас раз и навсегда.

Пока мы сражались за свою жизнь, вы поднялись по шахтам вверх. Из мастерской есть несколько выходов, ранее вам их обнаружить не удавалось, так? Интересно, как вы наткнулись на лабиринт? Вы упоминали, что приглашали лозоходца. Это он вам помог? Что вы потом с ним сделали? Тоже убили?

Ангренаж сделал неопределенный жест и фыркнул.

– В тот момент, когда вы взбирались вверх, вам пришлось избавиться от ног-ходулей. Иначе вам было неудобно... они похожи на те, что использует Петр в костюме Железнорукого, но немного другие. Похожи на колодки с ремнями. Я узнала их, когда увидела. Они лежали в прихожей вашего дома. Как неосмотрительно было с вашей стороны

оставить их там!

Аннет поцокала языком и покачала головой.

– Я не в обиде на вас, дорогая, – кротко сказал Карл, продолжая недобро усмехаться. – Вы сделали интересные выводы. Все очень стройно, красиво и чрезвычайно глупо. Вашим Черным человеком и тайным врагом был не я. Еще один наследник Жакемара мог взять колбу с пчелой в моей лаборатории, чтобы убить Вальвазора. Это его колодки лежали в моей прихожей. Неудивительно: ведь он живет в моем доме. Я о Петре, если вы не догадались. Наш провидец зарабатывает не только тем, что мучит туристов днем своей шарманкой, а ночью пугает их в виде призрака.

Петр впервые подал голос. Он высказался очень коротко и очень энергично, пожелав кузену отправиться в место, где тому будет темно, мерзко и уныло.

Пока смущенная Аннет мучительно размышляла, лихорадочно выстраивала схему, проверяя, могло ли его утверждение быть правдой, Пендельфедер обиженно хрюкнул и сказал:

– Эээ, нет, кузен, не пойдет. Пока эти господа гуляли по лабиринту, мы все присутствовали на собрании по поводу аренды городских земель. Петр заявился туда – хоть и с опозданием – и мирно проспал в углу до самого конца. А вот ты... ты появился в самом начале, выступил с пламенной речью, заклеил бургомистра хапугой, а Форса – акулой, а затем втихую улизнул и не вернулся.

Пендельфедер вытер лоб платком и плаксиво сморщился.

– Все это безосновательные домыслы, – отрезал Ангренаж. – У вас нет никаких доказательств! Я глубоко потрясен. Мне казалось, Аннет, что между нами установилось некое взаимопонимание, нас связали симпатические нити... между нами много общего, хотя вы этого и не видите. И вот вы решили, что...

Он махнул рукой и картинно отвернулся.

– Доказательств достаточно, чтобы выписать ордер на задержание или домашний арест для проведения предварительного следствия. Пендельфедер, займитесь этим, – заговорил Максимилиан голосом сержанта, отдающего приказы новобранцам. – Вот-вот в город прибудет агент Биркентон. Он привезет с собой некрогноста. Знаете, кто это? Сенситивы с редким талантом видеть последние минуты жизни человека. Их показания не учитываются в суде, но могут дать толчок

следствию и помочь собрать нужные доказательства. Он «побеседует» с трупом Вальвазора. Уже завтра правда раскроется.

Пендельфедер потоптался на месте, развел руками и произнес:

– Прости, кузен, ничего не попишешь. Сдается, ты зашел слишком далеко. Давненько напрашивался на такой исход, откровенно говоря. Говорил я тебе... эх! Ладно, пойдем-ка в кутузку.

Но не успел он сделать и шага, как Ангренаж произнес:

– О нет, дорогой мой Ромуальд, не сегодня!

«Надо же, полицейского зовут Ромуальд!» – только и успела подумать Аннет, как события принялись разворачиваться с ошеломительной быстротой.

Ангренаж прыгнул вперед – его плащ мелькнул, как черная молния. Миг – и жесткие пальцы больно впились в горло Аннет, затем ее развернуло и прижало к твердой груди механика.

Она тщетно царапала его кисть, пытаясь освободиться: он легко сжал ее горло, и она перестала сопротивляться, чтобы сохранить возможность дышать.

– Ни шагу или ей конец! – сказал механик игривым тоном.

– Отпустите ее, Карл, – спокойно попросил Максимилиан, однако его глаза сузились и сверкали холодной яростью. – Что за глупости? Право дело, не стоит так себя вести. Прятаться за девушкой... давайте поговорим лицом-к-лицу, как подобает мужчинам. Уверен, мы придем к компромиссу.

– Нетушки! – весело ответил Карл. – Стоит мне отпустить ее, как вы используете свой талант сенситива. О, я о нем знаю, мой любезный трижды одаренный господин! Обо всех трех знаю! Наивная милашка Ванесса из вашей конторы и дурак Вальвазор мне много чего рассказали!

Максимилиан укоризненно покачал головой.

– Что мне мешает использовать мой талант сейчас? – мягко сказал он, и в тот же миг Карл издал сдавленный звук, часто задышал, а потом в руке механика, как по волшебству, появилось длинное тонкое лезвие. Под подбородком у Аннет царапнуло холодным.

– Бросьте ваши штучки, любезный! – прохрипел Карл, втягивая воздух со свистом. – Или я пущу ей кровь! Луиза! Помоги! Подави антиквара. Пусть не мешает.

– Нет, – ответила Луиза угрюмо. – С меня хватит. Катись к дьяволу,

Карл, со своими махинациями. Больше ты от меня помощи не дождешься.

– Луиза? – удивленно переспросил Эрми. – Что значит – подави антиквара?

– Эй! – очень грозно произнес Форс и сделал шаг вперед, как бы желая закрыть библиотекаря хилой грудью.

– Я тебя сдам, Луиза! – пригрозил Карл.

– Одна моя тайна уже всем известна, пусть и о второй узнают. Семь бед один ответ.

– Как скажешь, – вздохнул Ангренаж и пояснил в толпу: – Это Луиза у нас незарегистрированный глушитель. Она, голубушка, мне во всем помогала, лишь бы я ее тайну не рассказал. Видите ли, за лунатизм у нас не наказывают, а вот за сокрытие такого дара не поздоровится. Давай, Ромуальд, арестуй ее, раз уж со мной не вышло. А вы, господин антиквар, больше не огорчайте меня, пожалуйста. Видите, где мой нож? И видите ли вы, как дрожит госпожа Вик?

– Прострелите ему коленную чашечку, офицер! – азартно предложил Эрми и потеребил Пендельфедера за плечо. – Доставайте ваше оружие!

Пендельфедер растерялся. Он сделал шаг назад, потом вперед, потоптался на месте и растерянно опустил руки. Эрми, не выдержав бездействия, сам дернул за застежку кобуры на боку полицейского и через секунду извлек из нее длинный круглый предмет, ничем не напоминающий пистолет. Он поднял его двумя пальцами в воздух и принялся изучать с глупым видом.

Пендельфедер покраснел и опустил глаза.

– Это призовой редис сорта «Восточный рубин», – виновато пояснил юный помощник полицейского, – Шеф собрал урожай на днях и носит лучший экземпляр с собой, чтобы не свистнули конкуренты накануне сельскохозяйственной выставки.

Максимилиан скрипнул зубами и вновь попросил:

– Ангренаж, отпустите Аннет. Уберите нож.

– Ладно, уберу, – неожиданно легко согласился Карл.

Он сделал молниеносный жест; нож исчез, и вместо него в руке механика появились его удивительные часы.

– До свидания, господа! – произнес Ангренаж язвительно. Ловко, большим пальцем нажал на кнопку сбоку и сильным движением

швырнул часы, а затем, потянув за собой Аннет, нырнул в укрытие за карусель.

Толпа ахнула, кто-то взвизгнул. В ту же секунду Максимилиан с непостижимым проворством метнулся вперед.

Наверное, он двигался очень быстро, но ей казалось, что все происходит как в замедленной съемке. Вот его лицо искажается яростью, вот он делает рывок... в последний миг изменяет направление движения, закрывая собой зевак.

Раздался резкий хлопок, звон стекла и пружин: часы взорвались в воздухе, разметав осколки и острейшие миниатюрные лезвия. Одно из них с комариным звоном впилося в обшивку карусели прямо перед глазами Аннет.

– А теперь побежали! – азартно сказал Ангренаж, как школьник во время игры в салочки.

Он потянул ее за собой, на ходу доставая нож. Аннет умудрилась вывернуть голову и увидеть потрясенные физиономии горожан и Максимилиана, опустившегося на одно колено, с белым как мел лицом. Его правая щека и шея были алыми от крови; тяжелые капли срывались с плеча и падали на пыльную землю.

Глава 29 Часовая башня, часть 1

Ангренаж грубо дернул Аннет за плечо. Механик двигался на удивление прытко, продолжая твердой рукой удерживать нож у горла пленницы. От прикосновения холодного лезвия она вздрагивала и сжималась.

Площадь Роз пересекли в одно мгновение. Перепуганные горожане молча расступались. Здоровяк Эрми выпятил грудь колесом, свирепо свел брови, и шагнул было вперед, но остановился, когда Карл на ходу бросил весело:

— Не стоит, приятель. Ты же не хочешь, чтобы я сделал нашей милой барышне больно? То-то же.

Охваченная ужасом Аннет часто спотыкалась, и тогда Карл рывком ставил ее на ноги. Она не сопротивлялась. В голове панически метались мысли.

Что она наделала! Вздумала играть в детектив, устроила публичное разоблачение... глупая, глупая! Максимилиан! Что с Максимилианом? Что если Карл... убил его?

– Мне можно не опасаться твоего дара, верно? – проговорил Карл

ей в ухо, часто дыша. – Думаю, после фокусов в мастерской ты будешь не способна воспользоваться им сутки, а то и двое. Хотя в этом повезло! А ты талантливая девчонка. Я найду тебе хорошее применение, не сомневайся.

Он притащил ее к узкому переулку у задней стены ратуши и заставил нырнуть в кусты. Острые шипы больно царапнули ноги. Механик спрятал нож и сбросил плащ, нагнулся, не отпуская руки Аннет, нащупал в траве крышку люка и рывком поднял.

– Вниз, красotka! Пошла!

Она приготовилась завизжать, изо всех сил ударить негодяя локтем в нос и рвануть прочь, но он опередил ее: больно толкнул в спину и Аннет едва не рухнула в черный проем. В последний миг увидела ступени лесенки и, обдирая ладони о шершавые железные поручни, кое-как спустилась в царство плесени и сырости. Следом спрыгнул Карл и принялся задвигать тяжелую крышку.

Аннет огляделась, вздрагивая от холода. Тоннель уходил в черноту. Рискнуть? Да! Другого случая может не представиться...

Она затаила дыхание, шагнула раз, второй. Приготовилась нестись со всех ног, но тут ее больно схватили за волосы и потянули назад. Карл безжалостно запрокинул ей голову, так, что в шее что-то хрустнуло, и направил в глаза резкий луч фонаря.

— Еще раз вздумаешь улизнуть, дорогая, и я буду вынужден наказать тебя, — сказал он с сожалением. — Пожалуйста, води себя хорошо, не то вырежу на этих румяных щечках свои инициалы.

Ослепшая Аннет покорно кивнула. Карл крепко ухватил ее за локоть и повел по темным узким коридорам, где постоянно что-то капало, плюхало и шелестело. Пахло здесь отнюдь не розами.

– Канализация, — пояснил Карл. — Жакемаров лабиринт ниже. Туда мы не будем спускаться. Нам недалеко.

– Когда вы узнали про существование жакемаровых тайных ходов? — спросила Аннет тоненьким голоском. Надо отвлечь его внимание. Поддерживать разговор, быть любезной, не спорить.

— Всегда знал, — равнодушно ответил Карл. Он прислушивался к глухим крикам, доносящимся через отверстия стоков. Наверху шла погоня, но, судя по досадливым возгласам и отчаянной ругани, найти преступного механика и его пленницу горожане пока не могли.

– Секрет тайных ходов передавался по линии старшего наследника

Жакемара, от которого я веду свой род. Моим кузенам про них известно мало. Петру я показал некоторые ходы, но не все. Не хватало, чтобы идиот по пьяному делу проболтался кому не следует!

-- Петр был вашим сообщником?

-- Да какой из него сообщник! Иногда выполнял мелкие поручения. Как все провидцы, он считает себя философом. Дескать, все, что делается, делается не просто так, и вмешиваться в ход вещей без нужды не следует. Но после пары рюмок, бывает, отходит от своих принципов.

-- А Луиза?

-- Кузина неплохо мне помогла! -- похвастался Карл. Он сделался очень словоохотлив: не иначе, нервничал.

-- Видишь ли, требовалось умерить прыть городских кладоискателей. Жадные идиоты так стремились найти мастерскую, что ни о чем другом и думать не могли. Поэтому я пригласил лозоходца, чтобы он заглянул под землю и публично подтвердил, что никаких ходов под городом нет. Я придумал ловкий трюк! Велел Луизе перехитрить сенситива. Сначала наша ведьма отказывалась. Тогда я пригрозил, что расскажу всем про ее сомнанбулизм и талант глушителя. Она мне доверила свою тайну будучи подростком -- жалела, поди, потом. Так вот, в сумасшедший дом или тюрьму ей не хотелось, поэтому она ловко подавила дар лозоходца, как только тот вошел в транс. Простофиля ничего не заметил. Увидел только то, что я ему позволил. Точно так же мы рассчитывали обвести вокруг пальца лозоходцев Форса. Однако Форс настырный малый. С ним могли возникнуть трудности.

-- Значит, Луиза действовала с вами заодно...

-- Без особого удовольствия. Ох, как же было приятно укрощать эту злобную кобылу! Она боялась меня. Знала, на что я могу быть способен.

-- Кто еще был в курсе ваших... дел?

-- Наш алчный любитель поэзии Швиц. Пришлось показать ему потайной путь от гостиницы до лечебницы... ну, ты знаешь зачем. Швиц следил за тобой в Механисбурге. Дважды ты чуть не попалась ему в лабиринте, но каждый раз ускользала. Наконец, он забрался в твой номер через потайной ход. Но в лечебнице опять оплошал!

Карл больно ущипнул ее повыше локтя. Аннет ойкнула.

-- Негодяйка, ты одурачила его очень ловко! Даже не могу за это на тебя сердиться. Впрочем, тебе придется хорошенько постараться, чтобы

компенсировать все неудобства, что ты нам причинила.

– Хорошо, – покорно согласилась Аннет, опасаясь спорить с безумцем.

Он дернул ее за руку и потащил дальше.

– Куда делась ваша хромота? – не удержалась Аннет от вопроса. – И ваша осанка... вы надели механический корсет и протез?

Карл вынужден был на миг остановиться, потому что его скрутил припадок смеха. Отсмеявшись, он вытер потный лоб и, светясь самодовольством, сообщил:

–Нет-нет, милая, не надел, а снял! Представь себе, я здоров как королевский гвардеец. Да, родился калекой. В Механисбурге меня привыкли видеть таким. Но упорство и самодисциплина творят чудеса! Как и сенситивные таланты врачей и достижения традиционной медицины.

Карл принялся вдохновенно разглагольствовать.

– В юности я уехал в столицу учиться, там обратился к специалистам и вскоре ничем не отличался от обычных людей. Однако вскоре понял, что оставаться ущербным в глазах окружающих весьма выгодно. Легче манипулировать людьми. Порядочные и стыдливые чувствуют невольную вину перед калекой. Те же, кто лишены совести и готовы даже нищего и убогого надуть, зачастую этого самого калеку недооценивают. Думают, раз тело кривое, то и мозги слабоваты, а раз манеры безупречны, то и душа мягкая.

Поэтому я иногда ношу особый корсет, чтобы изменить форму спины, и продолжаю ходить с палкой и в туфлях с подкладками. Ух, сколько удачных сделок и махинаций я провернул благодаря своим мнимым увечьям! Даже зловещий вид играет мне на пользу. Дураки считают, что не следует судить по внешности, и что настоящий негодяй ни за что не захочет выглядеть, как классический опереточный злодей. Скорее, он примет облик добропорядочного банкира.

Костюм Черного человека я создал для маскарада. Не думал, что он мне когда-то потребуется для иных целей... я гений, не так ли?

– Вы гений, Карл, – подтвердила Аннет, мысленно скрипя зубами. – Куда мы идем?

– Уже пришли, – отозвался он, подводя девушку к вбитым в каменную стену скобам. Луч фонарика метнулся вверх и уперся в железный люк. Темный закуток наполняло странное уханье. Каменная

кладка едва заметно содрогалась. По поверхности луж на полу гуляла рябь.

– Сейчас ты увидишь очередной жакемаров шедевр. Работа над ним не прекращается уже два столетия. Наследники мастера, в том числе ваш покорный слуга, – Ангренаж шутливо наклонил голову и шаркнул ножкой, – беспрестанно вносили в это произведение механического искусства разные улучшения. Итак, – Карл театральным жестом нажал на рычаг в стене и люк отъехал в сторону, впустив в колодец столб золотистого света и гулкий шум. – Добро пожаловать в Часовую башню, дорогая!

Механик указал Аннет на железную лесенку и нетерпеливо помахал ладонью – наверх, наверх!

Пленница подчинилась. Из последних сил двигая ослабевшими руками и ногами вскарабкалась по лесенке, неуклюже перевалилась через край люка и встала на четвереньки.

Пол помещения, где она очутилась, был выложен блестящей шахматной плиткой. Солнечные лучи проникали сквозь витражные стекла и расцвечивали черно-белые квадраты сочными пятнами. Стоял монотонный гул, в котором угадывался определенный ритм.

Аннет кое-как поднялась на ноги, облизала пересохшие губы и поморгала, привыкая к яркому свету и шуму.

– Мы в главном зале Часовой башни! – громко пояснил Карл. Он ловко выбрался из люка, задвинул крышку, вцепился Аннет в руку, больно вонзив в запястье ногти, и повел вперед.

Аннет была ошеломлена. Она попала внутрь невероятно сложного часового механизма. Его размеры вызывали головокружение. От производимого им шума вибрировала каждая косточка в теле.

Слева, справа, сверху беспрестанно двигались поршни. Вращались чудовищные шестерни, натягивались цепи. Потрескивали электрические батареи, щелкали пружины, хлопали клапаны. Медь и латунь празднично блестели в косых лучах.

У дальней стены с гулким уханьем ходил влево-вправо гигантский маятник; выше мелькали маятники поменьше.

Подле окошечек копошились куклы и автоматы. Они разыгрывали забавные сценки. Лишь несколько дней назад она любовалась ими в компании Максимилиана. Каждой сценкой управляли отдельные приводы: неумоимо вращались утыканные шпёнками

валики, десятки крошечных молоточков слаженно били по медным колокольчикам, вызывая прелестные мелодии.

– Башня называется Часовой, однако она совмещает много функций, – с гордостью разъяснял Карл, подводя Аннет к небольшой нише. – Отсюда подается механическая и электрическая энергия на многие городские сооружения. О, если бы только жители города знали, на что способна эта башня... они бы сильно удивились и не смогли спокойно спать в своих постельках.

– Почему?

– Минутку, – любезно попросил Ангренаж и открыл дверцу в стене. Там оказался чуланчик, в котором прятался телеграфный аппарат.

– Мне нужно отправить сообщение и кое-что забрать. Стой на месте и не испытывай судьбу! Полагаю, ты уже поняла, что со мной шутки плохи.

Карл быстро пробежался пальцами по клавишам, выстукивая текст. Подождал пару минут и удовлетворенно кивнул, когда небольшая лампочка на щите мигнула несколько раз. Выдвинул потайной ящичек, забрал из него толстый бумажник, пачку документов и пистолет. Рассовал по карманам, захлопнул дверцу и повернулся к Аннет.

– Готово. Скоро скажем милому Механисбургу «до свидания». На чем я остановился? Ах, да, башня, – Карл задумчиво почесал подбородок. Затем просиял и широким жестом обвел высокий зал.

– Мой прадед увлекался электричеством. Он изобрел и установил в башне молниеотвод и аккумуляторные батареи собственной конструкции. Наверное, ты видела, как замечательно иллюминируется башня во время грозы? Это все чепуха, развлечение для тупоголовых туристов. На крыше есть щит управления и разрядник. Стоит повернуть пару рычажков, тысячи молний поразят город и его жителей. Испепелят их, превратят их дома в угли!

– Зачем ваш прадед придумал такое? – ужаснулась Аннет.

Карл сладострастно улыбнулся.

– Не представляешь, какое это восхитительное, острейшее чувство – знать, что ты держишь кончиками пальцев жизни сотен людей, как мифический бог-громовержец.

– Этого мне никогда не понять.

– Разумеется, нет. Ты лишь глупая, ограниченная мешанка, хоть и разыгрываешь из себя передовую барышню, – с удовольствием сказал

Карл и неприятно засмеялся. – Уверен, так думаю не только я, но и твой кривоносый антиквар. Я, по крайней мере, говорю правду, а не лью мед в уши, чтобы добиться благосклонности. Ай-я-яй, как ты могла предпочесть этого громилу! Но ничего, у нас еще будет время узнать друг друга получше, – Карл дурашливо покачал головой и многозначительно подмигнул. Потом посерьезнел и внушительно поднял указательный палец.

– Продолжим. В башне припасено еще несколько сюрпризов. Глубоко под башней, вблизи подземных рек, установлена система водоотсечения. При должном навыке можно заставить воды озера подняться и хлынуть в город. Мне ничего не стоило проделать этот маленький трюк несколько дней назад. В тот раз я всего лишь направил поток на дорогу во Фрибур. Нужно было задержать вас в городе, сама понимаешь.

Карл пожал плечами, словно извиняясь. В действительности он испытывал глубокое удовольствие, рассказывая о своих проделках. Как и всякий прирожденный преступник, он был невероятно тщеславен. Аннет решила ему подыграть.

– Подвесная дорога тоже ваших рук дело?

– Само собой, – подтвердил Карл. – Я не мог выпустить тебя из города. В столице ты могла провести повторную экспертизу, увидеть то, что не следовало, и все испортить. Нужно было убрать тебя на месте, чтобы дура Ванесса Крон привела в фирму своего сговорчивого кузена.

Пассажиры пострадали случайно, но очень удачно. Я был бы рад, если бы Форс сломал себе шею! Да и бургомистр заодно. Ишь, чего выдумали: первый вознамерился копать в недрах города, а второй тайком продавать моих кукол! Впрочем, повремени они со своими махинациями хотя бы месяц, меня их планы нисколько бы не побеспокоили. Я собирался покинуть Механисбург навсегда. Уже прикупил себе отличную виллу на Фаракийских островах... но все еще лелеял надежду найти мастерскую Жакемара. Тянул до последнего, приводил в порядок дела, вел переговоры с посредниками... вот и поплатился.

Карл досадливо поморщился и бросил на Аннет полный упрека взгляд. Ее, и никого другого он винил в своем поражении!

– Ладно, хватит болтать, – вдруг спохватился он. – Теперь наверх! Мой сообщник получил весточку и скоро заберет нас.

Карл ухватил Аннет за руку и, как непослушную девчонку, поволок в угол зала. Пальцы механика были словно сделаны из железа.

Они поднялись по стальной лесенке и очутились на небольшой платформе на уровне второго этажа, из окошек которого можно было видеть площадь перед Часовой башней и толпы суетящихся горожан.

– Принесла их нелегкая! – воскликнул Карл. – Не иначе, Луиза догадалась и направила болванов сюда! Ладно, пускай идут. А мы поступим вот так...

Он пошарил рукой у основания спиральной лесенки. Заскрипели приводы, лесенка распалась на две узкие части, которые отъехали по специальным рельсам в стороны и ушли в проемы в стенах. Пути на крышу больше не существовало. Карл ударил пару раз каблуком по рычагу управления и выломал его.

– Пускай голубчики поболтаются внизу. Это их задержит. А мы идем наверх!

На крышу? Но как он собирается подняться на крышу, теперь, когда лестницы больше нет?

Долго раздумывать над этой загадкой ей не пришлось, потому что Ангренаж повел ее к краю платформы. Совсем рядом крутилось огромное зубчатое колесо. Аннет покосилось на него опасливо.

Карл положил руку ей на талию и притиснул к себе так, что хрустнули ребра. Аннет крепко сжала зубы, отвернулась и задержала дыхание. Механик разгорячился, и теперь от него несло потом и приторно-сладким запахом помады для волос.

– На счет три шагаем. Раз, два, три!

Не успела Аннет опомниться, как вместе с Карлом встала обеими ногами на грань зубца колеса. Колесо, вращаясь, повлекло их наверх.

Ледяная рука ужаса крепко сжала сердце Аннет.

Спустя миг Карл заставил ее перейти на зубец колеса поменьше, оттуда они перепрыгнули на гигантское дергающееся коромысло, пробежали по стальному хребту, миновали пружину, вскочили на плиту подвеса, снова на зубья колеса... Все вокруг двигалось, качалось и подпрыгивало. Того и гляди, нога заскользит на гладкой поверхности и угодит в зубцы!

Прямо над головой Аннет пролетела стальная полоса и едва не срезала ей волосы на макушке. Медный крюк зацепил край рукава и оторвал лоскут. Ей приходилось беспрестанно вертеть головой,

пригибаться, уклоняться и держать равновесие. Карл подобных трудностей не испытывал. Этот путь он проделывал явно не впервые.

Безумный подъем продолжался. Сознание Аннет странно раздвоилось; она словно наблюдала за собой со стороны.

Скрежет металла, уханье подвесов, шипение пара, безостановочно крутящиеся зубчатые колеса, и среди всего этого порхают хрупкие человеческие фигурки. Трепетная дева в руках опасного маньяка! Жаль, что нет публики, готовой ахать и восхищаться такой поразительной сцене.

Аннет старалась не думать, что произойдет, если она оступится или Ангренаж решит ослабить хватку.

– Страшно? – заботливо поинтересовался Карл, прочитав мысли Аннет у нее на лице. – Не бойся. Я знаю эти механизмы как свои пять пальцев. Я чувствую их, как биение своего сердца. Я повелеваю ими! – выкрикнул он азартно, и его тенор вознесся к самой крыше, заставив колокольчики в ближнем оконном проеме откликнуться тонким перезвоном. – Для этого мне не нужен талант репликатора. Смотри, разве это не восхитительно? Эти пружины, балансиры, анкеры двигаются, как в волшебном танце. Станцуем и мы! Позвольте вашу руку, прекрасная дама!

Он отвесил шутливый поклон, взял Аннет за локти и сильно дернул в сторону.

– Сюда! Бальная площадка ждет нас!

Чтобы не упасть, Аннет была вынуждена шагнуть вслед за Карлом на плоско установленное зубчатое колесо невероятных размеров. Оно медленно вращалось и приводило в движение другое, вертикально установленное колесо.

Карл одной рукой обвил талию Аннет, второй рукой перехватил ее кисть и заставил обнять себя за шею. Приблизил рот к ее уху и промурлыкал:

– Вы прелестны, милая госпожа!

А затем не торопясь провел по щеке языком, от подбородка до виска. Аннет не сдержала дрожи отвращения, но безумца это лишь позабавило. Он издал сдвленный смешок, дернул ее в сторону и повел в танце, как галантный кавалер. Он крутил ее, перехватывал и

выделывал пируэты. Подбитые каблуки позвякивали по металлу, Аннет следовала движениям партнера, мелко всхлипывая от ненависти.

– Раз, два, три, раз, два, три! – отсчитывал Ангренаж вслух, и ему вторили гулкие щелчки пружин и уханье маятника. А потом щелкнули стрелки, запустился механизм боя. Ударили молоточки, колокола разразились переливчатой трелью, игрушечные горнисты затрубили задорную мелодию.

– Разве это не великолепно, милая Аннет? Мы составили прекрасную танцевальную пару! – прокричал Карл, облизал губы и опять жарко задышал ей в лицо. Аннет невольно отшатнулась.

Тогда Карл сделал выпад и сильным движением откинул ее назад, заставив повиснуть у него на руке. Аннет против воли судорожно уцепилась за плечи механика; Карл склонился над ней, усмехаясь такой зловещей улыбкой, что каждому стало бы не по себе. Его зрачки превратились в булабочные головки, лицо от напряжения налилось кровью как у плотно отобедавшего вампира.

Они замерли на самом краю, внизу была пропасть, полная кровожадных, острейших, беспрестанно движущихся зубцов. Стоит Карлу разжать руки, и его партнерша рухнет в ненасытную медную пасть.

Аннет подняла глаза и чуть не завизжала. Сверху стремительно летел один из многочисленных маятников с круглой медной линзой. Ее края были острыми как нож гильотины. Секунда – и она пройдет точнохонько по черепу склонившегося над ней безумца!

На меди ослепительно блеснуло солнце, Аннет зажмурилась до огненных кругов под веками, и тут ее дернуло так, что клацнули зубы. Механик резко выпрямился, изящно склонил голову; ветер от просвистевшей мимо линзы всколыхнул его волосы.

Аннет запоздало вскрикнула. Карл недобро захихикал и отпустил ее.

– Я знаю движения всех деталей до секунды! – провозгласил, он довольный произведенным впечатлением. – Но довольно развлечений. Время не ждет!

С этими словами он заставил ее ступить на наклонно натянутую широкую ленту, похожую на конвейер, оттуда перейти на стальную балку, затем перепрыгнуть на зубец чудовищной шестерни, который поднял их к небольшому люку в потолке.

– Мы на месте! – сообщил Карл и непринужденно шагнул наружу, потянув за собой Аннет. Они оказались на крыше Часовой башни, на обнесенной хлипким ограждением площадке, высоко над городом механических диковин. Над головой раскинулось лазурное небо, трепетали полотнища флагов. Флюгер в виде волшебного петушка весело поскрипывал.

Как с вершины горы, отсюда была видна ослепительно сверкающая на солнце гладь озера и игрушечные улочки города. Цветники горели подобно пятнам краски на холсте. Черепицы крыш походили на плитки шоколада.

По улочкам бежали люди. Они размахивали руками и кричали. Это встревожило Ангренажа. Он отпустил пленницу и прошелся туда-сюда вдоль ограждения. Приложил руки ко лбу козырьком и вгляделся в дальний конец города.

– Надеюсь, у болванов не достанет ума забраться сюда слишком рано, – произнес он и перевесился через ограждение.

Аннет понятия не имела, чего он ждет и зачем притащил ее сюда, рискуя жизнью. Пусть Ангренаж и повелевал механизмами, но те шестеренки, что крутились у него в голове, определенно дали сбой.

В этот момент Карл обернулся и послал ей фирменную зловещую улыбку. Аннет перепугалась, уцепилась обеими руками за флагшток и часто задышала. Неожиданно она осознала, что заперта на крошечном пяточке посреди неба. Некстати вспомнилось падение с борта дирижабля и чувство ледяной пустоты под ногами.

Карл принялся ходить вдоль ограждения, бормоча под нос. С каждой секундой его интонации становились все более угрожающими, а когда он принялся корчить страшные гримасы, запускать пальцы в волосы и выдирать клоки, Аннет совсем струхнула.

Надо его отвлечь, сообразила она. Сделать так, чтобы безумец успокоился и перестал ежесекундно поглядывать вниз. Помощь обязательно придет. Ее спасут.

Она вспомнила о том, что случилось с Максимилианом, и на секунду от тревоги перехватило дыхание. Нельзя думать об этом сейчас, иначе она совсем лишится самообладания.

Глава 30 Часовая башня, часть 2

Она кашлянула и слабым голосом окликнула механика по имени.

— Что? – раздраженно отозвался тот, перестав мерить площадку

шагами.

— Меня мучит любопытство, — Аннет постаралась сделать умоляющее лицо. — Пожалуйста, расскажите: какие из моих догадок оказались правдой? Вы избавились от Вальвазора потому, что он грозил вывести вас на чистую воду? Или по другой причине? Вы очень талантливый человек, Карл, и не только в механике. То, что вы проделали, было исключительно ... хитроумно.

Она не верила, что Карл купится на такую примитивную лесть, но трепетный девичий голос в сочетании с полным восхищения взглядом и помноженный на непомерное тщеславие механика отлично сработали.

Ангренаж присел на край ограды, положив ногу на ногу, обхватив сцепленными руками колено, и широко улыбнулся.

— А ты не такая уж простушка, как я посмотрю, — похвалил он ее снисходительно. — Вальвазора я знал еще со студенческих времен, когда учился в столице. Да, все верно: он помогал мне сбывать камешки и давал нужные результаты хронологических экспертиз поддельных вещей.

— Это серьезное преступление — использовать талант сенситива в нечистоплотных целях! — ужаснулась Аннет. — В Академии одаренных мы даем клятву — не использовать наш дар во вред обществу. За ее нарушение приговаривают к пожизненному заключению!

Карл расхохотался.

— Ты и вправду думаешь, что сенситивов это останавливает? Ты не представляешь, сколько преступников среди вашей братии! Газеты об этом писать не любят, и обыватели наивно считают, что вы, сенситивы, не таите для них никакой опасности. Однако даже целители и морфеоманты частенько применяют свой дар не так, как следует. Иллюзионисты — мастера наводить морок, странгуляторы-душители и пиромансеры-поджигатели высоко ценятся среди столичных гангстеров. Спроси у своего кривоногого дружка, если еще доведется с ним свидеться! Уверен, он среди них свой парень.

Аннет пробрала нервная дрожь.

— Так все-таки, почему вы убили Вальвазора? -- спросила она с усилием.

Карл сделал оскорбленную мину.

— Да не убивал я его! — он раздраженно стукнул кулаком по парапету. — Вальвазор приехал в Механисбург, чтобы снять

хронограмму с Лазурного поэта перед продажей. Куклу я уже выпотрошил, извлек камешки и заменил на фальшивые. Отдал Вальвазору его долю, а тот собирался подписать фальшивое заключение. Заодно мы решили повернуть еще одно интересное дельце. У Вальвазора был талант биогноста, помнишь? Он мог видеть создателя артефакта в определенные моменты. Мы надеялись с помощью его дара взломать ту комнату с дверями в лабиринте и найти вход в мастерскую. Никак она мне не поддавалась! Там тот же принцип, что и в автоматах: стоит допустить ошибку, использовать грубую силу – пиши пропало. Механизм будет испорчен окончательно и бесповоротно. Вальвазор мог увидеть Жакемара в момент монтажа ловушки. Был шанс, что удастся разгадать ее тайну.

И вот, мы спустились в лабиринт. Накануне мне пришла идея: проверить, нельзя ли использовать пчел для определения состава атмосферы под землей. Шахтеры используют канареек подобным образом. Насекомые тоже хорошо реагируют на некоторые опасные газы в воздухе. И случись же такому, что колба разбилась и пчела ужалила Вальвазора! Тот моментально распух и отдал концы. Аллергия на пчелиный яд, черт бы его подрал!

Не скажу, что плакал по нему. В последнее время старик стал несговорчив и требовал повысить его долю от сделок. Грозил разоблачением. Можно сказать, такой исход был мне на руку. Тело следовало перепрятать, да недосуг было.

Глаза Карла разгорелись. Можно было подумать, что эпизод гибели доктора относился к числу приятных воспоминаний. Аннет не знала, стоит ли верить Карлу. Вполне возможно, что механик все же расправился с доктором, а потом убедил себя в собственной невинности и теперь пытался убедить в этом слушательницу.

– У Вальвазора был ученик, кузен дуры Ванессы из вашей конторы, – продолжил Карл. – Он знал о незаконном хобби своего учителя. Ванесса трепетала перед Вальвазором и охотно пошла навстречу просьбе его давнего друга – меня. Я попросил ее устроить, чтобы на место хронолога взяли этого ее кузена, ученика Вальвазора. Тогда бы мы смогли и дальше вести наши прибыльные дела и натягивать фирме Молинаро нос. Но не вышло, не вышло! – Карл поцокал языком и нахмурился. – Молинаро-младший узнал об особом интересе Вальвазора к Лазурному поэту и что-то заподозрил. Решил сам

отправиться в Механисбург. И тебя прихватил с собой, будь он неладен! И тут я дал маху. Каюсь, после гибели Вальвазора я был слегка нервозен. Со мной сделалась сильная меланхолия. Я не был готов покинуть Механисбург. Прочие наследники настаивали продать Лазурного поэта. Противиться им я не стал, чтобы не вызвать подозрений. Нужно было потянуть время. Поэтому попросил Швица задержать тебя... ну или убрать, как получится. Дальше ты знаешь.

– Швиц не справился с задачей на дирижабле, и вы взяли дело в свои руки, – заключила Аннет. Было немного странно рассуждать о собственной вероятной смерти и готовящихся покушениях. – Но почему вы пытались убить меня такими необычными способами? Стрела механического купидона, Пильщик, Корабль-в-бутылке...

– Это хороший вопрос, моя дорогая! – Карл пришел в сильное возбуждение, прыгнул с парашюта, приблизился, встал рядом и посмотрел на нее жадным взором. – Ты не догадываешься? Что было общего между всеми этими случаями?

– Там были использованы куклы и изделия Жакемара, – ответила Аннет без запинки.

– А ты помнишь, о чем мы беседовали у меня дома? Когда ты так испугалась моей невинной шутки?

– Вы... хотели... принести меня в жертву... автоматам? – с трудом выговорила Аннет осознавая, что Карл не просто мошенник. Никаких сомнений: он полный псих!

– Не совсем так, – покачал головой Карл. – Я что, совсем чокнутый, по-твоему?

«Да!» – хотела сказать Аннет, но вовремя удержалась.

– Вся эта мистика и оккультизм – чушь собачья, – авторитетно объявил Карл. – Нет, дело в другом. Ты репликатор и должна понять. Куклы Жакемара были как живые. Создавая их, он изучал и воспроизводил в механической форме части человеческого организма. Тяги проектировал по подобию сухожилий, моторы по принципу сердца, шарниры по подобию суставов и так далее и тому подобное.

Как и у любого механизма, у человеческого тела есть энергетический дубликат... сенситивы-лекари и мистики называют его аурой. Но обойдемся без мистики, только наука, только факты!

Человеческий организм не более чем примитивный механизм. Знаешь, почему куклы Жакемара столь долговечны? Он питал их

человеческой энергией. Отдавал им эту самую ауру. Во времена Жакемара это называли колдовством – некромантией, переселением душ... А он всего лишь мечтал соединить энергетические копии своих изделий и людей. Отсюда любовь к посмертным маскам. У многих его кукол человеческие волосы и зубы. А глаза! Он писал, что сложнее всего было изготавливать глаза. Он отливал их из стекла, а в стекло добавлял пепел сожженных на жаровне человеческих глаз. Поэтому взгляд его автоматов столь выразителен! Хм..., – задумался Карл, – мой предок был бы счастлив заполучить гляделки твоего босса. Редкий экземпляр гетерохромии. Жакемару бы понравилось.

Аннет содрогнулась, но продолжала глубокомысленно кивать. Ей чудилось, что к шуму, доносящемуся из люка в потолке, примешиваются отзвуки голосов. Кто-то повторял их путь на крышу. Нельзя, чтобы Карл заметил. Беседа должна продолжаться.

– А причем здесь я? – поинтересовалась она тоненьким голоском.

– Энергетические реплики механизмов следует подпитывать, чтобы они оставались устойчивыми, – усмехнулся Карл. – Время от времени мои предки выполняли эту задачу, как могли. Несчастные случаи, потерявшиеся бродяги... ну, ты понимаешь.

Аннет не хотела понимать, но догадывалась, что он имеет в виду, и от догадок этих ей делалось совсем нехорошо. Леденели руки, и бешено колотилось сердце. Карл нес такой отборный бред, что мозги закипали. Следить за его логикой становилось все труднее.

– А тут – удача! Девушка-сенситив, которой следовало исчезнуть! Твоя смерть вблизи автоматов пошла бы им на пользу. Мой прощальный подарок детям Жакемара! Я был перед ними виноват. Не любил, не берег, не лелеял! И еще кое-что... – Карл глубоко вздохнул и мечтательно зажмурился. – Я актер по натуре. Как и ты, Аннет! Видишь, как много общего между нами! Но нет – я больше, чем актер! Я режиссер, каким и был мой предок. Я люблю ставить незабываемые представления, и не только на сцене театра «Мимезис». Признай, каждый подстроенный мной несчастный случай гарантировал тебе незабываемую, зрелищную гибель, которой аплодировали бы сотни, тысячи зрителей!

Аннет мелко покивала головой. В приюте для умалишенных твое место, а не на сцене, думала она. Как ей его перехитрить? Как уговорить отпустить?

– Знаешь, – вдруг смягчился Карл, – в глубине души я не желал твоей гибели. Ты пришлась мне по сердцу. Поэтому я невольно оставлял тебе лазейку, возможность уйти. И ты уходила – весьма хитроумно!

– Разумеется, когда я увидел, как ловко ты создала реплику лестницы в бутылке, и узнал о твоём втором таланте, решил сохранить тебе жизнь. Оставить тебя себе. О, твой второй дар – редкий подарок судьбы! – Карл закатил глаза и щёлкнул языком. – Он мог открыть мне путь в мастерскую Жакемара! Сокровища, несметные сокровища, а не какие-то жалкие камешки!

– Вы говорили, что мечтали заполучить чертежи Жакемара...

– Зачем они мне? Большинство чертежей он шифровал. Мне никогда не повторить успехов гениального предка. Я даже не мог пробраться во внутренний корпус его кукол. Только и получалось, что извлечь камешки из-под внешней оболочки. Золото лучше, чем бесполезная бумага. Итак, я попал в лабиринт и шел за вами.

– Как вы миновали ловушки?

– Вы любезно их обезвредили, а большинство дверей остались открытыми. В мастерской я, конечно, оплошал. Но все же – признаюсь – рад, что ты осталась жива. Применив дар, ты спаслась, но устроила катастрофу. Гибель мастерской – твоя вина, моя дорогая. Нельзя использовать дар репликатора столь небрежно. Энергетические копии предметов взаимосвязаны. Исправив один, ты невольно нарушила другой. Не зря репликаторы учатся долгие годы!

Слова Карла заставили Аннет призадуматься. Не исключено, что он был прав. Ей не довелось пройти специальное обучение, но она знала, что изменять энергетические реплики следует с крайней осторожностью. Вмешательство в законы физики может иметь непредсказуемые последствия. Но тогда у нее не было другого выхода...

– Итак, сокровища вам не достались, – заметила Аннет.

– Не беда! – махнул рукой Ангренаж. – Кое-что я прихватил. И у тебя на шее целое состояние.

Он коснулся пальцем изумрудного ожерелья и усмехнулся.

Затем встрепнулся и вгляделся в небесную даль.

– «Зяблик» поднялся в небо и скоро будет тут! – радостно объявил он.

Аннет проследила за его взглядом. Над городом плыла

продолговатая округлая туша. Весело крутились винты, подле тугого красного бока метались стайки птиц. Снизу доносились удивленные возгласы.

Аэростат! Тот самый, что она видела во дворе дома Ангренажа! Неведомый сообщник поднял его в небо и вел уверенной рукой к Часовой башне, чтобы забрать преступника и дать тому возможность сбежать.

Карл присвистнул от восторга.

– Уф, а я уж опасался, что идиот Швиц не справится с управлением. Всю ночь его натаскивал. Через несколько минут он причалит к башне, и мы отправимся во Фрибур, а оттуда – прямым ходом на побережье, пересечем пролив и здравствуй свобода! – сообщил Карл, продолжая следить за полетом аэростата. – Ты поедешь с нами. Не обессудь. Ручной репликатор и хронолог – роскошь, от которой я не могу отказаться. Да и в переговорах с полицией будет сподручнее... Ничего, не горюй! Я разрешу тебе поплакать денек-другой. Но не больше.

Гладкая туша стремительно приближалась. Она обогнула башню, готовясь зайти со стороны озера. На синей глади запрыгало красное пятно. Люди в лодках привстали и задрали головы.

В этот момент позади послышался шорох. Аннет обернулась и быстро зажала рот ладонями, чтобы удержать крик радости.

За край люка в крыше крепко ухватились две мужские руки. На правой недоставало половины мизинца! Через миг показалось лицо Максимилиана, изуродованное пятнами запекшейся крови. Его глаза были прищурены, на губах гулял свирепый оскал. Он бросил острый взгляд на Карла, заметил Аннет и быстро приложил палец к губам.

Аннет перепугалась. Стоит Карлу оглянуться, как он заметит Максимилиана. Теперь у него есть пистолет. Если безумец поймет, что его песенка спета, он не преминет пустить оружие в ход.

«Я актриса или нет? – лихорадочно подумала Аннет. – Пора сыграть так, чтобы даже самый дотошный зритель остался одурачен».

Задача будет не из легких!

Нужно представить, что она на съемочной площадке. Репетирует сцену с партнером. А ее партнер – сам Бело Лугоши, неповторимый исполнитель роли князя Владислава, повелителя вампиров!

Это игра, всего лишь игра. Все понарошку. Не страшно.

Она неслышным шагом приблизилась к Карлу и коснулась кончиками пальцев его подбородка, заставляя повернуть голову так, чтобы люк оставался вне поля зрения механика.

– Карл, – произнесла она с придыханием и сделала губы трубочкой как для поцелуя (фирменная гримаска неподражаемой Мэри Рикфорд!). – Я не буду плакать. Я поеду с тобой куда захочешь, хоть на край света!

Карл уставился на нее с легким подозрением. Тогда Аннет потеряла тяжелое ожерелье на груди, которое Максимилиан отдал ей в подземелье Жакемара. При этом она незаметно расстегнула верхние пуговицы блузки и томно повела плечиком. Карл блудливо стрельнул глазами и облизал губы. От отвращения Аннет чуть не плюнула ему в лицо, но вместо этого положила руку на потную шею мужчины и продолжила шептать с придыханием:

– Мне так жаль, что я повела себя как дурочка и спутала твои планы... Пойми, я была очень напугана. Это ты виноват, негодный! – она надула губки и легко шлепнула его по плечу.

Карл нахмурился.

– Тебе следовало с самого начала рассказать мне все, – лепетала она. – Я бы все поняла. Пожалуйста, распоряжайся моим даром, как захочешь. Я помогу тебе забрать все золото мира!

Она вздохнула и прикрыла глаза, сжимаясь от тревоги. Не переиграла ли? Ну не может быть мужчина таким самовлюбленным идиотом, чтобы не разгадать фальшь!

– Какая же ты все-таки дура, – произнес Карл удовлетворенно и больно ущипнул ее за щеку. – Тщеславная пустышка, как все бабы. Ничего, так даже лучше. Не отвлекай меня. Аэростат причаливает. Как только Швиц сбросит трап, поднимайся. И без фокусов!

Аннет сжала кулаки, сдерживая порыв оглянуться и бросить взгляд на люк. Стоит Швицу причалить, и все пропало! Максимилиан не справится с двумя вооруженными бандитами!

И в этот миг произошло то, чего Аннет никак не могла предугадать. Раздался хлопок, мгновенно сменившийся гулом. Полыхнуло ослепительное зарево, щеки ожгла горячая волна воздуха. Тугой бок аэростата съежился, почернел и опал. Повалили черные клубы дыма, взметнулись алые языки пламени. С берега истошно закричали.

Аэростат вильнул, качнулся и понесся вниз, к глади озера! Распахнулась дверца гондолы, внутри показалась темная фигура. Она

вытянула руки и ласточкой устремилась вниз. На озере вырос фонтан брызг, Швиц выскочил на поверхность, как поплавок, и широкими гребками устремился к берегу. Через миг остатки аэростата рухнули в воду.

– Черт побери! – закричал Карл и рванул себя за волосы. – Что случилось? Как? Кто?

Он повернулся и замер.

– Ты! – произнес он с такой яростной ненавистью, что Аннет захотелось упасть навзничь и сжаться в комок. – Чертов пиромансер!

Механик в мгновение ока выдрал из кармана пистолет, направил ствол на неподвижно стоящего подле люка Максимилиана и приготовился палить.

Максимилиан легко качнул головой и прикрыл глаза, как делают сенситивы перед тем, как войти в транс. Карл выронил пистолет, открыл рот и попытался сделать вдох. В горле у него сипело, грудь содрогалась. Затем он упал навзничь, скорчился и затих.

Аннет бросилась к Максимилиану; тот подхватил ее и пошатнулся.

– Вот, значит, твои другие два таланта, – прошептала она. – Девушки в конторе болтали правду, да? Ты пиромансер и странгулятор. Я ведь почти догадалась! Каждый раз, когда ты закуривал сигары или трубку, что-то казалось мне странным... теперь я поняла. Я не видела, чтобы ты пользовался спичками.

Максимилиан кивнул, улыбнулся и легко коснулся ее волос.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Со мной все хорошо.

Аннет спохватилась – он же ранен! – отстранилась, вгляделась в его лицо и охнула.

– А ты? Ты весь в крови!

Максимилиан поднес руку к голове и поморщился от боли.

– Немного посекло осколками часов Ангренажа. Кажется, я все же лишился правого уха. Ну и красавец же я теперь буду – смотреть тошно.

– Ничего, я тебя и таким люблю, – быстро сказала Аннет, чувствуя, как из глаз потекли слезы.

– Что? – резко переспросил Максимилиан, убирая руку от уха. – Что ты сказала?

Аннет почувдилось в его голосе раздражение.

– Я сказала, не ной, – криво улыбнулась Аннет и хлопнула носом.

– Тебе лишь срезало самый кончик мочки. Невелика беда, если только ты не думал носить серьги.

– Вот и вся забота о спасителе. Прелестно. Не быть тебе сестрой милосердия, – усмехнулся Максимилиан и подтолкнул ее в спину. – Идем.

Из люка повалили люди. Отдуваясь, выбрался толстяк Пендельфедер, за ним его помощник, следом появился незнакомый белобрысый мужчина в клетчатом костюме и чрезвычайно возбужденный Эрми. Стоило журналисту ступить на площадку, как он тут же вытащил свой блокнот и принялся строчить. Даже набросал рисунок – запечатлел, как Пендельфедер помогает Ангренажу сесть, одновременно защелкивая на его запястьях наручники. Механик хватал воздух широко открытым ртом, крутил головой и бросал дикие взгляды.

– Максимилиан! – позвал белобрысый. – Я приехал раньше, чем рассчитывал. Воспользовался авиеткой до Фрибура.

Заметил Аннет и представился:

– Агент Барт Биркентон, к вашим услугам.

Внешность у агента была невыразительная, но глаза смотрели остро, как у охотничьего пса в пылу погони.

– Барт, проследи, чтобы все было в порядке, – попросил Максимилиан. – Сними показания, привези комиссара из Фрибура. Я подключусь позднее. Сначала нужно доставить мою ассистентку в столицу. Наша деловая поездка несколько подзатянулась и оказалась куда утомительнее, чем я предполагал.

Глава 31 Возвращение в столицу

Люди все прибывали — поднимались по лестнице, которую кто-то, разобравшись с рычагами, сумел вернуть на место. Вскоре на крыше стало не протолкнуться.

К счастью, на героев недавних драматических событий внимания не обращали. Всех занимал преступный городской механик.

Ангренаж уже полностью пришел в себя. Он поднялся на ноги и держался горделиво, в точности как на сцене «Мимезиса» после представления. Нынче вместо аплодисментов в его адрес звучала брань, но это его, казалось, ничуть не печалило.

В ответ на гневные выкрики он многозначительно ухмылялся, а на вопросы Биркентона отвечал охотно, с бравадой.

Эрми, ни на минуту не забывая о профессиональном долге,

принялся умолять преступника об интервью. Без зазрения совести сулил золотые горы и невиданную славу. Ангренаж снисходительно согласился.

– Навестите меня в камере, господин Блаватски, там и поговорим, – сказал он и загадочно добавил, прищурившись: – Если не опоздаете застать меня в этом унылом месте. У меня нет в планах задерживаться в тюрьме надолго.

Затем Карл поднял голову, увидел Аннет, зловеще сверкнул глазами и послал ей воздушный поцелуй, поднеся ко рту скованные руки.

Аннет отвернулась. Ей было нехорошо.

Максимилиан подхватил ее под локоть и повел к люку.

Они кое-как спустились вниз и двинулись через площадь по направлению к гостинице. По дороге их атаковали любопытные горожане, задавали тысячи вопросов, ужасались и ахали. Самых настойчивых Максимилиану пришлось отталкивать плечом. У Аннет подгибались ноги, и кружилась голова. Сознание вновь раздваивалось. Время от времени ей казалось, что она смотрит на залитую солнцем площадь с высоты башни; взмывает как птица, а потом камнем летит вниз.

Путь преградила широкоплечая фигура, от которой шел резкий запах валерьянки. Аннет торопливо сглотнула и подняла глаза.

– Ну-ка, Молинаро, посторонитесь, — угрюмо произнесла Луиза, бесцеремонно подхватила Аннет за талию и повела, продолжая разговаривать с Максимилианом. — Я ей помогу, а вы уж сами как-нибудь. В обморок, поди, не свалитесь. Выше нос! Вы здоровый мужчина, а не нежная гимназистка. Кровь остановилась? Идти можете? Или позвать кого-нибудь?

— Спасибо, Луиза, – устало ответил Максимилиан, который вдруг сделался очень бледен. – Что-то я вымотался. Потерял хватку. Раны пустяковые, не беспокойтесь. Старею, видимо. Пора на пенсию.

Глядя на него, Аннет сильно распереживалась, но Максимилиан уже взял себя в руки и зашагал довольно бодро. С помощью Луизы они быстро добрались до гостиницы. Там библиотекарьша передала их в руки местного фельдшера, госпожи Клизмер. У этой суетливой пожилой дамы был сенситивный дар лекаря, но она предпочитала пользоваться больных по старинке.

Максимилиан уступил уговорам Аннет и Луизы и позволил госпоже Клизмер обработать его раны. Она вошла во вкус и соорудила ему на голове повязку, концы которой смешно свисали, как кроличьи уши. Максимилиан увидел себя в зеркало, чертыхнулся, сорвал бинт, наскоро залепил мочку пластырем и велел не тратить время на ерунду, а заняться девушкой.

Лекарша уложила Аннет в постель, сунула под спину пару грелок, заставила выпить ложку противного лекарства и строго-настрого запретила вставать до утра. Луиза вызвалась посидеть с ней, Аннет вежливо отказалась.

Когда библиотекарша поднялась и направилась в двери, Аннет подозвала ее и попросила:

— Загляните ко мне утром перед отъездом. И приведите с собой бургомистра, если получится. Есть одно дело... касательно наследия Жакемара.

Луиза кивнула, словно ждала такой просьбы.

В комнату вошел Максимилиан. Он умылся, переоделся и был готов действовать.

— Я ухожу, — предупредил озабоченным голосом. — Много дел. Прибыл комиссар из Фрибура. Хотел допросить тебя —я запретил. Госпожа Клизмер говорит, утром ты будешь молодцом. Спи спокойно. Позволь-ка, я помогу... я не морфеомант, но и эмпаты кое-на что годятся...

Он коснулся рукой ее виска, остро глянул в глаза. Веки Аннет набрякли, и она провалилась в сон без сновидений, как кукла, у которой кончился завод.

В столицу возвращались поездом.

Лекарша и Максимилиан не обманули, но и полностью их прогнозы не сбылись: утром Аннет проснулась отдохнувшей, однако бодрости прибавилось мало. Шатания по подземелью в мокрой одежде не прошли бесследно. Она подхватила простуду, несерьезную, но противную до невозможности. Бил озноб, из носа текло, от беспрестанного чихания гудело в голове.

Настроение окончательно испортилось из-за Максимилиана. Он вел себя отстраненно и даже сухо. Аннет постоянно казалось, что он сердится. Понятно, конечно, что причина не в ней: по пути во Фрибур на арендованной машине он беспрестанно сверялся с какими-то

записями, вел непонятные беседы с решившим проводить их Биркентоном, хмурился и говорил отрывисто.

На вокзале Максимилиан оставил Аннет в зале ожидания, а сам вместе с Биркентоном ушел на телеграф и пропадал там до отбытия поезда.

Это Аннет очень не понравилось. Кажется, Максимилиан ее избегает. Уж не потому ли, что она призналась ему в любви, тогда, на крыше Часовой башни? Думает, наверное, за что ему такая напасть!

Аннет сидела в кресле и чувствовала себя очень несчастной. Время, проведенное в Механисбурге, казалось сном. Она ужасно соскучилась по столичному шуму, веселому и неряшливому кварталу «Десять муз», по своей подруге Симоне и даже по сестре Марии и квартирной хозяйке, скаредной госпоже Файфел. А больше всего она соскучилась по своим чудесным блузкам и юбкам.

Вздыхнула и поплотнее закуталась в бесформенную вязаную кофту, которую ей одолжила Луиза Соннери вместе с мешковатым платьем. В нарядах библиотечарши Аннет выглядела как цирковая лилипутка, которой по ошибке выдали одежду великанши.

Скорей бы домой! Принять горячую ванну, выпить какао, переодеться в любимый халат с птичками на подоле и бантиком на спине! А потом зайти к Симоне, рассказать обо всем, что произошло, и попросить совета. Влюбчивая художница не раз страдала от разбитого сердца и, как никто другой, знала, как скорей залечить кровоточащие раны, оставленные невыносимыми мужчинами.

Колокол прозвонил отбытие.

Максимилиан и Аннет прошли к поезду, поднялись в вагон и встали в узком коридорчике, разглядывая в окно толчею на платформе. Оба хранили неловкое молчание.

– Вот и все, -- заговорил Максимилиан. – Конец приключениям. Наша деловая поездка оказалась насыщена драматическими событиями. Прости, что так получилось. Тебе пришлось многое пережить. Обещаю, фирма Молинаро компенсирует тебе все неудобства.

Он скупно улыбнулся.

– Ты не будешь скучать по Механисбургу, верно?

«Я буду скучать по времени, что мы провели вместе», – хотела сказать Аннет, но вместо этого вежливо улыбнулась и спросила:

– Что будет с Карлом, как ты думаешь?

Максимилиан пожал плечами.

– Суд. Но приговор вряд ли окажется суровым. Вину Ангренажа в гибели Вальвазора доказать сложно. За мошенничество и попытку похищения он получит небольшой срок. Жаль, Швиц сбежал. Агент Биркентон собирается выследить его и поймать.

– А Ванесса? Она была замешана во всех махинациях.

– Нет, о проделках Вальвазора она не знала. Очень была ему предана и считала, что действует в интересах фирмы. Я уже допросил ее по телефону. Ванесса плакала и призналась в том, что относилась ко мне с предубеждением. Вальвазору, его друзьям и ученикам она доверяла безоговорочно. Теперь Ванесса готова всячески искупить свою ошибку. Обещала заставить сотрудничать своего кузена – ученика Вальвазора, того, кто претендовал на твое место. Будет помогать агенту Биркентону разбираться в документах, которые подделывал доктор. Я даже увольнять ее не стал.

– А Луиза? Ей грозит наказание? Она ведь незарегистрированный глушитель и использовала свой дар нам во вред.

– Обойдется без наказания. Ее регистрируют и будут держать под наблюдением какое-то время.

– Мастерская Жакемара погибла, верно? Клад пропал. Город все же остался без средств.

– Форс уже ведет переговоры с инвесторами, чтобы начать осушение подземелья.

Они опять замолчали.

Подошел проводник и забрал билеты. Оказалось, что ехать придется в отдельных купе первого класса. Аннет отчего-то полагала, что Максимилиан захочет провести время в дороге рядом с ней, не расставаясь ни на миг, и ошиблась.

Ну и ладно. Даже к лучшему: гадкая простуда набирала обороты, ломило кости, голова стала легкой и горячей.

Аннет осторожно потрогала распухший нос. Теперь он размерами напоминал призовую свеклу Пендельфедера, и цветом, вероятно, тоже.

Нет, таким чудовищем на глаза Максимилиана показываться не следует. Аннет твердо решила, что будет сидеть в купе безвылазно, до самой столицы. Пускай Максимилиан хорошенько соскучится по ее обществу. Может, тогда он поймет, что...

Аннет оглушительно чихнула.

– У тебя опять нет платка? – поинтересовался Максимилиан рассеянно, думая о чем-то своем. – Вот, возьми мой. Велю проводнику принести тебе липового чая. Иди к себе и не открывай окна. Сквозняк тебе сейчас противопоказан.

С этими словами он ушел, а Аннет в одиночестве вошла в купе, уселась у окна и надулась.

Никаких сомнений – Максимилиан ее избегает! Не хочет ее видеть. После всего, что им довелось пережить! Это невыносимо. Одно дело, что она решила отказаться от его компании, но совсем другое, что он тоже это решил!

Поезд дернулся, вокзал поплыл, застучали колеса. Скоро Фрибур остался позади, а горный пейзаж сменился долинами. Погода испортилась. Солнце исчезло, небо затянули тучи. Но куда им до тех туч, что собрались на душе Аннет!

Следующие два дня оказались самыми скучными в ее жизни. Она сидела взаперти и читала газеты, которыми снабдил ее проводник. Максимилиан иногда заглядывал, чтобы поинтересоваться, как она себя чувствует. Получив вежливый ответ, отдавал шоколадку или коробку конфет и исчезал.

Проходя мимо его купе, Аннет видела в полуоткрытую дверь, что Максимилиан сидит, обложившись кипами бумаг, и увлеченно их изучает. Он был очень занят. На станциях отправлял посыльного на телеграф или сам выходил на вокзал, чтобы сделать телефонный звонок. В вагоне-ресторане приглашал за столик попутчиков – бизнесменов и богатых аристократов – и вел с ними долгие разговоры о биржевых котировках, аукционах антиквариата, охоте и горнолыжном спорте. Это был его мир и его привычная жизнь, в которую ей не было хода.

Аннет сидела за столом как приживалка, которую из милости пригласили разделить обед с хозяевами. Она не раз ловила на себе удивленные взгляды собеседников Максимилиана, и тогда горделиво задирала красный распухший нос и небрежно поправляла потрепанные манжеты на рукавах одолженного Луизой платья. Смотрите на здоровье, снобы несчастные, чтоб вам подавиться вашими рябчиками и ананасами в шампанском!

Ей казалось, что между ней и Максимилианом выросла ледяная стена, которая становилась тем выше, чем меньше миль оставалось до столицы.

Однажды Аннет столкнулась в коридоре с рассыльным, который от неожиданности выронил пачку телеграмм, переданных на станции для господина Молинаро. Аннет нагнулась, чтобы помочь собрать листочки серой бумаги. Взгляд выхватил текст: «Встретим вокзале тчк жду встречи нетерпением крепко целую». И подпись: «Твоя Сюзии».

Слова ударили в самое сердце. Она молча передала телеграмму обиженному рассыльному и ушла в купе.

Когда позднее к ней постучал Максимилиан, чтобы задать стандартный вопрос о самочувствии, она ответила резко и отвернулась к окну. Максимилиан будто ничего не заметил. Положил на столик пакет пастилы и посоветовал собираться: до конца долгого путешествия остался час.

Столица встретила отвратительной погодой. Моросил мелкий дождь, дул ледяной ветер и бросал холодные капли за шиворот.

Вслед за носильщиком Аннет и Максимилиан спустились на платформу. Максимилиан зорко всматривался в толпу. В длинном пальто из дорогой шерсти и котелке он выглядел очень внушительно и казался совсем чужим.

– Нас должны встретить, – сказал он, глядя в сторону. – Подожди немножко. Мы отвезем тебя домой. Несколько дней отдохни, а потом тебе нужно будет зайти в контору, решить некоторые дела. Много времени это не займет, и потом ты будешь свободна.

Отчаяние ударило Аннет в голову.

– Максимилиан, – она положила ладонь ему на рукав и умоляюще посмотрела в лицо. – Послушай... я должна тебе сказать, что... Ты не думай, что я...

– Максимилиан! – радостно закричал женский голос. – Прости, мы задержались! О, как же я соскучилась! Не видела тебя целую вечность. Болтают, ты опять попал в переделку, негодный!

Аннет отступила на шаг. Приблизилась парочка: высокий шатен с тонкими усиками, богато одетый и изысканно причесанный, и очень красивая дама в норковом манто. Блондинка, ну разумеется! С художавой спортивной фигурой и задорными темными глазами.

Мужчина кивнул, блондинка протянула Максимилиану руку для поцелуя, но в последний момент отдернула, засмеялась и потрепала его по щеке. Затем прибывшие засыпали Максимилиана вопросами, перемежая их удивленными восклицаниями, а Аннет стояла в сторонке,

дрожа под порывами ветра. Лучше мне уйти, мрачно подумала она. Доберусь на трамвае, не впервой.

– Сюзет, Гастон, позвольте представить – госпожа Вик, бывший хронолог фирмы. Госпожа Вик, это брат и сестра Шиммеры. Мы давно не виделись. Они на днях вернулись из путешествия, и были так любезны, что, узнав о моем возвращении, решили встретиться.

– Ее нужно отвезти домой, я полагаю, – воскликнула дружелюбная Сюзет. – Душечка, вы же совсем промокли! И нос у вас красный. Ох, бедняжка! Максимилиан, ты болван. Разве можно так относиться к своим служащим, даже бывшим!

За рулем автомобиля был шофер, Гастон уселся на переднее сиденье, а Аннет пришлось ехать на заднем, прижавшись к дверце.

Сюзет расположилась посередине и продолжила болтать с Максимилианом об общих знакомых. Иногда перебрасывалась репликой-другой со своей угрюмой соседкой, чтобы та не чувствовала себя исключенной из разговора, и была при этом ужасно деликатной и вежливой.

Эх, с каким наслаждением Аннет показала бы ей язык! А еще лучше – взяться бы двумя пальцами за край шикарной шляпки этой милой дамочки и надвинуть на ее точеный носик.

– О, вы живете в квартале «Десять муз»! – воскликнула Сюзет удивленно, когда автомобиль пробирался по узким улочкам, пугая клаксоном спешащих на занятия студентов и гуляк, возвращавшихся домой после ночной попойки. – Много наслышана об этом месте.

– Здесь водятся отличные, веселые девчонки! – сказал Гастон и прищелкнул языком. – Актриски, художницы... ух, заводные!

– Гастон, безобразник! – рассердилась Сюзет. – Немедленно замолчи!

Затем обратилась к Аннет:

– Я очень уважаю людей искусства, – сказала она извиняющимся тоном. – Но иногда удивляюсь, как служители муз могут жить среди такой... такого... хммм... творческого беспорядка на улице! Наверное, вам тут приходится несладко. Шум, гам, кавардак!

Брызнув грязью из-под колес, автомобиль затормозил у доходного дома госпожи Файфел. Аннет, не дожидаясь, когда ей откроют дверцу, торопливо выскочила наружу, выхватила из рук шофера чемодан и рванула к крыльцу.

Сзади хлопнула дверца.

– Госпожа Вик! Аннет! Подожди!

Максимилиан догнал ее у самого входа.

– Подожди, – повторил он и коснулся ее плеча.

Аннет уронила чемодан на землю и выпрямилась.

– Что? – устало спросила она.

– Хотел поблагодарить тебя, – сказал он, серьезно глядя ей в глаза.

– И извиниться. Ты отлично показала себя в этой поездке. Настоящий профессионал.

– Вот как? – через силу улыбнулась Аннет. – Ни за что бы не подумала.

– Я очень ошибся в тебе, – он взял ее за руку. – Мне никогда раньше не доводилось встречать таких необыкновенных женщин. Таких стойких и жизнерадостных. Ты живешь в мире фантазий...

– Ты меня уже упрекал в этом, – вежливо заметила Аннет. – Не стоит повторять, я поняла твою точку зрения.

– ... но это хорошие фантазии. Правильные. Не отказывайся от них. Окружающим хочется им соответствовать. У тебя получится все, что ты задумала. Я уверен, ты найдешь единомышленников... и того, кто будет соответствовать твоим... высоким требованиям.

Аннет крепко сжала губы, чтобы не всхлипнуть, а затем через силу сказала.

– Спасибо и тебе... вам, господин Молинаро. Вы помогли мне увидеть себя иначе. Я это не забуду.

Она хотела наклониться, чтобы взять чемодан, но Максимилиан удержал ее за плечи.

– До свидания, Аннет, – сказал он, а затем наклонился и коснулся ее мокрой от дождя щеки легким поцелуем – обычный дружеский поцелуй, ничего особенного – но позади сразу рывкнул клаксон и послышался голос Сюжет:

– Максимилиан, едем скорее!

– Я провожу тебя до комнаты, – Максимилиан потянулся к чемодану, но Аннет торопливо воскликнула:

– Нет! Не надо!

И в ответ на его удивление нервно пояснила:

– Нечего тебе тут делать... в нашем творческом кавардаке. И твои друзья ждут.

И добавила, осознавая, что слова прозвучат обидно:

– За эти дни мы здорово устали друг от друга, пора отдохнуть.

Она боялась, что он будет настаивать, а она, если останется с ним наедине в своей комнате, не удержится – примется унижаться. Скажет или сделает непоправимую глупость. Например, снова признается в любви или бросится ему на шею, чтобы поцеловать... не так, как он это сделал минуту назад, по-настоящему!

– Хорошо, – помрачнел Максимилиан. – Не забудь зайти в контору. Я выпишу чек и оставлю у Ванессы. Ты не передумала? Не хочешь продолжать работу главным хронологом фирмы Молинаро?

Аннет покачала головой.

– Нет. У меня другой путь. На этот раз я не сверну. Прощай, Максимилиан.

Снова рывкнул клаксон, Аннет взяла чемодан и быстрым шагом поднялась на крыльцо.

Глава 32 Дядюшка Абеле

Она позволила себе страдать ровно два дня. Не выходила из дома, пила чай с малиновым вареньем, потом лежала в кровати, уставившись в потолок, а по ночам плакала в подушку.

На третий день встала ни свет ни заря, здоровехонькой. Впервые за десять лет сделала утреннюю гимнастику. Облилась ледяной водой, напугав соседку визгом. Пересчитала наличные, составила список неотложных дел. А затем с головой погрузилась в их осуществление.

Вместо запланированных трех недель управилась за десять дней. Аннет назначала встречи, вела переговоры, была постоянно занята, деятельна, оживлена. И при этом ей хотелось быть хоть капельку счастливее.

Через день после возвращения рассыльный принес записку от Ванессы. Помощница управляющего приглашала ее прийти в контору уладить дела, но Аннет приглашение проигнорировала: недосуг. И мужества не хватало. Она старалась не думать о Максимилиане и весьма в этом преуспела. Он даже по ночам ей не снился. Так уставала за день от беготни и деловых встреч, что засыпала как убитая, стоило зарыться в подушку.

На одиннадцатый день собралась с духом и спустилась к хозяйке, у которой имелся телефонный аппарат.

Набрала номер конторы и замерла в ожидании.

— «Раритеты Молинаро», — произнес в трубке тонкий голос Ванессы.

— Это Аннет. Аннет Вик.

Ванесса разразилась восклицаниями и всхлипами. Аннет поморщилась и отодвинула трубку от уха.

— так виновата перед тобой... не знала, что Вальвазор... хотела помочь... господин Молинаро понял, что..., — доносились бессвязные объяснения.

Излив душу, Ванесса смогла говорить внятно.

— Господин Молинаро справлялся о тебе. Оставил чек — двойное жалованье, как обещал, и премию! И подписал твоё заявление об увольнении. Я хотела передать с посыльным, но он велел, чтобы ты сама зашла в контору. Я собиралась телефонировать тебе...

— Зайду сегодня. Господин Молинаро в конторе? Мне не хочется с ним встречаться.

— Он должен отправиться в галерею после обеда, часа в три.

— Отлично.

Аннет повесила трубку и вздохнула. Ей предстояло испытание посложнее тех, с которыми ей пришлось иметь дело на этой неделе.

В конторе на Лилак-страда она появилась в три часа десять минут. «Максимилиан уже ушел, я с ним не встречу», — строго говорила она себе. Глупый голосок в голове возражал с надеждой: «Он мог задержаться, и тогда ты увидишь его. В последний раз. Ускорь шаг, пожалуйста! Не опоздай, не упusti шанс!»

— Аннет, милая Аннет! — всплеснула руками Ванесса, торопливо обняла ее и всхлипнула в ухо. — Как же я рада тебя видеть! Мы ужасно по тебе соскучились... я читала о тебе в газетах! Такой успех, такая удача! Поразительная настойчивость! Подумать только, сама Клара Перкин...ты должна нам все рассказать!

Аннет торопливо отцепила от себя ее руки, опасаясь новой волны излияний и покаянных признаний.

— Потом, потом!

Узнав о ее появлении, в приемную заходили машинистки, конторщицы, фотографы и рассыльные. Благообразный специалист по бронзе поцеловал ей ручку, пощекотав пальцы бородкой, и приготовился внимать сплетням. Но Аннет на вопросы отвечать отказалась.

– Отдайте мой чек, и я пойду, -- нервно сказала она, озираясь, и замерла: в пыльном воздухе конторы витал знакомый аромат вишневого табака и гвоздичного одеколона.

Сердце забило так сильно, что она даже перестала слышать стрекотание пишущих машинок в соседнем кабинете.

– Господин Молинаро забрал чек и ждет тебя в кабинете, чтобы отдать лично, – сказала Ванесса.

– Он здесь? Не уехал в галерею?

– Отменил все дела, когда узнал, что ты собираешься зайти.

– Зачем ты ему сказала! – воскликнула Аннет, и в этот миг дверь кабинета распахнулось, вся кровь ударила Аннет в голову, а сердце, которое только что билось как сумасшедшее, замерло.

– Госпожа Вик, – медленно произнес Максимилиан. – Я уже заждался. Прошу, пройдите в кабинет. У нас осталось еще много нерешенных дел. Пора в них поставить точку.

В приемной воцарилась тишина. Провожаемая любопытными взглядами, Аннет зашла в кабинет, в котором последний раз была почти месяц назад. Тогда ее обуревали совсем иные чувства и мысли. О, если бы она только знала!

Максимилиан встал у стола, сцепив руки за спиной.

– Садись, – велел он.

Аннет опустилась на стул. Максимилиан какое-то время молчал. В его глазах сверкали разноцветные искорки, и от этого взгляда кожу покалывали тысячи иголок.

– Отлично выглядишь, – произнес он, наконец. – Хоть и непривычно. Строгая блузка, практичный серый жакет, длинная юбка... ты точно моя Аннет? Кто ты, прекрасная незнакомка?

Коротенькое слово «моя» заставило Аннет встрепенуться.

– Решила сменить стиль, – сказала она сдавленным голосом.

Как же она по нему соскучилась! Ей хотелось восторженно смотреть на него и лепетать глупости.

– Я собирался зайти к тебе сегодня. Надеялся, что ты уже отдохнула от моей компании и сможешь принять меня.

– Прости, если я тебя обидела, Максимилиан, – ответила Аннет, делая усилие, чтобы назвать его просто по имени. Он опять выглядел настоящим начальником: стоит у стола в своем кабинете, смотрит строго, а она сидит, сжавшись на неудобном стуле, и чувствует

потребность оправдываться. Но ведь не так давно она целовала его! Два коротких дня он принадлежал только ей. И он больше не ее босс, а... просто знакомый.

– Тогда я была не в себе. Очень устала и была раздражительной от простуды. Как поживает Сюзет? И Гастон? Я забыла их поблагодарить за то, что довезли меня до дома.

– Думаю, они живут хорошо, – ответил Максимилиан, расположился за столом и улыбнулся. – Не виделся с ними после того дня. Они друзья моей матери. Их живо интересуют дела моей семьи, но мы вовсе не закадычные приятели.

«Рада слышать», чуть не сказала Аннет.

– Спасибо за премию. Ты очень щедр, но не стоило. Я уже решила все свои финансовые проблемы.

– Прости за нескромный вопрос, но каким образом? Я знаю, что ты отдала то ожерелье Луизе, а твоя родня оставила тебя без гроша.

– Я попросила наследников продать ожерелье, чтобы возместить ущерб, который я нанесла городу. Они обещали отремонтировать площадь Роз. Увы, суммы наверняка не хватило, чтобы выкупить право аренды. Форс вряд ли отступится от своего.

– Уже отступился. Городу ничего не грозит.

– Как?! – Аннет подалась вперед. – Что ты сделал?

– Инвестировал часть свободных средств фирмы в развитие Механисбурга. У этого города есть неплохой потенциал, он будет интересен любителям диковин и антиквариата. Думаю открыть там музей и проводить выездные аукционы.

– Максимилиан, спасибо! Знаешь, несмотря на все, что пришлось там пережить, мне хочется вернуться в Механисбург.

«С тобой».

– И все же, как ты решила свои финансовые затруднения? И чем была занята? Я телефонировал твоей хозяйке, она сказала, что тебя нет дома целыми днями.

Максимилиан справлялся о ней! Забывчивая курица Файфел ей ничего не сказала!

– Ты записалась в театральную школу? Занятия уже начались? Скоро я увижу твое имя на афишах? Пришлешь контрамарку?

– Нет, – скромно ответила Аннет. – Никаких контрамарок ближайшие несколько лет. Буду посещать любительские актерские

курсы по вечерам, если останется время. По утрам у меня индивидуальные занятия с господином Мартисоном в Академии Одаренных. Он обещал устроить меня на практику в Инженерный корпус.

Максимилиан моргнул и откинулся на спинку. Аннет смаковала изумление, которое нарисовалось на его лице.

– Мартисон? Академик Анри Мартисон? Заместитель министра технологии, первый королевский репликатор? Ты решила стать репликатором? Как ты этого добилась?

– Все оказалось проще, чем я думала.

– Выкладывай со всеми подробностями.

– Я пошла к Эрми. Эрменеджильдо Блаватски, журналист, помнишь? Охотник за привидениями. Рассказала ему свою историю, и он загорелся. Написал и пристроил в разные газеты материал о том, как в наш просвещенный век ущемляют женщин-сенситивов. Ты разве не читал? Знатная была шумиха! Одни поливали меня грязью. Это было ужасно, но я не обращала внимания. Другие восхваляли и называли героиней. Это тоже было ужасно. Мне все время казалось, что я самозванка.

– Увы, я читаю только биржевые сводки, политические газеты и журнал «Исследователь-ориенталист». Но теперь велю Ванессе принести все подшивки.

– История заинтересовала Клару Перкин.

– О, помню. Мать всех суффражисток королевства?

– Именно. Представь мое удивление, когда она заявила ко мне в гости! В доходный дом госпожи Файфел! Клара оказалась очень милой. Сказала, что сделает меня символом новой кампании по поддержке женщин, которые хотят преуспеть в мужской профессии. Я пригласила ее на обед к родителям. К слову, когда сестра узнала, что мои сбережения пошли ей на приданое, учинила матери скандал. Ее жених пообещал, что будет меня всячески поддерживать во время учебы. Но мама запретила. Она собралась продать лавку, чтобы я ни в чем не нуждалась. Тут уже я воспротивилась. Доктор Мартисон обещал неплохую стипендию. Вместе с Кларой мы сходили в Академию Одаренных. Сначала доктор Мартисон слушать не хотел. Хохотал во все горло. Мы с Кларой надели на него с двух сторон. Приводили разумные доводы, стыдили, увещевали, и даже грозили. Потом он смиростивился,

согласился проверить мой дар, задал пару вопросов... в конце концов, чуть не плача умолял стать его ученицей.

Максимилиан смотрел на нее с таким восторгом, что Аннет раздулась от гордости. Он покачал головой, потер подбородок и медленно сказал:

– Мои поздравления, Аннет. Это потрясающие новости. Ты молодец.

– Все получилось только благодаря тебе, Максимилиан.

– При чем здесь я?

– Я решила последовать твоему совету. Не зарывать талант в землю. Не бояться поражений. Извлечь пользу из своего безрассудства. Перекроить сценарий жизни по своему усмотрению. И все получилось.

– Рад, что хоть немного оказался тебе полезен, – усмехнулся Максимилиан. – Но уверен: ты сама рано или поздно пришла бы к такому решению. Может, ты и никудышный хронолог, но очень талантливый репликатор. А храбростью превзошла всех генералов королевства.

Максимилиан поставил локти на стол, сцепил пальцы рук шалашиком и замолчал. Молчала и Аннет. Пауза затянулась, и Аннет опять упала духом. Она похвасталась, поделилась своими успехами. Он поражен, он рад за нее. И больше ничего ей сказать не собирается.

Он был любезен и обходителен, а ей хотелось, чтобы он принялся над ней подшучивать.

Он держался вежливо, а ей хотелось, чтобы он... подошел к ней, сжал ее лицо ладонями и поцеловал, и больше не говорил о ее успехах, а чтобы произнес совсем другие слова.

Максимилиан поглядывал на нее с интересом – словно ждал, что она сообщит ему еще что-то важное. Или ждал, когда она наконец уйдет, и он сможет заняться неотложными делами. Но сил уйти не было. Как можно расстаться навсегда, словно чужие люди?

Она сказала ему, что сама придет к мужчине, которого захочет видеть рядом с собой, и сама произнесет нужные слова. И как же, скажите на милость, ей это сделать? И что будет, если в ответ на эти самые слова он начнет смущаться, извиняться, и говорить, что он не тот, кто ей нужен, или «ты достойна лучшего» и «давай останемся просто друзьями»?

– Послушай, Максимилиан..., – начала она.

– Да? – отозвался он скучным голосом. Аннет сбилась и замолчала. Что делать? Как ей сказать, что она любит его? И нужно ли это говорить?

Вспоминалась всякая чепуха – подходящие кадры из фильмов, отрывки спектаклей...

Трепетная дева заламывает руки, закатывает глаза и бормочет о неразделимом союзе сердец. Ей становится дурно. Взмахнув фалдами фрака, герой срывается с места, прыскает на деву водой из графина (есть на столе Максимилиана графин? ...ага, вот он, подле пресс-папье), и когда герой наклоняется близко, чтобы расшнуровать корсет, алые уста сливаются, а через кадр звучат свадебные колокола.

Или вот: девица на дальнем фронтире залихватски сплевывает и заявляет загорелому погонщику скота в широкополой шляпе: «Ты мне по душе, приятель. Может, запряжем наших волов в одну телегу, а ночью вместе сходим на сеновал проверить, не забрались ли туда койоты?»

Да что за бред лезет в голову!

Максимилиан вежливо кашлянул.

– Мне пора, – промолвила Аннет и встала. – Еще раз спасибо, Максимилиан.

– Не за что.

Он тоже поднялся.

– Не забывай нас. Заходи в гости.

– Обязательно зайду. Если будет время, – пролепетала Аннет, отвернувшись и на негнущихся ногах пошла к двери.

Она пересекла лишь половину кабинета, когда Максимилиан вздохнул и произнес:

– Нет, ты неисправима.

Она повернулась и увидела, что Максимилиан вышел из-за стола и устался на нее сердитым взглядом. Затем заложил руки за спину, внушительно выпрямился и разразился речью.

– Я уверен, что будущее за такими женщинами, как ты, Аннет. Вы установите мир во всем мире, заберете себе мужские обязанности, профессии и в два счета обставите нас в любом состязании. Но одну обязанность вам передавать нельзя. Нельзя ждать, что вы сами будете нас добиваться. Если мы будем ждать, когда вы сделаете первый шаг, мир просто-напросто вымрет. Даже если вы станете самым сильным и

передовым полом, все равно будете выдумывать всякую ерунду, молча страдать и надеяться, что мы сумеем прочесть ваши мысли. Нет, главная роль и инициатива в развитии отношений должна оставаться за нами.

– Что ты такое говоришь? Я не понимаю, – пролепетала сбита с толку Аннет.

Максимилиан тяжело вздохнул и приблизился к ней. Затем аккуратно поддернул брючины и опустился на одно колено. Со страдальческим выражением на лице порылся во внутреннем кармане пиджака и извлек обтянутую бархатом коробочку. Откинул крышку, протянул Аннет и произнес:

– Госпожа Вик, надеюсь, вы окажете мне честь стать моей женой.

Аннет на миг забыла, как дышать.

Этого не может быть! Это розыгрыш. Или он всерьез? Она даже не думала о таком. Мечтала лишь оттянуть момент расставания. Провести вместе месяц, может год, а там как получится.

Она смотрела, как сверкает золотое колечко на алой подложке, и часто-часто моргала.

– Ты собираешься отвечать, или нет? Молчишь уже целую минуту. У меня затекли ноги.

– А зачем ты встал на колени? Это нелепо, – ответила Аннет растерянно.

У Максимилиана в ответ на это замечание дернулась щека, но он лишь терпеливо разъяснил:

– Я делаю тебе предложение. Ты должна сказать «да» или «нет». Так положено.

– Мне кажется, на колени нынче встают только в старомодных спектаклях.

– Ну, прости, – обиделся Максимилиан. – Мне неизвестно, как нынче модно.

– А как ты делал предложение первой жене?

– Могла бы и не вспоминать о ней в такую минуту. Но если тебе интересно, отвечу: предложение я делал в официальной обстановке, в присутствии ее родителей и нотариуса. Потом мы подписали брачный контракт. На колени, конечно, не вставал. Ты первая, перед кем мне хочется стоять на коленях.

– Узнаю эту реплику, – пробормотала Аннет. – Слова Рональдо из

«Влюбленного поэта». Акт второй, сцена третья. Ужасно слащавая пьеска.

– На тебя не угодишь. Так что, мне можно встать? По полу дует.

– Нет, нет, не смей подниматься. Раз такие правила, будем их соблюдать. Почему ты вдруг собрался жениться на мне, хотелось бы знать?

– Как почему? – удивился Максимилиан. – Чтобы провести с тобой жизнь, делить горе и радость и вместе встретить старость.

– Ты меня едва знаешь.

– Я тебя отлично знаю. Неделя нашей поездки была так насыщена событиями, что приравнивается к нескольким годам.

– Ты вел себя не очень красиво. Относился ко мне как к пустоголовой кокетке и хотел взять на содержание.

– Ничего подобного. Еще на дирижабле я внезапно понял, что в твоём присутствии мир становится... другим. Краски кажутся ярче, музыка – веселее, еда – вкуснее. И когда ты смотришь на меня, хочется совершать подвиги, быть добрее к детям и старушкам, и радоваться жизни без оглядки. И подумал: я не прочь жениться на тебе. В первый раз меня эта мысль позабавила, но она пришла во второй раз, и в третий... я перестал от нее отмахиваться и призадумался.

– Быть такого не может. Ты вечно подшучивал надо мной.

– А ты умело ставила меня на место. Скажу честно: рядом с тобой я превращался в неуверенного подростка, который хочет завоевать внимание понравившейся девушки и не знает, как это сделать. Со мной никогда такого раньше не было.

– Очень глупо.

– Ты разве не знаешь, что когда мужчина влюблен по уши, он ужасно глупеет? Ведет себя, как идиот. Верный признак, запомни.

Кожа на щеках Аннет налилась жаром, голова закружилась.

– У тебя на все ответ готов. Но нет, не верю. Ты сказал, что будешь помогать мне, пока мы будем вместе. Признайся, ты рассчитывал лишь на короткую интрижку. Не знаю, что сейчас на тебя нашло. Слушай, – встrepенулась она. – Ты случайно не пил вина? Вино заставляет тебя делать всякие глупости. Вспомнила: сегодня в соседнем ресторане проводят дегустацию фирменных марок! Ты заглянул туда утром, признайся!

– Не пил я никакого вина! – всерьез рассердился Максимилиан. – Я

провел утро в ювелирном магазине, выбирал тебе кольцо. Да, я сказал, что буду помогать тебе, пока мы будем вместе. Я имел ввиду – всю жизнь.

– Да как я могла это понять?!

– Полагаю, никак, – озадаченно сказал Максимилиан. – Говорю же, в твоём присутствии я глупею. Становлюсь косноязычен.

– Странно. Ты всегда выражал свои мысли предельно четко.

– Да я вообще не знал, как к тебе подступиться, такой гордой и независимой. Особенно после твоей тирады о том, что не желаешь встречаться со мной после возвращения в столицу. Ты меня напугала. Два дня по дороге домой я голову ломал, составлял стратегию. Решил не навязываться, а дать тебе самой разобраться в своих планах и желаниях. Дать подумать. Но недолго. А потом решил действовать, пока ты не ускользнула от меня навсегда в столичных джунглях... Слушай, позволь подняться. Спина затекла. Я уже не юноша, знаешь ли...

– Нет! Не вставай. Мне нравится смотреть на тебя сверху вниз.

– Ну хотя бы позволь сменить позу. Колени онемели.

Максимилиан, кряхтя, уселся на пол со скрещенными ногами на восточный манер, поставил локоть на колено и подпер подбородок рукой.

– Что еще ты хочешь узнать, прежде чем дашь ответ?

– Есть один важный вопрос.

– Давай, спрашивай. Не тяни. Я страдаю.

Польщенная Аннет открыла рот, но задать свой важный вопрос не успела. В приемной послышался шум голосов, топот ног, и трепетный голосок Ванессы произнес:

– Нет-нет, господин Молинаро, туда нельзя! Господин Молинаро-младший очень занят! У него важная встреча!

– Какая встреча может быть важнее встречи с главой фирмы! – раздраженно ответил мужской голос.

Дверь распахнулась, в кабинет ворвался пожилой господин. У него было хитрое морщинистое лицо, расчесанная на прямой пробор шевелюра сочного оттенка, что дает краска для волос «Черный каштан», и разноцветные глаза: один карий, другой зеленый.

Увидев развернувшуюся перед ним сцену, он присвистнул. За его плечом стремительно розовела Ванесса. Одновременно сунувшиеся в дверной проем эксперт по бронзе и машинистка многозначительно

переглянулись и плотно сжали губы, чтобы не захихикать.

– Что это за спектакль? – весело спросил бесцеремонный господин.

Аннет ожидала, что Максимилиан немедленно подскочит и примется суетливо извиняться – так поступил бы любой другой мужчина, которого застали в двусмысленном положении! – но он не шелохнулся, а лишь насупился и произнес:

– Добрый день, дядя. Прошу тебя удалиться. Госпожа Крон, уведите его и всех зевак. Я занят.

– Чем это ты занят в такой странной позе? – не отставал господин, нетерпеливо притопывая ногой в лакированном штиблете. – Да еще в присутствии столь милой девушки? Позвольте представиться – Абеле Молиаро, владелец фирмы «Раритеты Молиаро» и дядя этого неуклюжего юноши. Надеюсь, он вас не обидел? Максимилиан совершенно не умеет обращаться с женщинами.

Абеле Молиаро улыбнулся, показав ряд идеальных фарфоровых зубов.

– Я делаю госпоже Вик предложение руки и сердца, – ответил Максимилиан. – Дело идет к тому, что она собирается ответить мне отказом. Мне бы не хотелось испытать это унижение в присутствии посторонних. Закрой дверь и подожди в приемной, пока мы закончим.

– О, ты решил жениться второй раз! Отличный выбор. Я вижу в госпоже Вик стиль и благородство. Макси, детка, если она ответит отказом, то будет совершенно права. Предложение не делают, сидя на полу. В этой позе ты похож на бедуина-попрошайку на восточном базаре.

– Вон отсюда.

Максимилиан спокойно показал пальцем на дверь.

– Ладно-ладно! – дядюшка Абеле вскинул руки, – Не кипятись. Мы уходим. Я только хотел спросить, не забыл ли ты привезти мне гостинец из Механисбурга. Помнишь, я просил тебя? Особый горный мед... хехе... лечить старые суставы.

– Господин Молиаро, идемте! – прошипела Ванесса, схватила главу фирмы за локоть и с невероятной силой потащила назад. Дверь захлопнулась. Снаружи слышалась возня, мягкий стук и возмущенный шепот:

– Уберите глаз от скважины, господин Молиаро! Это недостойно!

– Да погоди ты! Сейчас и тебе дам глянуть!

Наконец, шум стих.

Аннет покосилась на дверь, потом перевела взгляд на угрюмого Максимилиана.

– Прости, – сказал он и опять встал на одно колено. – Мой дядя невыносим. Но он прав. Кажется, я действительно не умею обращаться с девушками. Я запланировал романтическую сцену, а она превратилась в фарс. Так что за важный вопрос ты хотела задать? Давай покончим с этим поскорее. Я уже понял, что испортил все, что мог.

– Забыла, что хотела спросить, – солгала Аннет и отвела взгляд. – Вставай. По полу действительно дует.

Максимилиан поднялся, сунул коробку с кольцом в карман пиджака, а потом шагнул к Аннет. Она и опомниться не успела, как он подхватил ее на руки и поцеловал.

– Я люблю тебя, – сказал Максимилиан и посадил ее на стол, а затем поцеловал еще раз, и еще. – Эти десять дней тянулись бесконечно. Я не мог работать, только и делал, что думал о тебе. Не явись ты сегодня в контору, вечером я бы начал осаду твоего дома в квартале «Десять муз».

Аннет зажмурилась и затихла в его объятьях. Она оцепенела от счастья.

Максимилиан медленно разжал руки.

– Прости. Кажется, я ошибся... знаешь, тогда, на крыше башни, после того, как я применил дар пиромансера, а потом странгулятора, у меня сильно гудело в ушах. Я был ранен, испереживался, истратил много сил, все было как в тумане. Мне показалось, будто ты сказала, что любишь меня. Потом я понял, что это был самообман. Галлюцинация. Я услышал то, что очень хотел услышать.

– Я действительно это сказала, Максимилиан. Это правда.

– Так что же, ты принимаешь мое предложение?

– Да. Пожалуйста, женись на мне. Думаю, ты меня достоин.

Аннет взяла его за лацканы пиджака обеими руками, притянула к себе и быстро поцеловала, но тут же отстранилась и строго заявила:

– Я совершенно не представляю нашу семейную жизнь. Все это очень... неожиданно. У нас так мало общего...

– Шутишь? Мы идеально дополняем друг друга. Понимаю твои колебания. Тебе придется нелегко. Мне заранее стыдно за своих

родственников. Им порой не хватает воспитания.

За дверью раздалось протестующее бормотание.

– Ладно, постараюсь отнестись к ним снисходительно. Но ты постоянно в разъездах, я буду занята учебой...

– По утрам я буду готовить тебе завтраки, а вечером кормить ужином. И давать с собой суп в термической фляге. На обед обязательно нужно есть что-то жидкое и горячее. В обмен на это тебе придется по вечерам выслушивать, как прошел день, всячески поддерживать в моих начинаниях и давать советы. Во многих вещах ты соображаешь куда лучше меня. Критиковать тоже можно, но тактично – я очень самолюбив.

– Да, заметила.

– Также не откажусь, если захочешь вечером размять мои усталые плечи.

– Непременно захочу. Я прекрасно умею делать расслабляющий массаж. Разочарован не будешь, обещаю.

– Что касается поездок... не скажу, что горю желанием ехать куда-то. Но если вдруг придется – думаю, ты не отпустишь меня одного. Отправишься вместе со мной искать в развалинах артефакты и сокровища. Что ж, буду только рад. Репликатор и хронолог в экспедиции на вес золота. Больше найденных сокровищ, больше прибыли на счетах фирмы Молинаро.

– Да ты по расчету женишься, не иначе!

– Не исключено.

Дверь со скрипом отворилась, в щель просунулась кислая физиономия дядюшки Абеле.

– Вы закончили ворковать, дети? Мои вставные зубы слиплись от патоки, что вытекает сквозь эту замочную скважину. Время не ждет! Я ведь пришел не только забрать свой гостинец, дорогой племянничек. Есть одно дельце... Куратор нашей галереи в Артистивилле утверждает, что портреты в залах взяли привычку самостоятельно меняться местами по ночам, а из хранилища со статуями порой доносятся странные звуки, как будто кто-то гремит цепями и стучит в литавры. При этом музейные крысы отчего-то разбежались, а коты шипят на пустые углы. Сотрудники увольняются, посетители жалуются, клиенты расторгают сделки. Ты не мог бы съездить и разобраться? Можно совместить со свадебным путешествием. Артистивилль – очень милый курортный

городок, в котором жил художник Донателло дель Анджело. Именно там, говорят, он спрятал свое полотно, на котором изобразил таинственного Похитителя отражений. Ходят слухи, что под этим прозвищем скрывался знаменитый мастер Жакемар...

– Нет, – ответил Максимилиан. – Обойдешься без меня.

– Звучит заманчиво. Мы подумаем, – пообещала Аннет.

КОНЕЦ